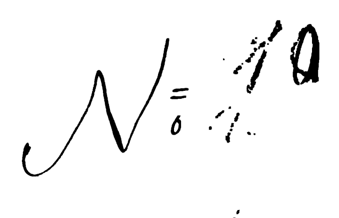

No 10

Н. Бор...

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ЧИНЕНІЙ

ССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1851.

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ I и II.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1851.

Цѣна за 10 томовъ 10 рубл. сер.

Всемилостивѣйшій Государь!

Съ благоговѣніемъ представляю Вашему Императорскому Величеству *плодъ усердныхъ, двѣнадцатилѣтнихъ трудовъ. Не хвалюся ревностію и постоянствомъ: ободренный* Вами, *могъ ли я не имѣть ихъ?*

Въ 1811 году, въ счастливѣйшія, незабвенныя минуты жизни моей, читалъ я Вамъ, *Государь, нѣкоторыя главы сей Исторіи — объ ужасахъ Батыева нашествія, о подвигѣ Героя, Димитрія Донскаго — въ то время, когда густая туча бѣдствій висѣла надъ Европою, угрожая и нашему любезному отечеству.* Вы *слушали съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ;*

сравнивали давно-минувшее съ настоящимъ, и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для Себя *еще славнѣйшія. Великодушное предчувствіе исполнилось: туча грянула надъ Россіею — но мы спасены, прославлены; врагъ истребленъ, Европа свободна, и глава* Александрова *сіяетъ въ лучезарномъ вѣнцѣ безсмертія. Государь! если счастіе* Вашего *добродѣтельнаго сердца равно* Вашей *славѣ, то* Вы *счастливѣе всѣхъ земнородныхъ.*

Новая эпоха наступила. Будущее извѣстно единому Богу; но мы, судя по вѣроятностямъ разума, ожидаемъ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССІИ.

мира твердаго, столь вожделѣннаго для народовъ и Вѣнценосцевъ, которые хотятъ властвовать для пользы людей, для успѣховъ нравственности, добродѣтели, Наукъ, Искусствъ гражданскихъ, благосостоянія государственнаго и частнаго. Побѣдою устранивъ препятствія въ семъ истинно Царскомъ дѣлѣ, даровавъ златую тишину намъ и Европѣ, чего Вы, *Государь, не совершите въ крѣпости мужества, въ теченіе жизни долговременной, обѣщаемой* Вамъ *и закономъ Природы и теплою молитвою подданныхъ!*

Бодрствуйте, Монархъ возлюбленный! Сердцевѣдецъ читаетъ мысли,

Исторія предаетъ дѣянія великодушныхъ Царей, и въ самое отдаленное потомство вселяетъ любовь къ ихъ священной памяти. Пріимите милостиво книгу, служащую тому доказательствомъ. Исторія народа принадлежитъ Царю.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Декабря 8
1815

вѣрноподданный
Николай Карамзинъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, Законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ Исторіи, и смотрятъ на ея листы какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

Но и простой гражданинъ долженъ читать Исторію. Она миритъ его съ несовершен-

ствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и Государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство, и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку, и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ Олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолвствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ Исторію: старецъ указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней Героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены Вѣрѣ и Дѣеписанію; омраченный густою сѣнію невѣжества народъ съ жадностію внималъ сказаніямъ Лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ,

влагая имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая Царства, и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая Исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить объ немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть Греки, Римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; но имя Рус-

ское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона. Всемірная Исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а Россійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной Державы: мысль цѣпенѣетъ; никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ Африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами Естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами; какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія, могли составить одну Дер-

жаву съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ, и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ Россія имѣетъ своихъ Дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостію и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему Географіи, Исторіи, и просвѣтилъ Божественною Вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями Христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Ѳукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не Русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: ибо Греція и Римъ были народными Державами и просвѣщеннѣе Россіи; однакожь смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей Исторіи любо-

пытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новагорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время Междоцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы *Храбрые*, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверскій, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій; Герой юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для Исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю Монарха, достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра — и между сими двумя Самодержцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ, достойный своего счастія и несчастія, странный лже-Димитрій, и за сонмомъ доблественныхъ патріотовъ, Бояръ и гражданъ, наставникъ трона, Первосвятитель Филаретъ съ Державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тмѣ нашихъ

государственныхъ бѣдствій, и Царь Алексій, мудрый отецъ Императора, коего назвала Великимъ Европа. Или вся Новая Исторія должна безмолвствовать, или Россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего Удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца: но Исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественныя горы и водопады, цвѣтущіе луга и долины; но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однакожь путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ; въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные.

Не будемъ суевѣрны въ нашемъ высокомъ понятіи о Дѣеписаніяхъ Древности. Если исключить изъ безсмертнаго творенія Өукидидова вымышленныя рѣчи, что останется? голый разсказъ о междоусобіи Греческихъ городовъ: толпы злодѣйствуютъ, рѣжутся за честь Аөинъ или Спарты, какъ у насъ за честь

Мономахова или Олегова Дому. Не много разности, если забудемъ, что сіи полу-тигры изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли Софокловы Трагедіи и статуи Фидіасовы. Глубокомысленный живописецъ Тацитъ всегда ли представляетъ намъ великое, разительное? Съ умиленіемъ смотримъ на Агриппину, несущую пепелъ Германика; съ жалостію на разсѣянныя въ лѣсу кости и доспѣхи Легіона Варова; съ ужасомъ на кровавый пиръ неистовыхъ Римлянъ, освѣщаемыхъ пламенемъ Капитолія; съ омерзѣніемъ на чудовище тиранства, пожирающее остатки Республиканскихъ добродѣтелей въ столицѣ міра: но скучныя тяжбы городовъ о правѣ имѣть жреца въ томъ или другомъ храмѣ и сухой Некрологъ Римскихъ чиновниковъ занимаютъ много листовъ въ Тацитѣ. Онъ завидовалъ Титу Ливію въ богатствѣ предмета; а Ливій, плавный, краснорѣчивый, иногда цѣлыя книги наполняетъ извѣстіями о сшибкахъ и разбояхъ, которые едва ли важнѣе Половецкихъ набѣговъ. — Однимъ словомъ, чтеніе всѣхъ Исторій требуетъ нѣкотораго терпѣнія, болѣе или менѣе награждаемаго удовольствіемъ.

Историкъ Россіи могъ бы конечно, сказавъ

нѣсколько словъ о происхожденіи ея главнаго народа, о составѣ Государства, представить важныя, достопамятнѣйшія черты древности въ искусной *картинѣ* и начать *обстоятельное* повѣствованіе съ Іоаннова времени, или съ XV вѣка, когда совершилось одно изъ величайшихъ государственныхъ твореній въ мірѣ: онъ написалъ бы легко 200 или 300 краснорѣчивыхъ, пріятныхъ страницъ, вмѣсто многихъ книгъ, трудныхъ для Автора, утомительныхъ для Читателя. Но сіи *обозрѣнія*, сіи *картины* не замѣняютъ лѣтописей, и кто читалъ единственно Робертсоново Введеніе въ Исторію Карла V, тотъ еще не имѣетъ основательнаго, истиннаго понятія о Европѣ среднихъ временъ. Мало, что умный человѣкъ, окинувъ глазами памятники вѣковъ, скажетъ намъ свои примѣчанія: мы должны сами видѣть дѣйствія и дѣйствующихъ: тогда знаемъ Исторію. Хвастливость авторскаго краснорѣчія и нѣга читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали, и своими бѣдствіями изготовили наше величіе: а мы не захотимъ и слушать о томъ, ни знать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ? Ино-

земцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней Исторіи; но добрые Россіяне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному?... Такъ я мыслилъ, и писалъ объ *Игоряхъ*, о *Всеволодахъ*, какъ *современникъ*, смотря на нихъ въ тусклое зеркало древней Лѣтописи съ неутомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ почтеніемъ; и если, вмѣсто *живыхъ*, *цѣлыхъ* образовъ, представлялъ единственно *тѣни*, *въ отрывкахъ*: то не моя вина: я не могъ дополнять Лѣтописи!

Есть *три* рода Исторіи: *первая* современная, напримѣръ Ѳукидидова, гдѣ очевидный свидѣтель говоритъ о происшествіяхъ; *вторая*, какъ Тацитова, основывается на свѣжихъ словесныхъ преданіяхъ въ близкое къ описываемымъ дѣйствіямъ время; *третья* извлекается только изъ памятниковъ, какъ наша до самаго XVIII вѣка (*). Въ *первой* и *второй*

(*) Только съ Петра Великаго начинаются для насъ словесныя преданія: мы слыхали отъ своихъ отцевъ и дѣдовъ объ немъ, о Екатеринѣ I,

блистаетъ умъ, воображеніе Д...сателя, который избираетъ любопытнѣйшее, ...титъ, украшаетъ, иногда *творитъ*, не боясь обличенія; скажетъ: *я такъ видѣлъ, такъ слышалъ* — и безмолвная Критика не мѣшаетъ Читателю наслаждаться прекрасными описаніями. *Третій* родъ есть самый ограниченный для таланта: не льзя прибавить ни одной черты къ извѣстному; не льзя вопрошать мертвыхъ; говоримъ, что предали намъ современники; молчимъ, если они умолчали — или справедливая Критика заградитъ уста легкомысленному Историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось отъ вѣковъ въ Лѣтописяхъ, въ Архивахъ. Древніе имѣли право вымышлять *рѣчи* согласно съ характеромъ людей, съ обстоятельствами: право неоцѣненное для истинныхъ дарованій, и Ливій, пользуясь имъ, обогатилъ свои книги силою ума, краснорѣчія, мудрыхъ наставленій. Но мы, вопреки мнѣнію Аббата Мабли, не можемъ нынѣ витійствовать въ Исторія. Новые успѣхи разума

Петрѣ II, Аннѣ, Елисаветѣ, многое, чего нѣтъ въ книгахъ.

дали намъ яснѣйшее понятіе о свойствѣ и цѣли ея; здравый вкусъ уставилъ неизмѣнныя правила и навсегда отлучилъ Дѣеписаніе отъ Поэмы, отъ цвѣтниковъ краснорѣчія, оставивъ въ удѣлъ первому быть вѣрнымъ зерцаломъ минувшаго, вѣрнымъ отзывомъ словъ, дѣйствительно сказанныхъ Героями вѣковъ. Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ Исторію, посвященную не славѣ Писателя, не удовольствію Читателей и даже не мудрости правоучительной, но только истинѣ, которая уже сама собою дѣлается источникомъ удовольствія и пользы. Какъ Естественная, такъ и Гражданская Исторія не терпитъ вымысловъ, изображая, что есть или было, а не что быть *могло*. Но Исторія, говорятъ, наполнена ложью: скажемъ лучше, что въ ней, какъ въ дѣлѣ человѣческомъ, бываетъ примѣсь лжи; однакожь характеръ истины всегда болѣе или менѣе сохраняется; и сего довольно для насъ, чтобы составить себѣ общее понятіе о людяхъ и дѣяніяхъ. Тѣмъ взыскательнѣе и строже Критика; тѣмъ непозволительнѣе Историку, для выгодъ его дарованія, обманывать добросовѣстныхъ Читателей, мыслить и говорить за Героевъ, которые

уже давно безмолвствуютъ въ могилахъ. Чтожь остается ему, прикованному, такъ сказать, къ сухимъ хартіямъ древности? порядокъ, ясность, сила, живопись. Онъ творитъ изъ даннаго вещества: не произведетъ золота изъ мѣди, но долженъ очистить и мѣдь; долженъ знать всего цѣну и свойство; открывать великое, гдѣ оно таится и малому не давать правъ великаго. Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы Искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя пріятнымъ для ума образомъ.

Доселѣ Древніе служатъ намъ образцами. Никто не превзошелъ Ливія въ красотѣ повѣствованія, Тацита въ силѣ: вотъ главное! Знаніе всѣхъ Правъ на свѣтѣ, ученость Нѣмецкая, остроуміе Вольтерово, ни самое глубокомысліе Макіавелево въ Историкѣ не замѣняютъ таланта изображать дѣйствія. Англичане славятся Юмомъ, Нѣмцы Іоанномъ Мюллеромъ, и справедливо (*): оба суть до-

(*) Говорю единственно о тѣхъ, которые писали цѣлую Исторію народовъ. Феррерасъ, Даніель, Масковъ, Далинъ, Маллетъ не равняются съ сими двумя Историками; но усердно хваля Мюллера (Историка Швейцаріи), знатоки не хва-

стойные совмѣстники Древнихъ, — не подражатели: ибо каждый вѣкъ, каждый народъ даетъ особенныя краски искусному Бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, какъ «писалъ бы онъ на твоемъ мѣстѣ!» есть правило Генія. Хотѣлъ ли Мюллеръ, часто вставляя въ разсказъ нравственныя *апофѳегмы*, уподобиться Тациту? не знаю; но сіе желаніе блистать умомъ, или казаться глубокомысленнымъ, едва ли не противно истинному вкусу. Историкъ разсуждаетъ только въ объясненіе дѣлъ, тамъ, гдѣ мысли его какъ бы дополняютъ описаніе. Замѣтимъ, что сіи апофѳегмы бываютъ для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ Исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствій и характеровъ. Искусное повѣствованіе есть *долгъ* Бытописателя, а хорошая отдѣльная мысль *даръ*: Читатель требуетъ перваго, и благодаритъ за второе, когда уже требованіе его исполнено. Не такъ ли думалъ и благоразумный Юмъ, иногда весьма плодовитый въ изъясненіи при-

---

лятъ его Вступленія, которое можно назвать Геологическою Поэмою.

чинъ, но до скупости умѣренный въ размышленіяхъ? Историкъ, коего мы назвали бы совершеннѣйшимъ изъ Новыхъ, если бы онъ не излишно *чуждался* Англіи, не излишно хвалился безпристрастіемъ, и тѣмъ не охладилъ своего изящнаго творенія! Въ Ѳукидидѣ видимъ всегда Аѳинскаго Грека, въ Ливіи всегда Римлянина, и плѣняемся ими, и вѣримъ имъ. Чувство: *мы, наше,* оживляетъ повѣствованіе — и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ Историкѣ: такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.

Обращаюсь къ труду моему. Не дозволяя себѣ никакого изобрѣтенія, я искалъ выраженій въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей; изображалъ не только бѣдствія и славу войны, но и все, что входитъ въ составъ гражданскаго бытія людей: успѣхи разума, искусства, обычаи, законы, промышленость; не боялся съ важностію говорить о томъ, что уважалось

предками; хотѣлъ, не измѣняя своему вѣк
безъ гордости и насмѣшекъ описывать вѣ
душевнаго младенчества, легковѣрія, басн
словія; хотѣлъ представить и характе
времени и характеръ Лѣтописцевъ: и
одно казалось мнѣ нужнымъ для друга
Чѣмъ менѣе находилъ я извѣстій, тѣ
болѣе дорожилъ и пользовался находим
ми; тѣмъ менѣе выбиралъ: ибо не б
ные, а богатые избираютъ. Надлежало и
не сказать ничего, или сказать все о т
комъ-то Князѣ, дабы онъ жилъ въ наш
памяти не однимъ сухимъ именемъ, но съ н
которою нравственною физіогноміею. Пр
лежно *истощая* матеріалы древнѣйшей Ро
сійской Исторіи, я ободрялъ себя мысл
что въ повѣствованіи о временахъ отдал
ныхъ есть какая-то неизъяснимая преле
для нашего воображенія: тамъ источни
Поэзіи! Взоръ нашъ, въ созерцаніи велика
пространства, не стремится ли обыкновенно
мимо всего близкаго, яснаго — къ концу
ризонта, гдѣ густѣютъ, меркнутъ тѣни и н
чинается непроницаемость?

Читатель замѣтитъ, что описываю дѣя
не врознь, по годамъ и днямъ, но *совокупл*

ихъ для удобнѣйшаго впечатлѣнія въ памяти, Историкъ не Лѣтописецъ: послѣдній смотритъ единственно на время, а первый на свойство и связь дѣяній: можетъ ошибиться въ распредѣленіи мѣстъ, но долженъ всему указать свое мѣсто.

Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ устрашаетъ меня самого. Счастливы Древніе: они не вѣдали сего мелочнаго труда, въ коемъ теряется половина времени, скучаетъ умъ, вянетъ воображеніе: тягостная жертва, приносимая *достовѣрности*, однакожь необходимая! Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены Критикою: то мнѣ оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть ихъ въ рукописяхъ, въ темнотѣ; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпѣніемъ. Въ волѣ Читателя заглядывать въ сію пеструю смѣсь, которая служитъ иногда свидѣтельствомъ, иногда объясненіемъ или дополненіемъ. Для охотниковъ все бываетъ любопытно: старое имя, слово; малѣйшая черта древности даетъ поводъ къ соображеніямъ. Съ XV вѣка уже менѣе выписываю: источники размножаются и дѣлаются яснѣе.

Мужъ ученый и славный, Шлецеръ, сказалъ, что наша Исторія имѣетъ пять главныхъ періодовъ; что Россія отъ 862 года до Святополка должна быть названа *раждающеюся* (Nascens), отъ Ярослава до Моголовъ *раздѣленною* (Divisa), отъ Батыя до Іоанна III *угнетенною* (Oppressa), отъ Іоанна до Петра Великаго *побѣдоносною* (Victrix), отъ Петра до Екатерины II *процвѣтающею*. Сія мысль кажется мнѣ болѣе остроумною, нежели основательною. 1) Вѣкъ Св. Владиміра былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не *рожденія*. 2) Государство *дѣлилось* и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянію и внѣшнимъ дѣйствіямъ Россіи надобно означать періоды, то можно ли смѣшать въ одинъ время Великаго Князя Димитрія Александровича и Донскаго, безмолвное рабство съ побѣдою и славою? 4) Вѣкъ Самозванцевъ ознаменованъ болѣе злосчастіемъ, нежели побѣдою. Гораздо лучше, истиннѣе, скромнѣе Исторія наша дѣлится на *Древнѣйшую* отъ Рюрика до Іоанна III, на *Среднюю* отъ Іоанна до Петра, и *Новую* отъ Петра до Александра. Система Удѣловъ была характеромъ *первой* эпохи, Единовластіе *второй*, измѣненіе граждан-

скихъ обычаевъ *третьей*. Впрочемъ, нѣтъ нужды ставить грани тамъ, гдѣ мѣста служатъ живымъ урочищемъ.

Съ охотою и ревностію посвятивъ двѣнадцать лѣтъ, и лучшее время моей жизни, на сочиненіе сихъ осьми или девяти Томовъ (*), могу по слабости желать хвалы и бояться охужденія; но смѣю сказать, что это для меня не главное. Одно славолюбіе не могло бы дать мнѣ твердости постоянной, долговременной, необходимой въ такомъ дѣлѣ, если бы не находилъ я истиннаго удовольствія въ самомъ трудѣ и не имѣлъ надежды быть полезнымъ, то есть, сдѣлать Россійскую Исторію извѣстнѣе для многихъ, даже и для строгихъ моихъ судей.

Благодаря всѣхъ, и живыхъ и мертвыхъ, коихъ умъ, знанія, таланты, искусство, служили мнѣ руководствомъ, поручаю себя снисходительности добрыхъ согражданъ. Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество;

(*) Томъ IX изданъ не прежде 1821 года. Въ послѣдствіи, какъ извѣстно, вышли еще, при жизни Исторіографа, въ 1824 году, томы X и XI, а по смерти его, въ 1829, томъ XII. *(Прим. издат.)*

желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!

Декабря 7, 1815.

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ

РОССІЙСКОЙ ИСТОРІИ

до XVII вѣка.

Сіи источники суть:

I) *Лѣтописи.* Несторъ, инокъ Монастыря Кіевопечерскаго, прозванный *отцемъ* Россійской Исторіи, жилъ въ XI вѣкѣ (*): одаренный умомъ любопытнымъ, слушалъ со вниманіемъ изустныя преданія древности, народныя историческія сказки; видѣлъ памятники, могилы Князей; бесѣдовалъ съ Вельможами, старцами Кіевскими, путешественниками, жителями иныхъ областей Россійскихъ; читалъ Византійскія Хроники, за-

(*) См. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 213. Въ разныхъ спискахъ Нестора *(Пушкинскомъ, Кенигсбергскомъ)* находятся слова: «къ нему жь (Ѳеодосію) и азъ пріидохъ «худый, и пріятъ мя, лѣтъ ми сущу *семнатцати* отъ «роженья моего.» Игуменъ Ѳеодосій скончался въ 1074 году: и такъ Лѣтописецъ нашъ родился около 1050 года. — Въ заглавіи *Хлѣбниковскаго* списка (см. ниже) поставлено имя Нестора: въ другихъ Авторъ названъ просто Черноризцемъ Ѳеодосіева монастыря Печерскаго. Житіе Нестора въ печатномъ Патерикѣ есть новѣйшее сочиненіе: его нѣтъ въ древнемъ рукописномъ (см. сей Исторіи Т. II, *примѣч.* 213).

писки церковныя (*), и сдѣлался *первымъ* Лѣтописцемъ нашего отечества (**). *Вторый*, именемъ Василій, жилъ также въ концѣ XI столѣтія: употребленный Владимірскимъ Княземъ Дави-

(*) См. сей *Исторіи* Т. II. примѣч. 64 и 213. Вѣроятно, что по запискамъ церковнымъ Несторъ означалъ *дни* преставленія нѣкоторыхъ древнихъ Князей.

(**) Мы должны упомянуть о *мнимомъ древнѣйшемъ Лѣтописцѣ* Іоакимѣ, первомъ Новогородскомъ Епископѣ, пріѣхавшемъ въ Россію съ Царевною Анною, супругою Св. Владиміра. Татищевъ разсказываетъ слѣдующее:

«Архимандритъ Мельхиседекъ доставилъ ему, какъ любителю древностей, три тетради, полученныя имъ отъ Монаха Веніамина и выписанныя изъ старой книги, съ которою Веніаминъ самъ ѣхалъ къ Татищеву, но умеръ дорогою. Въ тетрадяхъ написано, что Несторъ худо зналъ происшествія Новогородскія, гораздо лучше извѣстныя Іоакиму; что Славенъ, внукъ Іафеѳовъ, по сказанію сего Епископа, основалъ городъ Славянскъ въ Россіи; что послѣ господствовалъ тамъ Князь Вандалъ, коего родственниками были Князья Гардорикъ и Гунигаръ, завоеватели многихъ странъ; что сыновья Вандаловы назывались Изборъ, Столпосвятъ и Владиміръ, женатый на Адвиндѣ; что отъ Владиміра произошелъ Буривой, отецъ Гостомысла, который изгналъ Варяговъ изъ Россіи и построилъ Выборгъ; что Рюрикъ ему внукъ, Ольга Прекрасна также родственница; что Святославъ мучилъ Христіанъ; что Св. Владиміръ крестился не въ Херсонѣ, а въ Болгаріи; что его сыновья, Борисъ и Глѣбъ, родились отъ Царевны Анны, не *Греческой* (изъясняетъ Татищевъ), а *Болгарской*,» и проч. См. его *Росс. Исторіи* Т. I. стр. 29—51.

Сію *шутку* многіе приняли за истину и начали съ важностію говорить о *Лѣтописцѣ* Іоакимѣ. Но слова Татищева: *Веніаминъ Монахъ токмо для закрытія вымышленъ* (стр. 42), доказываютъ, что здѣсь дѣло идетъ о *вымыслахъ*. Басня о Князѣ *Словенѣ, Изборѣ*, и проч. давно

домъ въ переговорахъ съ несчастнымъ Василькомъ, описалъ намъ великодушіе послѣдняго и другія современныя дѣянія юго-западной Россіи (*). Всѣ иные Лѣтописцы остались для насъ *безъименными;* можно только угадывать, гдѣ и когда они жили: напримѣръ, одинъ въ Новѣгородѣ, Іерей посвященный Епископомъ Нифонтомъ въ 1144 году; другой въ Владимірѣ на

извѣстна (см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 70 и 91). Другія мнимыя Іоакимовы сказанія явно принадлежатъ къ той же категоріи. Слогъ ихъ есть новый. Іоакимъ въ X вѣкѣ могъ ли написать: *Святославъ имѣлъ три сына, имъ же тяко области раздѣли — Ярополкъ, извѣстяся о семъ, печаленъ бысть — побѣдиша не силою, ни храбростію, но предательствомъ — мы же* (Іоакимъ въ Новѣгородѣ) *ходихомъ по торжищемъ и улицамъ, и учахомъ; но гиблющимъ въ нечестіи слово Крестное явися безуміемъ и обманомъ*, и проч. Всего рѣшительнѣе слѣдующее замѣчаніе: доказано ли, что Анна, супруга Владимірова, была Греческая Царевна, родная сестра Императоровъ Василія и Константина? Безъ сомнѣнія: не только Несторъ, не только современные Нѣмецкіе, Арабскіе, но и Византійскіе Лѣтописцы единогласно то утверждаютъ. Какъ же Іоакимъ, пріѣхавшій съ Анною въ Россію, могъ считать ее Княжною Болгарскою? Видимъ причину сего вымысла: не знавъ, что Кедринъ и Зонара именуютъ Владиміра зятемъ своихъ Императоровъ; не знавъ Дитмара, ни Эль-Макина, Татищевъ сомнѣвался въ истинѣ Несторова повѣствованія и хотѣлъ исправить мнимую его ошибку, говоря: *сіе ко изъясненію древности и Несторова темнаго сказанія много служитъ, доколѣ полнѣйшая тѣхъ временъ Исторія сыскаться можетъ* (см. Татищ. *Росс. Исторіи* Т. I, стр. 51). Повторяю, что онъ не мыслилъ обманывать: это затѣйливая, хотя и неудачная догадка.

(*) См. Т. II, прим. 184.

Клязьмѣ при Всеволодѣ Великомъ; третій въ Кіевѣ, современникъ Рюрика II; четвертый въ Волыніи около 1290 года; пятый тогда же во Псковѣ (*) Къ сожалѣнію, они не сказывали всего, что бываетъ любопытно для потомства; но, къ счастію, не вымышляли, и достовѣрнѣйшіе изъ Лѣтописцевъ иноземныхъ согласны съ ними. — Сія почти непрерывная цѣпь Хроникъ идетъ до государствованія Алексія Михайловича (**). Нѣкоторыя донынѣ еще не изданы или напечатаны весьма неисправно (***). Я искалъ

(*) См. Т. II, примѣч. 288, Т. III, примѣч. 24, 36, 153, годъ 1198, и Т. IV, примѣч. 175. Подробный *Псковскій Лѣтописецъ*, донынѣ неизданный, начинается около 1303 года; а древнѣйшія въ немъ извѣстія взяты изъ Нестора и Новогородской лѣтописи. У меня были четыре списка сей важной Хроники: одинъ Архивскій Н. Н. Бантыша-Каменскаго, другой Архивскій А. Ѳ. Малиновскаго, третій Синодальный, четвертый Графа Ѳ. А. Толстаго. Первый изъ библіотеки Стольника Василья Никифоровича Собакина, коего отецъ въ 1648 году былъ Воеводою Псковскимъ; писанъ Дьячкомъ Андреемъ Козою, и доходитъ до 1650 года. Другіе три гораздо старѣе сего времени, и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя извѣстія.

(**) Два перерыва замѣтнѣе иныхъ: въ княженіе Василія Димитріевича и въ царствованіе Іоанна IV Грознаго: чему, какъ надобно думать, виною была смерть двухъ Московскихъ современныхъ Лѣтописцевъ.

(***) Напримѣръ, Несторъ по Кенигсбергскому списку. Исправнѣе всѣхъ напечатана Новогородская Лѣтопись въ Москвѣ съ харатейнаго Синодальнаго списка, а въ Петербургѣ съ бумажнаго стараго въ *Продолженіи Древней Рос. Вивліоѳики*. Вторый списокъ идетъ далѣе; въ немъ именуетъ себя *Попъ Иванъ*, безъ сомнѣнія не Авторъ, а

древнѣйшихъ списковъ: самые лучшіе Нестора и продолжателей его суть харатейные, *Пушкинскій* и *Троицкій*, XIV и XV вѣка (*). Достойны также замѣчанія *Ипатьевскій*, *Хлѣбниковскій*, *Кенигсбергскій*, *Ростовскій*, *Воскресенскій*, *Львовскій*, *Архивскій* (**). Въ каждомъ изъ нихъ есть

переписчикъ: ибо тутъ же въ харатейномъ Синодальномъ и тѣми же словами говоритъ о себѣ *Понамарь Тимоѳей*. — *Особенныя* сказанія сей лѣтописи начинаются со временъ Ярослава Великаго; предъидущее взято изъ Нестора. — Новогородскія извѣстія простираются въ краткой лѣтописи, отданной въ Архивъ Иностр. Коллегіи А. Ѳ. Малиновскимъ, до самаго 1570 года.

(*) Первый поднесенъ Императору Графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ; вторый найденъ мною въ библіотекѣ Троицкой Лавры, отданъ послѣ *Обществу Исторіи и Древностей*, и сгорѣлъ въ нашествіе Французовъ.

(**) Въ 1809 году, осматривая древнія рукописи покойнаго Петра Кирилловича Хлѣбникова, нашелъ я два сокровища въ одной книгѣ: *Лѣтопись Кіевскую*, извѣстную единственно Татищеву, и *Волынскую*, прежде никому неизвѣстную (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 175). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ досталъ *я* и другой списокъ ихъ: принадлежавъ нѣкогда Ипатьевскому монастырю, онъ скрывался въ библіотекѣ С. Петербургской Академіи Наукъ между Дефектами. Хлѣбниковскій списокъ долженъ быть XV или XVI, Ипатьевскій XIV вѣка: оба начинаются Несторомъ. — Списокъ *Кенигсбергскій*, *завоеванный* Россіянами въ 1760 году, не старѣе XVI вѣка. — *Ростовскій*, зарученный Св. Димитріемъ, содержитъ въ себѣ любопытныя прибавленія, писанъ въ XVII вѣкѣ, идетъ до временъ Петра Великаго, и хранится въ Архивѣ Иностр. Коллегіи. — Такъ называемый *Воскресенскій* (напечатанный) есть Софійскій Новогородскій списокъ Нестора и Продолжателей его; въ немъ не мало важныхъ

имѣютъ особенныя и дѣйствительно историческiе, внесенныя, какъ надобно думать, современниками, или по ихъ запискамъ. *Никоновская* болѣе всѣхъ искажена вставками безсмысленныхъ переписчиковъ, но въ XIV вѣкѣ сообщаетъ вѣроятныя дополнительныя извѣстiя о Тверскомъ Княженiи; далѣе уже сходствуетъ съ другими, уступая имъ однакожъ въ исправности, — на примѣръ, *Архивскому*.

древнихъ прибавленiй: о Старѣйшинѣ Гостомыслѣ, о Варягахъ Князьяхъ, о характерѣ первыхъ Князей (см. сей *Исторiи* Т. I примѣч. 71. 274. и Т. III. примѣч. 256.). — *Львовской*, изданной въ С. Петербургѣ 1792 г. въ V Томахъ подъ именемъ *Лѣтописца Русскаго*, замѣчателенъ нѣкоторыми особенными извѣстiями о государствованiи Iоанна III. — *Архивскимъ* въ библiотекѣ Архива Иностран. Коллегiи, называю я списокъ XVII вѣка, подобный *Никоновскому*, только исправный, отъ временъ Василiя Дмитрiевича до 1560 года. — Многiе и нынѣ думаютъ, что Патрiархъ Никонъ составлялъ *Никоновскую* лѣтопись: она только принадлежала ему, отдана имъ въ библiотеку Воскресенскаго монастыря и надписана его рукою: вотъ для чего назвали ее симъ именемъ. — Я говорю здѣсь о главныхъ, лучшихъ, по крайней мѣрѣ извѣстнѣйшихъ спискахъ: ихъ находится, можетъ быть, около тысячи въ Россiи, сверхъ многихъ сокращенiй, писанныхъ обыкновенно въ четвертку листа. Екатерина Великая, страстно любя нашу Исторiю, первая указала печатать лѣтописи. Издержали не мало денегъ, но не сдѣлали нужнѣйшаго: исправнаго ученаго *свода* лѣтописей. Какая нужда печатать одно въ двадцати книгахъ? Не благоразумнѣе ли взять за основанiе лучшiй, древнѣйшiй списокъ, и только означить важныя отмѣны, прибавленiя другихъ? Въ десяти большихъ томахъ мы помѣстили бы всѣ лѣтописи

II) *Степенная Книга* (*), сочиненная въ царствованіе Іоанна Грознаго по мысли и наставленію Митрополита Макарія. Она есть выборъ изъ лѣтописей съ нѣкоторыми прибавленіями, болѣе или менѣе достовѣрными, и названа симъ именемъ для того, что въ ней означены *степени* или поколѣнія Государей.

III) Такъ называемые *Хронографы*, или Всеобщая Исторія по Византійскимъ лѣтописямъ, со внесеніемъ и нашей, весьма краткой. Они любопытны съ XVII вѣка: тутъ уже много подробныхъ *современныхъ* извѣстій, которыхъ нѣтъ въ лѣтописяхъ (**).

IV) *Житія Святыхъ*, въ Патерикѣ, въ Прологахъ, въ Минеяхъ, въ особенныхъ рукописяхъ. Многія изъ сихъ Біографій сочинены въ

отъ XI до XVII вѣка, со включеніемъ и Новогородской, Псковской, Кіевской, Волынской. Имѣемъ еще *Лѣтописца Архангельскаго*, *Двинскаго*, *Нижегородскаго*, *Соловецкаго*, *Устюжскаго*, *Вятскаго*; послѣдніе два еще не изданы; каждый изъ нихъ содержитъ въ себѣ матеріалы для Историка.

(*) Татищевъ сказалъ несправедливо, что Митрополиты Кипріанъ и Макарій сочиняли ее: Авторъ именно говоритъ (въ печатн. стр. 76), что Макарій велѣлъ ему описать житіе Св. Владиміра, и проч. Кипріановыхъ сочиненій тамъ два: житіе Петра Митрополита и слово прощальное (см. стр. 538). — Многія *новѣйшія* сокращенія лѣтописей также расположены по *степенямъ Государей* до самаго Царя Алексія.

(**) Донынѣ еще не издано ни одного Хронографа; они разныхъ сочинителей, и тѣмъ любопытнѣе.

новѣйшія времена; нѣкоторыя однакожь, на примѣръ Св. Владиміра, Бориса и Глѣба, Ѳеодосія, находятся въ харатейныхъ Прологахъ; а Патерикѣ сочиненъ въ XIII вѣкѣ (*).

V) *Особенныя дѣеписанія:* на примѣръ, сказаніе о Довмонтѣ Псковскомъ, Александрѣ Невскомъ; современныя записки Курбскаго и Палицына; извѣстія о Псковской осадѣ въ 1581 году, о Митрополитѣ Филиппѣ, и проч.

VI) *Разряды*, или распредѣленіе Воеводъ и полковъ: начинаются со временъ Іоанна III. Сіи рукописныя книги не рѣдки.

VII) *Родословная Книга:* есть печатная; исправнѣйшая и полнѣйшая, писанная въ 1660 году, хранится въ Синодальной библіотекѣ.

VIII) Письменные *Каталоги Митрополитовъ и Епископовъ.* — Сіи два источника не весьма достовѣрны; надобно ихъ свѣрять съ лѣтописями.

IX) *Посланія Святителей* къ Князьямъ, Духовенству и мірянамъ; важнѣйшее изъ оныхъ есть Посланіе къ Шемякѣ; но и въ другихъ находится много достопамятнаго (**).

(*) Симономъ и Поликарпомъ (см. сей Исторіи Т. III, примѣч. 171). Списки Прологовъ имѣемъ XIV и XIII вѣка. Минея писана въ XVI, а исправлена въ XVII. Митрополитъ Макарій собиралъ для нея житія Россійскихъ Святыхъ, сокращенныя послѣ Св. Димитріемъ Ростовскимъ. Макаріева Минея хранится въ Синодальной библіотекѣ.

(**) Любопытны посланія древнихъ Митрополитовъ, Іоанна и Никифора, Епископа Нифонта, и многихъ Святителей

X) Древнія *монеты*, *медали*, *надписи* (*), *сказки*, *пѣсни*, *пословицы* : источникъ скудный, однакожь не совсѣмъ безполезный.

XI) *Грамоты*. Древнѣйшая изъ подлинныхъ писана около 1125 года (**). Архивскія Новогородскія грамоты и *Душевныя записи* Князей начинаются съ XIII вѣка; сей источникъ уже богатъ, но еще гораздо богатѣйшій есть

XII) Собраніе такъ называемыхъ *Статейныхъ Списковъ*, или Посольскихъ дѣлъ, и грамотъ въ Архивѣ Иностранной Коллегіи съ XV вѣка, когда и происшествія и способы для ихъ описанія даютъ Читателю право требовать уже бо́льшей удовлетворительности отъ Историка. — Къ сей нашей собственности присовокупляются

XIII) *Иностранныя современныя лѣтописи:* Византійскія, Скандинавскія, Нѣмецкія, Венгерскія, Польскія, вмѣстѣ съ извѣстіями путешественниковъ.

XIV) *Государственныя бумаги иностранныхъ*

XIII, XIV и XV вѣка, найденныя мною въ Патріаршей или Синодальной библіотекѣ.

(*) Къ сожалѣнію, на древнихъ гробахъ нѣтъ надписей, или онѣ вырѣзаны уже въ новѣйшія времена; за то въ харатейныхъ Евангеліяхъ, Апостолахъ и другихъ церковныхъ книгахъ встрѣчаются подписи историческія; напримѣръ: «писано при такомъ-то Князѣ, и въ такихъ-то «обстоятельствахъ Государства».

(**) См. сей Исторіи Т. II, примѣч. 256, и Т. IV, примѣч. 206.

Архивовъ: всего болѣе пользовался я выписками изъ Кенигсбергскаго (*).

Вотъ матеріалы Исторіи и предметъ Историческо Критики!

(*) См. сей Исторіи Т. III, примѣч. 112, и Т. IV, примѣч. 268 и 276.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ I.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.
ТОМЪ I.

ГЛАВА I.
О народахъ, издревле обитавшихъ въ Россіи. О Славянахъ вообще.

Древнія свѣдѣнія Грековъ о Россіи. Путешествіе Аргонавтовъ. Тавры и Киммеріане. Гипербореи. Поселенцы Греческіе. Ольвія, Пантикапея, Фанагорія, Танаисъ, Херсонъ. Скиѳы и другіе народы. Темный слухъ о земляхъ полунощныхъ. Описаніе Скиѳіи. Рѣки извѣстныя Грекамъ. Нравы Скиѳовъ: ихъ паденіе. Митридатъ, Геты, Сарматы, Алане, Готѳы, Венеды, Гунны, Анты, Угры и Болгары. Славяне: ихъ подвиги. Авары, Турки, Огоры. Разселеніе Славянъ. Паденіе Аваровъ. Болгарія. Дальнѣйшая судьба народовъ Славянскихъ.

Сія великая часть Европы и Азіи, именуемая нынѣ Россіею, въ умѣренныхъ ея климатахъ была искони обитаема, но дикими, во глубину невѣжества погруженными народами, которые не ознаменовали бытія своего никакими собственными историческими памятниками. Только въ повѣствованіяхъ Грековъ и Римлянъ сохра- Древнія свѣдѣнія о Россіи.

вились извѣстія о нашемъ древнемъ отечествѣ. Первые весьма рано открыли путь чрезъ Геллеспонтъ и Воспоръ Ѳракійскій

Путешествіе Аргонавтовъ.

въ Черное море, если вѣрить славному путешествію Аргонавтовъ въ Колхиду, воспѣтому будто бы самимъ Орфеемъ, участникомъ онаго, вѣковъ за XII до Рождества Христова [1]. Въ семъ любопытномъ стихотвореніи, основанномъ по крайней мѣрѣ на древнемъ преданіи, названы Кавказъ (славный баснословными муками несчастнаго Прометея), рѣка Фазисъ (нынѣ Ріонъ), Меотисское или Азовское море,

Тавры и Киммеріане.

Воспоръ, народъ Каспійскій, Тавры и Киммеріане, обитатели южной Россіи. Пѣвецъ Одиссеи также именуетъ послѣднихъ. «Есть народъ Киммерійскій (говоритъ онъ) и городъ Киммеріонъ, покрытый облаками и туманомъ: ибо солнце не озаряетъ сей печальной страны, гдѣ безпрестанно царствуетъ глубокая ночь [2].» Столь ложное понятіе еще имѣли современники Гомеровы о странахъ юго-восточной Европы: но басня о *мракахъ Киммерійскихъ* обратилась въ пословицу вѣковъ, и *Черное* море, какъ вѣроятно, получило отъ того свое названіе [3]. Цвѣтущее воображеніе Грековъ, любя пріятныя мечты, изобрѣло Гипербореевъ, людей совершенно добродѣтельныхъ, живущихъ далѣе на Сѣверъ отъ Понта Эвксин-

Гипербореи.

скаго, за горами Рифейскими, въ счастливомъ спокойствіи, въ странахъ мирныхъ и веселыхъ, гдѣ бури и страсти неизвѣстны; гдѣ смертные питаются сокомъ цвѣтовъ и росою, блаженствуютъ нѣсколько вѣковъ, и насытясь жизнію, бросаются въ волны морскія (4).

Поселенцы Греческіе. Ольвія.

Наконецъ сіе пріятное баснословіе уступило мѣсто дѣйствительнымъ историческимъ познаніямъ. Вѣковъ за пять или болѣе до Рождества Христова Греки завели селенія на берегахъ Черноморскихъ. Ольвія, въ 40 верстахъ отъ устья Днѣпровскаго, построена выходцами Милетскими еще въ славныя времена Мидійской Имперіи, называлась *счастливою* отъ своего богатства, и существовала до паденія Рима; въ благословенный вѣкъ Траяновъ образованные граждане ея любили читать Платона, и зная наизусть Иліаду, пѣли въ битвахъ стихи Гомеровы. Пантикапея и Фанагорія были столицами знаменитаго Царства Воспорскаго, основаннаго Азіатскими Греками въ окрестностяхъ Киммерійскаго Пролива. Городъ Танаисъ, гдѣ нынѣ Азовъ, принадлежалъ къ сему Царству; но Херсонъ Таврическій (коего начало неизвѣстно) хранилъ вольность свою до временъ Митридатовыхъ (5). Сіи пришельцы, имѣя торговлю и тѣсную связь съ своими единоземцами, сообщили имъ

Пантикапея и Фанагорія.

Танаисъ. Херсонъ.

вѣрныя географическія свѣдѣнія о Россіи южной, и Геродотъ, писавшій за 445 лѣтъ до Рождества Христова, предалъ намъ оныя въ своемъ любопытномъ твореніи.

Киммеріане, древнѣйшіе обитатели нынѣшнихъ Губерній Херсонской и Екатеринославской — вѣроятно, единоплеменные съ Германскими Цимбрами (6) — за 100 лѣтъ до временъ Кировыхъ были изгнаны изъ своего отечества Скиѳами или Сколотами, которые жили прежде въ восточныхъ окрестностяхъ моря Каспійскаго, но вытѣсненные оттуда Массагетами, перешли за Волгу, разорили послѣ великую часть южной Азіи и наконецъ утвердились между Истромъ и Танаисомъ (Дунаемъ и Дономъ), гдѣ сильный Царь Персидскій, Дарій, напрасно хотѣлъ отмстить имъ за опустошеніе Мидіи, и гдѣ, гоняясь за ними въ степяхъ обширныхъ, едва не погибло все его многочисленное войско (7). Скиѳы, называясь разными именами, вели жизнь кочевую, подобно Киргизамъ или Калмыкамъ; болѣе всего любили свободу; не знали никакихъ искуствъ, кромѣ одного: «вездѣ настигать непріятелей, и «вездѣ отъ нихъ скрываться» (8); однакожъ терпѣли Греческихъ поселенцевъ въ странѣ своей, заимствовали отъ нихъ первыя начала гражданскаго образованія, и Царь Скиѳскій построилъ себѣ въ Ольвіи

Скиѳы и другіе народы.

огромный домъ, украшенный рѣзными изображеніями сфинксовъ и грифовъ. — Каллипиды, смѣсь дикихъ Скиѳовъ и Грековъ, жили близъ Ольвіи къ Западу; Алазоны въ окрестностяхъ Гипаниса или Буга; такъ называемые *Скиѳы-земледѣльцы* далѣе къ Сѣверу, на обоихъ берегахъ Днѣпра. Сіи три народа уже сѣяли хлѣбъ, и торговали имъ. На лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ 14 дняхъ пути отъ его устья (вѣроятно, близъ Кіева), между *Скиѳами-земледѣльцами* и кочующими было ихъ Царское кладбище, священное для народа и неприступное для враговъ. Главная Орда, или *Царственная*, кочевала на Востокъ до самаго Азовскаго моря, Дона и Крыма, гдѣ жили Тавры, можетъ быть единоплеменники древнихъ Киммеріанъ: убивая иностранцевъ, они приносили ихъ въ жертву своей *богинѣ-дѣвицѣ*, τῆ Παρθένῳ, и мысъ Севастопольскій, гдѣ существовалъ храмъ ея, долго назывался Παρθένιον (9). Геродотъ пишетъ еще о многихъ другихъ народахъ *не-Скиѳскаго* племени: Агаѳирсахъ въ Седмиградской области или Трансильваніи, Неврахъ въ Польшѣ, Андрофагахъ и Меланхленахъ въ Россіи: жилища послѣднихъ находились въ 4000 стадіяхъ или въ 800 верстахъ отъ Чернаго моря къ Сѣверу, въ ближнемъ сосѣдствѣ съ Андрофагами; тѣ и другіе питались человѣческимъ мясомъ. Меланхлены назывались такъ отъ черной одежды своей. Невры «обращались ежегодно на нѣсколько мѣсяцевъ въ волковъ:» то есть, зимою покрывались волчьими кожами. — За До-

номъ, на степяхъ Астраханскихъ, обитали Сарматы или Савроматы; далѣе, среди густыхъ лѣсовъ, Будины, Гелоны (народъ Греческаго происхожденія, имѣвшій деревянную крѣпость), — Ирки [10], Ѳиссагеты (славные звѣроловствомъ), а на Востокъ отъ нихъ Скиѳскіе бѣглецы *Орды Царской*. Тутъ, по сказанію Геродота, начинались каменистыя горы (Уральскія) и страна Агриппеевъ, людей *плосконосыхъ* (вѣроятно, Калмыковъ). Доселѣ ходили обыкновенно торговые караваны изъ городовъ Черноморскихъ: слѣдственно мѣста были извѣстны, также и народы, которые говорили *семью* разными языками. О дальнѣйшихъ *полунощныхъ* земляхъ носился единственно темный слухъ. Агриппеи увѣряли, что за ними обитаютъ люди, которые спятъ въ году шесть мѣсяцевъ: чему не вѣрилъ Геродотъ, но что для насъ понятно: долговременныя ночи хладныхъ климатовъ, озаряемыя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ одними сѣверными сіяніями, служили основаніемъ сей молвы. — На Востокъ отъ Агриппеевъ (въ Великой Татаріи) жили Исседоны, которые сказывали, что не далеко отъ нихъ *грифы стерегутъ золото* [11]: сіи баснословные грифы кажутся отчасти историческою истиною, и заставляютъ думать, что драгоцѣнные рудники южной Сибири были издревле

Слухъ о земляхъ полунощныхъ.

знаемы. Сѣверъ вообще славился тогда своимъ богатствомъ или множествомъ золота. Упомянувъ о разныхъ Ордахъ, кочевавшихъ на Востокъ отъ моря Каспійскаго, Геродотъ пишетъ о главномъ народѣ нынѣшнихъ Киргизскихъ степей, сильныхъ Массагетахъ, побѣдившихъ Кира (12), и сказываетъ, что они, сходствуя одеждою и нравами съ племенами Скиѳскими, украшали *золотомъ* шлемы, поясы, конскіе приборы, и не зная желѣза, ни серебра, дѣлали палицы и копья изъ мѣди.

Что касается собственно до Скиѳіи Россійской, то сія земля, по извѣстію Геродота, была необозримою равниною, гладкою и безлѣсною; только между Тавридою и Днѣпровскимъ устьемъ находились лѣса. Онъ за чудо сказываетъ своимъ единоземцамъ, что зима продолжается тамъ 8 мѣсяцевъ, и воздухъ въ сіе время, по словамъ Скиѳовъ, бываетъ наполненъ летающими перьями, то есть, снѣгомъ; что море Азовское замерзаетъ, жители ѣздятъ на саняхъ чрезъ неподвижную глубину его, и даже конные сражаются на водѣ, густѣющей отъ холода; что громъ гремитъ и молнія блистаетъ у нихъ единственно лѣтомъ. — Кромѣ Днѣпра, Буга и Дона, вытекающаго изъ озера (13), сей Историкъ именуетъ еще рѣку Днѣстръ (Τύρης, при

Описаніе Скиѳіи.

Рѣки извѣстныя Грекамъ.

устьѣ коего жили Греки, называемые Тиритами), Прутъ (Πόρατα), Серетъ (Ὀρδησσὸς), и говоритъ, что Скиѳія вообще можетъ славиться большими судоходными рѣками; что Днѣпръ, изобильный рыбою, окруженный прекрасными лугами, уступаетъ въ величинѣ одному Нилу и Дунаю; что вода его отмѣнно чиста, пріятна для вкуса и здорова; что источникъ сей рѣки скрывается въ отдаленіи и не извѣстенъ Скиѳамъ. Такимъ образомъ Сѣверъ восточной Европы, огражденный пустынями и свирѣпостію варваровъ, которые на нихъ скитались, оставался еще землею таинственною для Исторіи. Хотя Скиѳы занимали единственно южныя страны нашего отечества; хотя Андрофаги, Меланхлены и прочіе народы сѣверные, какъ пишетъ самъ Геродотъ, были совсѣмъ инаго племени: но Греки назвали всю нынѣшнюю Азіатскую и Европейскую Россію, или всѣ полунощныя земли, Скиѳіею, такъ же, какъ они безъ разбора именовали полуденную часть міра Эѳіопіею, западную Кельтикою, восточную Индіею, ссылаясь на Историка Эфора, жившаго за 350 лѣтъ до Рождества Христова [14].

Нравы Скиѳовъ.

Не смотря на долговременное сообщеніе съ образованными Греками, Скиѳы еще гордились дикими нравами своихъ предковъ, и славный единоземецъ ихъ,

Философъ Анахарсисъ, ученикъ Солоновъ, напрасно хотѣвъ дать имъ законы Аѳинскіе, былъ жертвою сего несчастнаго опыта ([15]). Въ надеждѣ на свою храбрость и многочисленность, они не боялись никакого врага; пили кровь убитыхъ непріятелей, выдѣланную кожу ихъ употребляли вмѣсто одежды, а черепы вмѣсто сосудовъ, и въ образѣ меча покланялись богу войны, какъ главѣ другихъ мнимыхъ боговъ.

Могущество Скиѳовъ начало ослабѣвать со временъ Филиппа Македонскаго, который, по словамъ одного древняго Историка ([16]), одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду не превосходствомъ мужества, а хитростію воинскою, и не нашелъ въ станѣ у враговъ своихъ ни серебра, ни золота, но только женъ, дѣтей и старцевъ. Митридатъ Эвпаторъ, господствуя на южныхъ берегахъ Чернаго моря и завладѣвъ Воспорскимъ Царствомъ, утѣснилъ и Скиѳовъ ([17]): послѣднія ихъ силы были истощены въ жестокихъ его войнахъ съ Римомъ, коего орлы приближались тогда къ нынѣшнимъ Кавказскимъ странамъ Россіи. Геты, народъ Ѳракійскій, побѣжденный Александромъ Великимъ на Дунаѣ, но страшный для Рима во время Царя своего, Беребиста Храбраго, за нѣсколько лѣтъ до Рождества Христова отнялъ у

Ихъ паденіе.

Митридатъ.

Геты.

Скиѳовъ всю землю между Истромъ и Борисѳеномъ, т. е. Дунаемъ и Днѣпромъ (18).
Сарматы. Наконецъ Сарматы, обитавшіе въ Азіи близъ Дона, вступили въ Скиѳію, и, по извѣстію Діодора Сицилійскаго, истребили ся жителей или присоединили къ своему народу, такъ, что *особенное бытіе* Скиѳовъ изсчезло для Исторіи; осталось только ихъ славное имя, коимъ несвѣдущіе Греки и Римляне долго еще называли всѣ народы мало извѣстные и живущіе въ странахъ отдаленныхъ (19).

Сарматы (или Савроматы Геродотовы) дѣлаются знамениты въ началѣ Христіанскаго лѣтосчисленія, когда Римляне, занявъ Ѳракію и страны Дунайскія своими Легіонами, пріобрѣли для себя несчастное сосѣдство варваровъ. Съ того времени Историки Римскіе безпрестанно говорятъ о семъ народѣ, который господствовалъ отъ Азовскаго моря до береговъ Дуная и состоялъ изъ двухъ главныхъ племенъ, Роксоланъ и Язиговъ (20); но Географы, весьма не кстати назвавъ Сарматіею всю обширную страну Азіи и Европы, отъ Чернаго моря и Каспійскаго съ одной стороны до Германіи, а съ другой до самой глубины Сѣвера, обратили имя Сарматовъ (подобно какъ прежде Скиѳское) въ общее для всѣхъ народовъ полунощныхъ. Роксолане утвердились въ окрестностяхъ

Азовскаго и Чернаго моря, а Язиги скоро перешли въ Дакію, на берега Тисы и Дуная ([21]). Дерзнувъ первые тревожить Римскія владѣнія съ сей стороны, они начали ту ужасную и долговременную войну дикаго варварства съ гражданскимъ просвѣщеніемъ, которая заключилась наконецъ гибелію послѣдняго. Роксолане одержали верхъ надъ Когортами Римскими въ Дакіи: Язиги опустошали Мизію. Еще военное искусство, слѣдствіе непрестанныхъ побѣдъ въ теченіе осьми вѣковъ, обуздывало варваровъ и часто наказывало ихъ дерзость; но Римъ, изнѣженный роскошію, вмѣстѣ съ гражданскою свободою утративъ и гордость великодушную, не стыдился золотомъ покупать дружбу Сарматовъ. Тацитъ именуетъ Язиговъ союзниками своего народа, и Сенатъ, рѣшивъ прежде судьбу великихъ Государей и міра, съ уваженіемъ встрѣчалъ Пословъ народа кочующаго ([22]). — Хотя война Маркоманнская, въ коей Сарматы присоединились къ Германцамъ, имѣла несчастныя для нихъ слѣдствія; хотя побѣжденные Маркомъ Авреліемъ, они утратили силу свою и не могли уже быть завоевателями: однакожь, кочуя въ южной Россіи и на берегахъ Тибиска или Тисы, долго еще безпокоили набѣгами Римскія владѣнія.

Почти въ одно время съ Язигами и Ро- Алане.

ксоланами узнаемъ мы и другихъ — вѣроятно, единоплеменныхъ съ ними — обитателей юго-восточной Россіи, Аланъ, которые, по извѣстію Аммiана Марцеллина, были древніе Массагеты и жили тогда между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ (23). Они, равно какъ и всѣ Азіатскіе дикіе народы, не обработывали земли, не имѣли домовъ, возили женъ и дѣтей на колесницахъ, скитались по степямъ Азіи даже до самой Индіи сѣверной, грабили Арменію, Мидію, а въ Европѣ берега Азовскаго и Чернаго моря; отважно искали смерти въ битвахъ и славились отмѣнною храбростію. Къ сему народу многочисленному принадлежали, вѣроятно, Аорсы и Сираки, о коихъ въ первомъ вѣкѣ Христіанскаго лѣтосчисленія упоминаютъ разные Историки, и кои, обитая между Кавказомъ и Дономъ, были и врагами и союзниками Римлянъ (24). Алане, вытѣснивъ Сарматовъ изъ юго-восточной Россіи, отчасти заняли и Тавриду.

Готѳы. Въ третьемъ вѣкѣ приближились отъ Балтійскаго къ Черному морю Готѳы и другіе народы Германскіе, овладѣли Дакіею, Римскою провинціею со временъ Трояновыхъ, и сдѣлались самыми опасными врагами Имперіи (25). Переплывъ на судахъ въ Азію, Готѳы обратили въ пепелъ многіе города цвѣтущіе въ Виѳиніи, Галатіи, Каппадокіи,

и славный храмъ Діаны въ Ефесѣ, а въ Европѣ опустошили Ѳракію, Македонію и Грецію до Мореи. Они хотѣли, взявъ Аѳины, истребить огнемъ всѣ книги Греческія, тамъ найденныя; но приняли совѣтъ одного умнаго единоземца, который сказалъ имъ: «оставьте Грекамъ книги, что-«бы они, читая ихъ, забывали военное ис-«кусство и тѣмъ легче были побѣждаемы «нами» ([26]). Ужасные свирѣпостію и мужествомъ, Готѳы основали сильную Имперію, которая раздѣлялась на Восточную и Западную, и въ IV столѣтіи, при Царѣ ихъ Эрманарихѣ, заключала въ себѣ не малую часть Россіи Европейской, простираясь отъ Тавриды и Чернаго моря до Бальтійскаго.

Готѳскій Историкъ VI вѣка, Іорнандъ, пишетъ, что Эрманарихъ въ числѣ многихъ иныхъ народовъ побѣдилъ и Венедовъ, которые, обитая въ сосѣдствѣ съ Эстами и Герулами, жителями береговъ Бальтійскихъ ([27]), славились болѣе своею многочисленностію, нежели искусствомъ воинскимъ. Сіе извѣстіе для насъ любопытно и важно, ибо *Венеды*, по сказанію Іорнанда, были единоплеменники *Славянъ*, предковъ народа Россійскаго. Еще въ самой глубокой древности, лѣтъ за 450 до Рождества Христова, было извѣстно въ Греціи, что янтарь находится въ отдален-

Венеды.

ныхъ странахъ Европы, гдѣ рѣка Эриданъ впадаетъ въ Сѣверный Океанъ ([28]), и гдѣ живутъ Венеды. Вѣроятно, что Финикіяне, смѣлые мореходцы, которые открыли Европу для образованныхъ народовъ древности, не имѣвшихъ объ ней свѣдѣнія, доплывали до самыхъ береговъ нынѣшней Пруссіи, богатыхъ янтаремъ, и тамъ покупали его у Венедовъ ([29]). Во время Плинія и Тацита, или въ первомъ столѣтіи, Венеды жили близъ Вислы, и граничили къ Югу съ Дакіею ([30]). Птолемей, Астрономъ и Географъ втораго столѣтія, полагаетъ ихъ на восточныхъ берегахъ моря Бальтійскаго, сказывая, что оно издревле называлось *Венедскимъ* ([31]). Слѣдственно ежели Славяне и Венеды составляли одинъ народъ, то предки наши были извѣстны и Грекамъ и Римлянамъ, обитая на Югѣ отъ моря Бальтійскаго. Изъ Азіи ли они пришли туда, и въ какое время, не знаемъ ([32]). Мнѣніе, что сію часть міра должно признавать колыбелію всѣхъ народовъ, кажется вѣроятнымъ, ибо согласно съ преданіями Священными, и всѣ языки Европейскіе, не смотря на ихъ разныя измѣненія, сохраняютъ въ себѣ нѣкоторое сходство съ древними Азіатскими ([33]); однакожь мы не можемъ утвердить сей вѣроятности никакими *дѣйствительно историческими* свидѣтельствами, и считаемъ Венедовъ Европейцами, когда Исторія находитъ ихъ въ Европѣ. Сверхъ того они самыми обыкновеніями и нравами отличались отъ Азіатскихъ народовъ, которые, приходя въ нашу часть міра,

не знали домовъ, жили въ шатрахъ или *колесницахъ* (34), и только на коняхъ сражались: Тацитовы же Венеды имѣли домы, любили ратоборствовать пѣшіе и славились быстротою своего бѣга.

Конецъ четвертаго вѣка ознаменовался важными происшествіями. Гунны, народъ кочующій, отъ полунощныхъ областей Китая доходятъ чрезъ неизмѣримыя степи до юго-восточной Россіи, нападаютъ — около 377 года — на Аланъ, Готѳовъ, владѣнія Римскія, истребляя все огнемъ и мечемъ (35). Современные Историки не находятъ словъ для описанія лютой свирѣпости и самаго безобразія Гунновъ. Ужасъ былъ ихъ предтечею, и столѣтній Герой Эрманарихъ не дерзнулъ даже вступить съ ними въ сраженіе, но произвольною смертію спѣшилъ избавиться отъ рабства. Восточные Готѳы должны были покориться, а Западные искали убѣжища во Ѳракіи, гдѣ Римляне, къ несчастію своему, дозволили имъ поселиться: ибо Готѳы, соединясь съ другими мужественными Германцами, скоро овладѣли большею частію Имперіи. Гунны.

Исторія сего времени упоминаетъ объ *Антахъ*, которые, по извѣстію Іорнанда и Византійскихъ Лѣтописцевъ, принадлежали вмѣстѣ съ Венедами къ народу Славянскому (36). Винитаръ, наслѣдникъ Эрма- Анты.

нариха, Царя Готѳскаго, былъ уже данникомъ Гунновъ, но хотѣлъ еще повелѣвать другими народами: завоевалъ страну Антовъ, которые обитали на Сѣверъ отъ Чернаго моря (слѣдственно въ Россіи), и жестокимъ образомъ умертвилъ ихъ Князя, именемъ Бокса, съ семидесятью знатнѣйшими Боярами ([37]). Царь Гуннскій, Баламберъ, вступился за утѣсненныхъ, и побѣдивъ Винитара, освободилъ ихъ отъ ига Готѳовъ. — Нѣтъ сомнѣнія, что Анты и Венеды признавали надъ собою власть Гунновъ: ибо сіи завоеватели во время Аттилы, грознаго Царя ихъ, повелѣвали всѣми странами отъ Волги до Рейна, отъ Македоніи до островов Бальтійскаго моря ([38]). Истребивъ безчисленное множество людей, разрушивъ города и крѣпости Дунайскія, предавъ огню селенія, окруживъ себя пустынями обширными, Аттила царствовалъ въ Дакіи подъ наметомъ шатра, бралъ дань съ Константинополя, но славился презрѣніемъ золота и роскоши, ужасалъ міръ и гордился именемъ *бича Небеснаго*. — Съ жизнію сего варвара, но великаго человѣка, умершаго въ 454 году, прекратилось и владычество Гунновъ. Народы, порабощенные Аттилою, свергнули съ себя иго несогласныхъ сыновей его. Изгнанные Нѣмцами-Гепидами изъ Панноніи или Венгріи, Гунны держались еще нѣсколько времени между Днѣстромъ и Дунаемъ, гдѣ страна ихъ называлась Гунниваромъ ([39]); другіе разсѣялись по Дунайскимъ областямъ Имперіи — и скоро изгладились слѣды

ужаснаго бытія Гунновъ. Такимъ образомъ сіи варвары отдаленной Азіи явились въ Европѣ, свирѣпствовали и какъ грозное привидѣніе исчезли!

Въ то время южная Россія могла представлять обширную пустыню, гдѣ скитались одни бѣдные остатки народовъ. Восточные Готѳы большею частію удалились въ Паннонію; о Роксоланахъ не находимъ уже ни слова въ лѣтописяхъ: вѣроятно, что они смѣшались съ Гуннами, или, подъ общимъ названіемъ Сарматовъ, вмѣстѣ съ Язигами были разселены Императоромъ Маркіаномъ въ Иллирикѣ и въ другихъ Римскихъ провинціяхъ, гдѣ, составивъ одинъ народъ съ Готѳами, утратили имя свое ([40]): ибо въ концѣ V вѣка Исторія уже молчитъ о Сарматахъ. Множество Аланъ, соединясь съ Нѣмецкими Вандалами и Свевами, перешло за Рейнъ, за горы Пиренейскія, въ Испанію и Португалію. — Но скоро Угры и Болгары, по сказанію Грековъ единоплеменные съ Гуннами, и до того времени неизвѣстные, оставивъ древнія свои жилища близъ Волги и горъ Уральскихъ, завладѣли берегами Азовскаго, Чернаго моря и Тавридою (гдѣ еще обитали нѣкоторые Готѳы, принявшіе Вѣру Христіанскую), и съ 474 году начали опустошать Мизію, Ѳракію, даже предмѣстія Константинопольскія ([41]). Угры и Болгары.

Съ другой стороны выходятъ на театръ Исторіи *Славяне*, подъ симъ именемъ, достойнымъ людей воинственныхъ и храбрыхъ, ибо его можно производить отъ *славы* (42), — и народъ, коего бытіе мы едва знали, съ шестаго вѣка занимаетъ великую часть Европы, отъ моря Бальтійскаго до рѣки Эльбы, Тисы и Чернаго моря. Вѣроятно, что нѣкоторые изъ Славянъ, подвластныхъ Эрманариху и Аттилѣ, служили въ ихъ войскѣ; вѣроятно, что они, испытавъ подъ начальствомъ сихъ завоевателей храбрость свою и пріятность добычи въ богатыхъ областяхъ Имперіи, возбудили въ соотечественникахъ желаніе приближиться къ Греціи и вообще распространить ихъ владѣніе. Обстоятельства времени имъ благопріятствовали. Германія опустѣла; ея народы воинственные удалились къ Югу и Западу искать счастія. На берегахъ Черноморскихъ, между устьями Днѣпра и Дуная, кочевали, можетъ быть, однѣ дикія малолюдныя Орды, которыя сопутствовали Гуннамъ въ Европу и разсѣялись послѣ ихъ гибели. Отъ Дуная и Алуты до рѣки Моравы жили Нѣмцы Лонгобарды и Гепиды; отъ Днѣпра къ морю Каспійскому Угры и Болгары: за ними, къ Сѣверу отъ Понта Эвксинскаго и Дуная (43), явились Анты и Славяне; другія же племена ихъ вступили въ

Славяне.

Моравію, Богемію, Саксонію, а нѣкоторыя остались на берегахъ моря Бальтійскаго. Тогда начинаютъ говорить объ нихъ Историки Византійскіе, описывая свойства, образъ жизни и войны, обыкновенія и нравы Славянъ, отличные отъ характера Нѣмецкихъ и Сарматскихъ племенъ [44]: доказательство, что сей народъ былъ прежде мало извѣстенъ Грекамъ, обитая во глубинѣ Россіи, Польши, Литвы, Пруссіи, въ странахъ отдаленныхъ и какъ бы непроницаемыхъ для ихъ любопытства [45].

Уже въ концѣ пятаго вѣка лѣтописи Византійскія упоминаютъ о Славянахъ, которые въ 495 году дружелюбно пропустили чрезъ свои земли Нѣмцевъ-Геруловъ, разбитыхъ Лонгобардами въ нынѣшней Венгріи и бѣжавшихъ къ морю Бальтійскому [46]; но только со временъ Юстиніановыхъ, съ 527 году, утвердясь въ сѣверной Дакіи, начинаютъ они дѣйствовать противъ Имперіи, вмѣстѣ съ Угорскими племенами и братьями своими Антами, которые въ окрестностяхъ Чернаго моря граничили съ Болгарами. Ни Сарматы, ни Готѳы, ни самые Гунны не были для Имперіи, ужаснѣе Славянъ. Иллирія, Ѳракія, Греція, Херсонесъ — всѣ страны отъ залива Іоническаго до Константинополя были ихъ жертвою [47]; только Хильвудъ, смѣлый Вождь Юстиніановъ, могъ еще съ успѣхомъ имъ противоборствовать; но Славяне, убивъ его въ сраженіи за Дунаемъ, возобновили свои лютыя нападенія на Греческія области, и всякое

Ихъ подвиги.

изъ оныхъ стоило жизни или свободы безчисленному множеству людей, такъ, что южные берега Дунайскіе, облитые кровію несчастныхъ жителей, осыпанные пепломъ городовъ и селъ, совершенно опустѣли. Ни Легіоны Римскіе, почти всегда обращаемые въ бѣгство, ни великая стѣна Анастасіева [48], сооруженная для защиты Царяграда отъ варваровъ, не могли удерживать Славянъ, храбрыхъ и жестокихъ. Имперія съ трепетомъ и стыдомъ видѣла знамя Константиново въ рукахъ ихъ. Самъ Юстиніанъ, Совѣтъ Верховный и знатнѣйшіе Вельможи должны были съ оружіемъ стоять на послѣдней оградѣ столицы, стѣнѣ Ѳеодосіевой, съ ужасомъ ожидая приступа Славянъ и Болгаровъ ко вратамъ ея. Одинъ Велисарій, посѣдѣвшій въ доблести, осмѣлился выйти къ нимъ на встрѣчу; но болѣе казною Императорскою, нежели побѣдою, отвратилъ сію грозную тучу отъ Константинополя. Они спокойно жительствовали въ Имперіи, какъ бы въ собственной землѣ своей, увѣренные въ безопасной переправѣ чрезъ Дунай: ибо Гепиды, владѣвшіе большею частію сѣверныхъ береговъ его, всегда имѣли для нихъ суда въ готовности [49]. Между тѣмъ Юстиніанъ съ гордостію величалъ себя *Антическимъ* или *Славянскимъ*, хотя сіе имя напоминало болѣе

стыдъ, нежели славу его оружія противъ нашихъ дикихъ предковъ, которые безпрестанно опустошали Имперію, или заключая иногда дружественные съ нею союзы, нанимались служить въ ея войскахъ и способствовали ихъ побѣдамъ. Такъ во второе лѣто славной войны Готѳской (въ 536 году) Валеріанъ привелъ въ Италію 1600 конныхъ Славянъ, и Римскій Полководецъ Тулліанъ ввѣрилъ Антамъ защиту Луканіи, гдѣ они въ 547 году разбили Готѳскаго Короля Тотилу.

Уже лѣтъ 30 Славяне свирѣпствовали въ Европѣ, когда новый Азіатскій народъ побѣдами и завоеваніями открылъ себѣ путь къ Черному морю. Весь извѣстный міръ былъ тогда ѳеатромъ чудеснаго волненія народовъ и непостоянства въ ихъ величіи. Авары славились могуществомъ въ степяхъ Татаріи; но въ шестомъ вѣкѣ побѣжденные Турками, ушли изъ земли своей ([50]). Сіи Турки, по свидѣтельству Историковъ Китайскихъ, были остаткомъ Гунновъ, древнихъ полунощныхъ сосѣдовъ Китайской Имперіи; въ теченіе времени соединились съ другими Ордами единоплеменными и завоевали всю южную Сибирь. Ханъ ихъ, называемый въ Византійскихъ лѣтописяхъ Дизавуломъ ([51]), какъ новый Аттила покоривъ многіе народы, жилъ среди горъ Альтайскихъ, въ шатрѣ

Авары.

Турки.

украшенномъ коврами шелковыми и многими золотыми сосудами; сидя на богатомъ тронѣ, принималъ Византійскихъ Пословъ и дары отъ Юстиніана; заключалъ съ нимъ союзы и счастливо воевалъ съ Персами. Извѣстно, что Россіяне, овладѣвъ въ новѣйшія времена полуденною частію Сибири, находили въ тамошнихъ могилахъ великое количество вещей драгоцѣнныхъ ([52]): вѣроятно, что онѣ принадлежали симъ Альтайскимъ Туркамъ, уже не дикому, но отчасти образованному народу, торговавшему съ Китаемъ, Персіею и Греками.

Вмѣстѣ съ другими Ордами зависѣли отъ Дизавула Киргизы и Гунны-Огоры ([53]). Бывъ прежде данниками Аваровъ и тогда
Огоры. угнетаемые Турками, Огоры перешли на западные берега Волги, назвались славнымъ именемъ Аваровъ, нѣкогда могущественныхъ, и предложили союзъ Императору Византійскому. Народъ Греческій съ любопытствомъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ Пословъ: одежда сихъ людей напоминала ему страшныхъ Гунновъ Аттилы, отъ коихъ мнимые Авары отличались единственно тѣмъ, что не брили головы и заплетали волосы въ длинныя косы, украшаемыя лентами. Главный Посолъ сказалъ Юстиніану, что Авары, мужественные и непобѣдимые, хотятъ его дружбы [illegible]уя

даровъ, жалованья и выгодныхъ мѣстъ для поселенія. Императоръ не дерзнулъ ни въ чемъ отказать сему народу, который, бѣжавъ изъ Азіи, со вступленіемъ въ Европу пріобрѣлъ силу и храбрость. Угры, Болгары признали власть его. Анты не могли ему противиться. Ханъ Аварскій, свирѣпый Баянъ, разбилъ ихъ войско, умертвилъ Посла, знаменитаго Князя Мезамира (54); ограбилъ землю, плѣнилъ жителей; скоро завоевалъ Моравію, Богемію, гдѣ обитали Чехи и другіе Славяне; побѣдилъ Сигеберта, Короля Франковъ, и возвратился на Дунай, гдѣ Лонгобарды вели кровопролитную войну съ Гепидами. Баянъ соединился съ первыми, разрушилъ Державу Гепидовъ, овладѣлъ большею частію Дакіи, а скоро и Панноніею или Венгріею, которую Лонгобарды уступили ему добровольно, желая искать завоеваній въ Италіи. Область Аваровъ въ 568 году простиралась отъ Волги до Эльбы. Въ началѣ седьмаго вѣка завладѣли они и Далмаціею, кромѣ приморскихъ городовъ ея. Хотя Турки, господствуя на берегахъ Иртыша, Урала (55) — тревожа набѣгами Китай и Персію — около 580 года распространили-было свои завоеванія до самой Тавриды — взяли Воспоръ, осаждали Херсонъ; но скоро исчезли въ Европѣ, оставивъ земли Черноморскія въ подданствѣ Аваровъ.

Уже Анты, Богемскіе Чехи, Моравы служили Хану; но собственно такъ называемые Дунайскіе Славяне хранили свою независимость, и еще въ 581 году многочисленное войско ихъ снова опу-

стошило Өракію и другія владѣнія Имперскія до самой Эллады или Греціи [36]. Тиверій царствовалъ въ Константинополѣ: озабоченный войною Персидскою, онъ не могъ отразить Славянъ и склонилъ Хана отмстить имъ впаденіемъ въ страну ихъ. Баянъ назывался другомъ Тиверія, и хотѣлъ даже быть Римскимъ Патриціемъ: онъ исполнилъ желаніе Императора тѣмъ охотнѣе, что давно уже ненавидѣлъ Славянъ за ихъ гордость. Сію причину злобы его описываютъ Византійскіе Историки слѣдующимъ образомъ. Смиривъ Антовъ, Ханъ требовалъ отъ Славянъ подданства; но Лавритасъ и другіе Вожди ихъ отвѣтствовали: «Кто можетъ лишить насъ вольности? «Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагамъ. Такъ будетъ и впредь, доколѣ «есть война и мечи въ свѣтѣ.» Посолъ Ханскій раздражилъ ихъ своими надменными рѣчами, и заплатилъ за то жизнію. Баянъ помнилъ сіе жестокое оскорбленіе, и надѣялся собрать великое богатство въ землѣ Славянъ, которые, болѣе пятидесяти лѣтъ громивъ Имперію, не были еще никѣмъ тревожимы въ странѣ своей. Онъ вступилъ въ нее съ шестидесятью тысячами отборныхъ конныхъ латниковъ, началъ грабить *селенія*, жечь поля, истреблять жителей, которые только въ бѣгствѣ и въ густотѣ лѣсовъ искали спасенія. — Съ того времени ослабѣло могущество Славянъ, и хотя Константинополь еще долго ужасался ихъ набѣговъ, но скоро Ханъ Аварскій совершенно овладѣлъ Дакіею. Обязанные давать ему войско,

они лили кровь свою и чуждую для пользы ихъ тирана; долженствовали первые гибнуть въ битвахъ, и когда Ханъ, нарушивъ миръ съ Греціею, въ 626 году осадилъ Константинополь, Славяне были жертвою сего дерзкаго предпріятія. Они взяли бы столицу Имперіи, если бы измѣна не открыла ихъ тайнаго намѣренія Грекамъ: окруженные непріятелемъ, бились отчаянно; немногіе спаслися, и въ знакъ благодарности были казнены Ханомъ ([57]).

Между тѣмъ не всѣ народы Славянскіе повиновались сему Хану: обитавшіе за Вислою, и далѣе къ Сѣверу, спаслись отъ рабства. Такъ въ исходѣ шестаго вѣка на берегахъ моря Бальтійскаго жили мирные и счастливые Славяне, коихъ онъ напрасно хотѣлъ вооружить противъ Грековъ, и которые отказались помогать ему войскомъ. Сей случай, описанный Византійскими Историками ([58]), достоинъ любопытства и примѣчанія. «Греки (повѣствуютъ они) взяли въ «плѣнъ трехъ чужеземцевъ, имѣвшихъ, вмѣсто «оружія, киѳары или гусли. Императоръ спро«силъ, кто они? Мы Славяне, отвѣтствовали чу«жеземцы, и живемъ на отдаленнѣйшемъ концѣ «Западнаго Океана (моря Бальтійскаго). Ханъ «Аварскій, приславъ дары къ нашимъ старѣй«шинамъ, требовалъ войска, чтобы дѣйствовать «противъ Грековъ. Старѣйшины взяли дары, но «отправили насъ къ Хану съ извиненіемъ, что не «могутъ за великою отдаленностію дать ему по«мощи. Мы сами были 15 мѣсяцевъ въ дорогѣ.

«Ханъ, не взирая на святость Посольскаго званія, «не отпускалъ насъ въ отечество. Слыша о бо«гатствѣ и дружелюбіи Грековъ, мы воспользо«вались случаемъ уйти во Ѳракію. Съ оружіемъ «обходиться не умѣемъ и только играемъ на гу«сляхъ. Нѣтъ желѣза въ странѣ нашей: не зная «войны и любя музыку, мы ведемъ жизнь мир«ную и спокойную. — Императоръ дивился ти«хому нраву сихъ людей, великому росту и крѣ«пости ихъ; угостилъ Пословъ, и доставилъ имъ «способъ возвратиться въ отечество.» Такое миролюбивое свойство Бальтійскихъ Славянъ, во времена ужасовъ варварства, представляетъ мыслямъ картину счастія, котораго мы обыкли искать единственно въ воображеніи. Согласіе Византійскихъ Историковъ въ описаніи сего происшествія доказываетъ, кажется, его истину, утверждаемую и самыми тогдашними обстоятельствами Сѣвера, гдѣ Славяне могли наслаждаться тишиною, когда Германскіе народы удалились къ Югу, и когда разрушилось владычество Гунновъ.

Наконецъ *Богемскіе* Славяне, возбужденные отчаяніемъ, дерзнули обнажить мечь, смирили гордость Аваровъ и возвратили древнюю свою независимость. Лѣтописцы повѣствуютъ, что нѣкто, именемъ Само, былъ тогда смѣлымъ Вождемъ ихъ: благодарные и вольные Славяне избрали его въ Цари (59). Онъ сражался съ Дагобертомъ, Королемъ Франковъ, и разбилъ его многочисленное войско.

Скоро владѣнія Славянъ умножились новыми

пріобрѣтеніями: еще въ шестомъ вѣкѣ, какъ вѣроятно, многіе изъ нихъ поселились въ Венгріи; другіе въ началѣ седьмаго столѣтія, заключивъ союзъ съ Константинополемъ, вошли въ Иллирію, изгнали оттуда Аваровъ и основали новыя области, подъ именемъ Кроаціи, Славоніи, Сербіи, Босніи и Далмаціи [60]. Императоры охотно дозволяли имъ селиться въ Греческихъ владѣніяхъ, надѣясь, что они, по извѣстной храбрости своей, могли быть лучшею ихъ защитою отъ нападенія другихъ варваровъ — и въ седьмомъ вѣкѣ находимъ Славянъ на рѣкѣ Стримонѣ во Ѳракіи, въ окрестностяхъ Ѳессалоники и въ Мизіи или въ нынѣшней Болгаріи. Даже весь Пелопоннесъ былъ нѣсколько времени въ ихъ власти: они воспользовались ужасами моровой язвы, которая свирѣпствовала въ Греціи, и завоевали древнее отечество Наукъ и славы. — Многіе изъ нихъ поселились въ Виѳиніи, Фригіи, Дарданіи, Сиріи [61].

Но между тѣмъ, когда Чехи и другіе Славяне пользовались уже совершенною вольностію отчасти въ прежнихъ, отчасти въ новыхъ своихъ владѣніяхъ, Дунайскіе находились еще, кажется, подъ игомъ Аваровъ, хотя могущество сего достопамятнаго Азіатскаго народа ослабѣло въ VII вѣкѣ. Кувратъ, Князь Болгарскій, данникъ Хана, въ 635 году свергнулъ съ себя иго Аваровъ. Раздѣливъ силы свои на девять обширныхъ укрѣпленныхъ становъ [62], они еще долгое время властвовали въ Дакіи и въ Паннонiи, вели жестокія войны съ Баварцами и Славянами въ Каринтіи, въ Богеміи;

наконецъ утратили въ лѣтописяхъ имя свое. Кувратъ, союзникъ и другъ Римлянъ, господствовалъ въ окрестностяхъ Азовскаго моря; но сыновья его, въ противность мудрому совѣту умирающаго отца, раздѣлились: старшій, именемъ Ватвай, остался на берегахъ Дона; второй сынъ, Котрагъ, перешелъ на другую сторону сей рѣки; четвертый въ Паннонію или Венгрію къ Аварамъ, пятый въ Италію ([63]); а третій, Аспарухъ, утвердился сперва между Днѣстромъ и Дунаемъ, но въ 679 году завоевавъ и всю Мизію, гдѣ жили многіе Славяне, основалъ тамъ сильное Государство Болгарское.

Болгарія.

Представивъ Читателю разселеніе народовъ Славянскихъ отъ моря Бальтійскаго до Адріатическаго, отъ Эльбы до Мореи и Азіи, скажемъ, что они, сильные числомъ и мужествомъ, могли бы тогда, соединясь, овладѣть Европою; но, слабые отъ развлеченія силъ и несогласія, почти вездѣ утратили независимость, и только одинъ изъ нихъ, искушенный бѣдствіями, удивляетъ нынѣ міръ величіемъ ([64]). Другіе, сохранивъ бытіе свое въ Германіи, въ древней Илиріи, въ Мизіи, повинуются Властителямъ чужеземнымъ; а нѣкоторые забыли и самый языкъ отечественный.

Судьба народовъ Славянскихъ.

Теперь обратимся къ Исторіи Государ-

ства Россійскаго, основанной на преданіяхъ нашего собственнаго, древнѣйшаго Лѣтописца.

ГЛАВА II.

О Славянахъ и другихъ народахъ, составившихъ Государство Россійское.

Происхожденіе Славянъ Россійскихъ. Поляне. Радимичи и Вятичи. Древляне. Дулѣбы и Бужане. Лутичи и Тивирцы. Хорваты, Сѣверяне, Дреговичи, Кривичи, Полочане, Славяне Новогородскіе. Кіевъ. Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечь, Черниговъ. Финскіе или Чудскіе народы въ Россіи. Латышскіе народы. Междоусобія Славянъ Россійскихъ. Господство и гибель Обровъ. Козары. Варяги. Русь.

Несторъ пишетъ, что Славяне *издревле обитали* въ странахъ Дунайскихъ, и вытѣсненные изъ Мизіи Болгарами, а изъ Панноніи Волохами (донынѣ живущими въ Венгріи) перешли въ Россію, въ Польшу и другія земли (65). Сіе извѣстіе о первобытномъ жилищѣ нашихъ предковъ взято, кажется, изъ Византійскихъ Лѣтописцевъ, которые въ VI вѣкѣ узнали ихъ на берегахъ Дуная; однакожь Несторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Св. Апостолъ Андрей — проповѣдуя въ Скиѳіи имя Спасителя, поставивъ крестъ на горахъ Кіевскихъ, еще нена- Происхожденіе Славянъ Россійскихъ.

селенныхъ, и предсказавъ будущую славу нашей древней столицы — доходилъ до Ильменя и нашелъ тамъ Славянъ ([66]): слѣдственно они, по собственному Несторову сказанію, жили въ Россіи уже въ первомъ столѣтіи, и гораздо прежде, нежели Болгары утвердились въ Мизіи ([67]). Но вѣроятно, что Славяне, угнетенные ими, отчасти дѣйствительно возвратились изъ Мизіи къ своимъ сѣвернымъ единоземцамъ; вѣроятно и то, что Волохи, потомки древнихъ Гетовъ и Римскихъ всельниковъ Траянова времени въ Дакіи, уступивъ сію землю Готѳамъ, Гуннамъ и другимъ народамъ, искали убѣжища въ горахъ, и видя наконецъ слабость Аваровъ, овладѣли Трансильваніею и частію Венгріи, гдѣ Славяне долженствовали имъ покориться.

Можетъ быть, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова подъ именемъ Венедовъ извѣстные на восточныхъ берегахъ моря Бальтійскаго, Славяне въ то же время обитали и внутри Россіи; можетъ быть Андрофаги, Меланхлены, Невры Геродотовы принадлежали къ ихъ племенамъ многочисленнымъ ([68]). Самые древніе жители Дакіи, Геты, покоренные Траяномъ, могли быть нашими предками: сіе мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ Русскихъ сказкахъ XII столѣтія упоминается о счастливыхъ войнахъ Траяновыхъ въ Дакіи, и что Славяне Россійскіе начинали, кажется, свое лѣтосчисленіе отъ временъ сего мужественнаго Императора. Замѣтимъ еще какое-то древнее преданіе народовъ Славянскихъ, что пра-

отцы ихъ имѣли дѣло съ Александромъ Великимъ, побѣдителемъ Гетовъ (69). Но Историкъ не долженъ предлагать вѣроятностей за истину, доказываемую только ясными свидѣтельствами современниковъ. И такъ, оставляя безъ утвердительнаго рѣшенія вопросъ: «откуда и когда Славяне пришли въ Россію?» опишемъ, какъ они жили въ ней задолго до того времени, въ которое образовалось наше Государство.

Многіе Славяне, единоплеменные съ Ляхами, обитавшими на берегахъ Вислы, поселились на Днѣпрѣ въ Кіевской Губерніи и назвались *Полянами* отъ чистыхъ *полей* своихъ. Имя сіе исчезло въ древней Россіи, но сдѣлалось общимъ именемъ Ляховъ, основателей Государства Польскаго. Отъ сего же племени Славянъ были два брата, Радимъ и Вятко, Главами Радимичей и Вятичей: первый избралъ себѣ жилище на берегахъ Сожа, въ Могилевской Губерніи, а второй на Окѣ, въ Калужской, Тульской или Орловской. Древляне, названные такъ отъ лѣсной земли своей, обитали въ Волынской Губерніи; Дулѣбы и Бужане по рѣкѣ Бугу, впадающему въ Вислу; Лутичи и Тиверцы по Днѣстру до самаго моря и Дуная, уже имѣя *города* въ землѣ своей; Бѣлые Хорваты въ окрестностяхъ горъ Карпатскихъ; Сѣверяне, сосѣды Полянъ,

Поляне.

Радимичи и Вятичи.

Древляне.

Дулѣбы и Бужане.

Лутичи и Тиверцы.

Хорваты.

Сѣверяне.

на берегахъ Десны, Семи и Сулы, въ Черниговской и Полтавской Губерніи; въ Минской и Витебской, между Припетью и Двиною Западною, Дреговичи; въ Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, въ верховьяхъ Двины, Днѣпра и Волги, Кривичи; а на Двинѣ, гдѣ впадаетъ въ нее рѣка Полота, единоплеменные съ ними Полочане; на берегахъ же озера Ильменя собственно такъ называемые Славяне, которые *послѣ* Рождества Христова основали Новгородъ (70).

Дреговичи. Кривичи. Полочане. Славяне Новгородскіе.

Кіевъ.

Къ тому же времени Лѣтописецъ относитъ и начало Кіева, разсказывая слѣдующія обстоятельства: «Братья Кій, Щекъ и «Хоривъ, съ сестрою Лыбедью, жили между Полянами на трехъ горахъ, изъ ко«ихъ двѣ слывутъ, по имени двухъ мень«шихъ братьевъ, Щековицею и Хориви«цею; а старшій жилъ тамъ, гдѣ нынѣ (въ «Несторово время) *Зборичевъ взвозъ*. Они «были мужи знающіе и разумные; ловили «звѣрей въ тогдашнихъ густыхъ лѣсахъ «Днѣпровскихъ, построили городъ и на«звали оный именемъ старшаго брата, т. е. «*Кіевомъ*. Нѣкоторые считаютъ Кія пере«возчикомъ, ибо въ старину былъ на семъ «мѣстѣ перевозъ и назывался Кіевымъ; но «Кій начальствовалъ въ родѣ своемъ: хо«дилъ, какъ сказываютъ, въ Константино«поль, и пріялъ великую честь отъ Царя Гре«ческаго; на возвратномъ пути, увидѣвъ бе-

«рега Дуная, полюбилъ ихъ, срубилъ городокъ и «хотѣлъ обитать въ немъ; но жители Дунайскіе не «дали ему тамъ утвердиться, и донынѣ именуютъ «сіе мѣсто *городищемъ Кіевцомъ.* Онъ скончался «въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ двумя братьями и сестрою.» Несторъ въ повѣствованіи своемъ основывается единственно на изустныхъ сказаніяхъ: отдаленный многими вѣками отъ случаевъ, здѣсь описанныхъ, могъ ли онъ ручаться за истину преданія, всегда обманчиваго, всегда *невѣрнаго въ подробностяхъ?* Можетъ быть, что Кій и братья его никогда въ самомъ дѣлѣ не существовали, и что вымыслъ народный обратилъ названія мѣстъ, неизвѣстно отъ чего происшедшія, въ названія людей. Имя Кіева, горы Щековицы — нынѣ Скавицы — Хоривицы, уже забытой, и рѣчки Лыбеди, впадающей въ Днѣпръ не далеко отъ новой Кіевской крѣпости, могли подать мысль къ сочиненію басни о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ: чему находимъ многіе примѣры въ Греческихъ и Сѣверныхъ повѣствователяхъ, которые, желая питать народное любопытство, во времена невѣжества и легковѣрія, изъ географическихъ названій составляли цѣлыя Исторіи и Біографіи (71). Но два обстоятельства въ семъ Несторовомъ извѣстіи достойны особеннаго замѣчанія: первое, что Славяне Кіевскіе издревле имѣли сообщеніе съ Царемградомъ, и второе, что они построили городокъ на берегахъ Дуная еще за долго до походовъ Россіянъ въ Грецію. Дулѣбы, Поляне Днѣпровскіе, Лути-

чи и Тиверцы могли участвовать въ описанныхъ нами войнахъ Славянъ Дунайскихъ, столь ужасныхъ для Имперіи, и заимствовать тамъ разныя благодѣтельныя изобрѣтенія для жизни гражданской.

Лѣтописецъ не объявляетъ времени, когда построены другіе Славянскіе, также весьма древніе города въ Россіи: Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечь, Черниговъ; знаемъ только, что первые три основаны Кривичами и были уже въ девятомъ вѣкѣ, а послѣдніе въ самомъ началѣ десятаго; но они могли существовать и гораздо прежде. Черниговъ и Любечь принадлежали къ области Сѣверянъ (72).

Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечь, Черниговъ.

Кромѣ народовъ Славянскихъ, по сказанію Нестора, жили тогда въ Россіи и многіе иноплеменные: *Меря* вокругъ Ростова и на озерѣ Клещинѣ или Переславскомъ; *Мурома* на Окѣ, гдѣ сія рѣка впадаетъ въ Волгу; *Черемиса*, *Мещера*, *Мордва*, на Юговостокъ отъ Мери; *Ливь* въ Ливоніи; *Чудь* въ Эстоніи и на Востокъ къ Ладожскому озеру; *Нарова* тамъ, гдѣ Нарва; *Ямь* или *Емь* въ Финляндіи; *Весь* на Бѣлѣозерѣ; *Пермь* въ Губерніи сего имени; *Югра*, или нынѣшніе Березовскіе Остяки, на Оби и Сосвѣ; *Печора* на рѣкѣ Печорѣ (73). Нѣкоторые изъ сихъ народовъ уже исчезли въ новѣйшія времена, или смѣшались съ Россіянами; но другіе существуютъ

Финскіе или Чудскіе народы въ Россіи.

и говорятъ языками столь между собою сходственными, что можемъ несомнительно признать ихъ, равно какъ и Лапландцевъ, Зырянъ, Остяковъ Обскихъ, Чувашъ, Вотяковъ, народами единоплеменными и назвать вообще *Финскими* (74). Уже Тацитъ, въ первомъ столѣтіи, говоритъ о сосѣдственныхъ съ Венедами Финнахъ, которые жили издревле въ полунощной Европѣ. Лейбницъ и новѣйшіе Шведскіе Историки согласно думаютъ, что Норвегія и Швеція были нѣкогда населены ими — даже самая Данія, по мнѣнію Гроція. Отъ моря Бальтійскаго до Ледовитаго, отъ глубины Европейскаго Сѣвера на Востокъ до Сибири, до Урала и Волги, разсѣялися многочисленныя племена Финновъ. Не знаемъ, когда они въ Россіи поселились; но не знаемъ также и никого старобытнѣе ихъ въ сѣверныхъ и восточныхъ ея климатахъ. Сей народъ, древній и многочисленный, занимавшій и занимающій такое великое пространство въ Европѣ и въ Азіи, не имѣлъ Историка, ибо никогда не славился побѣдами, не отнималъ чуждыхъ земель, но всегда уступалъ свои: въ Швеціи и Норвегіи Готѳамъ, а въ Россіи, можетъ быть, Славянамъ, и въ одной нищетѣ искалъ для себя безопасности: «не «имѣя (по словамъ Тацита) ни домовъ, ни коней, «ни оружія; питаясь травами, одѣваясь кожами «звѣриными, укрываясь отъ непогодъ подъ сплетенными вѣтвями» (75). Въ Тацитовомъ описаніи древнихъ Финновъ мы узнаемъ отчасти и нынѣшнихъ, особенно же Лапландцевъ, которые

отъ предковъ своихъ наслѣдовали и бѣдность и грубые нравы, и мирную безпечность невѣжества. «Не боясь ни хищности людей, ни гнѣва «боговъ» (пишетъ сей краснорѣчивый Историкъ) «они пріобрѣли самое рѣдкое въ мірѣ благо: «счастливую отъ судьбы независимость!»

Но Финны Россійскіе, по сказанію нашего Лѣтописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описываетъ ихъ Римскій Историкъ: имѣли не только постоянныя жилища, но и города: Весь Бѣлоозеро ([76]), Меря Ростовъ, Мурома Муромъ. Лѣтописецъ, упоминая о сихъ городахъ въ извѣстіяхъ IX вѣка, не зналъ, когда они построены.—Древняя Исторія Скандинавовъ (Датчанъ, Норвежцевъ, Шведовъ) часто говоритъ о двухъ особенныхъ странахъ Финскихъ, вольныхъ и независимыхъ: Киріаландіи и Біарміи. Первая отъ Финскаго залива простиралась до самаго Бѣлаго моря, вмѣщала въ себѣ нынѣшнюю Финляндскую, Олонецкую и часть Архангельской Губерніи; граничила на Востокъ съ Біарміею, а на Сѣверозападъ съ Квенландіею или Каяніею ([77]). Жители ея безпокоили набѣгами земли сосѣдственныя, и славились мнимымъ волшебствомъ еще болѣе, нежели храбростію. *Біарміею* называли Скандинавы всю обширную страну отъ Сѣверной Двины и Бѣлаго моря до рѣки Печоры, за коею они воображали Іотунгеймъ, отчизну ужасовъ Природы и злаго чародѣйства. Имя нашей Перми есть одно съ именемъ древней Біарміи, которую составляли Архангельская, Во-

логодская, Вятская и Пермская Губерніи. *Исландскія повѣсти* наполнены сказаніями о сей великой Финской области (78); но баснословіе ихъ можетъ быть любопытно для однихъ легковѣрныхъ. Первое, дѣйствительно историческое свидѣтельство о Біарміи находимъ въ путешествіи Норвежскаго мореходца Отера, который въ девятомъ вѣкѣ окружилъ Нордъ-Капъ, доплывалъ до самаго устья Сѣверной Двины, слышалъ отъ жителей многое о странѣ ихъ и земляхъ сосѣдственныхъ, но сказываетъ единственно то, что народъ Біармскій многочисленъ и говоритъ почти однимъ языкомъ съ Финнами (79).

Между сими иноплеменными народами, жителями или сосѣдами древней Россіи, Несторъ именуетъ еще Летголу (Ливонскихъ Латышей), Зимголу (въ Семигаліи), Корсь (въ Курляндіи) и Литву, которые не принадлежатъ къ Финнамъ, но вмѣстѣ съ древними Пруссами составляютъ народъ Латышскій (80). Въ языкѣ его находится множество Славянскихъ, довольно Готѳскихъ и Финскихъ словъ: изъ чего основательно заключаютъ Историки, что Латыши происходятъ отъ сихъ народовъ. Съ великою вѣроятностію можно опредѣлить даже и начало бытія ихъ. Когда Готѳы удалились къ предѣламъ Имперіи, тогда Венеды и Финны заняли юго-восточ-

Латышскіе народы.

ные берега моря Бальтійскаго; смѣшались тамъ съ остатками первобытныхъ жителей, т. е. съ Готѳами; начали истреблять лѣса для хлѣбопашества и прозвалися Латышами или *обитателями земель расчищенныхъ:* ибо *лата* знаменуетъ на языкѣ Литовскомъ *расчищеніе.* Ихъ, кажется, называетъ Іорнандъ Видиваріями, которые въ половинѣ шестаго вѣка жили около Данцига, и состояли изъ разныхъ народовъ (81): съ чѣмъ согласно и древнее преданіе Латышей, увѣряющихъ, что ихъ первый Государь, именемъ Видвутъ, царствовалъ на берегахъ Вислы, и тамъ образовалъ народъ свой, который населилъ Литву, Пруссію, Курляндію, и Летландію, гдѣ онъ и донынѣ находится, и гдѣ, до самаго введенія Христіанской Вѣры, управлялъ имъ сѣверный Далай-Лама, главный судія и Священникъ Криве, жившій въ Прусскомъ мѣстечкѣ Ромовѣ (82).

Многіе изъ сихъ Финскихъ и Латышскихъ народовъ, по словамъ Нестора, были данниками Россіянъ: должно разумѣть, что Лѣтописецъ говоритъ уже о своемъ времени, то есть о XI вѣкѣ, когда предки наши овладѣли почти всею нынѣшнею Россіею Европейскою. До временъ Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по колѣнамъ; не думали соединять народ-

ныхъ силъ въ общемъ правленіи, и даже изнуряли ихъ войнами междоусобными. Такъ Несторъ упоминаетъ о нападеніи Древлянъ, лѣсныхъ обитателей, и прочихъ окрестныхъ Славянъ на тихихъ Полянъ Кіевскихъ, которые болѣе ихъ наслаждались выгодами состоянія гражданскаго, и могли быть предметомъ зависти (83). Люди грубые, полудикіе, не знаютъ духа народнаго, и хотятъ лучше вдругъ отнять, нежели медленно присвоить себѣ такія выгоды мирнымъ трудолюбіемъ. Сіе междоусобіе предавало Славянъ Россійскихъ въ жертву внѣшнимъ непріятелямъ. Обры или Авары, въ VI и VII вѣкѣ господствуя въ Дакіи, повелѣвали и Дулѣбами, обитавшими на Бугѣ; нагло оскорбляли цѣломудріе женъ Славянскихъ и впрягали ихъ, вмѣсто воловъ и коней, въ свои колесницы; но сіи варвары, *великіе тѣломъ и гордые умомъ* (пишетъ Несторъ), исчезли въ нашемъ отечествѣ отъ моровой язвы, и гибель ихъ долго была пословицею въ землѣ Русской (84). — Скоро явились другіе завоеватели: на Югѣ Козары, Варяги на Сѣверѣ.

Междоусобіе Славянъ Россійскихъ.

Господство и гибель Обровъ.

Козары или Хазары, единоплеменные съ Турками, издревле обитали на западной сторонѣ Каспійскаго моря, называемаго Хазарскимъ въ Географіяхъ Восточныхъ (85). Еще съ третьяго столѣтія они

Козары.

извѣстны по Армянскимъ лѣтописямъ: Европа же узнала ихъ въ четвертомъ вѣкѣ вмѣстѣ съ Гуннами, между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, на степяхъ Астраханскихъ. Аттила властвовалъ надъ ними: Болгары также, въ исходѣ V вѣка; но Козары, все еще сильные, опустошали между тѣмъ южную Азію, и Хозрой, Царь Персидскій, долженъ быть заградить отъ нихъ свои области огромною стѣною, славною въ лѣтописяхъ подъ именемъ Кавказской, и донынѣ еще удивительною въ своихъ развалинахъ (86). Въ VII вѣкѣ они являются въ Исторіи Византійской съ великимъ блескомъ и могуществомъ, даютъ многочисленное войско въ помощь Императору (который изъ благодарности надѣлъ Діадиму Царскую на ихъ Кагана или Хакана (87), именуя его сыномъ своимъ); два раза входятъ съ нимъ въ Персію, нападаютъ на Угровъ, Болгаровъ, ослабленныхъ раздѣломъ сыновей Кувратовыхъ, и покоряютъ всю землю отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго, Фанагорію, Воспоръ и большую часть Тавриды, называемой потомъ нѣсколько вѣковъ *Козаріею* (88). Слабая Греція не смѣла отражать новыхъ завоевателей: ея Цари искали убѣжища въ ихъ станахъ, дружбы и родства съ Каганами; въ знакъ своего къ нимъ почтенія украшались въ нѣкоторые торжественные дни одеждою Козарскою, и стражу свою составили изъ сихъ храбрыхъ Азіатцевъ. Имперія въ самомъ дѣлѣ могла хвалиться ихъ дружбою; но оставляя въ

покоѣ Константинополь, они свирѣпствовали въ Арменіи, Иверіи, Мидіи; вели кровопролитныя войны съ Аравитянами, тогда уже могущественными, и нѣсколько разъ побѣждали ихъ знаменитыхъ Калифовъ.

Разсѣянныя племена Славянскія не могли противиться такому непріятелю, когда онъ силу оружія своего въ исходѣ VII вѣка, или уже въ VIII, обратилъ къ берегамъ Днѣпра и самой Оки. Жители Кіевскіе, Сѣверяне, Радимичи и Вятичи признали надъ собою власть Каганову. «Кіевляне — пишетъ Несторъ — дали своимъ «завоевателямъ по *мечу съ дыма*, и мудрые стар«цы Козарскіе въ горестномъ предчувствіи ска«зали: *мы будемъ данниками сихъ людей: ибо «мечи ихъ остры съ обѣихъ сторонъ, а наши сабли «имѣютъ одно лезвее.*» Басня изобрѣтенная уже въ счастливыя времена оружія Россійскаго, въ X или XI вѣкѣ! По крайней мѣрѣ завоеватели *не удовольствовались мечами*, но обложили Славянъ иною данію, и брали, какъ говоритъ самъ Лѣтописецъ, по бѣлкѣ съ дома (89): налогъ весьма естественный въ земляхъ сѣверныхъ, гдѣ теплая одежда бываетъ одною изъ главныхъ потребностей человѣка, и гдѣ промышленность людей ограничивалась только необходимымъ для жизни. Славяне, долго грабивъ за Дунаемъ владѣнія Греческія, знали цѣну золота и серебра; но сіи металлы еще не были въ народномъ употребленіи между ими. Козары искали золота въ Азіи, и получали его въ даръ отъ Императо-

ровъ; въ Россіи же, богатой единственно дикими произведеніями Натуры, довольствовались подданствомъ жителей и добычею ихъ звѣриной ловли. Иго сихъ завоевателей, кажется, не угнетало Славянъ: по крайней мѣрѣ Лѣтописецъ нашъ, изобразивъ бѣдствія, претерпѣнныя народомъ его отъ жестокости Обровъ, не говоритъ ничего подобнаго о Козарахъ. Все доказываетъ, что они имѣли уже обычаи гражданскіе. Ханы ихъ жили издавна въ Балангіарѣ или Ателѣ (богатой и многолюдной столицѣ, основанной близъ Волжскаго устья Хозроемъ, Царемъ Персидскимъ), а послѣ въ знаменитой купечествомъ Тавридѣ. Гунны и другіе Азіатскіе варвары любили только разрушать города: но Козары требовали искусныхъ зодчихъ отъ Греческаго Императора Ѳеофила и построили на берегу Дона, въ нынѣшней землѣ Козаковъ, крѣпость Саркелъ для защиты владѣній своихъ отъ набѣга кочующихъ народовъ; вѣроятно, что *Каганово городище*, близъ Харькова, и другія, называемыя *Козарскими*, близъ Воронежа, суть также памятники ихъ древнихъ, хотя и неизвѣстныхъ намъ городовъ. Бывъ сперва идолопоклонники, они въ осьмомъ столѣтіи приняли Вѣру Іудейскую, а въ 858 Христіанскую (90). . . . Ужасая Монарховъ Персидскихъ, самыхъ грозныхъ Калифовъ, и покровительствуя Императоровъ Греческихъ, Козары не могли предвидѣть, что Славяне, порабощенные ими безъ всякаго

кровопролитія, испровергнутъ ихъ сильную Державу.

Но могущество нашихъ предковъ на Югѣ долженствовало быть слѣдствіемъ подданства ихъ на Сѣверѣ. Козары не властвовали въ Россіи далѣе Оки: Новогородцы, Кривичи были свободны до 859 года. Тогда — замѣтимъ сіе *первое хронологическое* показаніе въ Несторѣ — какіе-то смѣлые и храбрые завоеватели, именуемые въ нашихъ лѣтописяхъ Варягами, пришли изъ-за Балтійскаго моря и наложили дань на Чудь, Славянъ Ильменскихъ, Кривичей, Мерю, и хотя были чрезъ два года изгнаны ими, но Славяне, утомленные внутренними раздорами, въ 862 году снова призвали къ себѣ трехъ братьевъ Варяжскихъ, отъ *племени Русскаго*, которые сдѣлались первыми Властителями въ нашемъ древнемъ отечествѣ, и по которымъ оно стало именоваться *Русью* ([91]). — Сіе происшествіе важное, служащее основаніемъ Исторіи и величія Россіи, требуетъ отъ насъ особеннаго вниманія и разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ.

Варяги

Русь.

Прежде всего рѣшимъ вопросъ: кого именуетъ Несторъ Варягами? Мы знаемъ, что Балтійское море издревле называлось въ Россіи *Варяжскимъ* ([92]): кто же въ сіе время — то есть, въ девятомъ вѣкѣ — господствовалъ на водахъ его? Скан-

динавы, или жители трехъ Королевствъ, Даніи, Норвегіи и Швеціи, единоплеменные съ Готѳами. Они, подъ общимъ именемъ Норманов или *Сѣверныхъ людей*, громили тогда Европу (93). Еще Тацитъ упоминаетъ о мореходствѣ Свеоновъ или Шведовъ; еще въ шестомъ вѣкѣ Датчане приплывали къ берегамъ Галліи (94): въ концѣ осьмаго слава ихъ уже вездѣ гремѣла, и флаги Скандинавскіе, развѣваясь предъ глазами Карла Великаго, смиряли гордость сего Монарха, который съ досадою видѣлъ, что Норманы презираютъ власть и силу его. Въ девятомъ вѣкѣ они грабили Шотландію, Англію, Францію, Андалузію, Италію; утвердились въ Ирландіи и построили тамъ города, которые донынѣ существуютъ; въ 911 году овладѣли Нормандіею; наконецъ основали Королевство Неаполитанское, и подъ начальствомъ храбраго Вильгельма въ 1066 году покорили Англію. Мы уже говорили о древнемъ ихъ плаваніи вокругъ Нордъ-Капа или Сѣвернаго мыса: нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что они за 500 лѣтъ до Коломба открыли полуночную Америку и торговали съ ея жителями (95). Предпринимая такія отдаленныя путешествія и завоеванія, могли ли Норманы оставить въ покоѣ страны ближайшія: Эстонію, Финляндію и Россію? Нельзя, конечно, вѣрить Датскому Историку Саксону Грамматику, именующему Государей, которые будто бы царствовали въ нашемъ отечествѣ прежде Рождества Христова и вступали въ родственные союзы съ Королями Скандинав-

скими [96]: ибо Саксонъ не имѣлъ никакихъ историческихъ памятниковъ для описанія сей глубокой древности, и замѣнялъ оные вымыслами своего воображенія; не льзя также вѣрить и баснословнымъ *Исландскимъ повѣстямъ*, сочиненнымъ, какъ мы уже замѣтили, въ новѣйшія времена и не рѣдко упоминающимъ о древней Россіи, которая называется въ нихъ Острагардомъ, Гардарикіею, Гольмгардомъ и Греціею: но Руническіе камни, находимые въ Швеціи, Норвегіи, Даніи и гораздо древнѣйшіе Христіанства, введеннаго въ Скандинавіи около десятаго вѣка, доказываютъ своими надписями (въ коихъ именуется Girkia, Grikia или Россія), что Норманы давно имѣли съ нею сообщеніе [97]. А какъ въ то время, когда, по извѣстію Несторовой лѣтописи, Варяги овладѣли странами Чуди, Славянъ, Кривичей и Мери, не было на Сѣверѣ другаго народа, кромѣ Скандинавовъ, столь отважнаго и сильнаго, чтобы завоевать всю обширную землю отъ Бальтійскаго моря до Ростова (жилища Мери): то мы уже съ великою вѣроятностію заключить можемъ, что Лѣтописецъ нашъ разумѣетъ ихъ подъ именемъ Варяговъ. Но сія вѣроятность обращается въ совершенное удостовѣреніе, когда прибавимъ къ ней слѣдующія обстоятельства:

I. Имена трехъ Князей Варяжскихъ — Рюрика, Синеуса, Трувора — призванныхъ Славянами и Чудью, суть неоспоримо Норманскія: такъ въ лѣтописяхъ Франкскихъ около 850

года — что достойно замѣчанія — упоминается о трехъ *Рорикахъ:* одинъ названъ Вождемъ Датчанъ, другой Королемъ (Rex) Норманскимъ, третій просто Норманомъ (98); они воевали берега Фландріи, Эльбы и Рейна. Въ Саксонѣ Грамматикѣ, въ Стурлезонѣ и въ *Исландскихъ повѣстяхъ*, между именами Князей и Витязей Скандинавскихъ, находимъ *Рурика*, *Рерика*, *Трувара*, *Трувра*, *Сніо*, *Синія*. — II. Русскіе Славяне, будучи подъ владѣніемъ Князей Варяжскихъ, назывались въ Европѣ *Норманами:* что утверждено свидѣтельствомъ Ліутпранда, Кремонскаго Епископа, бывшаго въ десятомъ вѣкѣ два раза Посломъ въ Константинополѣ. «Руссовъ, говоритъ онъ, именуемъ и Норманами (99).» — III. Цари Греческіе имѣли въ первомъ-надесять вѣкѣ особенныхъ тѣлохранителей, которые назывались *Варягами*, Βάραγγοι, а по своему Wäringar, и состояли большею частію изъ Нормановъ (100). Слово Vaere, Vara, есть древнее Готское и значитъ *союзъ:* толпы Скандинавскихъ витязей, отправляясь въ Россію и въ Грецію искать счастія, могли именовать себя Варягами въ смыслѣ *союзниковъ* или товарищей (101). Сіе нарицательное имя обратилось въ собственное. — IV. Константинъ Багрянородный, царствовавшій въ десятомъ вѣкѣ, описывая сосѣдственныя съ Имперіею земли, говоритъ о порогахъ Днѣпровскихъ и сообщаетъ имена ихъ на *Славянскомъ* и *Русскомъ* языкѣ. Русскія имена кажутся Скандинавскими: по

крайней мѣрѣ не могутъ быть изъяснены иначе ([102]). — V. Законы, данные Варяжскими Князьями нашему Государству, весьма сходны съ Норманскими. Слова *Тiунъ*, *Вира* и прочія, которыя находятся въ *Русской Правдѣ*, суть древнія Скандинавскія или Нѣмецкія (о чемъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ). — VI. Самъ Несторъ повѣствуетъ, что Варяги живутъ на морѣ Бальтiйскомъ къ Западу ([103]), и что они разныхъ народовъ: Урмяне, Свiе, Англяне, Готы. Первое имя въ особенности означаетъ Норвежцевъ, второе Шведовъ, а подъ Готами Несторъ разумѣетъ жителей Шведской Готiи. Англяне же причислены имъ къ Варягамъ для того, что они вмѣстѣ съ Норманами составляли Варяжскую дружину въ Константинополѣ ([104]). И такъ сказанiе нашего собственнаго Лѣтописца подтверждаетъ истину, что Варяги его были Скандинавы ([105]).

Но сiе общее имя Датчанъ, Норвежцевъ, Шведовъ, не удовлетворяетъ любопытству Историка: мы желаемъ знать, какой народъ, въ особенности называясь *Русью*, далъ отечеству нашему и первыхъ Государей и самое имя, уже въ концѣ девятаго вѣка страшное для Имперiи Греческой? Напрасно въ древнихъ лѣтописяхъ Скандинавскихъ будемъ искать объясненiя: тамъ нѣтъ ни слова о Рюрикѣ и братьяхъ его, призванныхъ властвовать надъ Славянами ([106]); однакожь Историки находятъ основательныя причины думать, что Несторовы Варяги-Русь оби-

тали въ Королевствѣ Шведскомъ, гдѣ одна приморская область издавна именуется *Росскою*, Roslagen ([107]). Жители ея могли въ VII, VIII или IX вѣкѣ быть извѣстны, въ земляхъ сосѣдственныхъ, подъ особенныхъ названіемъ такъ же, какъ и Готландцы, коихъ Несторъ всегда отличаетъ отъ Шведовъ ([108]). Финны, имѣя нѣкогда съ *Рос*-лагеномъ болѣе сношенія, нежели съ прочими странами Швеціи, донынѣ именуютъ *всѣхъ* ея жителей вообще *Россами*, *Ротсами*, *Руотсами* ([109]). — Сіе мнѣніе основывается еще на любопытномъ свидѣтельствѣ историческомъ.

Въ Бертинскихъ Лѣтописяхъ, изданныхъ Дюшеномъ, между случаями 839 года описывается слѣдующее происшествіе: ([110]) «Греческій Импе-«раторъ Ѳеофилъ прислалъ Пословъ къ Импе-«ратору Франковъ, Людовику *Благонравному*, и «съ ними людей, которые называли себя *Росса-«ми* (Rhos), а Короля своего Хаканомъ (или Га-«каномъ), и пріѣзжали въ Константинополь для «заключенія дружественнаго союза съ Имперіею. «Ѳеофилъ въ грамотѣ своей просилъ Людовика, «чтобы онъ далъ имъ способъ безопасно возвра-«титься въ ихъ отечество: ибо они ѣхали въ «Константинополь чрезъ земли многихъ дикихъ, «варварскихъ и свирѣпыхъ народовъ: для чего «Ѳеофилъ не хотѣлъ снова подвергнуть ихъ та-«кимъ опасностямъ. Людовикъ, распрашивая «сихъ людей, узналъ, что они принадлежатъ къ «народу *Шведскому*.» — Гаканъ былъ конечно однимъ изъ Владѣтелей Швеціи, раздѣленной

тогда на маленькія области, и свѣдавъ о славѣ Императора Греческаго, вздумалъ отправить къ нему Пословъ.

Сообщимъ и *другое* мнѣніе съ его доказательствами. Въ *Степенной Книгѣ* XVI вѣка и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Рюрикъ съ братьями вышелъ *изъ Пруссіи*, гдѣ издавна назывались Курскій заливъ *Русною*, сѣверный рукавъ Нѣмена или Мемеля *Руссою*, окрестности же ихъ *Порусьемъ*. Варяги-Русь могли переселиться туда изъ Скандинавіи, изъ Швеціи, изъ самаго Рослагена, согласно съ извѣстіемъ древнѣйшихъ Лѣтописцевъ Пруссіи, увѣряющихъ, что ея первобытные жители, Ульмиганы или Ульмигеры, были въ гражданскомъ состояніи образованы Скандинавскими выходцами, которые умѣли читать и писать. Долго обитавъ между Латышами, они могли разумѣть языкъ Славянскій и тѣмъ удобнѣе примѣниться къ обычаямъ Славянъ Новогородскихъ. Симъ удовлетворительно изъясняется, отъ чего въ древнемъ Новѣгородѣ одна изъ многолюднѣйшихъ улицъ называлась Прусскою. Замѣтимъ также свидѣтельство Географа Равенскаго: онъ жилъ въ VII вѣкѣ, и пишетъ, что близъ моря, гдѣ впадаетъ въ него рѣка Висла, есть отечество *Роксоланъ* (111): думаютъ, нашихъ Россовъ, коихъ владѣніе могло простираться отъ Курскаго залива до устья Вислы. — Вѣроятность остается вѣроятностію: по крайней мѣрѣ знаемъ, что какой-то народъ *Шведскій* въ 839 году,

слѣдственно еще до пришествія Князей Варяжскихъ въ землю Новогородскую и Чудскую, именовался въ Константинополѣ и въ Германіи *Россами* (112).

Предложивъ отвѣтъ на вопросы: *кто были Варяги* вообще и *Варяги-Русь* въ особенности (113)? скажемъ мнѣніе свое о Несторовой Хронологіи. Не скоро Варяги могли овладѣть всею обширною страною отъ Бальтійскаго моря до Ростова, гдѣ обиталъ народъ Меря; не скоро могли въ ней утвердиться, такъ, чтобы обложить всѣхъ жителей данію; не вдругъ могли Чудь и Славяне соединиться для изгнанія завоевателей, и всего труднѣе вообразить, чтобы они, освободивъ себя отъ рабства, *немедленно* захотѣли снова отдаться во власть чужеземцевъ: но Лѣтописецъ объявляетъ, что Варяги пришли отъ Бальтійскаго моря въ 859 году, и что въ 862 Варягъ Рюрикъ и братья его уже княжили въ Россіи полунощной (114)!... Междоусобіе и внутренніе безпорядки открыли Славянамъ опасность и вредъ народнаго правленія; но не знавъ инаго въ теченіе многихъ столѣтій, уже ли въ *нѣсколько мѣсяцевъ* они возненавидѣли его и единодушно увѣрились въ пользѣ Самодержавія? Для сего надлежало бы, кажется, перемѣниться обычаямъ и нравамъ; надлежало бы имѣть опытность долговременную въ несчастіяхъ: но обычаи и нравы не могли перемѣниться въ два года Варяжскаго правленія, до котораго они, по словамъ Нестора, умѣли довольствоваться древ-

ними законами отцевъ своихъ ([115]). Что вооружило ихъ противъ Норманскихъ завоевателей? любовь къ независимости — и вдругъ сей народъ требуетъ уже Властителей? . . . Историкъ долженъ по крайней мѣрѣ изъявить сомнѣніе и признать вѣроятною мысль нѣкоторыхъ ученыхъ мужей, полагающихъ, что Норманы ранѣе 859 года брали дань съ Чуди и Славянъ ([116]). Какъ Несторъ могъ знать годы происшествій за 200 и болѣе лѣтъ до своего времени? Славяне, по его же извѣстію, тогда еще не вѣдали употребленія буквъ ([117]): слѣдственно онъ не имѣлъ никакихъ письменныхъ памятниковъ для нашей *древней* Исторіи, и счисляетъ годы со временъ Императора Михаила, какъ самъ говоритъ, для того, что Греческіе Лѣтописцы относятъ первое нашествіе Россіянъ на Константинополь къ Михаилову царствованію ([118]). Изъ сего едва ли не должно заключить, что Несторъ по одной догадкѣ, по одному вѣроятному соображенію съ извѣстіями Византійскими, хронологически расположилъ начальныя происшествія въ своей лѣтописи. Самая краткость его въ описаніи временъ Рюриковыхъ и слѣдующихъ заставляетъ думать, что онъ говоритъ о томъ единственно по изустнымъ преданіямъ, всегда немногословнымъ. Тѣмъ достовѣрнѣе сказаніе нашего Лѣтописца въ разсужденіи главныхъ случаевъ: ибо сія краткость доказываетъ, что онъ не хотѣлъ прибѣгать къ вымысламъ; но лѣтосчисленіе дѣлается сомнительнымъ. При Дворѣ Вели-

кихъ Князей, въ ихъ дружинѣ отборной и въ самомъ народѣ долженствовала храниться память Варяжскаго завоеванія и первыхъ Государей Россіи; но вѣроятно ли, чтобы старцы и Бояре Княжескіе, коихъ разсказы служили, можетъ быть, основаніемъ нашей древнѣйшей лѣтописи, умѣли съ точностію опредѣлить годъ каждаго случая? Положимъ, что языческіе Славяне, замѣчая лѣта какими нибудь знаками, имѣли вѣрную Хронологію [119]: одно ея соображеніе съ Хронологіею Византійскою, принятою ими вмѣстѣ съ Христіанствомъ, не могло ли ввести нашего перваго Лѣтописца въ ошибку? — Впрочемъ мы не можемъ замѣнить лѣтосчисленія Несторова другимъ вѣрнѣйшимъ; не можемъ ни рѣшительно опровергнуть [120], ни исправить его, и для того, слѣдуя оному во всѣхъ случаяхъ, начинаемъ Исторію Государства Россійскаго съ 862 года.

Но прежде должно имѣть понятіе о *древнемъ* характерѣ народа Славянскаго *вообще*, чтобы Исторія Славянъ Россійскихъ была для насъ и яснѣе и любопытнѣе. Воспользуемся извѣстіями современныхъ Византійскихъ и другихъ, не менѣе достовѣрныхъ Лѣтописцевъ, прибавивъ къ нимъ сказанія Несторовы о нравахъ предковъ нашихъ въ *особенности*.

ГЛАВА III.

О физическомъ и нравственномъ характерѣ Славянъ древнихъ.

Ихъ природное сложеніе и свойства: храбрость, хищность, жестокость, добродушіе, гостепріимство. Брачное цѣломудріе. Жены и дѣти. Нравы Славянъ Россійскихъ въ особенности. Жилища. Скотоводство и земледѣліе. Пища, одежда. Торговля. Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры. Счисленіе. Имена мѣсяцевъ. Правленіе. Вѣра. Языкъ и грамота.

Не только въ степеняхъ гражданскаго образованія, въ обычаяхъ и нравахъ, въ душевныхъ силахъ и способностяхъ ума, но и въ самыхъ тѣлесныхъ свойствахъ видимъ такое различіе между народами, что остроумнѣйшій Писатель XVIII вѣка, Вольтеръ, не хотѣлъ вѣрить ихъ общему происхожденію отъ единаго корня или племени. Другіе, конечно справедливѣе и сообразнѣе съ нашими Священными преданіями, изъясняютъ сіе несходство дѣйствіемъ разныхъ климатовъ и естественныхъ, невольныхъ привычекъ, которыя отъ онаго раждаются въ людяхъ. Если два народа, обитающіе подъ вліяніемъ одного неба, представляютъ намъ великое различіе въ своей наружности и въ физическихъ свойствахъ: то можемъ смѣло заключить, что они не всегда жили сопредѣльно. Климатъ умѣренный, не

жаркій, даже холодный, способствуя долголѣтію, какъ замѣчаютъ Медики, благопріятствуетъ и крѣпости состава и дѣйствію силъ тѣлесныхъ. Обитатель южнаго Пояса, томимый зноемъ, отдыхаетъ болѣе, нежели трудится — слабѣетъ въ нѣгѣ и въ праздности. Но житель полунощныхъ земель любитъ движеніе, согрѣвая имъ кровь свою; любитъ дѣятельность; привыкаетъ сносить частыя перемѣны воздуха, и терпѣніемъ укрѣпляется. Таковы были древніе Славяне по описанію современныхъ Историковъ, которые согласно изображаютъ ихъ бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственныя климату сѣверному, они сносили голодъ и всякую нужду; питались самою грубою, сырою пищею; удивляли Грековъ своею быстротою; съ чрезвычайною легкостію всходили на крутизны, спускались въ разсѣлины; смѣло бросались въ опасныя болота и въ глубокія рѣки. Думая, безъ сомнѣнія, что главная красота мужа есть крѣпость въ тѣлѣ, сила въ рукахъ и легкость въ движеніяхъ, Славяне мало пеклися о своей наружности: въ грязи, въ пыли, безъ всякой опрятности въ одеждѣ, являлись во многочисленномъ собраніи людей. Греки, осуждая сію нечистоту (121), хвалятъ ихъ стройность, высокій ростъ и мужественную пріятность лица. Загарая отъ

Сложеніе.

жаркихъ лучей солнца, они казались смуглыми, и всѣ безъ исключенія были русые, подобно другимъ кореннымъ Европейцамъ. — Сіе изображеніе Славянъ и Антовъ основано на свидѣтельствѣ Прокопія и Маврикія, которые знали ихъ въ VI вѣкѣ (122).

Храбрость.

Извѣстіе Іорнанда о Венедахъ, безъ великаго труда покоренныхъ въ IV вѣкѣ Готѳскимъ Царемъ Эрманарихомъ, показываетъ, что они еще не славились тогда воинскимъ искусствомъ. Послы отдаленныхъ Славянъ Бальтійскихъ, ушедшихъ изъ Баянова стана во Ѳракію, также описывали народъ свой тихимъ и миролюбивымъ (123); но Славяне Дунайскіе, оставивъ свое древнее отечество на Сѣверѣ, въ VI вѣкѣ доказали Греціи, что храбрость была ихъ природнымъ свойствомъ, и что она съ малою опытностію торжествуетъ надъ искусствомъ долголѣтнымъ. Нѣсколько времени Славяне убѣгали сраженій въ открытыхъ поляхъ и боялись крѣпостей (124); но узнавъ, какъ ряды Легіоновъ Римскихъ могутъ быть разрываемы нападеніемъ быстрымъ и смѣлымъ, уже нигдѣ не отказывались отъ битвы, и скоро научились брать мѣста укрѣпленныя. Греческія лѣтописи не упоминаютъ ни объ одномъ главномъ или общемъ Полководцѣ Славянъ; они имѣли Вождей только частныхъ; сражались не стѣною, не рядами сомкнутыми,

но толпами разсѣянными, и всегда пѣшіе, слѣдуя не общему велѣнію, не единой мысли начальника, а внушенію своей особенной, личной смѣлости и мужества; не зная благоразумной осторожности, которая предвидитъ опасность и бережетъ людей, но бросаясь прямо въ средину враговъ. Чрезвычайная отважность Славянъ была столь извѣстна, что Ханъ Аварскій всегда ставилъ ихъ впереди своего многочисленнаго войска, и сіи люди неустрашимые, видя иногда измѣну хитрыхъ Аваровъ, гибли съ отчаяніемъ. — Византійскіе Историки пишутъ, что Славяне сверхъ ихъ обыкновенной храбрости, имѣли особенное искусство биться въ ущельяхъ, скрываться въ травѣ, изумлять непріятелей мгновеннымъ нападеніемъ и брать ихъ въ плѣнъ. Такъ знаменитый Велисарій, при осадѣ Авксима, избралъ въ войскѣ своемъ Славянина, чтобы схватить и представить ему одного Готѳа живаго. Они умѣли еще долгое время таиться въ рѣкахъ и дышать свободно посредствомъ сквозныхъ тростей, выставляя конецъ ихъ на поверхность воды. — Древнее оружіе Славянское состояло въ мечахъ, дротикахъ, стрѣлахъ намазанныхъ ядомъ, и въ большихъ, весьма тяжелыхъ щитахъ ([125]).

Храбрость, всегда знаменитое свойство народное, можетъ ли въ людяхъ полудикихъ основываться на одномъ славолюбіи, сродномъ только человѣку образованному? Скажемъ смѣло, что она была въ мірѣ злодѣйствомъ прежде, нежели обратилась въ добродѣтель, которая утверждаетъ

благоденствіе Государствъ: хищность родила ее, корыстолюбіе питало. Славяне, ободренные воинскими успѣхами, чрезъ нѣкоторое время долженствовали открыть въ себѣ гордость народную, благородный источникъ дѣлъ славныхъ: отвѣтъ Лавритаса Послу Баянову доказываетъ уже сію великодушную гордость ([126]); но что могло сначала вооружить ихъ противъ Римлянъ? Не желаніе славы, а желаніе добычи, которою пользовались Готѳы, Гунны и другіе народы; ей жертвовали Славяне своею жизнію, и никакимъ другимъ варварамъ не уступали въ хищности. Поселяне Римскіе, слыша о переходѣ войска ихъ за Дунай, оставляли домы и спасались бѣгствомъ въ Константинополь со всѣмъ имѣніемъ; туда же спѣшили и Священники съ драгоцѣнною утваріею церковною ([127]). Иногда, гонимые сильнѣйшими Легіонами Имперіи, и не имѣя надежды спасти добычу, Славяне бросали ее въ пламя, и врагамъ своимъ оставляли на пути однѣ кучи пепла. Многіе изъ нихъ, не боясь поиска Римлянъ, жили на полуденныхъ берегахъ Дуная въ пустыхъ замкахъ или пещерахъ, грабили селенія, ужасали земледѣльцевъ и путешественниковъ ([128]). — Лѣтописи VI вѣка изображаютъ самыми черными красками жестокость Славянъ въ разсужденіи Грековъ ([129]); но сія жестокость, свойственная впрочемъ

Хищность.

Жестокость.

народу необразованному и воинственному, была также и дѣйствіемъ мести. Греки, озлобленные ихъ частыми нападеніями, безжалостно терзали Славянъ, которые попадались имъ въ руки, и которые сносили всякое истязаніе съ удивительною твердостію, безъ вопля и стона; умирали въ мукахъ и не отвѣтствовали ни слова на распросы врага о числѣ и замыслахъ войска ихъ (130). — Такимъ образомъ Славяне свирѣпствовали въ Имперіи и не щадили собственной крови для пріобрѣтенія драгоцѣнностей, имъ ненужныхъ: ибо они — вмѣсто того, чтобы пользоваться ими — обыкновенно зарывали ихъ въ землю (131).

Добродушіе.

Сіи люди, на войнѣ жестокіе, оставляя въ Греческихъ владѣніяхъ долговременную память ужасовъ ея, возвращались домой съ однимъ своимъ природнымъ добродушіемъ. Современный Историкъ говоритъ, что они не знали ни лукавства, ни злости (132); хранили древнюю простоту нравовъ, неизвѣстную тогдашнимъ Грекамъ; обходились съ плѣнными дружелюбно и назначали всегда срокъ для ихъ рабства, отдавая имъ на волю, или выкупить себя и возвратиться въ отечество, или жить съ ними въ свободѣ и братствѣ.

Гостепріимство.

Столь же единогласно хвалятъ лѣтописи общее гостепріимство Славянъ, рѣдкое въ другихъ земляхъ и донынѣ весьма обыкно-

ное во всѣхъ Славянскихъ: такъ слѣды древ-
ь обычаевъ сохраняются въ теченіе многихъ
въ, и самое отдаленное потомство наслѣ-
ъ нравы своихъ предковъ. Всякой путеше-
нникъ былъ для нихъ какъ бы священнымъ:
ѣчали его съ ласкою, угощали съ радостію,
ожали съ благословеніемъ и сдавали другъ
у на руки. Хозяинъ отвѣтствовалъ народу за
пасность чужеземца, и кто не умѣлъ сбе-
гостя отъ бѣды или непріятности, тому
ли сосѣды за сіе оскорбленіе какъ за соб-
нное (133). Славянинъ, выходя изъ дому,
влялъ дверь отворенную и пищу готовую для
нника. Купцы, ремесленники охотно посѣ-
и Славянъ, между которыми не было для
ь ни воровъ, ни разбойниковъ (134); но бѣд-
человѣку, не имѣвшему способа хорошо
тить иностранца, позволялось украсть все
ное для того у сосѣда богатаго: важный долгъ
епріимства оправдывалъ и самое престу-
іе. Нельзя видѣть безъ удивленія сію крот-
добродѣтель — можно сказать — *обожаемую*
ми столь грубыми и хищными, каковы были
йскіе Славяне. Но если и добродѣтели и по-
народные всегда происходятъ отъ нѣкото-
ъ особенныхъ обстоятельствъ и случаевъ,
е можно ли заключить, что Славяне были
гда облаготворены иностранцами; что при-
ельность вселила въ нихъ любовь къ госте-
мству, а время обратило его въ обыкновеніе
конъ священный?.... Здѣсь представляются

мыслямъ нашимъ славные Финикіяне, которые за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова могли торговать съ Бальтійскими Венедами, и быть ихъ наставниками въ счастливыхъ изобрѣтеніяхъ ума гражданскаго ([135]).

Брачное цѣломудріе. Древніе Писатели хвалятъ цѣломудріе не только женъ, но и мужей Славянскихъ. Требуя отъ невѣстъ доказательства ихъ дѣвственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть вѣрными супругамъ ([136]). Славянки не хотѣли переживать мужей, и добровольно сожигались на кострѣ съ ихъ трупами. Вдова живая безчестила семейство. Думаютъ, что сіе варварское обыкновеніе, истребленное только благодѣтельнымъ ученіемъ Христіанской Вѣры, введено было Славянами (равно какъ и въ Индіи) для отвращенія тайныхъ мужеубійствъ: осторожность ужасная не менѣе самаго злодѣянія, которое предупреждалось ею! Жены. Они считали женъ совершенными рабами, во всякомъ случаѣ безотвѣтными; не дозволяли имъ ни противорѣчить себѣ, ни жаловаться; обременяли ихъ трудами, заботами хозяйственными, и воображали, что супруга, умирая вмѣстѣ съ мужемъ, должна служить ему и на томъ свѣтѣ. Сіе рабство женъ происходило, кажется, отъ того, что мужья обыкновенно покупали ихъ: обычай

донынѣ соблюдаемый въ Иллиріи ([137]). Удаленныя отъ дѣлъ народныхъ, Славянки ходили иногда на войну съ отцами и супругами, не боясь смерти: такъ при осадѣ Константинополя въ 626 году Греки нашли между убитыми Славянами многіе женскіе трупы ([138]). Мать, воспитывая дѣтей, готовила ихъ быть воинами и непримиримыми врагами тѣхъ людей, которые оскорбили ея ближнихъ: ибо Славяне, подобно другимъ народамъ языческимъ, стыдились забывать обиду. Страхъ неумолимой мести отвращалъ иногда злодѣянія: въ случаѣ убійства не только самъ преступникъ, но и весь родъ его безпрестанно ожидалъ своей гибели отъ дѣтей убитаго, которыя требовали крови за кровь ([139]).

Говоря о жестокихъ обычаяхъ Славянъ Дѣти. языческихъ, скажемъ еще, что всякая мать имѣла у нихъ право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишкомъ многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденнаго служить отечеству ([140]). Сему обыкновенію не уступало въ жестокости другое: право дѣтей умерщвлять родителей, обремененныхъ старостію и болѣзнями, тягостныхъ для семейства и безполезныхъ согражданамъ ([141]). Такъ народы самые добродушные, безъ правилъ ума образованнаго и Вѣры истинной, съ спокойною совѣстію могутъ ужа-

сать Природу своими дѣлами, и превосходить звѣрей въ лютости! Сіи дѣти, слѣдуя общему примѣру какъ закону древнему, не считали себя извергами: они, напротивъ того, славились почтеніемъ къ родителямъ, и всегда пеклись объ ихъ благосостояніи (142).

Нравы Славянъ Россійскихъ.

Къ описанію общаго характера Славянъ прибавимъ, что Несторъ особенно говоритъ о нравахъ Славянъ Россійскихъ. Поляне были образованнѣе другихъ, кротки и тихи обычаемъ; стыдливость украшала ихъ женъ; бракъ издревле считался святою обязанностію между ими; миръ и цѣломудріе господствовали въ семействахъ. Древляне же имѣли обычаи дикіе, подобно звѣрямъ, съ коими они жили среди лѣсовъ темныхъ, питаясь всякою нечистотою; въ распряхъ и ссорахъ убивали другъ друга; не знали браковъ, основанныхъ на взаимномъ согласіи родителей и супруговъ, но уводили или похищали дѣвицъ. — Сѣверяне, Радимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древлянамъ; также не вѣдали ни цѣломудрія, ни союзовъ брачныхъ; но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селеніями: женихи выбирали невѣстъ, и безъ всякихъ обрядовъ соглашались жить съ ними вмѣстѣ; многоженство было у нихъ въ обыкновеніи (143).

Сіи три народа, подобно Древлянамъ,

обитали во глубинѣ лѣсовъ, которые были ихъ защитою отъ непріятелей и представляли имъ удобность для звѣриной ловли ([144]). То же самое говоритъ Исторія VI вѣка о Славянахъ Дунайскихъ. Они строили бѣдныя свои хижины въ мѣстахъ дикихъ, уединенныхъ, среди болотъ непроходимыхъ, такъ, что иностранецъ не могъ путешествовать въ ихъ землѣ безъ вожатаго. Безпрестанно ожидая врага, Славяне брали еще и другую предосторожность: дѣлали въ жилищахъ своихъ разные выходы, чтобъ имъ можно было, въ случаѣ нападенія, тѣмъ скорѣе спастися бѣгствомъ, и скрывали въ глубокихъ ямахъ не только всѣ драгоцѣнныя вещи, но и самый хлѣбъ. Жилища.

Ослѣпленные безразсуднымъ корыстолюбіемъ, они искали мнимыхъ сокровищъ въ Греціи, имѣя въ странѣ своей, въ Дакіи и въ окрестностяхъ ея, истинное богатство людей ([145]): тучные луга для скотоводства и земли плодоносныя для хлѣбопашества, въ коемъ они издревле упражнялись, и которое вывело ихъ — можетъ быть, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова — изъ дикаго, кочеваго состоянія: ибо сіе благодѣтельное искусство было вездѣ первымъ шагомъ человѣка къ жизни гражданской, вселило въ него привязанность къ одному мѣсту и къ домашнему крову, дружество къ сосѣду и наконецъ Скотоводство и земледѣліе.

самую любовь къ отечеству. — Думаютъ, что Славяне узнали скотоводство только въ Дакіи: ибо слово *пастырь* есть Латинское, слѣдственно заимствованное ими отъ жителей сей земли, гдѣ языкъ Римлянъ былъ въ употребленіи ([146]); но сія мысль кажется неосновательною. Будучи въ сѣверномъ своемъ отечествѣ сосѣдами народовъ Германскихъ, Скиѳскихъ и Сарматскихъ, богатыхъ скотоводствомъ, Венеды или Славяне долженствовали издревле вѣдать сіе важное изобрѣтеніе человѣческаго хозяйства, едва ли не вездѣ предупредившее науку земледѣлія. — Пользуясь уже тѣмъ и другимъ, они имѣли все нужное для человѣка; не боялись ни голода, ни свирѣпостей зимы: поля и животныя давали имъ пищу и одежду. Въ VI вѣкѣ Сла-

Пища. вяне питались просомъ, гречихою и молокомъ; а послѣ выучились готовить разныя вкусныя яства, не жалѣя ничего для веселаго угощенія друзей, и доказывая въ такомъ случаѣ свое радушіе изобильною трапезою: обыкновеніе, еще и нынѣ наблюдаемое потомствомъ Славянскимъ. Медъ былъ ихъ любимымъ питьемъ: вѣроятно, что они сначала дѣлали его изъ меду лѣсныхъ, дикихъ пчелъ; а наконецъ и сами

Одежда. разводили ихъ ([147]). — Венеды, по извѣстію Тацитову, не отличались одеждою отъ Германскихъ народовъ, т. е. закрывали наготу

свою. Славяне въ VI вѣкѣ сражались безъ кафтановъ, нѣкоторые даже безъ рубахъ, въ однихъ портахъ. Кожи звѣрей, лѣсныхъ и домашнихъ, согрѣвали ихъ въ холодное время. Женщины носили длинное платье, украшаясь бисеромъ и металлами, добытыми на войнѣ или вымѣненными у купцевъ иностранныхъ ([148]).

Сіи купцы, пользуясь совершенною безопасностію въ земляхъ Славянскихъ, привозили имъ товары и мѣняли ихъ на скотъ, полотно, кожи, хлѣбъ и разную воинскую добычу. — Въ VIII вѣкѣ Славяне сами ѣздили для купли и продажи въ чужія земли. Карлъ Великій поручилъ торговлю съ ними въ Нѣмецкихъ городахъ особенному надзиранію своихъ чиновниковъ ([149]). Въ среднихъ вѣкахъ цвѣли уже нѣкоторые торговые города Славянскіе: Виннета или Юлинъ ([150]) при устьѣ Одера, Аркона на островѣ Рюгенѣ, Деминъ, Волгастъ въ Помераніи, и другіе. Первую описываетъ Гельмольдъ слѣдующимъ образомъ: «Тамъ, «гдѣ рѣка Одеръ впадаетъ въ море Бальтійское, славилась нѣкогда Виннета, лучшая пристань для народовъ сосѣдственныхъ. О семъ городѣ разсказываютъ «много удивительнаго; увѣряютъ, что онъ «превосходилъ величіемъ всѣ иные города «Европейскіе.... Саксонцы могли обитать «въ немъ, но долженствовали таить Хри-

Торговля.

«стіанскую Вѣру свою: ибо граждане Виннеты усердно слѣдовали обрядамъ язычества; впрочемъ не уступали никакому народу въ честности, добронравіи и ласковомъ гостепріимствѣ. Обогащенная товарами разныхъ земель, Виннета изобиловала всѣмъ пріятнымъ и рѣдкимъ. Повѣствуютъ, что Король Датскій, пришедшій съ флотомъ сильнымъ, разрушилъ «ее до основанія; но и нынѣ — т. е. въ XII «вѣкѣ — существуютъ остатки сего древняго города.» Впрочемъ торговля Славянъ, до введенія Христіанства въ ихъ земляхъ, состояла только въ обмѣнѣ вещей: они не употребляли денегъ и брали золото отъ чужестранцевъ единственно какъ товаръ ([151]).

Искусства. Бывъ въ Имперіи, и видѣвъ собственными глазами изящныя творенія Греческихъ художествъ, наконецъ строя города и занимаясь торговлею, Славяне имѣли нѣкоторое понятіе объ искусствахъ, соединенныхъ съ первыми успѣхами разума гражданскаго. Они вырѣзывали на деревѣ образы человѣка, птицъ, звѣрей, и красили ихъ разными цвѣтами, которые не измѣнялись отъ солнечнаго жара и не смывались дождемъ. Въ древнихъ могилахъ Вендскихъ нашлися многія глиняныя урны, весьма хорошо сдѣланныя, съ изображеніемъ львовъ, медвѣдей, орловъ, и по-

крытыя лакомъ; также копья, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанные, съ серебряною оправою и насѣчкою ([152]). Чехи задолго до временъ Карла Великаго занимались уже рудокопаніемъ ([153]), и въ Герцогствѣ Мекленбургскомъ, на южной сторонѣ Толлензскаго озера, въ Прильвицѣ, найдены въ XVII вѣкѣ мѣдные истуканы боговъ Славянскихъ, работы ихъ собственныхъ художниковъ, которые впрочемъ не имѣли понятія о красотѣ металлическихъ изображеній, отливая голову, станъ и ноги въ разныя формы, и весьма грубо ([154]). Такъ было и въ Греціи, гдѣ во времена Гомеровы художники уже славились ваяніемъ, но еще долго не умѣли отливать статуй въ одну форму. — Памятникомъ каменосѣчнаго искусства древнихъ Славянъ остались большія, гладко обдѣланныя плиты, на коихъ выдолблены изображенія рукъ, пятъ, копытъ и проч.

Любя воинскую дѣятельность и подвергая жизнь свою безпрестаннымъ опасностямъ, предки наши мало успѣвали въ зодчествѣ, требующемъ времени, досуга, терпѣнія, и не хотѣли строить себѣ домовъ прочныхъ: не только въ шестомъ вѣкѣ, но и гораздо послѣ обитали въ шалашахъ, которые едва укрывали ихъ отъ непогодъ и дождя. Самые города Славянскіе были не что иное, какъ собраніе хижинъ, окружен- Зодчество.

ныхъ заборомъ или землянымъ валомъ. Тамъ возвышались храмы идоловъ, не такія великолѣпныя зданія, какими гордились Египетъ, Греція и Римъ, но большіе деревянные кровы (155). Венеды называли ихъ *Гонтинами*, отъ слова *гонтъ*, донынѣ означающаго на Русскомъ языкѣ особенный родъ тесницъ, употребляемыхъ для кровли домовъ.

Не зная выгодъ роскоши, которая сооружаетъ палаты и выдумываетъ блестящія наружныя украшенія, древніе Славяне въ низкихъ хижинахъ своихъ умѣли наслаждаться дѣйствіемъ такъ называемыхъ Искусствъ Изящныхъ. Первая нужда людей есть пища и кровъ, вторая удовольствіе — и самые дикіе народы ищутъ его въ согласіи звуковъ, веселящихъ душу посредствомъ слуха. Сѣверные Венеды въ шестомъ вѣкѣ сказывали Греческому Императору, что главное услажденіе жизни ихъ есть музыка, и что они берутъ обыкновенно въ путь въ собою не оружіе, а киѳары или гусли, ими выдуманныя (156). Волынка, гудокъ и дудка были также извѣстны предкамъ нашимъ: ибо всѣ народы Славянскіе донынѣ любятъ ихъ. Не только въ мирное время и въ отчизнѣ, но и въ набѣгахъ своихъ, въ виду многочисленныхъ враговъ, Славяне веселились, пѣли и забывали опасность. Такъ Прокопій, опи-

Музыка.

сывая въ 592 году ночное нападеніе Греческаго Вождя на ихъ войско, говоритъ, что они усыпили себя пѣснями и не взяли никакихъ мѣръ осторожности. Нѣкоторыя народныя пѣсни Славянскія въ Лаузицѣ, въ Люнебургѣ, въ Далмаціи, кажутся древними (157): также и старинные припѣвы Русскихъ, въ коихъ величаются имена боговъ языческихъ и рѣки Дуная, любезнаго нашимъ предкамъ, ибо на берегахъ его искусились они нѣкогда въ воинскомъ счастіи. Вѣроятно, что сіи пѣсни, мирныя въ первобытномъ отечествѣ Венедовъ, еще не знавшихъ славы и побѣды, обратились въ воинскія, когда народъ ихъ приближился къ Имперіи, и вступилъ въ Дакію; вѣроятно, что онѣ воспламеняли сердца огнемъ мужества, представляли уму живыя картины битвъ и кровопролитія, сохраняли память дѣлъ великодушія, и были въ нѣкоторомъ смыслѣ древнѣйшею Исторіею Славянскою. Такъ вездѣ раждалось Стихотворство, изображая главныя склонности народныя; такъ пѣсни самыхъ нынѣшнихъ Кроатовъ болѣе всего славятъ мужество и память великихъ предковъ; но другія, любимыя Нѣмецкими Вендами, возбуждаютъ только къ веселью и къ счастливому забвенію житейскихъ горестей; иныя же совсѣмъ не имѣютъ смысла, подобно нѣкоторымъ Русскимъ; нравятся однимъ согласіемъ звуковъ и мягкихъ словъ, дѣйствуя только на слухъ и не представляя ничего разуму.

Сердечное удовольствіе, производимое музы-

кою, заставляетъ людей изъявлять оное
Пляска. разными тѣлодвиженіями: рождается *пляска*, любимая забава самыхъ дикихъ народовъ. По нынѣшней Русской, Богемской, Далматской можемъ судить о древней пляскѣ Славянъ, которою они торжествовали священные обряды язычества и всякіе пріятные случаи ([158]): она состоитъ въ томъ, чтобы, въ сильномъ напряженіи мышцей, взмахивать руками, вертѣться на одномъ мѣстѣ, присѣдать, топать ногами, и соотвѣтствуетъ характеру людей крѣпкихъ,
Игры. дѣятельныхъ, неутомимыхъ. — Народныя игры и потѣхи, донынѣ единообразныя въ земляхъ Славянскихъ: борьба, кулачный бой, бѣганье взапуски, остались также памятникомъ ихъ древнихъ забавъ, представляющихъ намъ образъ войны и силы.

Въ дополненіе къ симъ извѣстіямъ замѣтимъ, что Славяне, еще не зная грамоты, имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія въ Ариѳметикѣ, въ Хронологіи. Домоводство, война, торговля пріучили ихъ ко многосложному
Счисленіе. счисленію; имя *тма*, знаменующее 10,000, есть древнее Славянское. Наблюдая теченіе года, они, подобно Римлянамъ, дѣлили его на 12 мѣсяцевъ, и каждому изъ оныхъ дали названіе согласное съ временными явленіями или дѣйствіями Природы:
Имена мѣсяцевъ. Генварю *Просинецъ* (вѣроятно, отъ *синеты* неба), Февралю *Сѣчень*, Марту *Сухій*,

Апрѣлю *Березозолъ* (думаю, отъ золы березовой), Маію *Травный*, Іюню *Изокъ* (такъ называлась у Славянъ какая-то пѣвчая птица), Іюлю *Червенъ* (не отъ красныхъ ли плодовъ или ягодъ?), Августу *Заревъ* (отъ зари или зарницы), Сентябрю *Рюенъ* (или *Ревунъ*, какъ толкуютъ: отъ *рева* звѣрей), Октябрю *Листопадъ*, Ноябрю *Груденъ* (отъ *грудъ* снѣга или мерзлой грязи?), Декабрю *Студеный* ([159]). Столѣтіе называлось *вѣкомъ*, то есть, жизнію человѣческою, во свидѣтельство, сколь предки наши обыкновенно долгоденствовали, одаренные крѣпкимъ сложеніемъ и здравые физическою дѣятельностію. —

Сей народъ, подобно всѣмъ инымъ, въ началѣ гражданскаго бытія своего не зналъ выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣлъ ни властелиновъ, ни рабовъ въ землѣ своей, и думалъ, что свобода дикая, неограниченная, есть главное добро человѣка ([160]). Хозяинъ господствовалъ въ домѣ: отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякой строилъ себѣ хижину особенную, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ, чтобы жить спокойнѣе и безопаснѣе. Лѣсъ, ручей, поле, составляли его область, въ которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимою Республикою; но общіе древніе

Правленіе.

обычаи служили между ими нѣкоторою гражданскою связію. Въ случаяхъ важныхъ единоплеменные сходились вмѣстѣ совѣтоваться о благѣ народномъ, уважая приговоръ старцевъ, сихъ живыхъ книгъ опытности и благоразумія для народовъ дикихъ ([161]); вмѣстѣ также, предпринимая воинскіе походы, избирали Вождей, хотя, любя своевольство и боясь всякаго принужденія, весьма ограничивали власть ихъ, и часто не повиновались имъ въ самыхъ битвахъ. Совершивъ общее дѣло и возвратясь домой, всякой опять считалъ себя большимъ и главою въ своей хижинѣ.

Въ теченіе временъ сія дикая простота нравовъ должна была измѣниться. Славяне, грабя Имперію, гдѣ царствовала роскошь, узнали новыя удовольствія и потребности, которыя, ограничивъ ихъ независимость, укрѣпили между ими связь гражданскую. Они почувствовали болѣе нужды другъ въ другѣ, сблизились жилищами и завели селенія ([162]); другіе, видя въ чужихъ земляхъ грады великолѣпные и веси цвѣтущія, разлюбили мрачные лѣса свои, нѣкогда украшаемые для нихъ одною свободою; перешли въ Греческія владѣнія и согласились зависѣть отъ Императоровъ. Жребій войны и могущество Карла Великаго подчинили ему и наслѣдникамъ его большую часть Славянъ Нѣмецкихъ; но своевольство неукротимое было всегда ихъ характеромъ: какъ скоро обстоятельства имъ благопріятствовали, они свергали съ себя иго, и

жестоко мстили чужеземному Властелину за свое временное порабощеніе, такъ, что одна Вѣра Христіанская могла наконецъ смирить ихъ ([163]).

Многочисленныя области Славянскія всегда имѣли сообщеніе одна съ другою, и кто говорилъ ихъ языкомъ, тотъ во всякой находилъ друзей и согражданъ. Баянъ, Ханъ Аваровъ, зная сей тѣсный союзъ племенъ Славянскихъ и покоривъ многія изъ нихъ въ Дакіи, въ Панноніи, въ Богеміи, думалъ, что и самыя отдаленныя должны служить ему, и для того въ 590 году требовалъ войска отъ Славянъ Бальтійскихъ ([164]). Нѣкоторые знаменитые храмы еще болѣе утверждали связь между ими въ среднихъ вѣкахъ: тамъ сходились они изъ разныхъ земель вопрошать боговъ, и жрецъ, отвѣтствуя устами идола, не рѣдко убѣждалъ ихъ дѣйствовать согласно съ общею или особенною пользою своего народа; тамъ оскорбленные чужеземцами Славяне приносили свои жалобы единоплеменнымъ, заклиная ихъ быть мстителями отечества и Вѣры; тамъ, въ опредѣленное время, собирались чиновники и старѣйшины для сейма, на коемъ благоразуміе и справедливость часто уступали дерзости и насилію. Храмъ города Ретры въ Мекленбургѣ, на рѣкѣ Толлензѣ, славился болѣе всѣхъ другихъ такими собраніями ([165]).

Народное правленіе Славянъ чрезъ нѣсколько вѣковъ обратилось въ Аристократическое. Вожди, избираемые общею довѣренностію, отличные искусствомъ и мужествомъ, были первыми

властелинами въ своемъ отечествѣ. Дѣла славы требовали благодарности отъ народа; къ тому же, будучи ослѣпленъ счастіемъ Героевъ, онъ искалъ въ нихъ и разума отмѣннаго. Богемцы, еще не имѣя ни законовъ общественныхъ, ни судей избранныхъ, въ личныхъ распряхъ своихъ отдавались на судъ знаменитымъ гражданамъ ([166]); а сія знаменитость основывалась на извѣданной храбрости въ битвахъ и на богатствѣ, ея наградѣ, ибо оно пріобрѣталось тогда войною. Наконецъ обыкновеніе сдѣлалось для однихъ правомъ начальствовать, а для иныхъ обязанностію повиноваться. Если сынъ Героя, славнаго и богатаго, имѣлъ великія свойства отца, то онъ еще болѣе утверждалъ власть своего рода.

Сія власть означалась у Славянъ именами *Боярина*, *Воеводы*, *Князя*, *Пана*, *Жупана*, *Короля* или *Краля*, и другими. Первое безъ сомнѣнія происходитъ отъ *боя*, и въ началѣ своемъ могло знаменовать воина отличной храбрости, а послѣ обратилось въ народное достоинство. Византійскія лѣтописи въ 764 году упоминаютъ о Боярахъ, Вельможахъ или главныхъ чиновникахъ Славянъ Болгарскихъ. — Воеводами назывались прежде одни воинскіе начальники; но какъ они и въ мирное время умѣли присвоить себѣ господство надъ согражданами, то сіе имя знаменовало уже вообще повелителя и властелина у Богемскихъ и Саксонскихъ Вендовъ, въ Крайнѣ Государя, въ Польшѣ не только воинскаго предводителя, но и судію ([167]). — Слово *Князь* роди-

лось едва ли не отъ *коня*, хотя многіе Ученые производятъ его отъ Восточнаго имени *Каганъ* и Нѣмецкаго König. Въ Славянскихъ земляхъ кони были драгоцѣннѣйшею собственностію: у Поморянъ въ среднихъ вѣкахъ 30 лошадей составляли великое богатство, и всякой хозяинъ коня назывался Княземъ, nobilis capitaneus et Princeps ([168]). Въ Кроаціи и Сервіи именовались такъ братья Королей; въ Далмаціи главный судья имѣлъ титло *Великаго Князя*. — *Панъ* Славянскій, по извѣстію Константина Багрянороднаго, управлялъ въ Кроаціи тремя большими округами, и предсѣдательствовалъ на сеймахъ, когда народъ собирался въ полѣ для совѣта. Имя Пановъ, долго могущественныхъ въ Венгріи, до самаго XIII вѣка означало въ Богеміи владѣльцевъ богатыхъ, а на Польскомъ языкѣ и нынѣ значитъ *Господина* ([169]). — Округи въ Славянскихъ земляхъ назывались *Жупанствами*, а Правители ихъ *Жупанами* или *Старѣйшинами*, по толкованію Константина Багрянороднаго ([170]); древнее слово *Жупа* означало *селеніе*. Главною должностію сихъ чиновниковъ было правосудіе: въ Верхней Саксоніи и въ Австріи Славянскіе поселяне донынѣ называютъ такъ судей своихъ; но въ среднихъ вѣкахъ достоинство Жупановъ уважалось болѣе Княжескаго. Въ разборѣ тяжебныхъ дѣлъ помогали имъ *Суддавы*, или частные судьи. Странное обыкновеніе сохранилось въ нѣкоторыхъ Славянскихъ деревняхъ Лаузица и Бранденбурга: земледѣльцы тайно избираютъ

между собою Короля и платятъ ему дань, какую они во время своей вольности платили Жупанамъ ([171]). — Наконецъ въ Сервіи, въ Далмаціи, въ Богеміи, Владѣтели стали именоваться *Кралями* или Королями, то есть, по мнѣнію нѣкоторыхъ, *наказателями* преступниковъ, отъ слова *кара* или *наказаніе* ([172]).

И такъ первая власть, которая родилась въ отечествѣ нашихъ дикихъ, независимыхъ предковъ, была воинская. Сраженія требуютъ одного намѣренія и согласнаго дѣйствія частныхъ силъ: для того избрали Полководцевъ. Въ тѣснѣйшихъ связяхъ общежитія Славяне узнали необходимость другой власти, которая примиряла бы распри гражданскаго корыстолюбія: для того назначили судей; но первые изъ нихъ были знаменитѣйшіе Герои. Одни люди пользовались общею довѣренностію въ дѣлахъ войны и мира. — Исторія Славянъ подобна Исторіи всѣхъ народовъ, выходящихъ изъ дикаго состоянія. Только мудрая, долговременная опытность научаетъ людей благодѣтельному раздѣленію властей воинскихъ и гражданскихъ.

Но древнѣйшіе Бояре, Воеводы, Князья, Паны, Жупаны и самые Короли Славянскіе во многихъ отношеніяхъ зависѣли отъ произвола гражданъ, которые не рѣдко, единодушно избравъ начальника, вдругъ лишали его своей довѣренности, иногда безъ всякой вины, единственно по легкомыслію, клеветѣ, или въ несчастіяхъ: ибо народъ всегда склоненъ обвинять Правителей, если

они не умѣютъ отвратить бѣдствій отъ Государства. Сихъ примѣровъ довольно въ Исторіи языческихъ, даже и Христіанскихъ Славянъ ([173]). Они вообще не любили наслѣдственной власти, и болѣе принужденно, нежели добровольно повиновались иногда сыну умершаго Воеводы или Князя. — Избраніе Герцога, то есть Воеводы, въ Славянской Каринтіи соединено было съ обрядомъ весьма любопытнымъ. Избираемый въ самой бѣдной одеждѣ являлся среди народнаго собранія, гдѣ земледѣлецъ сидѣлъ на престолѣ, или на большомъ дикомъ камнѣ. Новый Властитель клялся быть защитникомъ Вѣры, сиротъ, вдовъ, справедливости: тогда земледѣлецъ уступалъ ему камень, и всѣ граждане присягали въ вѣрности. Между тѣмъ *два рода* знаменитѣйшіе имѣли право вездѣ косить хлѣбъ и жечь селенія, въ знакъ и въ память того, что древніе Славяне выбрали перваго Властелина для защиты ихъ отъ насилія и злодѣйства ([174]).

Однакожь многіе Князья, владѣя счастливо и долгое время, умѣли сообщать право наслѣдственности дѣтямъ. Въ Западной Сервіи былъ примѣръ, что жена Князя Доброслава по смерти его правила землею. — Государи Славянскіе, достигнувъ самовластія, подобно другимъ ослабляли свое могущество Удѣлами: то есть, всякому сыну давали особенную область; но сіи примѣры бывали рѣдки во времена язычества: Князья, по большей части избираемые, думали,

что не имѣютъ права располагать судьбою людей, которые *только имъ* поддалися ([175]).

Главный Начальникъ или Правитель судилъ народныя дѣла торжественно, въ собраніи старѣйшинъ, и часто во мракѣ лѣса: ибо Славяне воображали, что богъ суда, *Прове*, живетъ въ тѣни древнихъ, густыхъ дубовъ ([176]). Сіи мѣста и домы Княжескіе были священны: никто не дерзалъ войти въ нихъ съ оружіемъ, и самые преступники могли тамъ безопасно укрываться. Князь, Воевода, Король былъ главою ратныхъ силъ: но жрецы, устами идоловъ, и воля народная предписывали ему войну или миръ (при заключеніи коего Славяне бросали камень въ море ([177]), клали оружіе и золото къ ногамъ идола, или, простирая десницу къ бывшимъ непріятелямъ, вручали имъ клокъ волосовъ своихъ вмѣстѣ съ горстію травы). Народъ платилъ Властителямъ дань, однакожь произвольную ([178]).

Такъ Славяне въ разные вѣки и въ разныхъ земляхъ управлялись гражданскою властію. О Славянахъ Россійскихъ Несторъ пишетъ, что они, какъ и другіе, не знали Единовластія, наблюдая законъ отцевъ своихъ, древніе обычаи и преданія, о коихъ еще въ VI вѣкѣ упоминаетъ Греческій Историкъ ([179]), и которые имѣли для нихъ силу законовъ писанныхъ: ибо гражданскія общества не могутъ образоваться безъ уставовъ и договоровъ, основанныхъ на справедливости. Но какъ сіи условія требуютъ блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые

дикіе народы избираютъ посредниковъ между людьми и закономъ. Хотя Лѣтописецъ нашъ не говоритъ о томъ, но Россійскіе Славяне конечно имѣли Властителей, съ правами ограниченными народною пользою и древними обыкновеніями вольности. Въ договорѣ Олега съ Греками, въ 911 году, упоминается уже о *Великихъ Боярахъ Русскихъ:* сіе достоинство, знакъ воинской славы, конечно не Варягами было введено въ Россіи, ибо оно есть древнее Славянское ([180]). Самое имя Князя, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новымъ, но безъ сомнѣнія и прежде означало у нихъ знаменитый санъ гражданскій или воинскій. —

Общежитіе, пробуждая или ускоряя дѣйствіе разума соннаго, медленнаго въ людяхъ дикихъ, разсѣянныхъ, по большей части уединенныхъ, раждаетъ не только законы и правленіе, но и самую Вѣру, столь естественную для человѣка, столь необходимую для гражданскихъ обществъ, что мы ни въ мірѣ, ни въ Исторіи не находимъ народа совершенно лишеннаго понятій о Божествѣ. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрѣпляются, такъ сказать, мыслію о Силѣ Вышней, которая можетъ спасти ихъ отъ ударовъ рока, неотвратимыхъ никакою мудростію человѣческою, — хранить до- Вѣра.

брыхъ и наказывать тайныя злодѣйства. Сверхъ того Вѣра производитъ еще тѣснѣйшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцами и духомъ. Сія выгода такъ явна и велика для гражданскаго общества, что она не могла укрыться отъ вниманія самыхъ первыхъ его основателей, или отцевъ семейства.

Славяне въ VI вѣкѣ покланялися *Творцу молніи*, Богу вселенныя ([181]). Величественное зрѣлище грозы, когда небо пылаетъ и невидимая рука бросаетъ, кажется, съ его свода быстрые огни на землю, долженствовало сильно поразить умъ человѣка естественнаго, живо представить ему образъ Существа вышняго, и вселить въ его сердце благоговѣніе или ужасъ священный, который былъ главнымъ чувствомъ Вѣръ языческихъ. — Анты и Славяне, какъ замѣчаетъ Прокопій, не вѣрили Судьбѣ, но думали, что всѣ случаи зависятъ отъ Міроправителя ([182]): на полѣ ратномъ, въ опасностяхъ, въ болѣзни, старались Его умилостивить обѣтами; приносили Ему въ жертву воловъ и другихъ животныхъ, надѣясь спасти тѣмъ жизнь свою; обожали еще рѣки, Нимфъ, Демоновъ, и гадали будущее. — Въ новѣйшія времена Славяне покланялись разнымъ идоламъ, думая, что многочисленность кумировъ утверждаетъ безопасность смертнаго, и что мудрость человѣческая состоитъ въ знаніи именъ и свойства сихъ мнимыхъ покровителей. Истуканы считались не *образомъ*, но

тѣломъ боговъ, ими одушевляемымъ ([183]), и народъ падалъ ницъ предъ кускомъ дерева или слиткомъ руды, ожидая отъ нихъ спасенія и благоденствія.

Однакожь Славяне, въ самомъ безразсудномъ суевѣріи, имѣли еще понятіе о Богѣ единственномъ и вышнемъ, Коему, по ихъ мнѣнію, горнія небеса, украшенныя свѣтилами лучезарными, служатъ достойнымъ храмомъ, и Который печется только о небесномъ, избравъ другихъ, нижнихъ боговъ, чадъ Своихъ, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно *Бѣлымъ Богомъ*, и не строили Ему храмовъ, воображая, что смертные не могутъ имѣть съ Нимъ сообщенія и должны относиться въ нуждахъ своихъ къ богамъ второстепеннымъ, помогающимъ всякому, кто добръ въ мирѣ и мужественъ на войнѣ, съ удовольствіемъ отворяетъ хижину для странниковъ и съ радушіемъ питаетъ гладныхъ ([184]).

Не умѣя согласить несчастій, болѣзней и другихъ житейскихъ горестей съ благостію сихъ Міроправителей, Славяне Бальтійскіе приписывали зло существу особенному, всегдашнему врагу людей; именовали его Чернобогомъ, старались умилостивить жертвами и въ собраніяхъ народныхъ пили изъ чаши, посвященной ему и добрымъ богамъ. Онъ изображался въ видѣ льва, и для того нѣкоторые думаютъ, что Славяне заимствовали мысль о Чернобогѣ отъ Христіанъ, уподоблявшихъ Діавола также сему звѣрю; но

вѣроятно, что ненависть къ Саксонцамъ, которые были самыми опасными врагами сѣверныхъ Вендовъ и на знаменахъ своихъ представляли льва, подала имъ мысль къ такому изображенію существа злобнаго ([185]). Славяне думали, что оно ужасаетъ людей грозными привидѣніями или *страшилами*, и что гнѣвъ его могутъ укротить волхвы или кудесники, хотя ненавистные народу, но уважаемые за ихъ мнимую науку. Сіи волхвы, о коихъ и Несторъ говоритъ въ своей лѣтописи, подобно Сибирскимъ Шаманамъ старались музыкою дѣйствовать на воображеніе легковѣрныхъ, играли на гусляхъ и для того именовались въ нѣкоторыхъ земляхъ Славянскихъ *Гуслярами* ([186]).

Между богами добрыми славился болѣе прочихъ Святовидъ, котораго храмъ былъ въ городѣ Арконѣ, на островѣ Рюгенѣ, и которому не только всѣ другіе Венды, но и Короли Датскіе, исповѣдуя уже Христіанскую Вѣру, присылали дары. Онъ предсказывалъ будущее и помогалъ на войнѣ. Кумиръ его величиною превосходилъ ростъ человѣка, украшался одеждою короткою, сдѣланною изъ разнаго дерева; имѣлъ четыре головы, двѣ груди, искусно счесанныя бороды и волосы остриженные; ногами стоялъ въ землѣ, и въ одной рукѣ держалъ рогъ съ виномъ, а въ другой лукъ; подлѣ идола висѣли узда, сѣдло, мечь его съ серебряными ножнами и рукояткою. — Гельмольдъ разсказываетъ, что жители острова Рюгена обожали въ семъ идолѣ

Христіанскаго Святаго, именемъ Вита, слышавъ о великихъ чудесахъ его отъ Корбейскихъ Монаховъ, которые хотѣли нѣкогда обратить ихъ въ истинную Вѣру. Достойно замѣчанія, что Иллирическіе Славяне донынѣ празднуютъ день Св. Вита съ разными языческими обрядами ([187]). Впрочемъ Гельмольдово преданіе, утверждаемое и Саксономъ Грамматикомъ, не есть ли одна догадка, основанная на сходствѣ именъ? Для того, по извѣстію Мавро-Урбина, одинъ изъ Христіанскихъ Князей въ Богеміи выписалъ мощи Св. Вита, желая обратить къ нимъ усердіе народа своего, который не преставалъ обожать Святовида ([188]). Привязанность не только Бальтійскихъ, но и другихъ Славянъ къ сему идолослуженію доказываетъ, кажется, древность онаго.

Народъ Рюгенскій покланялся еще тремъ идоламъ: *первому* Рюгевиту или Ругевичу, богу войны, изображаемому съ семью лицами, съ семью мечами, висѣвшими въ ножнахъ на бедрѣ, и съ осьмымъ обнаженнымъ въ рукѣ (дубовый кумиръ его былъ весь загаженъ ласточками ([189]), которыя вили на немъ свои гнѣзда); *второму* Поревиту, коего значеніе неизвѣстно, и который изображался съ пятью головами, но безъ всякаго оружія; — *третьему* Поренуту (*) о четырехъ лицахъ и съ пятымъ лицемъ на груди: онъ дер-

(*) Добровскаго описка, вмѣсто Поревита, а не особое божество (Отмѣтка Исторіографа, на собственномъ его экземплярѣ Исторіи Гос. Росс.).

жалъ его правою рукою за бороду, а лѣвою за лобъ, и считался богомъ четырехъ временъ года.

Главный идолъ въ городѣ Ретрѣ назывался *Радегастъ*, богъ страннопріимства, какъ нѣкоторые думаютъ: ибо Славяне были всегда *рады гостямъ*. Но сіе толкованіе кажется несправедливымъ: онъ изображался болѣе страшнымъ, нежели дружелюбнымъ: съ головою львиною, на которой сидѣлъ гусь, и еще съ головою буйвола на груди; иногда одѣтый, иногда нагой, и державъ въ рукѣ большую сѣкиру. Надписи Ретрскаго истукана его доказываютъ, что сей богъ хотя и принадлежалъ къ числу добрыхъ, однакожь въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ и вредить человѣку. Адамъ Бременскій пишетъ о *золотомъ* кумирѣ и *пурпуровомъ* ложѣ Радегаста [190]; но мы должны сомнѣваться въ истинѣ его сказанія: въ другомъ мѣстѣ сей Историкъ увѣряетъ насъ, что храмъ Упсальскій *весь былъ сдѣланъ изъ золота*.

Сива — можетъ быть, *Жива* — считалась богинею жизни и доброю совѣтницею. Главный храмъ ея находился въ Рацебургѣ [131]. Она представлялась одѣтою; держала на головѣ нагаго мальчика, а въ рукѣ виноградную кисть. Далматскіе Славяне покланялись доброй *Фрихіи*, богинѣ Германскихъ народовъ; но какъ въ Исландскихъ древностяхъ Фрихія или *прекрасная Фрея* называется *Ванадисъ* или Венедскою, то вѣроятно, что Готѳы заимствовали отъ Сла-

янъ понятіе о сей богинѣ, и что она же именоалась Сивою.

Между Ретрскими истуканами нашлися Германкіе, Прусскіе, т. е. Латышскіе и даже Греческіе юлы. Бальтійскіе Славяне покланялись Водану ги Скандинавскому Одину, узнавъ объ немъ ъ Германскихъ народовъ, съ которыми они или въ Дакіи, и которые были еще издревле ъ сосѣдами ([192]). Венды Мекленбургскіе донѣ сохранили нѣкоторые обряды Вѣры Одиівой. — Прусскія надписи на истуканахъ Перна, бога молніи, и Парстуковъ или Берстувъ ([193]), доказываютъ, что они были Латышіе идолы; но Славяне молились имъ въ Ретромъ храмѣ, такъ же, какъ и Греческимъ стаямъ Любви, брачнаго Генія и Осени безъ сотѣнія отнятымъ или купленнымъ ими въ Гре. — Кромѣ сихъ боговъ чужеземныхъ, тамъ ояли еще кумиры *Числобога*, *Ипабога*, *Зибога* и Зембога, и *Немизы* ([194]). Первый изображался видѣ женщины съ луною, и знаменовалъ, жется, мѣсяцъ, на которомъ основывалось *численіе* времени. Имя втораго непонятно; но у надлежало быть покровителемъ звѣриной вли, которая представлялась на его одеждѣ. етьяго обожали въ Богеміи какъ сильнаго *ха земли*. Немиза повелѣвалъ вѣтромъ и возхомъ: голова его увѣнчана лучами и крыломъ, а тѣлѣ изображена летящая птица.

Писатели, собственными глазами видѣвшіе ическихъ Вендовъ, сохранили намъ извѣстіе

еще о нѣкоторыхъ другихъ идолахъ. Въ Юлинѣ, или въ Виннетѣ, главный именовался *Триглавъ* ([195]). Кумиръ его былъ деревянный, непомѣрной величины, а другой маленькій, вылитый изъ золота, о трехъ головахъ, покрытыхъ одною шапкою. Болѣе ничего не знаемъ о семъ идолѣ. Второй, *Припекала*, означалъ, кажется, любострастіе: ибо Христіанскіе Писатели сравнивали его съ Пріапомъ; а третій *Геровитъ* или Яровидъ, богъ войны, коего храмъ былъ въ Гавельбергѣ и Волгастѣ, и подлѣ котораго висѣлъ на стѣнѣ золотый щитъ. — Жители Вагріи ([196]) особенно чтили *Прова*, бога правосудія, и Подагу, бога звѣроловства. *Первому* служили храмомъ самые древнѣйшіе дубы, окруженные деревянною оградою съ двумя вратами. Въ сей заповѣдной дубравѣ и въ ея святилищѣ жилъ Великій жрецъ, совершались торжественныя жертвоприношенія, судился народъ, и люди, угрожаемые смертію, находили безопасное убѣжище. Онъ изображался старцемъ, въ одеждѣ со многими складками, съ цѣпями на груди, и держалъ въ рукѣ ножъ ([197]). *Второй* считается покровителемъ звѣроловства, для того, что на одеждѣ и жертвенной чашѣ его кумира о *двухъ лицахъ*, найденнаго въ числѣ Ретрскихъ древностей, представлены стрѣлокъ, олень и кабанъ; въ рукахъ своихъ онъ держитъ также какого-то звѣря. Другіе признаютъ въ немъ бога ясныхъ дней, который у Сербовъ назывался Погодою: ибо заднее лице его окружено лучами, и слова, вы—

вленный на шестѣ (199).

Вѣрѣ Славянъ Иллирическихъ не имѣемъ
ихъ извѣстій; но какъ Морлахи (200) на
бныхъ пиршествахъ своихъ донынѣ сла-
Давора, *Дамора*, *Добрую Фрихію*, *Яра* и
: то съ вѣроятностію заключить можно,
зыческіе боги ихъ назывались сими име-
— Сказаніе Польскихъ Историковъ (201) о
емъ богослуженіи въ ихъ отечествѣ осно-
тся единственно на преданіи и догадкахъ.
нѣзнѣ, пишутъ они, былъ знаменитый
ь *Ніи*, Славянскаго Плутона, котораго мо-
о счастливомъ успокоеніи мертвыхъ; обо-
еще Марзану или Цереру, обрекая въ
у ей десятую часть плодовъ земныхъ;
или Ясна, Римскаго Юпитера; *Ладона* или
Марса; Дзидзилію, богиню любви и дѣто-
нія; *Зивонію* или *Зиванну*, Діану; *Зиваго*,
ога жизни; *Леля* и *Полеля*, или Греческихъ
ецовъ Кастора и Поллукса; *Погоду* и *Пох-*
, бога ясныхъ дней и сильнаго вѣтра.

рунъ (202), богъ молніи, которому Славяне еще въ VI вѣкѣ покланялись, обожая въ немъ верховнаго *Міроправителя.* Кумиръ его стоялъ въ Кіевѣ на холмѣ, внѣ двора Владимірова, а въ Новѣгородѣ надъ рѣкою Волховомъ: былъ деревянный, съ серебряною головою и съ золотыми усами. Лѣтописецъ именуетъ еще идоловъ *Хорса*, *Дажебога*, *Стрибога*, *Самаргла* (203) и *Мокоша*, не объявляя, какія свойства и дѣйствія приписывались имъ въ язычествѣ. Въ договорѣ Олега съ Греками упоминается еще о *Волосѣ*, котораго именемъ и Перуновымъ клялися Россіяне въ вѣрности, имѣвъ къ нему особенное уваженіе: ибо онъ считался покровителемъ скота, главнаго ихъ богатства. — Сіи извѣстія Несторовы можемъ дополнить новѣйшими, напечатанными въ Кіевскомъ Синопсисѣ (204). Хотя они выбраны отчасти изъ Польскихъ ненадежныхъ Историковъ, но будучи согласны съ древними обыкновеніями народа Русскаго, кажутся вѣроятными, по крайней мѣрѣ достойными замѣчанія.

Богъ веселія, любви, согласія и всякаго благополучія именовался въ Россіи *Ладо;* ему жертвовали вступающіе въ союзъ брачный, съ усердіемъ воспѣвая имя его, которое слышимъ и нынѣ въ старинныхъ припѣвахъ. Стриковскій называетъ сего бога Латышскимъ: въ Литвѣ и Самогитіи народъ праздновалъ ему отъ 25 Мая до 25 Іюня, отцы и мужья въ гостинницахъ, а жены и дочери на улицахъ и на лугахъ; взяв—

шись за руки, онѣ плясали и пѣли: *Ладо*, *Ладо*, *дидисъ Ладо*, то есть, *великій Ладо* ([205]). Такое же обыкновеніе донынѣ существуетъ въ деревняхъ нашихъ: молодыя женщины весною собираются играть и пѣть въ хороводахъ *Лада*, *диди-Лада*. Мы уже замѣтили, что Славяне охотно умножали число идоловъ своихъ и принимали чужеземныхъ. Русскіе язычники, какъ пишетъ Адамъ Бременскій, ѣздили въ Курляндію и въ Самогитію для поклоненія кумирамъ ([206]): слѣдственно имѣли однихъ боговъ съ Латышами, ежели не всѣ, то хотя нѣкоторыя Славянскія племена въ Россіи — вѣроятно, Кривичи: ибо названіе ихъ свидѣтельствуетъ, кажется, что они признавали Латышскаго Первосвященника *Криве* Главою Вѣры своей. Впрочемъ *Ладо* могъ быть и древнимъ Славянскимъ божествомъ: жители Молдавіи и Валахіи въ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядахъ донынѣ твердятъ имя Лада ([207]).

Купалу, богу земныхъ плодовъ, жертвовали предъ собираніемъ хлѣба, 23 Іюня, въ день Св. Агриппины, которая для того прозвана въ народѣ *Купальницею*. Молодые люди украшались вѣнками, раскладывали ввечеру огонь, плясали около его и воспѣвали *Купала*. Память сего идолослуженія сохранилась въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи, гдѣ ночныя игры деревенскихъ жителей и пляски вокругъ огня съ невиннымъ намѣреніемъ совершаются въ честь идолу языческому ([208]). Въ Архангельской Губерніи многіе поселяне 23 Іюня топятъ бани, настилаютъ въ

нихъ траву *Купальницу* (лютикъ, ranunculus acris) и послѣ купаются въ рѣкѣ. Сербы на канунѣ или въ самое Рождество Іоанна Предтечи, сплетая *Ивановскіе вѣнки*, вѣшаютъ ихъ на кровли домовъ и на хлѣвахъ, чтобы удалить злыхъ Духовъ отъ своего жилища.

24 Декабря язычники Русскіе славили Коляду, бога торжествъ и мира. Еще и въ наше время, на канунѣ Рождества Христова, дѣти земледѣльцевъ собираются *колядовать* подъ окнами богатыхъ крестьянъ, величаютъ хозяина въ пѣсняхъ, твердятъ имя *Коляды* и просятъ денегъ [209]. Святошныя игрища и гаданіе кажутся остаткомъ сего языческаго праздника.

Въ суевѣрныхъ преданіяхъ народа Русскаго открываемъ также нѣкоторые слѣды древняго Славянскаго богопочитанія: донынѣ простые люди говорятъ у насъ о *Лѣшихъ*, которые видомъ подобны Сатирамъ, живутъ будто бы въ темнотѣ лѣсовъ, равняются съ деревьями и съ травою, ужасаютъ странниковъ, обходятъ ихъ кругомъ и сбиваютъ съ пути; о *Русалкахъ* или Нимфахъ дубравъ (гдѣ онѣ бѣгаютъ съ распущенными волосами, особенно передъ Троицынымъ [210]) днемъ), о благодѣтельныхъ и злыхъ *Домовыхъ*, о ночныхъ *Кикимрахъ*, и проч.

Такимъ образомъ грубый умъ людей непросвѣщенныхъ заблуждается во мракѣ идолопоклонства, и творитъ боговъ на всякомъ шагу, чтобы изъяснять дѣйствія Природы и въ неизвѣстностяхъ рока успокоивать сердце надеждою

вышнюю помощь! — Желая выразить могу-
ство и грозность боговъ, Славяне представ-
ли ихъ великанами, съ ужасными лицами, со
огими головами. Греки хотѣли, кажется, лю-
ть своихъ идоловъ (изображая въ нихъ при-
ры человѣческой стройности), а Славяне
лько бояться; первые обожали красоту и прі-
ность, а вторые одну силу; и еще не доволь-
зуясь собственнымъ противнымъ видомъ ис-
кановъ, окружали ихъ гнусными изображе-
ями ядовитыхъ животныхъ: змѣй, жабъ, яще-
цъ и проч. (211). Кромѣ идоловъ, Нѣмецкіе
авяне, подобно Дунайскимъ, обожали еще рѣки,
ера, источники, лѣса (212), и приносили жертвы
видимымъ ихъ Геніямъ, которые, по мнѣнію
вѣрныхъ, иногда говорили, и въ важныхъ
учаяхъ являлись людямъ. Такъ Геній Ретр-
аго озера, когда великія опасности угрожали
роду Славянскому, принималъ на себя образъ
бана, выплывалъ на берегъ, ревѣлъ ужаснымъ
лосомъ и скрывался въ волнахъ (213). Мы
немъ, что и Россійскіе Славяне приписывали
ерамъ и рѣкамъ нѣкоторую божественность и
ятость. Въ глазной болѣзни они умывались
дою мнимо-цѣлебныхъ источниковъ, и бросали
нихъ серебряныя монеты (214). Народное
ыкновеніе купать или обливать водою людей,
оспавшихъ Заутреню въ день Пасхи, будто бы
я омовенія ихъ отъ грѣха, происходитъ, мо-
тъ быть, отъ такого же языческаго суевѣрія.—
многихъ народовъ Славянскихъ были запо-

вѣдныя рощи, гдѣ никогда стукъ сѣкиры не раздавался, и гдѣ самые злѣйшіе враги не дерзали вступить въ бой между собою. Лѣсъ города Ретры считался священнымъ. Жители Штетинскіе поклонялись орѣховому дереву, при коемъ находился особенный жрецъ, и дубу, а Юлинскіе богу обитавшему въ деревѣ обсѣченномъ ([215]), и весною плясали вокругъ его съ нѣкоторыми торжественными обрядами. Славяне въ Россіи также молились деревамъ, особенно же *дупловатымъ*, обвязывая ихъ вѣтви убрусами или платами ([216]). Константинъ Багрянородный пишетъ, что они, путешествуя въ Царьградъ, на островѣ Св. Григорія приносили жертву большому дубу, окружали его стрѣлами, и гадали, заколоть ли обреченныхъ ему живыхъ птицъ, или пустить на волю ([217]). Празднованіе Семика и народный обычай завивать въ сей день вѣнки въ рощахъ суть также остатокъ древняго суевѣрія, коего обряды наблюдались въ Богеміи и по введеніи Христіанства, такъ, что Герцогъ Брячиславъ въ 1093 году рѣшился предать огню всѣ мнимо-святыя дубравы своего народа ([218]).

Славяне обожали еще знамена, и думали, что въ военное время они святѣе всѣхъ идоловъ. Знамя Бальтійскихъ Вендовъ было отмѣнной величины и пестрое, стояло обыкновенно въ Святовидовомъ храмѣ и считалось сильною богинею, которая воинамъ, идущимъ съ нею, давала право не только нарушать законы, но даже оскорблять и самыхъ идоловъ. Датскій Король Вальдемаръ

сжегъ его въ Арконѣ, взявъ сей городъ.—Въ числѣ Ретрскихъ любопытныхъ памятниковъ нашлось также священное знамя: мѣдный драконъ, украшенный изображеніемъ женскихъ головъ и вооруженныхъ рукъ. Въ Дитмаровой лѣтописи упоминается о двухъ Славянскихъ знаменахъ, которыя считались богинями ([219]). Хитрость Полководцевъ ввела безъ сомнѣнія сію вѣру, чтобы воспламенять духъ храбрости въ воинахъ, или обуздывать ихъ неповиновеніе святостію знаменъ своихъ.

Древніе Славяне въ Германіи еще не имѣли храмовъ, но приносили жертву Богу небесному на камняхъ, окружая ихъ въ нѣкоторомъ разстояніи другими, служившими вмѣсто ограды священной ([220]). Чтобы изобразить величіе Бога, жрецы начали употреблять для сооруженія олтарей камни въ нѣсколько саженей мѣрою. Сіи каменныя зданія равнялись съ высокими скалами, невредимо стояли цѣлые вѣки и могли казаться народу твореніемъ рукъ божественныхъ. Въ самомъ дѣлѣ трудно понять, какимъ образомъ Славяне, не зная изобрѣтенныхъ Механикою способовъ, воздвигали такія громады ([221]). Жрецы, въ присутствіи и въ глазахъ народа совершали обряды Вѣры на сихъ величественныхъ олтаряхъ; но въ теченіе временъ, желая еще сильнѣе дѣйствовать на воображеніе людей, вздумали, подобно Друидамъ, удалиться во тьму заповѣдныхъ лѣсовъ, и соорудили тамъ жертвенники. По введеніи идолопоклонства над-

лежало укрыть обожаемые кумиры отъ дождя и снѣга: защитили ихъ кровлею, и сіе простое зданіе было первымъ храмомъ. Мысль, сдѣлать его достойнымъ жилищемъ боговъ, требовала величія; но Славяне не умѣли подражать Грекамъ и Римлянамъ въ гордой высотѣ зданій, и старались замѣнить оную рѣзьбою, пестротою, богатствомъ украшеній. Современные Историки описали нѣкоторые изъ сихъ храмовъ съ любопытною подробностію. Сочинитель *Жизни Св. Оттона* говоритъ о Штетинскомъ слѣдующее ([222]): «Тамъ было четыре храма, и главный изъ нихъ «отличался своимъ художествомъ, украшенный «внутри и снаружи выпуклымъ изображеніемъ «людей, птицъ, звѣрей, такъ сходныхъ съ При«родою, что они казались живыми; краски же на «внѣшности храма не смывались дождемъ, не «блѣднѣли и не тускли. — Слѣдуя древнему обычаю предковъ, Штетинцы отдавали въ храмъ де«сятую часть воинской своей добычи и всякое «оружіе побѣжденныхъ непріятелей. Въ его свя«тилищѣ хранились серебряныя и золотыя чаши «(изъ коихъ при торжественныхъ случаяхъ люди «знатнѣйшіе пили и ѣли), также рога буйволовы, «оправленные золотомъ: они служили и стака«нами и трубами. Ножи и прочія драгоцѣнности, «тамъ собранныя, удивляли своимъ художе«ствомъ и богатствомъ. Въ трехъ иныхъ *гонти«нахъ* или храмахъ, не столь украшенныхъ и «менѣе священныхъ, представлялись глазамъ «однѣ лавки, сдѣланныя амфитеатромъ, и столы

«для народныхъ сходбищъ: ибо Славяне, въ нѣ«которые часы и дни, веселились, пили и важ«ными дѣлами отечества занимались въ сихъ «*гонтинахъ*.» — Деревянный храмъ Арконскій былъ срубленъ весьма искусно, украшенъ рѣзьбою и живописью; одни врата служили для входа въ его ограду; внѣшній дворъ, обнесенный стѣною, отдѣлялся отъ внутренняго только пурпуровыми коврами, развѣшенными между четырмя столпами, и находился подъ одною съ нимъ кровлею (223). Въ святилищѣ стоялъ идолъ, а конь его въ особенномъ зданіи, гдѣ хранилась казна и всѣ драгоцѣнности. — Храмъ въ Ретрѣ, также деревянный, славился изображеніями боговъ и богинь, вырѣзанныхъ на внѣшнихъ его стѣнахъ; внутри стояли кумиры, въ шлемахъ и латахъ; а въ мирное время хранились тамъ знамена (224). Дремучій лѣсъ окружалъ сіе мѣсто: сквозь просѣку, вдали, представлялось глазамъ море въ видѣ грозномъ и величественномъ. Достойно примѣчанія, что Славяне Бальтійскіе вообще имѣли великое уваженіе къ святынѣ храмовъ, и въ самой непріятельской землѣ боялись осквернить ихъ.

О капищахъ Славянъ Россійскихъ не имѣемъ никакого свѣдѣнія: Несторъ говоритъ только объ идолахъ и жертвенникахъ (225); но удобность приносить жертвы во всякое время и почтеніе къ святынѣ кумировъ требовали защиты и крова, особенно же въ странахъ сѣверныхъ, гдѣ холодъ и ненастье столь обыкновенны и продол-

жительны. Нѣтъ сомнѣнія, что на холмѣ Кіевскомъ и на берегу Волхова, гдѣ стоялъ Перунъ, были храмы, конечно не огромные и не великолѣпные, но сообразные съ простотою тогдашнихъ нравовъ и съ малымъ свѣдѣніемъ людей въ искусствѣ зодческомъ.

Несторъ также не упоминаетъ о жрецахъ въ Россіи; но всякая народная Вѣра предполагаетъ обряды, коихъ совершеніе поручается нѣкоторымъ избраннымъ людямъ, уважаемымъ за ихъ добродѣтель и мудрость, дѣйствительную или мнимую. По крайней мѣрѣ всѣ другіе народы Славянскіе имѣли жрецовъ, блюстителей Вѣры, посредниковъ между совѣстію людей и богами. Не только въ капищахъ, но и при всякомъ священномъ деревѣ, при всякомъ обожаемомъ источникѣ находились особенные хранители, которые жили подлѣ оныхъ, въ маленькихъ хижинахъ, и питались жертвою, приносимою ихъ божествамъ. Они пользовались народнымъ уваженіемъ, имѣли исключительное право отпускать себѣ длинную бороду, сидѣть во время жертвоприношеній и входить во внутренность святилища. Воинъ, совершивъ какое нибудь счастливое предпріятіе, и желая изъявить благодарность идоламъ, раздѣлялъ свою добычу съ ихъ служителями. Правители народа безъ сомнѣнія утверждали его въ почтеніи къ жрецамъ, которые именемъ боговъ могли обуздывать своевольство людей грубыхъ, новыхъ въ гражданской связи и еще не смиренныхъ дѣйствіемъ власти постоянной. Нѣкоторые

жрецы, обязанные своимъ могуществомъ или собственной хитрости, или отмѣнной славѣ ихъ капищъ, употребляли его во зло и присвоивали себѣ гражданскую власть. Такъ Первосвященникъ Рюгенскій, уважаемый болѣе самого Короля, правилъ многими Славянскими племенами, которыя безъ его согласія не дерзали ни воевать, ни мириться; налагалъ подати на гражданъ и купцевъ чужеземныхъ, содержалъ 300 конныхъ воиновъ и разсылалъ ихъ всюду для грабежа, чтобы умножать сокровища храма, болѣе ему, нежели идолу принадлежавшія. Сей главный жрецъ отличался отъ всѣхъ людей длинными волосами, бородою, одеждою.

Священники именемъ народа приносили жертвы и предсказывали будущее. Въ древнѣйшія времена Славяне закалали, въ честь Богу невидимому, однихъ воловъ и другихъ животныхъ; но послѣ, омраченные суевѣріемъ идолопоклонства, обагряли свои требища кровію Христіанъ, выбранныхъ по жребію изъ плѣнниковъ, или купленныхъ у морскихъ разбойниковъ ([226]). Жрецы думали, что идолъ увеселяется Христіанскою кровію, и къ довершенію ужаса пили ее, воображая, что она сообщаетъ духъ пророчества.— Въ Россіи также приносили людей въ жертву, по крайней мѣрѣ во времена Владиміровы. Бальтійскіе Славяне дарили идоламъ головы убіенныхъ, опаснѣйшихъ непріятелей ([227]).

Жрецы гадали будущее посредствомъ коней. Въ Арконскомъ храмѣ держали бѣлаго, и суе-

вѣрные думали, что Святовидъ ѣздитъ на немъ всякую ночь. Въ случаѣ важнаго намѣренія водили его чрезъ копья: если онъ шагалъ сперва не лѣвою, а правою ногою, то народъ ожидалъ славы и богатства. Въ Штетинѣ сей конь, порученный одному изъ четырехъ священниковъ главнаго храма, былъ вороной, и предвѣщалъ успѣхъ, когда совсѣмъ не касался ногами до копій. Въ Ретрѣ гадатели садились на землю, шептали нѣкоторыя слова, рылись въ ея нѣдрахъ, и по веществамъ, въ ней находимымъ, судили о будущемъ. Сверхъ того въ Арконѣ и въ Штетинѣ жрецы бросали на землю три маленькія дощечки, у коихъ одна сторона была черная, а другая бѣлая: если онѣ ложились вверхъ бѣлою, то обѣщали хорошее; черная означала бѣдствіе. Самыя женщины Рюгенскія славились гаданіемъ; онѣ, сидя близъ разложеннаго огня, проводили многія черты на пеплѣ, которыхъ равное число знаменовало успѣхъ дѣла (228).

Любя народныя торжества, языческіе Славяне уставили въ году разные праздники. Главный изъ нихъ былъ по собраніи хлѣба и совершался въ Арконѣ такимъ образомъ: Первосвященникъ на канунѣ долженъ былъ вымести святилище, неприступное для всѣхъ, кромѣ его; въ день торжества, взявъ изъ руки Святовида рогъ, смотрѣлъ, наполненъ ли онъ виномъ, и по тому угадывалъ будущій урожай; выпивъ вино, снова наполнялъ имъ сосудъ и вручалъ Святовиду; приносилъ богу своему медовый пирогъ, длиною

въ ростъ человѣческій; спрашивалъ у народа, видитъ ли его? и желалъ, чтобы въ слѣдующій годъ сей пирогъ былъ уже съѣденъ идоломъ, въ знакъ счастія для острова; наконецъ объявлялъ всѣмъ благословеніе Святовида, обѣщая воинамъ побѣду и добычу ([229]). Другіе Славяне, торжествуя собраніе хлѣба, обрекали пѣтуха въ даръ богамъ, и пивомъ, освященнымъ на жертвенникѣ, обливали скотъ, чтобы предохранить его отъ болѣзней ([230]). Въ Богеміи славился Майскій *праздникъ источниковъ*. — Дни народнаго суда въ Вагріи, когда старѣйшины, осѣненные священными дубами, въ мнимомъ присутствіи своего бога Прова рѣшали судьбу гражданъ, были также днями общаго веселія ([231]). Мы упоминали, единственно по догадкѣ, о языческихъ торжествахъ Славянъ Россійскихъ, которыхъ потомки донынѣ празднуютъ весну, любовь и бога *Лада* въ сельскихъ хороводахъ, веселыми и шумными толпами ходятъ завивать вѣнки въ рощахъ, ночью посвящаютъ огни *Купалу* и зимою воспѣваютъ имя *Коляды*. — Во многихъ земляхъ Славянскихъ сохранились также слѣды *праздника въ честь мертвыхъ:* въ Саксоніи, въ Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ, народъ 1 Марта ходилъ въ часъ разсвѣта съ факелами на кладбище и приносилъ жертвы усопшимъ ([232]). — Въ сей день Нѣмецкіе Славяне выносятъ изъ деревни соломенную чучелу, образъ смерти; сожигаютъ ее или бросаютъ въ рѣку, и славятъ лѣто пѣснями. — Въ Богеміи строили еще какіе-то ѳеатры на

распутіяхъ *для успокоенія душъ* и представляли на нихъ, въ личинахъ, тѣни мертвыхъ, сими играми торжествуя память ихъ. Такія обыкновенія не доказываютъ ли, что Славяне имѣли нѣкоторое понятіе о безсмертіи души, хотя Дитмаръ, Историкъ XI вѣка, утверждаетъ противное, говоря, будто бы они временную смерть, или разрушеніе тѣла, считали совершеннымъ концемъ бытія человѣческаго (233)?

Погребеніе мертвыхъ было также дѣйствіемъ священнымъ между языческими Славянами. Историки Нѣмецкіе — болѣе догадкою, основанною на древнихъ обычаяхъ и преданіяхъ, нежели по извѣстіямъ современныхъ Авторовъ — описываютъ оное слѣдующимъ образомъ: Старѣйшина деревни объявлялъ жителямъ смерть одного изъ нихъ посредствомъ чернаго жезла, носимаго со двора на дворъ. Всѣ они провожали трупъ съ ужаснымъ воемъ, и нѣкоторыя женщины, въ бѣлой одеждѣ, лили слезы въ маленькіе сосуды, называемые *плачевными*. Разводили огонь на кладбищѣ и сожигали мертваго съ его женою, конемъ, оружіемъ; собирали пепелъ въ урны, глиняныя, мѣдныя или стеклянныя, и зарывали вмѣстѣ съ плачевными сосудами. Иногда сооружали памятники: обкладывали могилу дикими камнями, или ограждали столпами (234). Печальные обряды заключались веселымъ торжествомъ, которое именовалось *Стравою* и было еще въ VI вѣкѣ причиною великаго бѣдствія для Славянъ: ибо Греки воспользовались временем

го *пиршества въ честь мертвыхъ* и на голову бияли ихъ войско (235).

Славяне Россійскіе — Кривичи, Сѣверяне, Вячи, Радимичи — *творили* надъ умершими *тризну*: показывали силу свою въ разныхъ играхъ инскихъ, сожигали трупъ на большомъ кострѣ, заключивъ пепелъ въ урну, ставили ее на столъ въ окрестности дорогъ. Сей обрядъ, сохраненый Вятичами и Кривичами до временъ Нестора, ъявляетъ воинственный духъ народа, который аздновалъ смерть, чтобы не страшиться ее въ твахъ, и печальными урнами окружалъ дороги, обы пріучить глаза и мысли свои къ симъ знамъ человѣческой тлѣнности. Но Славяне Кіевіе и Волынскіе издревле погребали мертвыхъ; которые имѣли обыкновеніе, вмѣстѣ съ трумъ, зарывать въ землю *сплетенныя изъ ремней ьстницы;* ближніе умершаго язвили лица свои, закалали на могилѣ любимаго коня его (236).

ѣ народы любятъ Вѣру отцевъ своихъ, и саыя грубыя, самыя жестокія обыкновенія, на ей основанныя и вѣками утвержденныя, кажутся мъ святынею. Такъ и Славяне языческіе, закоенѣлые въ идолопоклонствѣ, съ великою упорстію въ теченіе многихъ столѣтій отвергали лагодать Христову. Св. Колумбанъ, въ 613 году братившъ многихъ Нѣмецкихъ язычниковъ въ ѣру истинную, хотѣлъ проповѣдывать ея святое ченіе и въ земляхъ Славянъ; но устрашенный хъ дикостію, возвратился безъ успѣха, объвляя, что время спасенія еще не наступило для

сего народа. Видя, сколь Христіанство противно заблужденіямъ язычества, и какъ оно въ среднихъ вѣкахъ болѣе и болѣе распространялось по Европѣ, Славяне отлично ненавидѣли его, и принимая всякаго иноплеменнаго въ сограждане, отворяя Бальтійскія гавани свои для всѣхъ мореходцевъ, исключали однихъ Христіанъ, брали ихъ корабли въ добычу, а Священниковъ приносили въ жертву идоламъ. Нѣмецкіе завоеватели, покоривъ Вендовъ въ Германіи, долго терпѣли ихъ суевѣріе; но озлобленные наконецъ упорствомъ сихъ язычниковъ въ идолопоклонствѣ и въ древнихъ обычаяхъ вольности, разрушили ихъ храмы, сожгли заповѣдныя рощи и самыхъ жрецовъ истребили [237]: что случилось уже гораздо послѣ того времени, какъ Владиміръ просвѣтилъ Россію ученіемъ Христіанскимъ. — —

Языкъ и грамота.

Собравъ историческія достопамятности Славянъ древнихъ, скажемъ нѣчто о языкѣ ихъ. Греки въ шестомъ вѣкѣ находили его весьма грубымъ [238]. Выражая первыя мысли и потребности людей необразованныхъ, рожденныхъ въ климатѣ суровомъ, онъ долженъ былъ казаться дикимъ въ сравненіи съ языкомъ Греческимъ, смягченнымъ долговременною жизнію въ порядкѣ гражданскомъ, удовольствіями роскоши и нѣжнымъ слухомъ людей, искони любив-

шихъ искусства пріятныя. Не имѣя никакихъ памятниковъ сего первобытнаго языка Славянскаго, можемъ судить о немъ только по новѣйшимъ, изъ коихъ самыми древними считаются наша Библія и другія церковныя книги, переведенныя въ IX вѣкѣ Св. Кирилломъ, Меѳодіемъ и помощниками ихъ ([239]). Но Славяне, принявъ Христіанскую Вѣру, заимствовали съ нею новыя мысли, изобрѣли новыя слова, выраженія, и языкъ ихъ въ среднихъ вѣкахъ безъ сомнѣнія такъ же отличался отъ древняго, какъ уже отличается отъ нашего. Разсѣянныя по Европѣ, окруженныя другими народами, и нерѣдко ими покоряемыя, Славянскія племена утратили единство языка, и въ теченіе временъ произошли разныя его нарѣчія, изъ коихъ главныя суть:

1) *Русское*, болѣе всѣхъ другихъ образованное, и менѣе всѣхъ другихъ смѣшенное съ чужеземными словами ([240]). Побѣды, завоеванія и величіе государственное, возвысивъ духъ народа Россійскаго, имѣли счастливое дѣйствіе и на самый языкъ его, который будучи управляемъ дарованіемъ и вкусомъ Писателя умнаго, можетъ равняться нынѣ въ силѣ, красотѣ и пріятности съ лучшими языками древности и нашихъ временъ. Будущая судьба его зависитъ отъ судьбы Государства. . . .

2) *Польское*, смѣшенное со многими Латинскими и Нѣмецкими словами: имъ говорятъ не только въ бывшемъ Королевствѣ Польскомъ, но и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пруссіи, Дворяне въ

Литвѣ и народъ въ Силезіи, по сю сторону Одера (241).

3) *Чешское*, въ Богеміи, въ Моравіи и Венгріи, по утвержденію Іорданову ближайшее къ нашему древнему переводу Библіи, а по мнѣнію другихъ Богемскихъ Ученыхъ среднее между Кроатскимъ и Польскимъ. Венгерское нарѣчіе именуется *Славакскимъ*, но разнится отъ Чешскаго большею частію только въ выговорѣ, хотя Авторы *Многоязычнаго Словаря* признаютъ его *особеннымъ*. Впрочемъ и другія Славянскія нарѣчія употребляются въ Венгріи (242).

4) *Иллирическое*, то есть, Болгарское — самое грубое изъ всѣхъ Славянскихъ — Боснійское, Сербское — самое пріятнѣйшее для слуха, какъ многіе находятъ — Славонское и Далматское (243).

5) *Кроатское*, сходное съ Виндскимъ въ Стиріи, Каринтіи, Крайнѣ, также съ Лаузицкимъ, Котбузскимъ, Кашубскимъ и Люховскимъ. Въ Мейсенѣ, Бранденбургѣ, Поммераніи, Меклепбургѣ и почти во всемъ Люнебургѣ, гдѣ нѣкогда Славянскій языкъ былъ народнымъ, онъ уже замѣненъ Нѣмецкимъ (244).

Однакожь сіи перемѣны не могли совершенно истребить въ языкѣ нашемъ его, такъ сказать, первобытнаго образа, и любопытство Историковъ хотѣло открыть въ немъ слѣды малоизвѣстнаго происхожденія Славянъ. Нѣкоторые утверждали, что онъ весьма близокъ къ древнимъ языкамъ Азіатскимъ (245); но вѣрнѣйшее изслѣдованіе доказало, что сіе мнимое сходство

ограничивается весьма немногими словами, Еврейскими или Халдейскими, Сирскими, Арабскими, которыя находятся и въ другихъ языкахъ Европейскихъ, свидѣтельствуя единственно ихъ общее Азіатское происхожденіе; и что Славянскій имѣетъ съ Греческимъ, Латинскимъ, Нѣмецкимъ, гораздо болѣе связи, нежели съ Еврейскимъ и съ другими Восточными. Сіе великое, явное сходство ([246]) встрѣчается не только въ словахъ единозвучныхъ съ дѣйствіями, которыя означаются ими — ибо названія *грома*, *журчанія* водъ, *крика* птицъ, *рева* звѣрей, могутъ на всѣхъ языкахъ сходствовать между собою отъ подражанія Естеству ([247]) — но и въ выраженіи самыхъ первыхъ мыслей человѣка, въ ознаменованіи главныхъ нуждъ жизни домашней ([248]), въ именахъ и глаголахъ совершенно произвольныхъ. Мы знаемъ, что Венеды издревле жили въ сосѣдствѣ съ Нѣмцами и долгое время въ Дакіи (гдѣ языкъ Латинскій со временъ Траяновыхъ былъ въ общемъ употребленіи), воевали въ Имперіи и служили Императорамъ Греческимъ ([249]); но сіи обстоятельства могли бы ввести въ языкъ Славянскій только нѣкоторыя особенныя Нѣмецкія, Латинскія или Греческія слова, и не принудили бы ихъ забыть собственныя, коренныя, необходимыя въ самомъ древнѣйшемъ обществѣ людей, то есть, въ семейственномъ. Изъ чего вѣроятнымъ образомъ заключаютъ, что предки сихъ народовъ говорили нѣкогда однимъ языкомъ: какимъ ([250])?

неизвѣстно, но безъ сомнѣнія древнѣйшимъ въ Европѣ, *гдѣ Исторія находитъ ихъ :* ибо Греція, а послѣ и часть Италіи, населена *Пеласгами, Ѳракійскими* жителями, которые прежде Елленовъ утвердились въ Мореѣ, и могли быть единоплеменны съ Германцами и Славянами ([251]). Въ теченіе временъ удаленные другъ отъ друга, они пріобрѣтали новыя гражданскія понятія, выдумывали новыя слова, или присвоивали чужія, и долженствовали чрезъ нѣсколько вѣковъ говорить уже языкомъ различнымъ. Самыя общія, коренныя слова легко могли измѣниться въ произношеніи, когда люди еще не знали буквъ и письма, вѣрно опредѣляющаго выговоръ.

Сіе важное искусство, немногими чертами изображать для глазъ безчисленные звуки, свѣдала Европа, какъ надобно думать, уже въ позднѣйшія времена, и безъ сомнѣнія отъ Финикіянъ, или непосредственно, или чрезъ Пеласговъ и Елленовъ. Не льзя вообразить, чтобы древніе обитатели Пелопоннеса, Лаціума, Испаніи, едва вышедши изъ дикаго состоянія, могли сами выдумать письмена, требующія удивительнаго разума, и столь непонятнаго для обыкновенныхъ людей, что они вездѣ приписывали богамъ изобрѣтеніе оныхъ : въ Египтѣ Ѳойту, въ Греціи Меркурію, въ Италіи богинѣ Карментѣ; а нѣкоторые изъ Христіанскихъ Философовъ считали десять Моисеевыхъ заповѣдей, рукою Всевышняго начертанныхъ на горѣ Синайской, первымъ письмомъ въ мірѣ ([252]). Къ тому же

или Готөскія, Кельтиберскія, Бетскія, Турде-
скія въ Испаніи, Руны Скандинавовъ и Гер-
цевъ болѣе или менѣе сходствуютъ съ Фи-
ійскими и доказываютъ, что всѣ онѣ прои-
ли отъ одного корня ([254]). Пеласги и Аркадцы
несли ихъ съ собою въ Италію, а наконецъ
ь Марселію къ тамошнимъ Галламъ. Испанцы
ли научиться письму отъ самихъ Финикіянъ,
овавшихъ Тартессъ и Гадесъ за 1100 лѣтъ
Рождества Христова ([255]). Турдетане во время
абоново имѣли письменные законы, Исторію
тихотворенія ([256]). Какимъ образомъ Евро-
скій Сѣверъ получилъ буквы, мы не знаемъ:
Финикійскихъ ли мореплавателей, торговав-
съ оловомъ Британскимъ и янтаремъ Прус-
мъ? или отъ народовъ Южной Европы? Вто-
кажется вѣроятнѣе: ибо Руническое и Готө-
письмо сходнѣе съ Греческимъ и Латин-
мъ, нежели съ Финикійскимъ ([257]). Оно могло
теченіе вѣковъ, чрезъ Германію или Панно-
, дойти отъ Средиземнаго моря до Бальтій-

миры, найденные близъ Толлензскаго озера, доказали справедливость его извѣстія; надписи ихъ состоятъ въ Рунахъ, заимствованныхъ Венедами отъ Готѳскихъ народовъ. Сіи Руны, числомъ 16, подобно древнимъ Финикійскимъ (259), весьма недостаточны для языка Славянскаго, не выражаютъ самыхъ обыкновенныхъ звуковъ его, и были извѣстны едва ли не однимъ жрецамъ, которые посредствомъ ихъ означали имена обожаемыхъ идоловъ. Славяне же Богемскіе, Иллирическіе и Россійскіе не имѣли никакой азбуки до 863 года (260), когда Философъ Константинъ, названный въ монашествѣ Кирилломъ, и Меѳодій, братъ его, жители Ѳессалоники, будучи отправлены Греческимъ Императоромъ Михаиломъ въ Моравію къ тамошнимъ Христіанскимъ Князьямъ Ростиславу, Святополку и Коцелу, для перевода церковныхъ книгъ съ Греческаго языка, изобрѣли Славянскій особенный алфавитъ (261), образованный по Греческому, съ прибавленіемъ новыхъ буквъ: Б. Ж. Ц. Ш. Щ. Ъ. Ы. Ѣ. Ю. Я. Ѫ (262). Сія азбука, называемая *Кирилловскою*, донынѣ употребляется, съ нѣкоторыми перемѣнами, въ Россіи (263), Валахіи, Молдавіи, Болгаріи, Сервія и проч. Славяне Далматскіе имѣютъ другую, извѣстную подъ именемъ *Глагольской* или *Буквицы*, которая считается изобрѣтеніемъ Св. Іеронима, но ложно: ибо въ IV и въ V вѣкѣ, когда жилъ Іеронимъ, еще не было Славянъ въ Римскихъ владѣніяхъ (264). Самый древнѣйшій ея памятникъ,

мъ Св. Владиміра. Сія Глагольская азбука
составлена по нашей (267); отличается ку-
остію знаковъ и весьма неудобна для упо-
ленія. Моравскіе Христіане, приставъ къ
скому Исповѣданію (268), вмѣстѣ съ Поля-
начали писать Латинскими буквами, отверг-
Кирилловы, торжественно запрещенныя
ою Іоанномъ XIII (269). Епископы Салонскіе
I вѣкѣ объявили даже Меѳодія еретикомъ,
ьмена Славянскія изобрѣтеніемъ Аріанскихъ
овъ. Вѣроятно, что сіе самое гоненіе побу-
какого нибудь Далматскаго Монаха выду-
новыя, то есть Глагольскія буквы, и защи-
ихъ отъ нападенія Римскихъ суевѣровъ
емъ Св. Іеронима. — Нынѣ въ Богеміи,
авіи, Силезіи, Лаузицѣ, Кассубіи употреб-
ся Нѣмецкія; въ Илиріи, Крайнѣ, Венгріи
льшѣ Латинскія. Славяне, которые съ VIII
утвердились въ Пелопоннесѣ, приняли тамъ
ескую азбуку (270).

мрачныхъ предвѣстило уже Науки и просвѣщеніе.

ГЛАВА IV.

Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ.

Г. 862—879.

Призваніе Князей Варяжскихъ въ Россію. Основаніе Монархіи. Аскольдъ и Диръ. Первое нападеніе Россіянъ на Имперію. Начало Христіанства въ Кіевѣ. Смерть Рюрика.

Начало Россійской Исторіи представляетъ намъ удивительный и едва ли не безпримѣрный въ лѣтописяхъ случай: Славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе, и требуютъ Государей отъ Варяговъ, которые были ихъ непріятелями. Вездѣ мечь сильныхъ или хитрость честолюбивыхъ вводили Самовластіе (ибо народы хотѣли законовъ, но боялись неволи): въ Россіи оно утвердилось съ общаго согласія гражданъ: такъ повѣствуетъ нашъ Лѣтописецъ — и разсѣянныя племена Славянскія основали Государство, которое граничитъ нынѣ съ древнею Дакіею и съ землями Сѣверной Америки, съ Швеціею и съ Китаемъ, соединяя въ предѣлахъ своихъ три части міра.

Великіе народы, подобно великимъ мужамъ, имѣютъ свое младенчество, и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, раздѣленное на малыя области до 862 года ([271]), по лѣтосчисленію Нестора, обязано величіемъ своимъ счастливому введенію Монархической власти.

Желая нѣкоторымъ образомъ изъяснить сіе важное происшествіе, мы думаемъ, что Варяги, овладѣвшіе странами Чуди и Славянъ за нѣсколько лѣтъ до того времени, правили ими безъ угнетенія и насилія, брали дань легкую и наблюдали справедливость. Господствуя на моряхъ, имѣя въ IX вѣкѣ сношеніе съ Югомъ и Западомъ Европы — гдѣ на развалинахъ колосса Римскаго основались новыя Государства, и гдѣ кровавые слѣды варварства, обузданнаго человѣколюбивымъ духомъ Христіанства, уже отчасти изгладились счастливыми трудами жизни гражданской ([272]) — Варяги или Норманы долженствовали быть образованнѣе Славянъ и Финновъ, заключенныхъ въ дикихъ предѣлахъ Сѣвера; могли сообщить имъ нѣкоторыя выгоды новой промышлености и торговли, благодѣтельныя для народа. Бояре Славянскіе, недовольные властію завоевателей, которая уничтожала ихъ собственную, возмутили, можетъ быть, сей народъ легкомысленный, обольстили его именемъ прежней независимости, вооружили противъ Нормановъ и выгнали ихъ; но распрями личными обратили свободу въ несчастіе, не умѣли возстановить древнихъ законовъ и вверг-

нули отечество въ бездну золъ междоусобія (273). Тогда граждане вспомнили, можетъ быть, о выгодномъ и спокойномъ правленіи Норманскомъ: нужда въ благоустройствѣ и тишинѣ велѣла забыть народную гордость, и Славяне, *убѣжденные* — такъ говоритъ преданіе — *совѣтомъ Новогородскаго старѣйшины Гостомысла*, потребовали Властителей отъ Варяговъ (274). Древняя лѣтопись не упоминаетъ о семъ благоразумномъ *совѣтникѣ*; но ежели преданіе истинно, то Гостомыслъ достоинъ безсмертія и славы въ нашей Исторіи.

Призваніе Князей Варяжскихъ въ Россію.

Новогородцы и Кривичи были тогда, кажется, союзниками Финскихъ племенъ, вмѣстѣ съ ними платившихъ дань Варягамъ: имѣвъ нѣсколько лѣтъ одну долю, и повинуясь законамъ одного народа, они тѣмъ скорѣе могли утвердить дружественную связь между собою. Несторъ пишетъ, что Славяне Новогородскіе, Кривичи, *Весь* и *Чудь* отправили посольство за море, къ Варягамъ-Руси, сказать имъ (275): *Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: идите княжить и владѣть нами* (276). Слова простыя, краткія и сильныя! Братья, именемъ Рюрикъ (277), Синеусъ и Труворъ, знаменитые или родомъ или дѣлами, согласились принять власть надъ людьми, которые, умѣвъ сражаться за вольность,

г. 862.

е умѣли ею пользоваться. Окруженные многочисленною Скандинавскою дружиною, готовою утвердить мечемъ права избранныхъ Государей, ти честолюбивые братья навсегда оставили отечество ([278]). Рюрикъ прибылъ въ Новгородъ, Синеусъ на Бѣлоозеро въ область Финскаго народа Веси, а Труворъ въ Изборскъ, городъ Кривичей. Смоленскъ, населенный также Кривичами, и самый Полоцкъ оставались еще независимыми и не имѣли участія въ призваніи Варяговъ. Слѣдственно Держава трехъ Владѣтелей, соединенныхъ узами родства и взаимной пользы, отъ Бѣлаозера простиралась только до Эстоніи и Ключей Славянскихъ, гдѣ видимъ остатки древняго Изборска. Сія часть нынѣшней С. Петербургской, Эстляндской, Новогородской и Псковской Губерній была названа тогда *Русью*, по имени Князей Варяго-Русскихъ. Болѣе не знаемъ никакихъ достовѣрныхъ подробностей; не знаемъ, благословилъ ли народъ перемѣну своихъ гражданскихъ уставовъ? насладился ли счастливою тишиною, рѣдко извѣстною въ обществахъ народныхъ? или пожалѣлъ о древней вольности? Хотя новѣйшіе Лѣтописцы говорятъ ([279]), что Славяне скоро вознегодовали на рабство, и какой-то Вадимъ, именуемый *Храбрымъ*, палъ отъ руки сильнаго Рюрика вмѣстѣ со многими изъ своихъ единомышленниковъ въ Новѣгородѣ — случай вѣроятный: люди, привыкшіе къ вольности, отъ ужасовъ безначалія могли пожелать Властителей, но могли и раскаять-

ся, *ежели* Варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утѣсняли ихъ — однакожь сіе извѣстіе, не будучи основано на древнихъ сказаніяхъ Нестора, кажется одною догадкою и вымысломъ.

Чрезъ два года, по кончинѣ Синеуса и г. 864. Трувора, старшій братъ, присоединивъ области ихъ къ своему Княжеству, основалъ Монархію Россійскую. Уже предѣлы ея достигали на Востокъ до нынѣшней Ярославской и Нижегородской Губерніи, а на Югъ до Западной Двины; уже Меря, Мурома и Полочане зависѣли отъ Рюрика: ибо онъ, принявъ Единовластіе, отдалъ въ управленіе знаменитымъ единоземцамъ своимъ, кромѣ Бѣлаозера, Полоцкъ, Ростовъ и Муромъ, имъ или братьями его завоеванные, какъ надобно думать ([280]). Такимъ образомъ вмѣстѣ съ верховною Княжескою властію утвердилась въ Россіи, кажется, и Система *Феодальная*, *Помѣстная* или *Удѣльная*, бывшая основаніемъ новыхъ гражданскихъ обществъ въ Скандинавіи и во всей Европѣ, гдѣ господствовали народы Германскіе. Монархи обыкновенно цѣлыми областями награждали Вельможъ и любимцевъ, которые оставались ихъ подданными, но властвовали какъ Государи въ своихъ Удѣлахъ ([281]): система сообразная съ обстоятельствами и духомъ времени, когда еще

Основаніе Монархіи.

не было ни удобнаго сношенія между владѣніями одной Державы, ни уставовъ общихъ и твердыхъ, ни порядка въ гражданскихъ степеняхъ, и люди, упорные въ своей независимости, слушались единственно того, кто держалъ мечь надъ ихъ головою. Признательность Государей къ вѣрности Вельможъ участвовала также въ семъ обыкновеніи, и завоеватель дѣлился областями съ товарищами храбрыми, которые помогали ему пріобрѣтать оныя.

Къ сему времени Лѣтописецъ относитъ слѣдующее важное происшествіе. Двое изъ единоземцевъ Рюриковыхъ, именемъ Аскольдъ и Диръ, можетъ быть недовольные симъ Княземъ [282], отправились съ товарищами изъ Новагорода въ Константинополь искать счастія; увидѣли на высокомъ берегу Днѣпра маленькой городокъ, и спросили: чей онъ? Имъ отвѣтствовали, что строители его, три брата, давно скончались, и что миролюбивые жители платятъ дань Козарамъ. Сей городокъ былъ Кіевъ: Аскольдъ и Диръ завладѣли имъ; присоединили къ себѣ многихъ Варяговъ изъ Новагорода; начали подъ именемъ Россіянъ властвовать какъ Государи въ Кіевѣ и помышлять о важнѣйшемъ предпріятіи, достойномъ Норманской смѣлости. Прежде шли они въ Константинополь, вѣроятно, для того, чтобы

Аскольдъ и Диръ.

служить Императору: тогда, ободренные своимъ успѣхомъ и многочисленностію войска, дерзнули объявить себя врагами Греціи. Судоходный Днѣпръ благопріятствовалъ ихъ намѣренію: вооруживъ 200 судовъ, сіи витязи Сѣвера, издревле опытные въ кораблеплаваніи, открыли себѣ путь въ Черное море и въ самый Воспоръ Ѳракійскій, опустошили огнемъ и мечемъ берега его, и скоро осадили Константинополь съ моря. Столица Восточной Имперіи въ первый разъ увидѣла сихъ грозныхъ непріятелей; въ первый разъ съ ужасомъ произнесла имя Россіянъ, Ῥῶς. Молва народная возвѣстила ихъ Скиѳами, жителями баснословной горы Тавра, уже побѣдителями многихъ народовъ окрестныхъ. Михаилъ III, Неронъ своего времени, царствовалъ тогда въ Константинополѣ, но былъ въ отсутствіи, воюя на берегахъ Черной рѣки съ Агарянами (283). Узнавъ отъ Эпарха или Намѣстника Цареградскаго о новомъ непріятелѣ, онъ спѣшилъ въ столицу, съ великою опасностію пробрался сквозь суда Россійскія, и не смѣя отразить ихъ силою, ожидалъ спасенія отъ чуда. Оно совершилось, по сказанію Византійскихъ Лѣтописцевъ. Въ славной церкви Влахернской, построенной Императоромъ Маркіаномъ на берегу залива, между нынѣшнею Перою и Царем-

г. 866. Первое нападеніе Россіянъ на Имперію.

градомъ, хранилася такъ называемая риза Богоматери, къ которой прибѣгалъ народъ въ случаѣ бѣдствій ([284]). Патріархъ Фотій съ торжественными обрядами вынесъ ее на берегъ и погрузилъ въ море, тихое и спокойное. Вдругъ сдѣлалась буря; разсѣяла, истребила флотъ непріятельскій, и только слабые остатки его возвратились въ Кіевъ.

Несторъ согласно съ Византійскими Историками описываетъ сей случай; но нѣкоторые изъ нихъ прибавляютъ, что язычники Россійскіе, устрашенные Небеснымъ гнѣвомъ, немедленно отправили Пословъ въ Константинополь, и требовали святаго крещенія. Окружная грамота Патріарха Фотія, писанная въ исходѣ 866 года къ Восточнымъ Епископамъ, служитъ достовѣрнымъ подтвержденіемъ сего любопытнаго для насъ извѣстія ([285]). «Россы, говоритъ онъ, славные жестокостію, побѣдители народовъ сосѣдственныхъ, и въ гордости своей дерзнувшіе «воевать съ Имперіею Римскою, уже оставили «суевѣріе, исповѣдуютъ Христа и суть друзья «наши, бывъ еще *не-давно* злѣйшими врагами. «Они уже приняли отъ насъ Епископа и Священника, имѣя живое усердіе къ богослуженію «Христіанскому.» Константинъ Багрянородный и другіе Греческіе Историки пишутъ, что Россы крестились во время Царя Василія Македонскаго и Патріарха Игнатія, то есть, не ранѣе 867 года ([286]). «Императоръ (говорятъ они), не имѣя «возможности побѣдить Россовъ, склонилъ ихъ

«къ миру богатыми дарами, состоявшими «въ золотѣ, серебрѣ и шелковыхъ одеж-«дахъ. Онъ прислалъ къ нимъ Епископа, «посвященнаго Игнатіемъ, который обра-«тилъ ихъ въ Христіанство.» — Сіи два извѣстія не противорѣчатъ одно другому. Фотій въ 866 году могъ отправить церковныхъ учителей въ Кіевъ: Игнатій также; они насадили тамъ первыя сѣмена Вѣры истинной: ибо Несторова лѣтопись свидѣтельствуетъ, что въ Игорево время было уже много Христіанъ въ Кіевѣ (287). Вѣроятно, что проповѣдники, для лучшаго успѣха въ дѣлѣ своемъ, тогда же ввели въ употребленіе между Кіевскими Христіанами и новыя письмена Славянскія, изобрѣтенныя Кирилломъ въ Моравіи за нѣсколько лѣтъ до того времени. Обстоятельства благопріятствовали сему успѣху: Славяне исповѣдывали одну Вѣру, а Варяги другую (288); въ послѣдствіи увидимъ, что древніе Государи Кіевскіе наблюдали священные обряды первой, слѣдуя внушенію весьма естественнаго благоразумія; но усердіе ихъ къ чужеземнымъ идоламъ, коихъ обожали они единственно въ угожденіе главному своему народу, не могло быть искреннимъ, и самая государственная польза заставляла Князей не препятствовать успѣхамъ новой Вѣры, соединявшей ихъ подданныхъ, Славянъ, и на-

Начало Христіанства въ Кіевѣ.

дежныхъ товарищей, Варяговъ, узами духовнаго братства. Но еще не наступило время совершеннаго торжества ея.

Такимъ образомъ Варяги основали двѣ Самодержавныя области въ Россіи: Рюрикъ на Сѣверѣ, Аскольдъ и Диръ на Югѣ. Не вѣроятно, чтобы Козары, бравшіе дань съ Кіева, добровольно уступили его Варягамъ, хотя Лѣтописецъ молчитъ о воинскихъ дѣлахъ Аскольда и Дира въ странахъ Днѣпровскихъ (289): оружіе безъ сомнѣнія рѣшило, кому начальствовать надъ миролюбивыми Полянами; и ежели Варяги дѣйствительно, претерпѣвъ уронъ на Черномъ морѣ, возвратились отъ Константинополя съ неудачею, то имъ надлежало быть счастливѣе на сухомъ пути: ибо они удержали за собою Кіевъ.

Несторъ молчитъ также о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ Рюрика въ Новѣгородѣ, за недостаткомъ современныхъ извѣстій, а не для того, чтобы сей Князь отважный, пожертвовавъ отечествомъ властолюбію, провелъ остатокъ жизни въ бездѣйствіи: *дѣйствовать* же значило тогда *воевать*, и Государи Скандинавскіе, единоземцы Рюриковы, принимая власть отъ народа, обыкновенно клялися, именемъ Одиновымъ, быть завоевателями (290). Спокойствіе Государства, мудрое законодательство и правосудіе составляютъ нынѣ славу Царей; но Князья Русскіе въ IX и X вѣкѣ еще не довольствовались сею благотворною славою. Окруженный къ Западу, Сѣверу и Востоку народами Финскими, Рюрикъ могъ ли

оставить въ покоѣ своихъ ближнихъ сосѣдовъ, когда и самые отдаленные берега Оки долженствовали ему покориться? Вѣроятно, что окрестности Чудскаго и Ладожскаго озера были также свидѣтелями мужественныхъ дѣлъ его, неописанныхъ и забвенныхъ. — Онъ княжилъ единовластно, по смерти Сенеуса и Трувора, 15

Смерть Рюрика.

лѣтъ въ Новѣгородѣ и скончался въ 879 году, вручивъ правленіе и малолѣтнаго сына, Игоря, родственнику своему Олегу.

Память Рюрика, какъ перваго Самодержца Россійскаго, осталась безсмертною въ нашей Исторіи, и главнымъ дѣйствіемъ его княженія было твердое присоединеніе нѣкоторыхъ Финскихъ племенъ къ народу Славянскому въ Россіи, такъ, что Весь, Меря, Мурома, наконецъ обратились въ Славянъ, принявъ ихъ обычаи, языкъ и Вѣру (291).

ГЛАВА V.

Олегъ Правитель.

г. 879—912.

Завоеванія Олеговы. Нашествіе Угровъ. Супружество Игоря. Россіяне служатъ въ Греціи. Олегъ идетъ на Царьградъ. Миръ съ Греками. Договоръ съ Имперіею. Кончина Олега.

Рюрикъ, по словамъ лѣтописи, вручилъ Олегу правленіе за малолѣтствомъ сына. г. 879. Сей опекунъ Игоревъ скоро прославился великою своею отважностію, побѣдами, благоразуміемъ, любовію подданныхъ.

Вѣсть о счастливомъ успѣхѣ Рюрика и братьевъ его, желаніе участвовать въ ихъ завоеваніяхъ, и надежда обогатиться, безъ сомнѣнія привлекли многихъ Варяговъ въ Россію. Князья рады были соотечественникамъ, которые усиливали ихъ вѣрную, смѣлую дружину. Олегъ, пылая славолюбіемъ Героевъ, не удовольствовался симъ войскомъ, но присоединилъ къ нему великое число Новогородцевъ, Кривичей, Веси, Чуди, Мери, и въ 882 году пошелъ къ г. 882. странамъ Днѣпровскимъ (292). Смоленскъ, городъ вольныхъ Кривичей, сдался ему, Завоеванія Олеговы кажется, безъ сопротивленія: чему могли способствовать единоплеменники ихъ, слу-

жившіе Олегу. Первая удача была залогомъ новыхъ: храбрый Князь, поручивъ Смоленскъ своему Боярину, вступилъ въ область Сѣверянъ и взялъ Любечь, древній городъ на Днѣпрѣ. Но желанія завоевателя стремились далѣе: слухъ о независимой Державѣ, основанной Аскольдомъ и Диромъ, благословенный климатъ и другія естественныя выгоды Малороссіи, еще украшенныя, можетъ быть, разсказами, влекли Олега къ Кіеву. Вѣроятность, что Аскольдъ и Диръ, имѣя сильную дружину, не захотятъ ему добровольно поддаться, и непріятная мысль сражаться съ единоземцами, равно искусными въ дѣлѣ воинскомъ, принудили его употребить хитрость. Оставивъ назади войско, онъ съ юнымъ Игоремъ и съ немногими людьми приплылъ къ высокимъ берегамъ Днѣпра, гдѣ стоялъ древній Кіевъ ([293]); скрылъ вооруженныхъ ратниковъ въ ладіяхъ, и велѣлъ объявить Государямъ Кіевскимъ, что Варяжскіе купцы, отправленные Княземъ Новогородскимъ въ Грецію, хотятъ видѣть ихъ какъ друзей и соотечественниковъ. Аскольдъ и Диръ, не подозрѣвая обмана, спѣшили на берегъ: воины Олеговы въ одно мгновеніе окружили ихъ. Правитель сказалъ: *вы не Князья и не знаменитаго роду*, но я Князь — и показавъ Игоря, примолвилъ: *вотъ сынъ Рюриковъ* ([294])! Симъ словомъ осужденные на казнь, Аскольдъ и Диръ, подъ мечами убійцъ, пали мертвые къ ногамъ Олеговымъ . . . Простота, свойственная нравамъ IX вѣка, дозволяетъ вѣ-

рить, что мнимые купцы могли призвать къ себѣ такимъ образомъ Владѣтелей Кіевскихъ; но самое общее варварство сихъ временъ не извиняетъ убійства жестокаго и коварнаго. — Тѣла несчастныхъ Князей были погребены на горѣ, гдѣ въ Несторово время находился Ольминъ дворъ ([295]); кости Дировы покоились за храмомъ Св. Ирины; надъ могилою Аскольда стояла церковь Св. Николая, и жители Кіевскіе донынѣ указываютъ сіе мѣсто на крутомъ берегу Днѣпра, ниже монастыря Николаевскаго, гдѣ врастаетъ въ землю малая, ветхая церковь.

Олегъ, обагренный кровію невинныхъ Князей, знаменитыхъ храбростію, вошелъ какъ побѣдитель въ городъ ихъ, и жители, устрашенные самымъ его злодѣяніемъ и сильнымъ войскомъ, признали въ немъ своего законнаго Государя. Веселое мѣстоположеніе, судоходный Днѣпръ, удобность имѣть сообщеніе, торговлю или войну съ разными богатыми странами — съ Греческимъ Херсономъ, съ Козарскою Тавридою, съ Болгаріею, съ Константинополемъ — плѣнили Олега, и сей Князь сказалъ: *да будетъ Кіевъ матерію городовъ Россійскихъ* ([296])! Монархи народовъ образованныхъ желаютъ имѣть столицу среди Государства, вопервыхъ для того, чтобъ лучше надзирать надъ общимъ его правленіемъ, а вовторыхъ и для своей безопасности: Олегъ, всего болѣе думая о завоеваніяхъ, хотѣлъ жить на границѣ, чтобы тѣмъ скорѣе нападать на чуждыя земли; мыслилъ ужасать сосѣдовъ, а не

бояться ихъ. — Онъ поручилъ дальнія области Вельможамъ ([297]); велѣлъ строить города, или неподвижные станы для войска, коему надлежало быть грозою и внѣшнихъ непріятелей и внутреннихъ мятежниковъ; уставилъ также налоги общіе. Славяне, Кривичи и другіе народы должны были платить дань Варягамъ, служившимъ въ Россіи: Новгородъ давалъ имъ ежегодно 300 гривенъ тогдашнею ходячею монетою Россійскою ([298]): что представляло цѣну ста-пятидесяти фунтовъ серебра. Сію дань получали Варяги, какъ говоритъ Несторъ, до кончины Ярославовой: съ того времени лѣтописи наши дѣйствительно уже молчатъ о службѣ ихъ въ Россіи ([299]).

Обширныя владѣнія Россійскія еще не имѣли твердой связи. Ильменскіе Славяне граничили съ Весью, Весь съ Мерею, Меря съ Муромою и съ Кривичами ([300]); но сильные, отъ Россіянъ независимые народы обитали между Новымгородомъ и
г. 883. Кіевомъ. Храбрый Князь, давъ отдохнуть войску, спѣшилъ къ берегамъ рѣки Припети: тамъ среди лѣсовъ мрачныхъ, Древляне свирѣпые наслаждались вольностію и встрѣтили его съ оружіемъ; но побѣда увѣнчала Олега, и сей народъ, богатый
г. 884, 885. звѣрями, обязался ему платить дань черными куницами. Въ слѣдующіе два года

Князь Россійскій овладѣлъ землею Днѣпровскихъ Сѣверянъ и сосѣдственныхъ съ ними Радимичей. Онъ побѣдилъ первыхъ, освободилъ ихъ отъ власти Козаровъ, и сказавъ: *я врагъ имъ, а не вамъ!* удовольствовался самымъ легкимъ налогомъ: вѣрность и доброе расположеніе Сѣверянъ были ему всего нужнѣе для безопаснаго сообщенія южныхъ областей Россійскихъ съ сѣверными. Радимичи, жители береговъ Сожскихъ, добровольно согласились давать Россіянамъ то же, что Козарамъ: по *щлягу* или мелкой монетѣ съ каждой сохи. Такимъ образомъ, соединивъ цѣпію завоеваній Кіевъ съ Новымгородомъ, Олегъ уничтожилъ господство Хана Козарскаго въ Витебской и Черниговской Губерніи. Сей Ханъ дремалъ, кажется, въ пріятностяхъ Восточной роскоши и нѣги: изобиліе Тавриды, долговременная связь съ цвѣтущимъ Херсономъ и Константинополемъ, торговля и мирныя искусства Греціи усыпили воинскій духъ въ Козарахъ, и могущество ихъ уже клонилось къ паденію.

Покоривъ Сѣверъ, Князь Россійскій обратилъ счастливое оружіе свое къ Югу. Въ лѣвую сторону отъ Днѣпра, на берегахъ Сулы, жили еще независимые отъ Россійской Державы Славяне, единоплеменные съ Черниговцами: онъ завоевалъ страну ихъ, также Подольскую и Волынскую Губернію, часть Херсонской и, можетъ быть, Галицію: ибо Лѣтописецъ въ числѣ его

подданныхъ именуетъ Дулѣбовъ, Тиверцевъ и Хорватовъ, тамъ обитавшихъ ([301]).

Но между тѣмъ, какъ побѣдоносныя знамена сего Героя развѣвались на берегахъ Днѣстра и Буга, новая столица его увидѣла предъ стѣнами своими многочисленныя *вежи* или шатры Угровъ (Маджаровъ или нынѣшнихъ Венгерцевъ), которые обитали нѣкогда близъ Урала, а въ IX вѣкѣ на Востокъ отъ Кіева, въ странѣ *Лебедіи*, можетъ быть въ Харьковской Губерніи, гдѣ городъ Лебединъ напоминаетъ сіе имя. Вытѣсненные Печенѣгами, они искали тогда жилищъ новыхъ; нѣкоторые перешли за Донъ, на границу Персіи; другіе же устремились на Западъ: мѣсто, гдѣ они стояли подъ Кіевомъ, называлось еще въ Несторово время *Угорскимъ* ([302]). Олегъ пропустилъ ли ихъ дружелюбно, или отразилъ силою, неизвѣстно; сіи бѣглецы переправились чрезъ Днѣпръ и завладѣли Молдавіею, Бессарабіею, землею Волошскою.

Нашествіе Угровъ.

Далѣе не находимъ никакихъ извѣстій о предпріятіяхъ дѣятельнаго Олега до самаго 906 года ([303]); знаемъ только, что онъ правилъ еще Государствомъ и въ то время, когда уже питомецъ его возмужалъ лѣтами. Пріученный изъ дѣтства къ повиновенію, Игорь не дерзалъ требовать своего наслѣдія отъ Правителя властолюби-

ваго, окруженнаго блескомъ побѣдъ, славою завоеваній и храбрыми товарищами, которые считали его власть законною, ибо онъ умѣлъ ею возвеличить Государство. Въ 903 году Олегъ избралъ для Игоря супругу, сію въ нашихъ лѣтописяхъ безсмертную Ольгу, славную тогда еще однѣми прелестями женскими и благонравіемъ. Ее привезли въ Кіевъ изъ Плескова или нынѣшняго Пскова: такъ пишетъ Несторъ. Но въ особенномъ ея житіи и въ другихъ новѣйшихъ историческихъ книгахъ сказано, что Ольга была Варяжскаго простаго роду, и жила въ веси, именуемой Выбутскою, близъ Пскова; что юный Игорь, пріѣхавъ изъ Кіева, увеселялся тамъ нѣкогда звѣриною ловлею; увидѣлъ Ольгу, говорилъ съ нею, узналъ ея разумъ, скромность, и предпочелъ сію любезную сельскую дѣвицу всѣмъ другимъ невѣстамъ. Обыкновенія и нравы тогдашнихъ временъ конечно дозволяли Князю искать для себя супруги въ самомъ низкомъ состояніи людей: ибо красота уважалась болѣе знаменитаго рода; но мы не можемъ ручаться за истину преданія, неизвѣстнаго нашему древнему Лѣтописцу: иначе онъ не пропустилъ бы столь любопытнаго обстоятельства въ житіи Св. Ольги. Имя свое приняла она, кажется, отъ имени Олега, въ знакъ дружбы его къ сей

Супружество Игоря.

достойной Княгинѣ, или въ знакъ Игоревой къ нему любви.

Вѣроятно, что сношеніе между Константинополемъ и Кіевомъ не прерывалось со временъ Аскольда и Дира; вѣроятно, что Цари и Патріархи Греческіе старались умножать число Христіанъ въ Кіевѣ и вывести самого Князя изъ тьмы идолопоклонства; но Олегъ, принимая, можетъ быть, Священниковъ отъ Патріарха и дары отъ Императора, вѣрилъ болѣе всего мечу своему, довольствовался мирнымъ союзомъ съ Греками и терпимостію Христіанства. Мы знаемъ по Византійскимъ извѣстіямъ, что около сего времени Россія считалась *шестидесятымъ Архіепископствомъ* въ спискѣ Епархій, зависѣвшихъ отъ Главы Константинопольскаго Духовенства; знаемъ также, что въ 902 году 700 Россовъ, или Кіевскихъ Варяговъ, служили во флотѣ Греческомъ, и что имъ платили изъ казны 100 литръ золота (304). Спокойствіе, которымъ Россія, покоривъ окрестные народы, могла нѣсколько времени наслаждаться, давало свободу витязямъ Олеговымъ искать дѣятельности въ службѣ Императоровъ: Греки уже издавна осыпали золотомъ такъ называемыхъ варваровъ, чтобы они дикою храбростію своею ужасали не Константинополь, а враговъ его. Но Олегъ, наскучивъ тишиною,

Россіяне служатъ въ Греціи.

опасною для воинственной Державы, или завидуя богатству Царяграда, и желая доказать, что казна робкихъ принадлежитъ смѣлому, рѣшился воевать съ Имперіею. Всѣ народы, ему подвластные: Новогородцы, Финскіе жители Бѣлаозера, Ростовская Меря, Кривичи, Сѣверяне, Поляне Кіевскіе, Радимичи, Дулѣбы, Хорваты и Тивирцы соединились съ Варягами подъ его знаменами (305). Днѣпръ покрылся *двумя тысячами* легкихъ судовъ: на всякомъ было сорокъ воиновъ; *конница* шла берегомъ. Игорь остался въ Кіевѣ: Правитель не хотѣлъ раздѣлить съ нимъ ни опасностей, ни славы. Надлежало побѣдить не только враговъ, но и Природу, такими чрезвычайными усиліями, которыя могли бы устрашить самую дерзкую предпріимчивость нашего времени, и кажутся едва вѣроятными. Днѣпровскіе пороги и нынѣ мѣшаютъ судоходству, хотя стремленіе воды въ теченіе столѣтій и наконецъ искусство людей разрушили нѣкоторыя изъ сихъ преградъ каменныхъ (306): въ IX и X вѣкѣ они долженствовали быть несравненно опаснѣе. Первые Варяги Кіевскіе осмѣлились пройти сквозь ихъ острыя скалы и кипящія волны съ двумя стами судовъ: Олегъ со флотомъ въ десять разъ сильнѣйшимъ. Константинъ Багрянородный описалъ намъ, какъ Россіяне въ семъ

г. 906. Олегъ идетъ на Царьградъ.

плаванія обыкновенно преодолѣвали трудности: бросались въ воду, искали гладкаго дна, и проводили суда между камнями; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вытаскивали свои лодки изъ рѣки, влекли берегомъ или несли на плечахъ, будучи въ то же самое время готовы отражать непріятеля (307). Доплывъ благополучно до Лимана, они исправляли мачты, парусы, рули; входили въ море, и держась западныхъ береговъ его, достигали Греціи. Но Олегъ велъ съ собою еще сухопутное конное войско: жители Бессарабіи и сильные Болгары дружелюбно ли пропустили его? Лѣтописецъ не говоритъ о томъ. Но мужественный Олегъ приближился наконецъ къ Греческой столицѣ, гдѣ суевѣрный Императоръ Леонъ, прозванный Философомъ, думалъ о вычетахъ Астрологіи болѣе, нежели о безопасности Государства. Онъ велѣлъ только заградить цѣпію гавань (308), и далъ волю Олегу разорять Византійскія окрестности, жечь селенія, церкви, увеселительные домы Вельможъ Греческихъ. Несторъ, въ доказательство своего безпристрастія, изображаетъ самыми черными красками жестокость и безчеловѣчіе Россіянъ. Они плавали въ крови несчастныхъ, терзали плѣнниковъ, бросали живыхъ и мертвыхъ въ море. Такъ нѣкогда поступали Гунны и народы Германскіе въ областяхъ Имперіи; такъ, въ сіе же самое время, Норманы, единоземцы Олеговы, свирѣпствовали въ Западной Европѣ. Война даетъ нынѣ право убивать непріятелей воору-

женныхъ: тогда была она правомъ злодѣйствовать въ землѣ ихъ и хвалиться злодѣяніями . . . Сіи Греки, которые все еще именовались согражданами Сципіоновъ и Брутовъ, сидѣли въ стѣнахъ Константинополя и смотрѣли на ужасы опустошенія вокругъ столицы; но Князь Россійскій привелъ въ трепетъ и самый городъ. Въ лѣтописи сказано, что Олегъ поставилъ суда свои на колеса и силою одного вѣтра, на распущенныхъ парусахъ, сухимъ путемъ шелъ со флотомъ къ Константинополю. Можетъ быть, онъ хотѣлъ сдѣлать то же, что сдѣлалъ послѣ Магометъ II: велѣлъ воинамъ тащить суда берегомъ въ гавань, чтобы приступить къ стѣнамъ городскимъ [309]; а баснословіе, вымысливъ дѣйствіе парусовъ на сухомъ пути, обратило трудное, но возможное дѣло въ чудесное и невѣроятное. Греки, устрашенные симъ намѣреніемъ, спѣшили предложить Олегу миръ и дань. Они выслали войску его съѣстные припасы и вино: Князь отвергнулъ то и другое, боясь отравы: ибо храбрый считаетъ малодушнаго коварнымъ. Если подозрѣніе Олегово, какъ говоритъ Несторъ, было справедливо: то не Россіянъ, а Грековъ должно назвать истинными варварами X вѣка. Побѣдитель требовалъ 12 гривенъ на каждаго человѣка во флотѣ своемъ, и Греки согласились, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, прекративъ непріятельскія дѣйствія, мирно возвратился въ отечество. Войско Россійское отступило далѣе отъ города, и Князь отправилъ

Пословъ къ Императору. Лѣтопись сохранила Норманскія имена сихъ Вельможъ: Карла, Фарлафа, Веремида, Рулава, Стемида. Они заключили съ Константинополемъ слѣдующій договоръ:

Миръ съ Греками.

I. «Греки даютъ по 12 гривенъ на человѣка (310), сверхъ того *уклады* на города Кіевъ, Черниговъ, *Переяславль*, «Полтескъ, Ростовъ, Любечь и другіе, гдѣ «властвуютъ Князья, Олеговы подданные.» Война была въ сіи времена народнымъ промысломъ: Олегъ, соблюдая обычай Скандинавовъ и всѣхъ народовъ Германскихъ, долженствовалъ раздѣлить свою добычу съ воинами и Полководцами, не забывая и тѣхъ, которые оставались въ Россіи.

II. «Послы, отправляемые Княземъ Русскимъ въ Царьградъ, будутъ тамъ всѣмъ «довольствованы изъ казны Императорской (311). Русскимъ гостямъ или торговымъ людямъ, которые пріѣдутъ въ Грецію, Императоръ обязанъ на шесть мѣсяцевъ давать хлѣба, вина, мяса, рыбы и «плодовъ; они имѣютъ также свободный «входъ въ народныя бани (312), и получаютъ на возвратный путь съѣстные «припасы, якори, снасти, парусы и все «нужное.»

Греки съ своей стороны предложили такія условія: «I. Россіяне, которые будутъ

въ Константинополѣ не для торговли, не имѣютъ права требовать мѣсячнаго содержанія. — II. Да запретитъ Князь Посламъ своимъ дѣлать жителямъ обиду въ областяхъ и въ селахъ Греческихъ. — III. Россіяне могутъ жить только у Св. Мамы (313), и должны увѣдомлять о своемъ прибытіи городское начальство, которое запишетъ ихъ имена и выдастъ имъ мѣсячное содержаніе: Кіевскимъ, Черниговскимъ, Переяславскимъ и другимъ гражданамъ. Они будутъ входить только въ одни ворота городскія съ Императорскимъ приставомъ, безоружные и не болѣе пятидесяти человѣкъ вдругъ; могутъ торговать свободно въ Константинополѣ, и не платя никакой пошлины.»

Сей миръ, выгодный для Россіянъ, былъ утвержденъ священными обрядами Вѣры: Императоръ клялся Евангеліемъ, Олегъ съ воинами оружіемъ и богами народа Славянскаго, Перуномъ и Волосомъ (314). Въ знакъ побѣды Герой повѣсилъ щитъ свой на вратахъ Константинополя и возвратился въ Кіевъ, гдѣ народъ, удивленный его славою и богатствами, имъ привезенными: золотомъ, тканями, разными драгоцѣнностями искусства и естественными произведеніями благословеннаго климата Греціи, единогласно назвалъ Олега *вѣщимъ*, то есть мудрымъ или волхвомъ (315).

Такъ Несторъ описываетъ счастливый и славный походъ, коимъ Олегъ увѣнчалъ свои дѣла воинскія. Греческіе Историки молчатъ о семъ

важномъ случаѣ (316); но когда Лѣтописецъ нашъ не позволялъ дѣйствовать своему воображенію и въ описаніи древнихъ, отдаленныхъ временъ: то могъ ли онъ, живучи въ XI вѣкѣ, выдумать происшествіе десятаго столѣтія, еще свѣжаго въ народной памяти? могъ ли съ дерзостію увѣрять современниковъ въ истинѣ онаго, если бы общее преданіе не служило ей порукою? Согласимся, что нѣкоторыя обстоятельства могутъ быть баснословны: товарищи Олеговы, хваляся своими подвигами, украшали ихъ въ разсказахъ, которые, съ новыми прибавленіями, чрезъ нѣсколько времени обратились въ народную сказку, повторенную Несторомъ безъ критическаго изслѣдованія; но главное обстоятельство, что *Олегъ ходилъ къ Царюграду и возвратился съ успѣхомъ*, кажется достовѣрнымъ.

Доселѣ одни словесныя преданія могли
г. 911. руководствовать Нестора (317); но желая утвердить миръ съ Греками, Олегъ вздумалъ отправить въ Царьградъ Пословъ, которые заключили съ Имперіею договоръ *письменный*, драгоцѣнный и древнѣйшій памятникъ Исторіи Россійской, сохраненный въ нашей лѣтописи. Мы изъяснимъ единственно смыслъ темныхъ рѣченій, оставляя въ цѣлости, гдѣ можно, любопытную древность слога.

ДОГОВОРЪ РУССКИХЪ СЪ ГРЕКАМИ.

«Мы отъ роду Русскаго, Карлъ Инге- лотъ, Фарловъ, Веремидъ ([318]), Рулавъ, Гуды, Руальдъ, Карнъ, Флелавъ, Рюаръ, Актутруянъ, Лидулфостъ, Стемидъ, посланные Олегомъ, *Великимъ* Княземъ Русскимъ, и *всѣми сущими подъ рукою* его ([319]), Свѣтлыми Боярами, къ вамъ Льву, Александру и Константину» (брату сыну перваго) «великимъ Царямъ Греческимъ, на *удержаніе* и на *извѣщеніе* отъ многихъ лѣтъ бывшія любви между Христіанами и Русью, по волѣ нашихъ Князей и всѣхъ сущихъ подъ рукою Олега, слѣдующими *главами* уже не *словесно*, *какъ прежде*, но письменно утвердили сію любовь, и клялися въ томъ по закону Русскому своимъ оружіемъ.

Договоръ съ Имперіею.

I. «Первымъ словомъ да *умиримся* съ вами, Греки! да любимъ другъ друга отъ всея души, и не дадимъ никому изъ сущихъ подъ рукою нашихъ Свѣтлыхъ Князей обижать васъ; но потщимся, сколь можемъ, всегда и непреложно соблюдать сію дружбу! Также и вы, Греки, да храните всегда любовь *неподвижную* къ нашимъ Свѣтлымъ Князьямъ Русскимъ и всѣмъ сущимъ подъ рукою Свѣтлаго

«Олега ([320]). Въ случаѣ же преступленія и вины «да поступаемъ тако:

II. «Вина доказывается свидѣтельствами; а «когда нѣтъ свидѣтелей, то не истецъ, но от«вѣтчикъ присягаетъ — и *каждый да клянется* «по Вѣрѣ своей.» Взаимныя обиды и ссоры Грековъ съ Россіянами въ Константинополѣ заставили, какъ надобно думать, Императоровъ и Князя Олега включить статьи уголовныхъ законовъ въ мирный государственный договоръ.

III. «Русинъ ли убіетъ Христіанина или Хри«стіанинъ Русина, да умретъ на мѣстѣ злодѣя«нія. Когда убійца *домовитъ* и скроется, то его «имѣніе отдать ближнему родственнику убитаго; «но жена убійцы не лишается своей законной «части ([321]). Когда же преступникъ уйдетъ, не «оставивъ имѣнія, то считается подъ судомъ ([322]), «доколѣ найдутъ его и казнятъ смертію.

IV. «Кто ударитъ другаго мечемъ, или какимъ «сосудомъ, да заплатитъ пять литръ серебра по «закону Русскому; неимовитый же да заплатитъ, «что можетъ; да сниметъ съ себя и самую одеж«ду, въ которой ходитъ, и да клянется по Вѣрѣ «своей, что ни ближніе, ни друзья не хотятъ его «выкупить изъ вины: тогда увольняется отъ «дальнѣйшаго взысканія.

V. «Когда Русинъ украдетъ что-либо у Хри«стіанина или Христіанинъ у Русина, и пойман«ный на воровствѣ захочетъ сопротивляться, то «хозяинъ украденной вещи можетъ убить его, «не подвергаясь взысканію, и возметъ свое

«обратно; но долженъ только связать вора, ко-«торый безъ сопротивленія отдается ему въ «руки. Если Русинъ или Христіанинъ, подъ ви-«домъ обыска (323), войдетъ въ чей домъ и си-«лою возметъ тамъ чужое, вмѣсто своего, да «заплатитъ втрое.

VI. «Когда вѣтромъ выкинетъ Греческую ла-«дію на землю чуждую, гдѣ случимся мы, Русь, «то будемъ охранять оную вмѣстѣ съ ея гру-«зомъ, отправимъ въ землю Греческую, и про-«водимъ сквозь всякое *страшное* мѣсто до *без-«страшнаго*. Когда же ей нельзя возвратиться въ «отечество за бурею или другими препятствіями, «то поможемъ гребцамъ и доведемъ ладію до «ближней пристани Русской. Товары и все, что «будетъ въ спасенной нами ладіи, да продается «свободно; и когда пойдутъ въ Грецію наши «Послы къ Царю, или гости для купли, они съ «честію приведутъ туда ладію и въ цѣлости «отдадутъ, что выручено за ея товары. Если же «кто изъ Русскихъ убьетъ человѣка на сей ла-«діи, или что нибудь украдетъ, да пріиметъ ви-«новный казнь вышеозначенную.

VII. «Ежели найдутся въ Греціи между ку-«пленными невольниками Россіяне или въ Руси «Греки (324), то ихъ освободить и взять за нихъ, «чего они купцамъ стóяли, или настоящую, из-«вѣстную цѣну невольниковъ; плѣнные также «да будутъ возвращены въ отечество, и за каж-«даго да внесется окупу 20 *златыхъ*. Но Русскіе «воины, которые изъ чести придутъ служить

«Царю, могутъ, буде захотятъ сами, остаться въ «землѣ Греческой.

VIII. «Ежели невольникъ Русскій уйдетъ, бу«детъ украденъ или отнятъ подъ видомъ купли, «то хозяинъ можетъ вездѣ искать и взять его; а «кто противится обыску, считается виновнымъ.

IX. «Когда Русинъ, служащій Царю Христіан«скому, умретъ въ Греціи, не распорядивъ «своего наслѣдства, и родныхъ съ нимъ не бу«детъ: то прислать его имѣніе въ Русь къ *ми«лымъ ближнимъ* (325); а когда сдѣлаетъ распо«ряженіе, то отдать имѣніе наслѣднику, озна«ченному въ духовной.

X. «Ежели между купцами и другими людьми «Русскими въ Греціи будутъ виновные, и ежели «потребуютъ ихъ въ отечество для наказанія, «то Царь Христіанскій долженъ отправить сихъ «преступниковъ въ Русь, хотя бы они и не «хотѣли туда возвратиться.

«Да поступаютъ такъ и Русскіе въ отношеніи «къ Грекамъ (326)!

«Для вѣрнаго исполненія сихъ условій между «нами, Русью и Греками, велѣли мы написать «оныя киноварью на двухъ хартіяхъ. Царь Гре«ческій скрѣпилъ ихъ своею рукою, клялся Свя«тымъ Крестомъ, Нераздѣльною Животворящею «Троицею единаго Бога, и далъ хартію нашей «Свѣтлости; а мы, Послы Русскіе, дали ему дру«гую и клялися по закону своему, за себя и за «всѣхъ Русскихъ, исполнять утвержденныя гла«вы мира и любви между нами, Русью и Гре-

«ками. Сентября во 2 недѣлю, въ 15 лѣто (то «есть Индикта) отъ созданія міра . . . . ([327]).»

Договоръ могъ быть писанъ на Греческомъ и Славянскомъ языкѣ. Уже Варяги около пятидесяти лѣтъ господствовали въ Кіевѣ : сверстники Игоревы, подобно ему рожденные между Славянами, безъ сомнѣнія говорили языкомъ ихъ лучше, нежели Скандинавскимъ. Дѣти Варяговъ, принявшихъ Христіанство во время Аскольда и Дира, имѣли способъ выучиться и Славянской грамотѣ, изобрѣтенной Кирилломъ въ Моравіи. Съ другой стороны при Дворѣ и въ войскѣ Греческомъ находились издавна многіе Славяне, обитавшіе во Ѳракіи, въ Пелопоннесѣ и въ другихъ владѣніяхъ Императорскихъ. Въ осьмомъ вѣкѣ одинъ изъ нихъ управлялъ, въ санѣ Патріарха, Церковію; и въ самое то время, когда Императоръ Александръ подписывалъ миръ съ Олегомъ, первыми любимцами его были два Славянина, именемъ Гаврилопулъ и Василичь: послѣдняго хотѣлъ онъ сдѣлать даже своимъ наслѣдникомъ ([328]). Условія мирныя надлежало разумѣть и Грекамъ и Варягамъ: первые не знали языка Норманов, но Славянскій былъ извѣстенъ и тѣмъ и другимъ.

Сей договоръ представляетъ намъ Россіянъ уже не дикими варварами, но людьми, которые знаютъ святость чести и народныхъ торжественныхъ условій; имѣютъ свои законы, утверждающіе безопасность личную, собственность, право наслѣдія, силу завѣщаній; имѣютъ тор-

говлю внутреннюю и внѣшнюю. Седьмая и осьмая статья его доказываютъ — и Константинъ Багрянородный то же свидѣтельствуетъ ([329]) — что купцы Россійскіе торговали невольниками: или плѣнными, взятыми на войнѣ, или рабами купленными у народовъ сосѣдственныхъ, или собственными преступниками, законнымъ образомъ лишенными свободы. — Надобно также примѣтить, что между именами четырнадцати Вельможъ, употребленныхъ Великимъ Княземъ для заключенія мирныхъ условій съ Греками, нѣтъ ни одного Славянскаго. Только Варяги, кажется, окружали нашихъ первыхъ Государей и пользовались ихъ довѣренностію, участвуя въ дѣлахъ правленія.

Императоръ, одаривъ Пословъ золотомъ, драгоцѣнными одеждами и тканями ([330]), велѣлъ показать имъ красоту и богатство храмовъ (которыя сильнѣе умственныхъ доказательствъ могли представить воображенію грубыхъ людей величіе Бога Христіанскаго) и съ честію отпустилъ ихъ въ Кіевъ, гдѣ они дали отчетъ Князю въ успѣхѣ посольства.

Сей Герой, смиренный лѣтами, хотѣлъ уже тишины и наслаждался всеобщимъ миромъ ([331]). Никто изъ сосѣдовъ не дерзалъ прервать его спокойствія. Окруженный знаками побѣдъ и славы, Государь народовъ многочисленныхъ, повелитель войска храбраго могъ казаться грознымъ и въ самомъ усыпленіи старости. Онъ совершилъ на землѣ дѣло свое — и смерть его

азалась потомству чудесною. «Волхвы — акъ говоритъ Лѣтописецъ — предсказали Князю, что ему суждено умереть отъ люимаго коня своего. Съ того времени онъ е хотѣлъ ѣздить на немъ. Прошло четыре ода: въ осень пятаго вспомнилъ Олегъ о редсказаніи, и слыша, что конь давно меръ, посмѣялся надъ волхвами; захоѣлъ видѣть его кости; сталъ ногою на черепъ и сказалъ: его ли мнѣ бояться? Но ъ черепѣ таилась змѣя: она ужалила Князя, и Герой скончался» . . . . Уваженіе къ амяти великихъ мужей и любопытство Кончина Олега. пать все, что до нихъ касается, благопріятствуютъ такимъ вымысламъ и сообщаютъ ихъ отдаленнымъ потомкамъ. Можемъ вѣрить и не вѣрить, что Олегъ въ амомъ дѣлѣ былъ ужаленъ змѣею на моилѣ любимаго коня его (332); но мнимое пророчество волхвовъ или кудесниковъ сть явная народная басня, достойная замѣчанія по своей древности.

Гораздо важнѣе и достовѣрнѣе то, что Лѣтописецъ повѣствуетъ о слѣдствіяхъ кончины Олеговой: *народъ стеналъ, и проливалъ слезы.* Что можно сказать сильнѣе разительнѣе въ похвалу Государя умершаго? И такъ Олегъ не только ужасалъ раговъ: онъ былъ еще любимъ своими подданными. Воины могли оплакивать въ немъ смѣлаго, искуснаго предводителя, а

народъ защитника. — Присоединивъ къ Державѣ своей лучшія, богатѣйшія страны нынѣшней Россіи, сей Князь былъ истиннымъ основателемъ ея величія. Рюрикъ владѣлъ отъ Эстоніи, Славянскихъ Ключей и Волхова до Бѣлаозера, устья Оки и города Ростова: Олегъ завоевалъ все отъ Смоленска до рѣки Сулы, Днѣстра и, кажется, самыхъ горъ Карпатскихъ ([333]). Мудростію Правителя цвѣтутъ Государства образованныя; но только сильная рука Героя основываетъ великія Имперіи и служитъ имъ надежною опорою въ ихъ опасной новости. Древняя Россія славится не однимъ Героемъ: никто изъ нихъ не могъ сравняться съ Олегомъ въ завоеваніяхъ, которыя утвердили ея бытіе могущественное. Исторія признаетъ ли его незаконнымъ Властелиномъ съ того времени, какъ возмужалъ наслѣдникъ Рюриковъ? Великія дѣла и польза государственная не извиняютъ ли властолюбія Олегова? и права наслѣдственныя, еще неутвержденныя въ Россіи обыкновеніемъ, могли ли ему казаться священными ([334])? . . . Но кровь Аскольда и Дира осталась пятномъ его славы.

Олегъ, княживъ 33 года, умеръ въ глубокой старости, ежели онъ хотя юношею пришелъ въ Новгородъ съ Рюрикомъ. Тѣло его погребено на горѣ Щековицѣ, и жители Кіевскіе, современники Нестора, звали сіе мѣсто *Ольговою могилою*.

ГЛАВА VI.

Князь Игорь.

Г. 912—945.

Бунтъ Древлянъ. Явленіе Печенѣговъ. Нападеніе Игоря на Грецію. Договоръ съ Греками. Убіеніе Игоря.

Игорь въ зрѣломъ возрастѣ мужа пріялъ власть опасную: ибо современники и потомство требуютъ величія отъ наслѣдниковъ Государя великаго, или презираютъ недостойныхъ. Г. 912-913.

Смерть побѣдителя ободрила побѣжденныхъ, и Древляне отложились отъ Кіева. Игорь спѣшилъ доказать, что въ его рукѣ мечь Олеговъ; смирилъ ихъ и наказалъ прибавленіемъ дани (335). — Но скоро новые враги, сильные числомъ, страшные дерзостію и грабительствомъ, явились въ предѣлахъ Россіи. Они подъ именемъ *Печенѣговъ* такъ славны въ лѣтописяхъ нашихъ, Византійскихъ и Венгерскихъ отъ X до XII вѣка, что мы должны, при вступленіи ихъ на ѳеатръ Исторіи, сказать нѣсколько словъ о свойствѣ и древнемъ отечествѣ сего народа. (336).

Г. 913-914. Бунтъ Древлянъ.

Г. 914-915. Явленіе Печенѣговъ.

Восточная страна нынѣшней Россійской

Монархіи, гдѣ текутъ рѣки Иртышъ, Тоболъ, Уралъ, Волга, въ продолженіе многихъ столѣтій ужасала Европу грознымъ явленіемъ народовъ, которые одинъ за другимъ выходили изъ ея степей обширныхъ, различные, можетъ быть, языкомъ, но сходные характеромъ, образомъ жизни и свирѣпостію. Всѣ были кочующіе; всѣ питались скотоводствомъ и звѣриною ловлею: Гунны, Угры, Болгары, Авары, Турки — и всѣ они исчезли въ Европѣ, кромѣ Угровъ и Турковъ. Къ симъ народамъ принадлежали Узы и Печенѣги, единоплеменники Туркомановъ: первые, обитая между Волгою и Дономъ, въ сосѣдствѣ съ Печенѣгами, вытѣснили ихъ изъ степей Саратовскихъ: изгнанники устремились къ Западу; овладѣли Лебедіею; чрезъ нѣсколько лѣтъ (337) опустошили Бессарабію, Молдавію, Валахію; принудили Угровъ переселиться оттуда въ Паннонію и начали господствовать отъ рѣки Дона до самой Алуты, составивъ 8 разныхъ областей, изъ коихъ 4 были на Востокъ отъ Днѣпра, между Россіянами и Козарами; а другія на западной сторонѣ его, въ Молдавіи, Трансильваніи, на Бугѣ и близъ Галиціи, въ сосѣдствѣ съ народами Славянскими, подвластными Кіевскимъ Государямъ. Не зная земледѣлія, обитая въ шатрахъ, кибиткахъ или вежахъ, Печенѣги искали единственно тучныхъ луговъ для стадъ; искали также богатыхъ сосѣдовъ для грабительства; славились быстротою коней своихъ; вооруженные копьями, лукомъ, стрѣлами,

мгновенно окружали непріятеля и мгновенно скрывались отъ глазъ его; бросались на лошадяхъ въ самыя глубокія рѣки или вмѣсто лодокъ употребляли большія кожи. Они носили Персидскую одежду, и лица ихъ изображали свирѣпость (338).

Печенѣги думали, можетъ быть, ограбить Кіевъ; но встрѣченные сильнымъ войскомъ, не захотѣли отвѣдать счастія въ битвѣ и мирно удалились въ Бессарабію или Молдавію, гдѣ уже господствовали тогда ихъ единоземцы (339). Тамъ народъ сей сдѣлался ужасомъ и бичемъ сосѣдовъ; служилъ орудіемъ взаимной ихъ ненависти, и за деньги помогалъ имъ истреблять другъ друга. Греки давали ему золото для обузданія Угровъ и Болгаровъ, особенно же Россіянъ, которые также искали дружбы его, чтобы имѣть безопасную торговлю съ Константинополемъ: ибо Днѣпровскіе пороги и Дунайское устье были заняты Печенѣгами (340). Сверхъ того они могли всегда, съ правой и лѣвой стороны Днѣпра, опустошать Россію, жечь селенія, увозить женъ и дѣтей, или, въ случаѣ союза, подкрѣплять Государей Кіевскихъ наемнымъ войскомъ своимъ. Сія несчастная Политика дозволяла разбойникамъ болѣе двухъ вѣковъ свободно отправлять ихъ гибельное ремесло.

Печенѣги, заключивъ союзъ съ Игоремъ, пять лѣтъ не тревожили Россіи: по крайней мѣрѣ Несторъ говоритъ о первой дѣйствительной войнѣ съ ними уже въ 920 году. Преданіе

не сообщило ему извѣстія объ *ея слѣдствіяхъ*. Княженіе Игоря вообще не ознаменовалось въ памяти народной никакимъ великимъ происшествіемъ до самаго 941 года, когда Несторъ, согласно съ Византійскими Историками, описываетъ войну Игореву съ Греками. Сей Князь, подобно Олегу, хотѣлъ прославить ею старость свою, живъ до того времени дружелюбно съ Имперіею: ибо въ 935 году корабли и воины его ходили съ Греческимъ флотомъ въ Италію ([341]). Если вѣрить Лѣтописцамъ, то Игорь съ 10,000 судовъ вошелъ въ Черное море. Болгары, тогда союзники Императора, увѣдомили его о семъ непріятелѣ; но Игорь успѣлъ, приставъ къ берегу, опустошить Воспорскія окрестности. Здѣсь Несторъ, слѣдуя Византійскимъ Историкамъ, съ новымъ ужасомъ говоритъ о свирѣпости Россіянъ: о храмахъ, монастыряхъ и селеніяхъ, обращенныхъ ими въ пепелъ; о плѣнникахъ безчеловѣчно убіенныхъ ([342]), и проч. Романъ Лакапинъ, воинъ знаменитый, но Государь слабый, выслалъ наконецъ флотъ подъ начальствомъ Өеофана Протовестіарія. Корабли Игоревы стояли на якоряхъ близъ Фара или маяка ([343]), готовые къ сраженію. Игорь столь былъ увѣренъ въ побѣдѣ, что велѣлъ воинамъ своимъ щадить непріятелей и брать ихъ живыхъ въ плѣнъ; но

Г. 941. Нападеніе Игоря на Грецію.

ѣхъ не соотвѣтствовалъ его чаянію. Рос-
е, приведенные въ ужасъ и безпорядокъ
называемымъ *огнемъ Греческимъ*, которымъ
ѣанъ зажегъ многія суда ихъ, и который
зался имъ небесною молніею въ рукахъ
бленнаго врага, удалились къ берегамъ Ма-
Азіи. Тамъ Патрикій Варда съ отборною
этою, конницею, и Доместикъ Іоаннъ, слав-
побѣдами, одержанными имъ Сиріи, съ
тнымъ Азіатскимъ войскомъ напали на тол-
Россіянъ, грабившихъ цвѣтущую Виѳинію, и
нудили ихъ бѣжать на суда. Угрожаемые
стѣ и войскомъ Греческимъ, и побѣдонос-
ъ флотомъ, и голодомъ, они снялись съ
ей, ночью отплыли къ берегамъ Ѳракій-
ъ, сразились еще съ Греками на морѣ, и съ
кимъ урономъ возвратились въ отечество.
ѣдствія, претерпѣнныя отъ нихъ Имперіею
теченіе трехъ мѣсяцевъ (344), остались на-
о незабвенными въ ея Азіатскихъ и Евро-
скихъ областяхъ.

семъ несчастномъ Игоревомъ походѣ гово-
ь не только Византійскіе, но и другіе Исто-
: Арабскій Эльмакинъ и Кремонскій Епи-
ъ Ліутпрандъ (345); послѣдній разсказываетъ
шанное имъ отъ своего отчима, который,
учи Посломъ въ Царѣградѣ, собственными
ами видѣлъ казнь многихъ Игоревыхъ вои-
ъ, взятыхъ тогда въ плѣнъ Греками: вар-
ство ужасное! Греки, изнѣженные роскошію,
лись опасностей, а не злодѣйства.

г. 943-944. Игорь не уныл, но хотѣлъ отмстить Грекамъ; собралъ другое многочисленное войско, призвалъ Варяговъ изъ-за моря, нанялъ Печенѣговъ — которые дали ему аманатовъ въ доказательство вѣрности своей — и чрезъ два года снова пошелъ въ Грецію со флотомъ и съ конницею. Херсонцы и Болгары вторично дали знать Императору, что море покрылось кораблями Россійскими. Лакапинъ, не увѣренный въ побѣдѣ и желая спасти Имперію отъ новыхъ бѣдствій войны со врагомъ отчаяннымъ, немедленно отправилъ Пословъ къ Игорю. Встрѣтивъ его близъ Дунайскаго устья, они предложили ему дань, какую нѣкогда взялъ храбрый Олегъ съ Греціи; обѣщали и болѣе, ежели Князь благоразумно согласится на миръ; старались также богатыми дарами обезоружить корыстолюбивыхъ Печенѣговъ. Игорь остановился, и созвавъ дружину свою объявилъ ей желаніе Грековъ. «Когда Царь» — отвѣтствовали вѣрные товарищи Князя Россійскаго — «безъ войны даетъ намъ «серебро и золото, то чего болѣе можемъ «требовать? Извѣстно ли, кто одолѣетъ? «мы ли? они ли? и съ моремъ кто совѣтенъ? «Подъ нами не земля, а глубина морская: «въ ней общая смерть людямъ.» Игорь принялъ ихъ совѣтъ, взялъ дары у Грековъ на всѣхъ воиновъ своихъ, велѣлъ наѣ-

нымъ Печенѣгамъ разорять сосѣдственную Болгарію, и возвратился въ Кіевъ.

Въ слѣдующій годъ Лакапинъ отправилъ Пословъ къ Игорю, а Князь Россійскій въ Царьградъ, гдѣ заключенъ былъ ими торжественный миръ на такихъ условіяхъ: Г. 944. Договоръ съ Греками.

1. Начало подобное Олегову договору: «Мы отъ рода Русскаго, Послы и гости «Игоревы,» и проч. Слѣдуетъ около пятидесяти Норманскихъ именъ, кромѣ двухъ или трехъ Славянскихъ (346). Но достойно замѣчанія, что здѣсь въ особенности говорится о Послахъ и чиновникахъ Игоря, жены его Ольги, сына Святослава, двухъ *нетіевъ* Игоревыхъ, то есть племянниковъ или дѣтей сестриныхъ, Улѣба, Акуна, и супруги Улѣбовой, Передславы (347). Далѣе: «Мы, посланные отъ Игоря, Великаго Кня«зя Русскаго, отъ всякаго Княженія, отъ «всѣхъ людей Русскія земли, обновить «*ветхій* миръ съ Великими Царями Гре«ческими, Романомъ, Константиномъ, Сте«фаномъ (348), со всѣмъ *Боярствомъ* и со «всѣми людьми Греческими, вопреки Діа«волу, ненавистнику добра и *враждолюбцу*, «на всѣ лѣта, доколѣ сіяетъ солнце и «стоитъ міръ. Да не дерзаютъ Русскіе, *кре«щеные* и некрещеные, нарушать союза съ «Греками, или первыхъ да осудитъ Богъ «Вседержитель на гибель вѣчную и времен«ную, а вторые да не имутъ помощи отъ

«Бога Перуна; да не защитятся своими щитами; «да падутъ отъ *собственныхъ* мечей, стрѣлъ и «другаго оружія; да будутъ рабами въ сей вѣкъ «и будущій!

II. «Великій Князь Русскій и Бояре его да «отправляютъ свободно въ Грецію корабли съ «гостьми и Послами. Гости, какъ *было устав-«лено*, носили печати серебряныя, а Послы зо-«лотыя: отнынѣ же да приходятъ съ грамотою «отъ Князя Русскаго, въ которой будетъ засви-«дѣтельствовано ихъ мирное намѣреніе, также «число людей и кораблей отправленныхъ. Если «же придутъ безъ грамоты, да содержатся подъ «стражею, доколѣ извѣстимъ о нихъ Князя Рус-«скаго. Если станутъ противиться, да лишатся «жизни, и смерть ихъ да не взыщется отъ Князя «Русскаго. Если уйдутъ въ Русь, то мы, Греки, «увѣдомимъ Князя объ ихъ бѣгствѣ, да посту-«питъ онъ съ ними, какъ ему угодно.»

III. Начало статьи есть повтореніе условій, заключенныхъ Олегомъ подъ стѣнами Констан-тинополя, о томъ, какъ вести себя Посламъ и гостямъ Русскимъ въ Греціи, гдѣ жить, чего требовать ([349]), и проч. — Далѣе: «Гости Рус-«скіе будутъ охраняемы Царскимъ чиновни-«комъ, который разбираетъ ссоры ихъ съ Гре-«ками. Всякая ткань, купленная Русскими, цѣ-«ною выше 50 *золотниковъ* (или червонцевъ), «должна быть ему показана, чтобы онъ прило-«жилъ къ ней печать свою ([350]). Отправляясь «изъ Царяграда, да берутъ они съѣстные при-

«пасы и все нужное для кораблей, согласно съ «договоромъ. Да не имѣютъ права зимовать у «Св. Мамы и да возвращаются съ охраненіемъ.

IV. «Когда уйдетъ невольникъ изъ Руси въ «Грецію, или отъ гостей, живущихъ у Св. Ма-«мы, Русскіе да ищутъ и возьмутъ его. Если «онъ не будетъ сысканъ, да клянутся въ бѣг-«ствѣ его по вѣрѣ своей, Христіане и язычники. «Тогда Греки дадутъ имъ, *какъ прежде устав-«лено* ([351]), по двѣ ткани за невольника. Если «рабъ Греческій бѣжитъ къ Россіянамъ съ по-«кражею, то они должны возвратить его и сне-«сенное имъ въ цѣлости: за что получаютъ въ «награжденіе два золотника.

V. «Ежели Русинъ украдетъ что-нибудь у «Грека, или Грекъ у Русина, да будетъ строго «наказанъ по закону Русскому и Греческому; да «возвратитъ украденную вещь и заплатитъ цѣну «ея вдвое.

VI. «Когда Русскіе приведутъ въ Царьградъ «плѣнниковъ Греческихъ, то имъ за каждаго «брать по десяти золотниковъ, если будетъ юно-«ша или дѣвица *добрая*, за середовича восемь, «за старца и младенца пять ([352]). Когда же Рус-«скіе найдутся въ неволѣ у Грековъ, то за вся-«каго плѣннаго давать выкупу десять золотни-«ковъ, а за купленнаго цѣну его, которую «хозяинъ объявитъ *подъ крестомъ*» (или при-«сягою).

VII. «Князь Русскій да не присвоиваетъ себѣ «власти надъ страною Херсонскою и городами

«ея. Когда же онъ, воюя въ тамошнихъ мѣ-«стахъ, потребуетъ войска отъ насъ, Грековъ: «мы дадимъ ему, сколько будетъ надобно (353).

VIII. «Ежели Русскіе найдутъ у берега ладію «Греческую, да не обидятъ ее; а кто возметъ «что-нибудь изъ ладіи, или убіетъ, или порабо-«титъ находящихся въ ней людей, да будетъ «наказанъ по закону Русскому и Греческому (354).

IX. «Русскіе да не творятъ никакого зла Хер-«сонцамъ, ловящимъ рыбу въ устьѣ Днѣпра; да «не зимуютъ тамъ, ни въ Бѣлобережьѣ, ни у Св. «*Еѳерія* (355); но при наступленіи осени да идутъ «въ домы свои, въ Русскую землю.

X. «Князь Русскій да не пускаетъ *Черныхъ* «Болгаровъ воевать въ странѣ Херсонской.» — *Черною* называлась Болгарія Дунайская, въ отношеніи къ древнему отечеству Болгаровъ (356).

XI. «Ежели Греки, находясь въ землѣ Русской, «окажутся преступниками, да не имѣетъ Князь «власти наказывать ихъ; но да пріимутъ они «сію казнь въ Царствѣ Греческомъ.

XII. «Когда Христіанинъ умертвитъ Русина, «или Русинъ Христіанина, ближніе убіеннаго, «задержавъ убійцу, да умертвятъ его.» — Далѣе то же, что въ III статьѣ прежняго договора (357).

XIII. Сія статья о побояхъ есть повтореніе IV статьи Олегова условія.

XIV. «Ежели Цари Греческіе потребуютъ вой-«ска отъ Русскаго Князя, да исполнитъ Князь «ихъ требованіе, и да увидятъ чрезъ то всѣ

«иныя страны, въ какой любви живутъ Греки «съ Русью.

«Сіи условія написаны на двухъ хартіяхъ: «одна будетъ у Царей Греческихъ; другую, ими «подписанную, доставятъ Великому Князю Рус«скому Игорю и людямъ его, которые, принявъ «оную, да клянутся *хранить истину* союза: Хри«стіане въ Соборной церкви Св. Иліи *предлежа«щимъ честнымъ Крестомъ* и сею хартіею (358), «а некрещеные полагая на землю щиты свои, «*обручи* и мечи обнаженные.»

Историкъ долженъ въ цѣлости сохранить сіи дипломатическіе памятники Россіи, въ коихъ изображается умъ предковъ нашихъ и самые ихъ обычаи. Государственные договоры X вѣка, столь подробные, весьма рѣдки въ лѣтописяхъ: они любопытны не только для ученаго Дипломатика, но и для всѣхъ внимательныхъ читателей Исторіи, которые желаютъ имѣть ясное понятіе о тогдашнемъ гражданскомъ состояніи народовъ. Хотя Византійскіе Лѣтописцы не упоминаютъ о семъ договорѣ, ни о прежнемъ, заключенномъ въ Олегово время; но содержаніе оныхъ такъ вѣрно представляетъ намъ взаимныя отношенія Грековъ и Россіянъ X вѣка, такъ сообразно съ обстоятельствами времени, что мы не можемъ усомниться въ ихъ истинѣ . . .

Клятвенно утвердивъ союзъ, Императоръ отправилъ новыхъ Пословъ въ Кіевъ, чтобы вручить Князю Русскому *хартію мира*. Игорь въ присутствіи ихъ на священномъ холмѣ, гдѣ

стоялъ Перунъ, торжественно обязался хранить дружбу съ Имперіею; воины его также, въ знакъ клятвы полагая къ ногамъ идола оружіе, щиты и золото. Обрядъ достопамятный: оружіе и золото было всего святѣе и драгоцѣннѣе для Русскихъ язычниковъ. Христіане Варяжскіе присягали въ Соборной церкви Св. Иліи, можетъ быть древнѣйшей въ Кіевѣ ([359]). Лѣтописецъ именно говоритъ, что многіе Варяги были тогда уже Христіанами.

Игорь, одаривъ Пословъ Греческихъ мѣхами драгоцѣнными, воскомъ и плѣнниками ([360]), отпустилъ ихъ къ Императору съ дружественными увѣреніями. Онъ дѣйствительно хотѣлъ мира для своей старости; но корыстолюбіе собственной дружины его не позволило ему наслаждаться спокойствіемъ. «Мы босы и наги,» говорили воины Игорю: «а Свѣнельдовы Отроки богаты «оружіемъ и всякою одеждою. *Поди въ дань* съ «нами, да и мы, вмѣстѣ съ тобою, будемъ до«вольны.» *Ходить въ дань* значило тогда объѣзжать Россію и собирать налоги. Древніе Государи наши, по извѣстію Константина Багрянороднаго, всякой годъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ отправлялись съ войскомъ изъ Кіева для объѣзда городовъ своихъ и возвращались въ столицу не прежде Апрѣля ([361]). Цѣлію сихъ путешествій, какъ вѣроятно, было и то, чтобы укрѣплять общую государственную связь между разными областями, или содержать народъ и чиновниковъ въ зависимости отъ Великихъ Князей.

ться, вмѣстѣ съ *Отроками* своими или отными молодыми воинами, его окружавши-
(362). Имъ завидовала дружина Игорева, и
зь, при наступленіи осени, исполнилъ ея
аніе; отправился въ землю Древлянъ, и за-
ъ, что умѣренность есть добродѣтель власти,
еменилъ ихъ тягостнымъ налогомъ. Дру-
а его — пользуясь, можетъ быть, слабостію
зя престарѣлаго — также хотѣла богатства
рабила несчастныхъ данниковъ, усмирен-
ъ только побѣдоносньмъ оружіемъ. Уже
рь вышелъ изъ области ихъ; но судьба опре-
ила ему погибнуть отъ своего неблагоразу-
Еще недовольный взятою имъ данію, онъ
ималъ отпустить войско въ Кіевъ, и съ ча-
своей дружины возвратиться къ Древля-
ъ, чтобы требовать новой дани. Послы ихъ
ѣтили его на пути, и сказали ему: «Князь!
все заплатили тебѣ: для чего же опять
ешь къ намъ?» Ослѣпленный корыстолю-
ъ, Игорь шелъ далѣе. Тогда отчаянные

Убіеніе Игоря. вышли изъ Коростена, убили Игоря со всею дружиною и погребли недалеко оттуда. Византійскій Историкъ повѣствуетъ, что они, привязавъ сего несчастнаго Князя къ двумъ деревамъ, разорвали на-двое [303].

Игорь въ войнѣ съ Греками не имѣлъ успѣховъ Олега; не имѣлъ, кажется, и великихъ свойствъ его: но сохранилъ цѣлость Россійской Державы, устроенной Олегомъ; сохранилъ честь и выгоды ея въ договорахъ съ Имперіею; былъ язычникомъ, но позволялъ новообращеннымъ Россіянамъ славить торжественно Бога Христіанскаго, и вмѣстѣ съ Олегомъ оставилъ наслѣдникамъ своимъ примѣръ благоразумной терпимости, достойный самыхъ просвѣщенныхъ временъ. Два случая остались укоризною для его памяти: онъ далъ опаснымъ Печенѣгамъ утвердиться въ сосѣдствѣ съ Россіею, и не довольствуясь справедливою, то есть умѣренною данію народа ему подвластнаго, обиралъ его, какъ хищный завоеватель. Игорь мстилъ Древлянамъ за прежній ихъ мятежъ; но Государь унижается местію долговременною: онъ наказываетъ преступника только однажды. — Историкъ, за недостаткомъ преданій, не можетъ сказать ничего болѣе въ похвалу или въ обвиненіе Игоря, княжившаго 32 года.

Къ сему княженію относится любопыт-

съ его дозволенія, около 912 года, войско
, приплывъ на судахъ въ Каспійское море,
рило Дагестанъ, Ширванъ, но было нако-
ь истреблено Магометанами. Другой Араб-
Повѣствователь, Абульфеда, сказываетъ,
Россіяне въ 944 году взяли Барду, столицу
нскую (верстахъ въ семидесяти отъ Ганд-
и возвратились въ свою землю рѣкою Ку-
ь и моремъ Каспійскимъ. Третій Историкъ
очный, Абульфарачъ, приписываетъ сіе на-
ніе Аланамъ, Лезгамъ и Славянамъ, быв-
ъ Кагановымъ данникамъ въ южныхъ стра-
нашего древняго отечества ([364]). Россіяне
и прійти въ Ширванъ Днѣпромъ, морями
ымъ, Азовскимъ, рѣками Дономъ, Волгою
зъ малую переволоку въ нынѣшней Кача-
кой Станицѣ) — путемъ дальнимъ, много-
нымъ; но прелесть добычи давала имъ смѣ-
ь, мужество и терпѣніе, которыя, въ самомъ

ГЛАВА VII.

Князь Святославъ.

Г. 945—972.

Правленіе Ольги. Хитрая месть. Мудрость Ольгина. Крещеніе. Россіяне въ Сициліи. Характеръ и подвиги Святослава. Взятіе Бѣлой Вежи. Завоеваніе Болгаріи. Нашествіе Печенѣговъ. Кончина Ольги. Посольство въ Германію. Первые Удѣлы въ Россіи. Вторичное завоеваніе Болгаріи. Война съ Цимискіемъ. Договоръ съ Греками. Наружность Святославова. Кончина его.

Святославъ, сынъ Игоревъ, первый Князь Славянскаго имени, былъ еще отрокомъ (368). Бѣдственный конецъ родителя, новость Державы, только мечемъ основанной и хранимой; бунтъ Древлянъ; безпокойный духъ войска, пріученнаго къ дѣятельности, завоеваніямъ и грабежу; честолюбіе Полководцевъ Варяжскихъ, смѣлыхъ и гордыхъ, уважавшихъ одну власть счастливой храбрости: все угрожало Святославу и Россіи опасностями. Но Провидѣніе сохранило и цѣлость Державы и власть Государя, одаривъ его мать свойствами души необыкновенной.

Правленіе Ольги. Юный Князь воспитывался Бояриномъ Асмудомъ: Свѣнельдъ повелѣвалъ вой-

скомъ ([366]). Ольга — вѣроятно, съ помощію сихъ двухъ знаменитыхъ мужей — овладѣла кормиломъ Государства, и мудрымъ правленіемъ доказала, что слабая жена можетъ иногда равняться съ великими мужами.

Прежде всего Ольга наказала убійцъ Игоревыхъ. Здѣсь Лѣтописецъ сообщаетъ намъ *многія подробности*, отчасти не согласныя ни съ вѣроятностями разсудка, ни съ важностію Исторіи, и взятыя, безъ всякаго сомнѣнія, изъ народной *сказки*; но какъ истинное происшествіе должно быть ихъ *основаніемъ*, и самыя басни древнія любопытны для ума внимательнаго, изображая обычаи и духъ времени ([367]): то мы повторимъ Несторовы простыя сказанія о *мести и хитростяхъ Ольгиныхъ*. Хитрая месть.

«Гордясь убійствомъ какъ побѣдою и «презирая малолѣтство Святослава, Древ«ляне вздумали присвоить себѣ власть надъ «Кіевомъ, и хотѣли, чтобы ихъ Князь «Малъ женился на вдовѣ Игоря: ибо они, «платя дань Государямъ Кіевскимъ, имѣли «еще Князей собственныхъ. Двадцать зна«менитыхъ Пословъ Древлянскихъ при«плыли въ ладіи къ Кіеву ([368]) и сказали «Ольгѣ: *Мы убили твоего мужа за его «хищность и грабительство; но Князья «Древлянскіе добры и великодушны: ихъ*

«*земля цвѣтетъ и благоденствуетъ. Будь супру-*
«*гою нашего Князя Мала.* Ольга съ ласкою
«отвѣтствовала: *Мнѣ пріятна рѣчь ваша. Уже*
«*не могу воскресить супруга* ([369]) ! *Завтра ока-*
«*жу вамъ всю должную честь. Теперь возврати-*
«*тесь въ ладію свою, и когда люди мои придутъ*
«*за вами, велите имъ нести себя на рукахъ...*
«Между тѣмъ Ольга приказала на *дворѣ терем-*
«*номъ* ископать глубокую яму, и на другой день
«звать Пословъ. Исполняя волю ея, они сказали:
«*не хотимъ ни итти, ни ѣхать: несите насъ въ*
«*ладіи!* Кіевляне отвѣтствовали: *что дѣлать!*
«*мы невольники; Игоря нѣтъ, а Княгиня наша*
«*хочетъ быть супругою вашего Князя* — и по-
«несли ихъ. Ольга сидѣла въ своемъ теремѣ и
«смотрѣла, какъ Древляне гордились и величa-
«лись ([370]), не предвидя своей гибели: ибо Оль-
«гины люди бросили ихъ, вмѣстѣ съ ладіею, въ
«яму. Мстительная Княгиня спросила у нихъ,
«довольны ли они сею *честію?* Несчастные
«изъявили воплемъ раскаяніе въ убіеніи Игоря,
«но поздно: Ольга велѣла ихъ засыпать живыхъ
«землею, и чрезъ гонца объявила Древлянамъ,
«что они должны прислать за нею еще болѣе
«знаменитыхъ мужей: ибо народъ Кіевскій не
«отпуститъ ее безъ ихъ торжественнаго и мно-
«гочисленнаго Посольства. Легковѣрные неме-
«дленно отправили въ Кіевъ лучшихъ граж-
«данъ ([371]) и начальниковъ земли своей. Тамъ,
«по древнему обычаю Славянскому, для гостей
«изготовили баню, и въ ней сожгли ихъ. Тогда

Ольга велѣла сказать Древлянамъ, чтобы ни варили медъ въ Коростенѣ; что она же идетъ къ нимъ, желая прежде вто- аго брака совершить тризну надъ моги- ою перваго супруга. Ольга дѣйствительно ришла къ городу Коростену, оросила лезами прахъ Игоревъ, насыпала высо- iй бугоръ надъ его могилою» — донынѣ имый, какъ увѣряютъ, близъ сего мѣ- а (372) — «и въ честь ему совершила ризну. Началось веселое пиршество. *От- оки* Княгинины угощали знаменитѣй- ихъ Древлянъ, которые вздумали нако- ецъ спросить о своихъ Послахъ; но удо- ольствовались отвѣтомъ, что они будутъ мѣстѣ съ *Игоревою* дружиною (373). — коро дѣйствіе крѣпкаго меду омрачило оловы неосторожныхъ: Ольга удалилась, одавъ знакъ воинамъ своимъ — и 5000 ревлянъ, ими убитыхъ, легло вокругъ Игоревой могилы.

«Ольга, возвратясь въ Кіевъ, собрала г. 946. ногочисленное войско и выступила съ имъ противъ Древлянъ, уже наказан- ыхъ хитростію, но еще непокоренныхъ илою. Оно встрѣтилось съ ними, и мла- ый Святославъ самъ началъ сраженіе. опіе, брошенное въ непріятеля слабою укою отрока, упало къ ногамъ его коня; о Полководцы, Асмудъ и Свѣнельдъ, бодрили воиновъ примѣромъ юнаго Ге-

«роя, и съ восклицаніемъ: *друзья! станемъ за* «*Князя!* устремились въ битву. Древляне бѣжали «съ поля, и затворились въ городахъ своихъ. «Чувствуя себя болѣе другихъ виновными, жи«тели Коростена цѣлое лѣто оборонялись съ «отчаяніемъ. Тутъ Ольга прибѣгнула къ новой «выдумкѣ. *Для чего вы упорствуете?* велѣла «она сказать Древлянамъ: *всѣ иные города ваши* «*сдались мнѣ, и жители ихъ мирно обрабаты*«*ваютъ нивы свои: а вы хотите умереть голо*«*домъ! Не бойтесь мщенія: оно уже совершилось* «*въ Кіевѣ и на могилѣ супруга моего.* Древляне «предложили ей въ дань медъ и кожи звѣрей; но «Княгиня, будто бы изъ великодушія, отреклась «отъ сей дани и желала имѣть единственно съ «каждаго двора по три воробья и голубя! Они «съ радостію исполнили ея требованіе и ждали «съ нетерпѣніемъ, чтобы войско Кіевское уда«лилось. Но вдругъ, при наступленіи темнаго «вечера, пламя объяло всѣ домы ихъ . . . Хит«рая Ольга велѣла привязать зажженный трутъ «съ сѣрою ко взятымъ ею птицамъ (374) и пу«стить ихъ на волю: онѣ возвратились съ огнемъ «въ гнѣзда свои и произвели общій пожаръ въ «городѣ. Устрашенные жители хотѣли спастися «бѣгствомъ и попались въ руки Ольгинымъ вои«намъ. Великая Княгиня, осудивъ нѣкоторыхъ «старѣйшинъ на смерть, другихъ на рабство, «обложила прочихъ тяжкою данію.»

Такъ разсказываетъ Лѣтописецъ . . . Не удивляемся жестокости Ольгиной: Вѣра и самые

твомъ воробьевъ и голубей, хотя сія вы-
могла дѣлать честь народному остроумію
ихъ въ X вѣкѣ? Истинное происшествіе,
енное отъ баснословныхъ обстоятельствъ,
итъ, кажется, единственно въ томъ, что
умертвила въ Кіевѣ Пословъ Древлян-
, которые думали, можетъ быть, оправ-
въ убіеніи Игоря ([375]); оружіемъ снова
ила сей народъ, наказала виновныхъ граж-
Коростена, и тамъ воинскими играми, по
у язычества, торжествовала память сына
кова.

икая Княгиня, провождаемая воинскою
иною, вмѣстѣ съ юнымъ Святославомъ
хала всю Древлянскую область, уставляя
и въ пользу казны государственной; но
и Коростена долженствовали третію часть
своей посылать къ самой Ольгѣ въ ея *соб-*
ный Удѣлъ, въ Вышегородъ, основанный,
ъ быть, Героемъ Олегомъ и данный ей въ

берегу Днѣпра, и замѣчательно красотою своего мѣстоположенія. — Ольга, кажется, угѣшила Древлянъ благодѣяніями мудраго правленія; по крайней мѣрѣ всѣ ея памятники — ночлеги и мѣста, гдѣ она, слѣдуя обыкновенію тогдашнихъ Героевъ, забавлялась ловлею звѣрей — долгое время были для сего народа предметомъ какого-то особеннаго уваженія и любопытства (377).

Мудрость Ольгина.

Въ слѣдующій годъ, оставивъ Святослава въ Кіевѣ, она поѣхала въ сѣверную Россію, въ область Новогородскую; учредила по Лугѣ и Мстѣ государственныя дани; раздѣлила землю на *погосты* или волости; сдѣлала безъ сомнѣнія все нужнѣйшее для государственнаго блага по тогдашнему гражданскому состоянію Россіи, и вездѣ оставила знаки своей попечительной мудрости. Чрезъ 150 лѣтъ народъ съ признательностію воспоминалъ о семъ благодѣтельномъ путешествіи Ольги, и въ Несторово время жители Пскова хранили еще *сани* ея, какъ вещь драгоцѣнную. Вѣроятно, что сія Княгиня, рожденная во Псковѣ, какими нибудь особенными выгодами, данными его гражданамъ, способствовала тому цвѣтущему состоянію и даже силѣ, которою онъ послѣ, вмѣстѣ съ Новымгородомъ, славился въ Россіи, затмивъ сосѣдственный, древнѣйшій Изборскъ и сдѣлавшись столицею области знаменитой.

е признательнаго народа. — Здѣсь, по
нію Нестора, оканчиваются дѣла ея
арственнаго правленія; но здѣсь начи-
я эпоха славы ея въ нашей Церков-
Исторіи.

ьга достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда
ный, удовлетворивъ главнымъ по-
эніямъ земной дѣятельности, видитъ
ій конецъ ея предъ собою и чув-
тъ суетность земнаго величія. Тогда
іная Вѣра, болѣе нежели когда нибудь,
ітъ ему опорою или утѣшеніемъ въ
ьныхъ размышленіяхъ о тлѣнности
ѣка. Ольга была язычница, но имя
Вседержителя уже славилось въ Кіе-
Она могла видѣть торжественность
овъ Христіанства; могла изъ любо-
гва бесѣдовать съ Церковными Пасты-
, и будучи одарена умомъ необыкно-
имъ, увѣриться въ святости ихъ уче-

Константинъ Багрянородный воспріемникомъ отъ купѣли. Императоръ старался достойнымъ образомъ угостить Княгиню народа знаменитаго, и самъ описалъ для насъ всѣ любопытныя обстоятельства ея представленія (379). Когда Ольга прибыла во дворецъ, за нею шли *особы Княжескія*, ея свойственницы, многія знатныя госпожи, Послы Россійскіе и купцы, обыкновенно жившіе въ Царѣградѣ. Константинъ и супруга его, окруженные придворными и Вельможами, встрѣтили Ольгу: послѣ чего Императоръ на свободѣ бесѣдовалъ съ нею въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жила Царица. Въ сей первый день, 9 Сентября, былъ великолѣпный обѣдъ въ огромной, такъ называемой *храминѣ Юстиніановой*, гдѣ Императрица сидѣла на тронѣ, и гдѣ Княгиня Россійская, въ знакъ почтенія къ супругѣ великаго Царя, стояла до самаго того времени, какъ ей указали мѣсто за однимъ столомъ съ придворными госпожами. Въ часъ обѣда играла музыка, пѣвцы славили величіе Царскаго Дому и плясуны оказывали свое искусство въ пріятныхъ тѣлодвиженіяхъ. Послы Россійскіе, знатные люди Ольгины и купцы обѣдали въ другой комнатѣ; потомъ дарили гостей деньгами: *племяннику* Княгини дали 30 *миліаризій* — или $2\frac{1}{2}$ червонца (380), — каждому изъ осьми ея приближенныхъ 20, каждому изъ двадцати Пословъ 12, каждому изъ сорока-трехъ купцевъ то же, Священнику или Духовнику Ольгину, именемъ Григорію, 8, — двумъ переводчикамъ 24, Святосла-

вовымъ людямъ 5 на человѣка, посольскимъ 3, собственному переводчику Княгини 15 миліаризій. На особенномъ золотомъ столикѣ были поставлены закуски: Ольга сѣла за него вмѣстѣ съ Императорскимъ семействомъ. Тогда на золотой, осыпанной драгоцѣнными камнями тарелкѣ поднесли ей въ даръ 500 миліаризій, шести ея родственницамъ каждой 20 и осмьнадцати служительницамъ каждой 8. 18 Октября Княгиня вторично обѣдала во дворцѣ и сидѣла за однимъ столомъ съ Императрицею, ея невѣсткою, Романовою супругою, и съ дѣтьми его; самъ Императоръ обѣдалъ въ другой залѣ со всѣми Россіянами. Угощеніе заключилось также дарами, еще умѣреннѣйшими первыхъ: Ольга получила 200 миліаризій, а другіе менѣе по соразмѣрности. Хотя тогдашніе Государи Россійскіе не могли еще быть весьма богаты металлами драгоцѣнными; но *одна учтивость*, безъ сомнѣнія, заставила Великую Княгиню принять въ даръ шестнадцать червонцевъ ([381]).

Къ симъ достовѣрнымъ извѣстіямъ о бытіи Ольгиномъ въ Константинополѣ народное баснословіе прибавило, въ нашей древней лѣтописи, невѣроятную сказку, что Императоръ, плѣненный ея разумомъ и красотою, предлагалъ ей руку свою и корону; но что Ольга — нареченная во святомъ крещеніи Еленою — отвергнула его предложеніе, напомнивъ воспріемнику своему о духовномъ союзѣ съ нею, который, по закону Христіанскому, служилъ препятствіемъ

для союза брачнаго между ними. Во-первыхъ Константинъ имѣлъ супругу; во-вторыхъ Ольгѣ было тогда уже не менѣе шестидесяти лѣтъ. Она могла плѣнить его умомъ своимъ, а не красотою (382).

Наставленная въ святыхъ правилахъ Христіанства самимъ Патріархомъ, Ольга возвратилась въ Кіевъ. Императоръ, по словамъ Лѣтописца, отпустилъ ее съ богатыми дарами и съ именемъ дочери; но кажется, что она вообще была недовольна его пріемомъ: слѣдующее служитъ тому доказательствомъ. Скоро пріѣхали въ Кіевъ Греческіе Послы, требовать, чтобы Великая Княгиня исполнила свое обѣщаніе, и прислала въ Грецію войско вспомогательное; хотѣли также даровъ: невольниковъ, мѣховъ драгоцѣнныхъ и воску. Ольга сказала имъ: «Когда Царь вашъ постоитъ у «меня на Почайнѣ (383) столько же времени, «сколько я стояла у него въ *Судѣ*» (гавани Константинопольской): «тогда пришлю ему дары «и войско» — съ чѣмъ послы и возвратились къ Императору. Изъ сего отвѣта должно заключить, что подозрительные Греки не скоро впустили Ольгу въ городъ, и что обыкновенная надменность Двора Византійскаго оставила въ ея сердцѣ непріятныя впечатлѣнія.

Однакожъ Россіяне, во все царствованіе Константина Багрянороднаго, сына его и Никифора Фоки, соблюдали миръ и дружбу съ Греціею: служили при Дворѣ Императоровъ, въ ихъ

отѣ, войскахъ, и въ 964 году, по сказа-
ю Арабскаго Историка Новайри, сража- Россіяне въ Сициліи.
сь въ Сициліи, какъ наемники Грековъ,
Аль-Гассаномъ, Вождемъ Сарацин-
имъ. Константинъ не рѣдко посылалъ
къ называемыя *златыя буллы*, или гра-
ты съ золотою печатію (384), къ Вели-
му Князю, надписывая: *грамота Хри-
олюбивыхъ Императоровъ Греческихъ, Кон-
антина и Романа, къ Россійскому Госу-
рю.*

Ольга, воспаленная усердіемъ къ новой
рѣ своей, спѣшила открыть сыну за-
ужденіе язычества; но юный, гордый
ятославъ не хотѣлъ внимать ея настав-
ніямъ. Напрасно сія добродѣтельная мать
ворила о счастіи быть Христіаниномъ, о
рѣ, коимъ наслаждалась душа ея съ того
емени, какъ она познала Бога истиннаго.
вятославъ отвѣтствовалъ ей: «могу ли
динъ принять новый Законъ, чтобы дру-
жина моя посмѣялась надо мною?» На-
расно Ольга представляла ему, что его
римѣръ склонилъ бы весь народъ къ Хри-
тіанству. Юноша былъ непоколебимъ въ
воемъ мнѣніи и слѣдовалъ обрядамъ язы-
ества; не запрещалъ никому креститься,
изъявлялъ презрѣніе къ Христіанамъ и
досадою отвергалъ всѣ убѣжденія ма-
ери, которая, не преставая любить его
ѣжно, должна была наконецъ умолкнуть

и поручить Богу судьбу народа Россійскаго и сына (385).

г. 964-966. Характеръ и подвиги Святослава.

Сей Князь, возмужавъ, думалъ единственно о подвигахъ великодушной храбрости, пылалъ ревностію отличить себя дѣлами и возобновить славу оружія Россійскаго, столь счастливаго при Олегѣ; собралъ войско многочисленное, и съ нетерпѣніемъ юнаго Героя летѣлъ въ поле. Тамъ суровою жизнію онъ укрѣпилъ себя для трудовъ воинскихъ, не имѣлъ ни становъ, ни обоза; питался конинною, мясомъ дикихъ звѣрей, и самъ жарилъ его на угляхъ; презиралъ хладъ и ненастье сѣвернаго климата; не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба: войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло изголовьемъ. Каковъ былъ Военачальникъ, таковы и воины. — Древняя лѣтопись сохранила для потомства еще прекрасную черту характера его: онъ не хотѣлъ пользоваться выгодами нечаяннаго нападенія, но всегда заранѣе объявлялъ войну народамъ, повелѣвая сказать имъ: *иду на васъ!* Въ сіи времена общаго варварства гордый Святославъ соблюдалъ правила истинно рыцарской чести.

Берега Оки, Дона и Волги были первымъ ѳеатромъ его воинскихъ, счастливыхъ дѣйствій. Онъ покорилъ Вятичей, которые все еще признавали себя данниками Хаза

озарскаго ([386]), и грозное свое оружіе
ратилъ противъ сего, нѣкогда столь мо-
щественнаго Владѣтеля. Жестокая битва
шила судьбу двухъ народовъ. Самъ Ка-
нъ предводительствовалъ войскомъ: Свя-
славъ побѣдилъ и взялъ Козарскую *Бѣ-
ю Вежу*, или Саркелъ, какъ именуютъ Взятіе Бѣлой Вежи.
Византійскіе Историки, городъ на бе-
гу Дона, укрѣпленный Греческимъ искус-
вомъ ([387]). Лѣтописецъ не сообщаетъ
мъ о сей войнѣ никакихъ дальнѣйшихъ
вѣстій, сказывая только, что Святославъ
бѣдилъ еще *Ясовъ* и *Касоговъ:* первые —
роятно, нынѣшніе Оссы или Осетин-
ı — будучи Аланскаго племени, обитали
еди горъ Кавказскихъ, въ Дагестанѣ, и
изъ устья Волги; вторые суть Черкесы,
ихъ страна въ X вѣкѣ именовалась Ка-
хіею: Оссетинцы и теперь называютъ
ъ Касахами ([388]). — Тогда же, какъ на-
бно думать, завоевали Россіяне городъ
матарху, или Фанагорію, и всѣ владѣнія
озарскія на восточныхъ берегахъ Азов-
аго моря: ибо сія часть древняго Цар-
ва Воспорскаго, названная потомъ Кня-
ествомъ Тмуторокапскимъ ([389]), была уже
и Владимірѣ, какъ мы увидимъ, соб-
венностію Россіи. Завоеваніе столь отда-
нное кажется удивительнымъ; но бур-
ый духъ Святослава веселился опасно-
ями и трудами. Отъ рѣки Дона проло-

живъ себѣ путь къ Воспору Киммерiйскому, сей Герой могъ утвердить сообщенiе между областiю Тмутороканскою и Кiевомъ посредствомъ Чернаго моря и Днѣпра. Въ Тавридѣ оставалась уже одна тѣнь древняго могущества Кагановъ (390).

Г. 967. Завоеванiе Болгарiи.

Неудовольствiе Императора Никифора Фоки на Болгарскаго Царя Петра служило для Святослава поводомъ къ новому и еще важнѣйшему завоеванiю. Императоръ, желая отмстить Болгарамъ за то, что они не хотѣли препятствовать Венграмъ въ ихъ частыхъ впаденiяхъ въ Грецiю, велѣлъ Калокиру, сыну начальника Херсонскаго, ѣхать Посломъ въ Кiевъ, съ обѣщанiемъ великихъ даровъ мужественному Князю Россiйскому, ежели онъ пойдетъ воевать Болгарiю. Святославъ исполнилъ желанiе Никифора, взявъ съ Грековъ на вооруженiе нѣсколько пудъ золота, и съ 60,000 воиновъ явился въ ладiяхъ на Дунаѣ (391). Тщетно Болгары хотѣли отразить ихъ: Россiяне, обнаживъ мечи и закрываясь щитами, устремились на берегъ и смяли непрiятелей. Города сдалися побѣдителю. Царь Болгарскiй умеръ отъ горести. Удовлетворивъ мести Грековъ, богатый добычею, гордый славою, Князь Россiйскiй началъ властвовать въ древней Мизiи; хотѣлъ еще, въ знакъ благодарности, даровъ отъ Императора, и жилъ весело въ Бол-

ском Переяславцѣ (392), не думая о тъ, что въ самое сіе время отечествен- столица его была въ опасности.

Печенѣги напали на Россію, зная отсут- г. 968. Нашествіе Печенѣговъ.
іе храбраго Князя, и приступили къ ому Кіеву, гдѣ затворилась Ольга съ ьми Святослава. На другой сторонѣ ѣпра стоялъ Воевода Россійскій, имеъ Претичъ, съ малочисленною дружи-, и не могъ имѣть съ осажденными акого сообщенія. Изнемогая отъ голода жажды, Кіевляне были въ отчаяніи. инъ смѣлый отрокъ вызвался увѣдомить етича о бѣдственномъ ихъ состояніи; шелъ съ *уздою* изъ города, прямо въ пу непріятелей, и говоря языкомъ Пеѣжскимъ, спрашивалъ, кто видѣлъ его я? Печенѣги, воображая, что онъ ихъ нъ, дали ему дорогу. Отрокъ спѣшилъ Днѣпру, сбросилъ съ себя одежду и лылъ. Тутъ непріятели, узнавъ свою ибку, начали стрѣлять въ него; а Росне съ другаго берега выѣхали на встрѣ- и взяли отрока въ лодку. Слыша отъ о посланнаго, что изнуренные Кіевляне ятъ на другой день сдаться, и боясь ва Святославова, Воевода рѣшился спа- хотя семейство Княжеское — и Печеги, на разсвѣтѣ, увидѣли лодки Россійи, плывущія къ ихъ берегу съ трубнымъ комъ, на который обрадованные жители

Кіевскіе отвѣтствовали громкими восклицаніями. Думая, что самъ грозный Святославъ идетъ на помощь къ осажденнымъ, непріятели разсѣялись въ ужасѣ, и Великая Княгиня Ольга могла, вмѣстѣ со внуками, безопасно встрѣтить своихъ избавителей за стѣнами города. Князь Печенѣжскій увидѣлъ ихъ малое число, но все еще не смѣлъ сразиться: требовалъ дружелюбнаго свиданія съ предводителемъ Россійскимъ, и спросилъ у него, Князь ли онъ? Хитрый Воевода объявилъ себя начальникомъ передовой дружины Святославовой, увѣряя, что сей Герой со многочисленнымъ войскомъ идетъ въ слѣдъ за нимъ. Обманутый Печенѣгъ предложилъ миръ: они подали руку одинъ другому и въ знакъ союза обмѣнялись оружіемъ. Князь далъ Воеводѣ саблю, стрѣлы и коня: Воевода Князю щитъ, броню и мечь. Тогда Печенѣги немедленно удалились отъ города ([393]).

Освобожденные Кіевляне отправили гонца къ Святославу, сказать ему, что онъ для завоеванія чуждыхъ земель жертвуетъ собственною; что свирѣпые враги едва не взяли столицы и семейства его; что отсутствіе Государя и защитника можетъ снова подвергнуть ихъ той же опасности, и чтобы онъ сжалился надъ бѣдствіемъ отечества, престарѣлой матери и юныхъ дѣтей своихъ. Тронутый Князь съ великою поспѣшностію возвратился въ Кіевъ. Шумъ воинскій, любезный его сердцу, не заглушилъ въ немъ нѣжной чувствительности сына и родителя: лѣ-

оссіи, и сею побѣдою возстановилъ
сность и тишину въ отечествѣ.
мирное пребываніе въ Кіевѣ скоро
ило дѣятельному Князю. Страна за-
ная всегда кажется пріятною завое-
, и сердце Героя стремилось къ бе-
Дунайскимъ. Собравъ Бояръ, онъ
исутствіи Ольги сказалъ имъ, что г. 969.
селѣе жить въ Переяславцѣ, нежели
евѣ: «ибо въ столицѣ Болгарской,
въ средоточіи, стекаются всѣ драго-
ости Искусства и Природы (394): Гре-
ютъ туда золото, ткани, вино и
, Богемцы и Венгры серебро и ко-
Россіяне мѣха, воскъ, медъ и не-
иковъ.» Огорченная мать отвѣтство-
у, что старость и болѣзнь не замед-
рекратить ея жизни. «Погреби ме-
- сказала она — «и тогда иди, куда
ь.» Сіи слова оказались пророче- Кончина
: Ольга на четвертый день сконча- Ольги.

ковъ *Святою*, Исторія *Мудрою*. Отмстивъ Древлянамъ, она умѣла соблюсти тишину въ странѣ своей и миръ съ чуждыми до совершеннаго возраста Святославова; съ дѣятельностію великаго мужа учреждала порядокъ въ Государствѣ обширномъ и новомъ; не писала, можетъ быть, законовъ, но давала уставы, самые простые и самые нужнѣйшіе для людей въ юности гражданскихъ обществъ. Великіе Князья до временъ Ольгиныхъ *воевали:* она *правила* Государствомъ. Увѣренный въ ея мудрости, Святославъ и въ мужескихъ лѣтахъ своихъ оставлялъ ей, кажется, внутреннее правленіе, безпрестанно занимаясь войнами, которыя удаляли его отъ столицы. — При Ольгѣ Россія стала извѣстною и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ Европы. Лѣтописцы Нѣмецкіе говорятъ о Посольствѣ ея въ Германію къ Императору Оттону I (396). Можетъ быть, Княгиня Россійская, узнавъ о славѣ и побѣдахъ Оттоновыхъ, хотѣла, чтобы онъ также свѣдалъ о знаменитости ея народа, и предлагала ему дружественный союзъ чрезъ Пословъ своихъ. — Наконецъ, сдѣлавшись ревностною Христіанкою, Ольга — по выраженію Нестора, *денница и луна спасенія* — служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владиміра и предуготовила торжество истинной Вѣры въ нашемъ отечествѣ.

Посольство Россійское въ Германію.

кончинѣ матери Святославъ могъ
зободно исполнить свое безразсудное
еніе : то есть, перенести столицу Го-
тва на берега Дунайскіе. Кромѣ са-
ивыхъ мечтаній завоевателя, Болга-
ѣйствительно могла нравиться ему
ъ теплымъ климатомъ, изобиліемъ
въ и богатствомъ дѣятельной, удоб-
орговли съ Константинополемъ; вѣ-
о также, что сіе Государство, сопре-
ое съ Имперіею, превосходило Рос-
въ гражданскомъ образованіи: но
кихъ выгодъ долженствовалъ ли онъ
ться отъ своего отечества, гдѣ былъ,
сказать, корень его силы и могуще-
По крайней мѣрѣ Святославу надле-
бы овладѣть прежде Бессарабіею,
віею и Валахіею, то есть, выгнать
Печенѣговъ, чтобы непрерывною
завоеваній соединить Болгарію съ
іскими владѣніями. Но сей Князь
но надѣялся на счастіе оружія и на
ое имя побѣдителя Козаровъ.
поручилъ Кіевъ сыну своему Яро-
, а другому сыну, Олегу (396), Древ- г. 970.
ую землю, гдѣ прежде властвовали ея
венные Князья. Въ то же время Но-
одцы, недовольные, можетъ быть,
ю Княжескихъ Намѣстниковъ, при-
сказать Святославу, чтобы онъ далъ

имъ сына своего въ Правители, и грозились въ случаѣ отказа избрать для себя особеннаго Князя. Ярополкъ и Олегъ не захотѣли принять власти надъ ними; но у Святослава былъ еще третій сынъ, Владиміръ, отъ ключницы Ольгиной, именемъ Малуши, дочери Любчанина Малька (397): Новогородцы, по совѣту Добрыни, Малушина брата, избрали въ Князья сего юношу, которому судьба назначила преобразить Россію. — И такъ Святославъ первый ввелъ обыкновеніе *давать сыновьямъ особенные Удѣлы*: примѣръ несчастный, бывшій виною всѣхъ бѣдствій Россіи.

Первые Удѣлы въ Россіи.

Святославъ, отпустивъ Владиміра съ Добрынею въ Новгородъ, немедленно отправился въ Болгарію, которую онъ считалъ уже своею областію, но гдѣ народъ встрѣтилъ его какъ непріятеля (398). Многочисленное войско собралось въ Переяславцѣ и напало на Россіянъ. Долговременное кровопролитное сраженіе клонилось уже въ пользу Болгаровъ; но воины Святославовы, ободренные его рѣчью: *братья и дружина! умремъ, но умремъ съ твердостію и мужествомъ!* напрягли силы свои, и ввечеру побѣда увѣнчала ихъ храбрость. Святославъ взялъ приступомъ городъ Переяславецъ, снова овладѣлъ Царствомъ Болгарскимъ и хотѣлъ тамъ навсегда остаться. Въ семъ намѣреніи еще болѣе утвер-

Вторичное завоеваніе Болгаріи.

ілъ его знатный Грекъ, именемъ Калокиръ (399), ...мый тотъ, который отъ Императора Никифо... былъ Посломъ у Святослава. Калокиръ съ ...мощію Россіянъ надѣялся свергнуть Государя ...оего съ престола и царствовать въ Констан...нополѣ: за что обѣщалъ имъ уступить Болга...ю въ вѣчное владѣніе и присылать дары. — ...ежду тѣмъ Святославъ, довольствуясь властію ...дъ сею землею, позволялъ сыну умершаго ея ...аря, именемъ Борису, украшаться знаками Цар...аго достоинства (400).

Греки, призвавшіе Россіянъ на берега Дунай...іе, увидѣли свою ошибку. Святославъ, отваж...ый и воинственный, казался имъ въ ближнемъ ...сѣдствѣ гораздо опаснѣе Болгаровъ. Іоаннъ ...имискій (401), тогдашній Императоръ, предла...я сему Князю исполнить договоръ, заключен...ый съ нимъ въ царствованіе Никифора, требо...алъ, чтобы Россіяне вышли изъ Болгаріи; но ...вятославъ не хотѣлъ слушать Пословъ, и съ ...рдостію отвѣтствовалъ, что скоро будетъ ...мъ въ Константинополѣ и выгонитъ Грековъ ... Азію. Цимискій, напомнивъ ему о бѣдствен...ой участи ненасытнаго Игоря, сталъ вооруж...аться, а Святославъ спѣшилъ предупредить ...о.

Въ описаніи сей кровопролитной войны Не...оръ и Византійскіе Историки несогласны: пер...ый отдаетъ честь и славу побѣды Князю Рос...йскому, вторые Императору — и, кажется, ...раведливѣе: ибо война кончилась тѣмъ, что

[illegible] въ [illegible] Грековъ, а [illegible] съ горстію [illegible] въ [illegible]: слѣд[illegible] съ счастливымъ [illegible]. Къ тому же Гречес[illegible] въ всѣ обстоятель[illegible]. — и мы, предпо[illegible] самохвальству, не [illegible] ихъ любопытнаго ска[illegible]

[illegible] Зо[illegible] говорятъ они, къ Рус[illegible] Болгаровъ, [illegible] подданныхъ, — Венгровъ и [illegible], тогдашнихъ его союзни[illegible], вступилъ во Ѳракію и до самаго А[illegible]поля опустошилъ ея селенія (408). В[illegible] Склиръ, Полководецъ Имперіи, видя [illegible]численность непріятелей, заключился въ [illegible]мъ городѣ, и долго не могъ отважиться на битву. Наконецъ удалось ему хитростію разбить Печенѣговъ: тогда Греки, ободренные успѣхомъ, сразились съ Княземъ Святославомъ. Россіяне изъявляли пылкое мужество; но Варда Склиръ и братъ его, Константинъ Патрикій, принудили ихъ отступить, умертвивъ въ единоборствѣ какихъ-то двухъ знаменитыхъ богатырей *Скиѳскихъ*.

Несторъ описываетъ сію битву такимъ образомъ: «Императоръ встрѣтилъ Святослава мирными предложеніями и хотѣлъ

ъ *число* его витязей, обѣщая на каждаго
нихъ заплатить ему дань. Великій Князь
явилъ у себя 20,000 человѣкъ, едва имѣя и
овину. Греки, искусные въ коварствѣ, вос-
ьзовались временемъ и собрали 100,000 вои-
ъ, которые со всѣхъ сторонъ окружили
сіянъ. Великодушный Святославъ, покойно
отрѣвъ грозные ряды непріятелей, сказалъ
жинѣ: *Бѣгство не спасетъ насъ; волею и не-
ею должны мы сразиться. Не посрамимъ оте-
ства, но ляжемъ здѣсь костями* (403): *мерт-
ъ нестыдно! Станемъ крѣпко. Иду предъ вами,
огда положу свою голову, тогда дѣлайте,
хотите!* Воины его, пріученные не бояться
рти и любить Вождя смѣлаго, единодушно
ѣтствовали: *наши головы лягутъ вмѣстѣ съ
ею!* вступили въ кровопролитный бой, и до-
али, что не множество, а храбрость побѣж-
тъ. Греки не устояли: обратили тылъ, раз-
лись — и Святославъ шелъ къ Константино-
ю, означая свой путь всѣми ужасами опусто-
нія.» . . . . Доселѣ можемъ не сомнѣваться
истинѣ Несторова сказанія; но дальнѣйшее
повѣствованіе гораздо менѣе вѣроятно. «Ци-
кій (пишетъ онъ) въ страхѣ, въ недоумѣніи
звалъ Вельможъ на совѣтъ и рѣшился *иску-
ь* непріятеля дарами, золотомъ и паволоками
гоцѣнными; отправилъ ихъ съ человѣкомъ
рымъ, и велѣлъ ему наблюдать всѣ движенія
тославовы. Но сей Князь не хотѣлъ взгля-
ь на золото, положенное къ его ногамъ, и

равнодушно сказалъ Отрокамъ своимъ: *возмите*. Тогда Императоръ послалъ къ нему въ даръ оружіе: Герой схватилъ оное съ живѣйшимъ удовольствіемъ, изъявляя благодарность, и Цимискій, не смѣя ратоборствовать съ такимъ непріятелемъ, заплатилъ ему дань; каждый воинъ взялъ часть свою; доля убіенныхъ была назначена для ихъ родственниковъ. Гордый Святославъ съ торжествомъ возвратился въ Болгарію.» Греки не имѣли нужды *искушать* Великаго Князя, когда онъ съ малыми силами уже разбилъ ихъ многочисленное войско; но сія сказка достойна замѣчанія, свидѣтельствуя мнѣніе потомства о характерѣ Святослава.

Въ слѣдующій годъ, по извѣстіямъ Ви-
г. 971. зантійскимъ, самъ Цимискій выступилъ изъ Константинополя съ войскомъ, отправивъ напередъ сильный флотъ къ Дунайскому устью, безъ сомнѣнія для того, чтобы пресѣчь сообщеніе Россіянъ водою съ Кіевомъ. Сей Императоръ открылъ себѣ путь ко трону злодѣйствомъ, умертвивъ Царя Никифора, но правилъ Государствомъ благоразумно, и былъ Героемъ. Избирая Полководцевъ искусныхъ, щедро награждая заслуги самыхъ рядовыхъ воиновъ, строго наказывая малѣйшее неповиновеніе, онъ умѣлъ вселить въ первыхъ древнее Римское славолюбіе, а вторыхъ пріу-

чить къ древней подчиненности. Собственное его мужество было примѣромъ для тѣхъ и другихъ. — На пути встрѣтили Императора Послы Россійскіе, которые хотѣли единственно узнать силу Грековъ. Іоаннъ, не входя съ ними въ переговоры, велѣлъ имъ осмотрѣть станъ Греческій, и возвратиться къ своему Князю. Сей поступокъ уже доказывалъ Святославу, что онъ имѣетъ дѣло съ непріятелемъ опаснымъ.

Оставивъ главное войско назади, Императоръ съ отборными ратниками, съ Легіономъ такъ называемыхъ *Безсмертныхъ*, съ 13,000 конницы, съ 10,500 пѣхоты ([401]), явился нечаянно подъ стѣнами Переяславца и напалъ на 8,000 Россіянъ, которые спокойно занимались тамъ воинскимъ ученьемъ. Они изумились, но храбро вступили въ бой съ Греками. Большая часть ихъ легла на мѣстѣ, и вылазка, сдѣланная изъ города въ помощь имъ, не имѣла успѣха; однакожь побѣда весьма дорого стоила Грекамъ, и Цимискій съ нетерпѣніемъ ожидалъ своего остальнаго войска. Какъ скоро оно пришло, Греки со всѣхъ сторонъ окружили городъ, гдѣ начальствовалъ Россійскій Полководецъ Сфенкалъ. Самъ Князь съ 60,000 воиновъ стоялъ въ укрѣпленномъ станѣ на берегу Дуная.

Калокиръ, виновникъ сей войны, по словамъ Греческихъ Лѣтописцевъ, бѣжалъ изъ Переяславца увѣдомить его, что столица Болгарская осаждена. Но Цимискій не далъ Святославу времени освободить ее: тщетно предлагавъ Россія-

намъ сдаться, онъ взялъ городъ приступомъ. Борисъ, только именемъ Царь Болгарскій, достался Грекамъ въ плѣнъ, со многими его знаменитыми единоземцами: Императоръ обошелся съ ними благосклонно, увѣряя — какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ — что онъ вооружился единственно для освобожденія ихъ отъ неволи, и что признаетъ врагами своими однихъ Россіянъ (405).

Между тѣмъ 8,000 воиновъ Святославовыхъ заперлись въ Царскомъ дворцѣ, не хотѣли сдаться и мужественно отражали многочисленныхъ непріятелей. Напрасно Императоръ ободрялъ Грековъ: онъ самъ съ оруженосцами своими пошелъ на приступъ и долженъ былъ уступить отчаянной храбрости осажденныхъ. Тогда Цимискій велѣлъ зажечь дворецъ, и Россіяне погибли въ пламени.

Святославъ, свѣдавъ о взятіи Болгарской столицы, не показалъ воинамъ своимъ ни страха, ни огорченія, и спѣшилъ только встрѣтить Цимискія, который со всѣми силами приближался къ Доростолу, или нынѣшней Силистріи. Въ 12 миляхъ оттуда сошлись оба воинства. Цимискій и Святославъ — два Героя, достойные спорить другъ съ другомъ о славѣ и побѣдѣ — каждый ободривъ своихъ, дали знакъ битвы, и при звукѣ трубъ началось кровопролитіе. Отъ перваго стремительнаго удара Грековъ поколебались ряды Святославовы; но вновь устроенные Княземъ, сомкнулись твердою стѣною и разили

непріятелей. До самаго вечера счастіе ласкало ту и другую сторону; *двѣнадцать* разъ то и другое войско думало торжествовать побѣду. Цимискій велѣлъ распустить священное знамя Имперіи; былъ вездѣ, гдѣ была опасность; махомъ копія своего удерживалъ бѣгущихъ и показывалъ имъ путь въ средину враговъ. Наконецъ судьба жестокой битвы рѣшилась: Святославъ *отступилъ* къ Доростолу и вошелъ въ сей городъ (406).

Императоръ осадилъ его. Въ то же самое время подоспѣлъ и флотъ Греческій, который пресѣкъ свободное плаваніе Россіянъ по Дунаю. Великодушная Святославова бодрость возрастала съ опасностями. Онъ заключилъ въ оковы многихъ Болгаровъ, которые хотѣли измѣнить ему; окопалъ стѣны глубокимъ рвомъ, безпрестанными вылазками тревожилъ станъ Грековъ. Россіяне (пишутъ Византійскіе Историки) оказывали чудесное остервененіе, и думая, что убитый *непріятелемъ* долженъ служить ему рабомъ въ адѣ, вонзали себѣ мечи въ сердце, когда уже не могли спастися: ибо хотѣли тѣмъ сохранить вольность свою въ будущей жизни (407). Самыя жены ихъ ополчались и какъ древнія Амазонки мужествовали въ кровопролитныхъ сѣчахъ. Малѣйшій успѣхъ давалъ имъ новую силу. Однажды, въ счастливой вылазкѣ, принявъ Магистра Іоанна, свойственника Цимискіева, за самого Императора, они съ радостными кликами изрубили сего знатнаго сановника и съ великимъ

торжествомъ выставили голову его на башнѣ. Не рѣдко, побѣждаемые силою превосходною, обращали тылъ безъ стыда: шли назадъ въ крѣпость съ гордостію, медленно, закинувъ за плеча огромные щиты свои. Ночью, при свѣтѣ луны, выходили жечь тѣла друзей и братьевъ, лежащихъ въ полѣ; закалали плѣнниковъ надъ ними, и съ какими-то священными обрядами погружали младенцевъ въ струи Дуная. Примѣръ Святослава одушевлялъ воиновъ.

Но число ихъ уменьшалось. Главные Полководцы, Сфенкалъ, Икморъ (не родомъ, по сказанію Византійцевъ, а доблестію Вельможа) пали въ рядахъ непріятельскихъ. Сверхъ того Россіяне, стѣсненные въ Доростолѣ и лишенные всякаго сообщенія съ его плодоносными окрестностями, терпѣли голодъ. Святославъ хотѣлъ преодолѣть и сіе бѣдствіе: въ темную, бурную ночь, когда лилъ сильный дождь съ градомъ и гремѣлъ ужасный громъ, онъ съ 2000 воиновъ сѣлъ на лодки, при блескѣ молніи обошелъ Греческій флотъ и собралъ въ деревняхъ запасъ пшена и хлѣба. На возвратномъ пути видя разсѣянныя по берегу толпы непріятелей, которые поили лошадей и рубили дрова, отважные Россіяне вышли изъ лодокъ, напали изъ лѣсу на Грековъ, множество ихъ убили и благополучно достигли пристани. — Но сія удача была послѣднею. Императоръ взялъ мѣры, чтобы въ другой разъ ни одна лодка Русская не могла выплыть изъ Доростола.

Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ продолжалась осада; счастіе совсѣмъ оставило Россіянъ. Они не могли ждать никакой помощи. Отечество было далеко — и, вѣроятно, не знало ихъ бѣдствія. Народы сосѣдственные волею и неволею держали сторону Грековъ, ибо страшились Цимискія. Воины Святославовы изнемогали отъ ранъ и голода. Напротивъ того Греки имѣли во всемъ изобиліе, и новые Легіоны приходили къ нимъ изъ Константинополя.

Въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ Святославъ собралъ на совѣтъ дружину свою. Одни предлагали спастися бѣгствомъ въ ночное время; другіе совѣтовали просить мира у Грековъ, не видя инаго способа возвратиться въ отечество; наконецъ всѣ думали, что войско Россійское уже не въ силахъ бороться съ непріятелемъ. Но Великій Князь не согласился съ ними, и хотѣлъ еще испытать счастіе оружія. «Погибнетъ» — сказалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ — «погибнетъ слава Россіянъ, если нынѣ устрашимся смерти! Пріятна ли жизнь для тѣхъ, «которые спасли ее бѣгствомъ? и не впадемъ ли «въ презрѣніе у народовъ сосѣдственныхъ, до«селѣ ужасаемыхъ именемъ Русскимъ (408)? На«слѣдіемъ предковъ своихъ мужественные, не«побѣдимые, завоеватели многихъ странъ и пле«менъ, или побѣдимъ Грековъ, или падемъ съ «честію, совершивъ дѣла великія!» Тронутые сею рѣчью, достойные его сподвижники громкими восклицаніями изъявили рѣшительность

геройства — и на другой день все войско Россійское съ бодрымъ духомъ выступило въ поле за Святославомъ. Онъ велѣлъ запереть городскія ворота, чтобы никто не могъ думать о бѣгствѣ и возвращеніи въ Доростолъ. Сраженіе началося утромъ: въ полдень Греки, утомленные зноемъ и жаждою, а болѣе всего упорствомъ непріятеля, начали отступать, и Цимискій долженъ былъ дать имъ время на отдохновеніе. Скоро битва возобновилась. Императоръ, видя, что тѣсныя мѣста вокругъ Доростола благопріятствуютъ малочисленнымъ Россіянамъ, велѣлъ Полководцамъ своимъ заманить ихъ на обширное поле притворнымъ бѣгствомъ; но и сія хитрость не имѣла успѣха: глубокая ночь развела воинства безъ всякаго рѣшительнаго слѣдствія.

Цимискій, изумленный отчаяннымъ мужествомъ непріятелей, вздумалъ прекратить утомительную войну единоборствомъ съ Княземъ Святославомъ, и велѣлъ сказать ему, что лучше погибнуть одному человѣку, нежели губить многихъ людей въ напрасныхъ битвахъ. Святославъ отвѣтствовалъ: «Я лучше врага своего знаю, «что мнѣ дѣлать. Если жизнь ему наскучила, то «много способовъ отъ нее избавиться: Цимискій «да избираетъ любой!» За симъ послѣдовало новое сраженіе, равно упорное и жестокое. Греки всего болѣе хотѣли смерти Героя Святослава. Одинъ изъ ихъ витязей, именемъ Анемасъ, открылъ себѣ путь сквозь ряды непріятелей, увидѣлъ Великаго Князя и сильнымъ ударомъ въ

голову сшибъ его съ коня; но шлемъ защитилъ Святослава, и смѣлый Грекъ палъ отъ мечей дружины Княжеской. Долгое время побѣда казалась сомнительною. Наконецъ самая Природа ополчилась на Святослава: страшный вѣтръ поднялся съ Юга, и дуя прямо въ лице Россіянамъ, ослѣпилъ ихъ густыми облаками пыли, такъ, что они долженствовали прекратить битву, оставивъ на мѣстѣ 15,500 мертвыхъ и 20,000 щитовъ. Греки назвали себя побѣдителями. Ихъ суевѣріе приписало сію удачу сверхъестественному дѣйствію: они разсказывали другъ другу, будто бы Св. Ѳеодоръ Стратилатъ явился впереди ихъ войска, и разъѣзжая на бѣломъ конѣ, приводилъ въ смятеніе полки Россійскіе ([409]).

Святославъ, видя малое число своихъ храбрыхъ воиновъ, большею частію раненныхъ, и самъ уязвленный, рѣшился наконецъ требовать мира. Цимискій, обрадованный его предложеніемъ, отправилъ къ нему въ станъ богатые дары. «Возмемъ ихъ,» сказалъ Великій Князь дружинѣ своей: «когда же будемъ недовольны Греками, то, собравъ войско многочисленное, снова найдемъ путь къ Царюграду.» Такъ повѣствуетъ нашъ Лѣтописецъ, не сказавъ ни слова о счастливыхъ успѣхахъ Греческаго оружія ([410]). Византійскіе Историки говорятъ, что Цимискій, дозволяя Святославу свободно выйти изъ Болгаріи и купцамъ Россійскимъ торговать въ Константинополѣ, примолвилъ съ великодушною гордостію: «Мы Греки любимъ побѣж-

«дать своихъ непріятелей не столько оружіемъ сколько благодѣяніями.» Императорскій Вельможа Ѳеофанъ Синкелъ и Россійскій Воевода Свѣнельдъ именемъ Государей своихъ заключили слѣдующій договоръ, который находится въ Несторовой лѣтописи, и также ясно доказываетъ, что успѣхъ войны былъ на сторонѣ Грековъ: ибо Святославъ, торжественно обязываясь на все полезное для Имперіи, не требуетъ въ немъ никакихъ выгодъ для Россіянъ (411).

Договоръ съ Греками.

«Мѣсяца Іюля, Индикта XIV, въ лѣто «6479, я Святославъ, Князь Русской, по «данной мною клятвѣ, хочу имѣть *до конца «вѣка* миръ и любовь совершенную съ Цимискіемъ, Великимъ Царемъ Греческимъ, «съ Василіемъ и Константиномъ, Боговдо«хновенными Царями (412), и со всѣми «людьми вашими, обѣщаясь именемъ всѣхъ «сущихъ *подо мною* Россіянъ, Бояръ и «прочихъ, никогда *не помышлять на васъ*, «не собирать моего войска и не приводить «чужеземнаго на Грецію, область Херсон«скую и Болгарію. Когда же иные враги «*помыслятъ на Грецію*, да буду ихъ вра«гомъ и да борюся съ ними. Если же я или «*сущіе подо мною* не сохранятъ сихъ *пра«выхъ* условій, да *имѣемъ клятву* отъ Бога, «въ коего вѣруемъ: Перуна и Волоса, бога «скотовъ. Да будемъ *желты какъ золото*, «и собственнымъ нашимъ оружіемъ *исс*-

«*чены* (413). Въ удостовѣреніе чего напи-«сали мы договоръ на сей хартіи и своими «печатями запечатали.» Утвердивъ миръ, Императоръ снабдилъ Россіянъ съѣстными припасами (414); а Князь Россійскій желалъ свиданія съ Цимискіемъ. Сіи два Героя, знакомые только по славнымъ дѣламъ своимъ, имѣли, можетъ быть, равное любопытство узнать другъ друга лично. Они видѣлись на берегу Дуная. Императоръ, окруженный *златоносными* всадниками, въ блестящихъ латахъ, пріѣхалъ на конѣ: Святославъ въ ладіи, въ простой бѣлой одеждѣ, и самъ гребя весломъ. Греки смотрѣли на него съ удивленіемъ. По ихъ сказанію, онъ былъ средняго роста, и довольно строенъ, но мраченъ и дикъ видомъ; имѣлъ грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густыя, носъ плоскій, длинные усы, бороду рѣдкую и на головѣ одинъ клокъ волосовъ, въ знакъ его благородства; въ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубиномъ. Императоръ сошелъ съ коня: Святославъ сидѣлъ на скамьѣ въ ладіи. Они говорили — и разстались друзьями.

Наружность Святославова.

Но сія дружба могла ли быть искреннею? Святославъ съ воинами малочисленными, утружденными, предпріялъ обратный путь въ отечество на ладіяхъ, Дунаемъ и Чернымъ моремъ; а Цимискій въ тоже время

отправилъ къ Печенѣгамъ Пословъ, которые должны были, заключивъ съ ними союзъ, требовать, чтобы они не ходили за Дунай, не опустошали Болгаріи и свободно пропустили Россіянъ чрезъ свою землю. Печенѣги согласились на все, кромѣ послѣдняго, досадуя на Россіянъ за то, что они примирились съ Греками. Такъ пишутъ Византійскіе Историки; но съ большею вѣроятностію можно думать совсѣмъ противное. Тогдашняя политика Императоровъ не знала великодушія: предвидя, что Святославъ не оставитъ ихъ на-долго въ покоѣ, едва ли не сами Греки наставили Печенѣговъ воспользоваться слабостію Россійскаго войска. Несторъ приписываетъ сіе коварство жителямъ Переяславца: они, по его словамъ, дали знать Печенѣгамъ, что Святославъ возвращается въ Кіевъ съ великимъ богатствомъ и съ малочисленною дружиною.

Печенѣги обступили Днѣпровскіе пороги и ждали Россіянъ. Святославъ зналъ о сей опасности. Свѣнельдъ, знаменитый Воевода Игоревъ, совѣтовалъ ему оставить ладіи и сухимъ путемъ обойти пороги: Князь не принялъ его совѣта, и рѣшился зимовать
г. 972. въ Бѣлобережьѣ, при устьѣ Днѣпра, гдѣ Россіяне должны были терпѣть во всемъ недостатокъ и самый голодъ, такъ, что они давали полгривны за лошадиную го-

лову ([415]). Можетъ быть Святославъ ожидалъ тамъ помощи изъ Россіи, но тщетно. Весна снова открыла ему опасный путь въ отечество. Не смотря на малое число изнуренныхъ воиновъ, надлежало сразиться съ Печенѣгами, и Святославъ палъ въ битвѣ. Князь ихъ, Куря, отрубивъ ему голову, изъ ея черепа сдѣлалъ чашу ([416]). Только немногіе Россіяне спаслись съ Воеводою Свѣнельдомъ, и принесли въ Кіевъ горестную вѣсть о погибели Святослава. Кончина Святослава.

Такимъ образомъ скончалъ жизнь сей Александръ нашей древней Исторіи, который столь мужественно боролся и съ врагами и съ бѣдствіями; былъ иногда побѣждаемъ, но въ самомъ несчастіи изумлялъ побѣдителя своимъ великодушіемъ; равнялся суровою воинскою жизнію съ Героями Пѣснопѣвца Гомера, и снося терпѣливо свирѣпость непогодъ, труды изнурительные и все ужасное для нѣги, показалъ Рускимъ воинамъ, чѣмъ могутъ они во всѣ времена одолѣвать непріятелей. Но Святославъ, образецъ великихъ Полководцевъ, не есть примѣръ Государя великаго: ибо онъ славу побѣдъ уважалъ болѣе государственнаго блага, и характеромъ своимъ плѣняя воображеніе Стихотворца заслуживаетъ укоризну Историка.

Если Святославъ въ 946 году, — какъ пишетъ Несторъ — былъ еще слабымъ

отрокомъ, то онъ скончалъ дни свои въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества, и сильная рука его могла бы еще долго ужасать народы сосѣдственные.

ГЛАВА VIII.

Великій Князь Ярополкъ.

г. 972—980.

Междоусобіе Князей. Первыя дѣянія Владиміровы. Бракъ Владиміровъ. Братоубійство. Послы Россійскіе въ Германіи.

г. 973. По смерти Святослава Ярополкъ княжилъ въ Кіевѣ, Олегъ въ Древлянской землѣ, Владиміръ въ Новѣгородѣ. Единодержавіе пресѣклось въ Государствѣ: ибо Ярополкъ не имѣлъ, кажется, власти надъ Удѣлами своихъ братьевъ [417]. Скоро открылись пагубныя слѣдствія такого раздѣла, и братъ возсталъ на брата.

Виновникомъ сей вражды былъ славный Воевода Свѣнельдъ, знаменитый сподвижникъ Игоревъ и Святославовъ. Онъ ненавидѣлъ Олега, который умертвилъ сына
г. 975. его, именемъ Люта, встрѣтясь съ нимъ на ловлѣ въ *своемъ владѣніи*: причина доста-

точная, но тогдашнимъ грубымъ нравамъ, для поединка или самаго злодѣйскаго убійства. Свѣнельдъ, желая отмстить ему, убѣдилъ Ярополка итти войною на Древлянскаго Князя и соединить область его съ Кіевскою.

Олегъ, узнавъ о намѣреніи своего брата, также собралъ войско и вышелъ къ нему на встрѣчу; но, побѣжденный Ярополкомъ, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Древлянскій городъ Овручь: воины его, гонимые непріятелемъ, тѣснились на мосту у городскихъ воротъ, и столкнули своего Князя въ глубокій ровъ (418). Ярополкъ вступилъ въ городъ и хотѣлъ видѣть брата: сей несчастный былъ раздавленъ множествомъ людей и лошадьми, которыя упали за нимъ съ мосту. Побѣдитель, видя бездушный, окровавленный трупъ Олеговъ, лежащій на коврѣ предъ его глазами, забылъ свое торжество, слезами изъявилъ раскаяніе и съ горестію указывая на мертваго, сказалъ Свѣнельду: *того ли хотѣлось тебѣ?* . . Могила Олегова въ Несторово время была видима близъ Овруча, гдѣ и нынѣ показываютъ оную любопытнымъ путешественникамъ. Поле служило тогда кладбищемъ и для самыхъ Князей Владѣтельныхъ, а высокій бугоръ надъ могилою единственнымъ Мавзолеемъ.

г. 977. Междоусобіе Князей.

Искренняя печаль Ярополкова о смерти

Олеговой была предчувствіемъ собственной его судьбы несчастной. — Владиміръ, Князь Новогородскій, свѣдавъ о кончинѣ брата и завоеваніи Древлянской области, устрашился Ярополкова властолюбія, и бѣжалъ за море къ Варягамъ. Ярополкъ воспользовался симъ случаемъ: отправилъ въ Новгородъ своихъ Намѣстниковъ или Посадниковъ, и такимъ образомъ сдѣлался Государемъ Единодержавнымъ въ Россіи (419).

Первыя дѣянія Владиміровы.

Но Владиміръ искалъ между тѣмъ способа возвратиться съ могуществомъ и славою. Два года пробылъ онъ въ древнемъ отечествѣ своихъ предковъ, въ землѣ Варяжской; участвовалъ можетъ быть, въ смѣлыхъ предпріятіяхъ Норманов, которыхъ флаги развѣвались на всѣхъ моряхъ Европейскихъ и храбрость ужасала всѣ страны отъ Германіи до Италіи; наконецъ собралъ многихъ Варяговъ подъ свои знамена; прибылъ съ сею надежною дружиною

г. 980. въ Новгородъ, смѣнилъ Посадниковъ Ярополковыхъ, и сказалъ имъ съ гордостію: «идите къ брату моему: да знаетъ онъ, «что я противъ него вооружаюсь, и да готовится отразить меня!»

Въ области Полоцкой, въ землѣ Кривичей, господствовалъ тогда Варягъ Рогволодъ, который *пришелъ изъ-за моря*, вѣроятно, для того, чтобы служить Великому

Князю Россійскому, и получилъ отъ него въ Удѣлъ сію область ([420]). Онъ имѣлъ прелестую дочь Рогнѣду, сговоренную за Ярополка. Владиміръ, готовясь отнять Державу у брата, хотѣлъ лишить его и невѣсты, и чрезъ Пословъ требовалъ ея руки; но Рогнѣда, вѣрная Ярополку, отвѣтствовала, что не можетъ соединиться бракомъ съ сыномъ рабы ([421]): ибо мать Владимірова, какъ намъ уже извѣстно, была ключницею при Ольгѣ. Раздраженный Владиміръ взялъ Полоцкъ, умертвилъ Рогволода, двухъ сыновей его, и женился на дочери. Совершивъ сію ужасную месть, онъ пошелъ къ Кіеву. Войско его состояло изъ дружины Варяжской, Славянъ Новогородскихъ, *Чуди и Кривичей*: сіи три народа сѣверо-западной Россіи уже повиновались ему, какъ ихъ Государю. Ярополкъ не дерзнулъ на битву, и затворился въ городѣ. Окруживъ станъ свой окопами ([422]), Владиміръ хотѣлъ взять Кіевъ не храбрымъ приступомъ, но злодѣйскимъ коварствомъ. Зная великую довѣренность Ярополкову къ одному Воеводѣ, именемъ Блуду, онъ вошелъ съ нимъ въ тайные переговоры. «Желаю твоей помощи,» велѣлъ сказать ему Владиміръ: «ты будешь мнѣ «вторымъ отцемъ, когда не станетъ Яро«полка. Онъ самъ началъ братоубійства: «я вооружился для спасенія жизни своей.»

Бракъ Владиміровъ.

Гнусный любимецъ не усомнился предать Государя и благодѣтеля; совѣтовалъ Владиміру обступить городъ, а Ярополку удаляться отъ битвы. Страшася вѣрности добрыхъ Кіевлянъ, онъ увѣрилъ Князя, будто они хотятъ измѣнить ему и тайно зовутъ Владиміра. Слабый Ярополкъ, думая спастись отъ мнимаго заговора, ушелъ въ Родню: сей городъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Рось впадаетъ въ Днѣпръ ([423]). Кіевляне, оставленные Государемъ, должны были покориться Владиміру, который спѣшилъ осадить брата въ послѣднемъ его убѣжищѣ. Ярополкъ съ ужасомъ видѣлъ многочисленныхъ враговъ за стѣнами, а въ крѣпости изнеможеніе воиновъ своихъ отъ голода, коего память долго хранилась въ древней пословицѣ: *бѣда аки въ Роднѣ*. Измѣнникъ Блудъ склонялъ сего Князя къ миру, представляя невозможность отразить непріятеля, и горестный Ярополкъ отвѣтствовалъ наконецъ: «да будетъ по твоему совѣту! возьму что уступитъ мнѣ братъ.» Тогда злодѣй увѣдомилъ Владиміра, что желаніе его исполнится, и что Ярополкъ отдается ему въ руки. Если во всѣ времена, варварскія и просвѣщенныя, Государи бывали жертвою измѣнниковъ: то во всѣ же времена имѣли они и вѣрныхъ, добрыхъ слугъ, усердныхъ къ нимъ въ самой крайности бѣдствія. Изъ числа сихъ былъ у Ярополка нѣкто прозваніемъ *Варяжко* (да сохранитъ Исторія память его!) который говорилъ ему: «не ходи, «Государь, къ брату; ты погибнешь. Оставь

«Россію на время, и собери войско въ «землѣ Печенѣговъ.» Но Ярополкъ слушалъ только изверга Блуда, и съ нимъ отправился въ Кіевъ, гдѣ Владиміръ ожидалъ его въ теремномъ дворцѣ Святослава. Предатель ввелъ легковѣрнаго Государя своего въ жилище брата, какъ въ вертепъ разбойниковъ, и заперъ дверь, чтобы дружина Княжеская не могла войти за ними: тамъ два наемника, племени Варяжскаго, пронзили мечами грудь Ярополкову . . . . Вѣрный слуга, который предсказалъ гибель сему несчастному, ушелъ къ Печенѣгамъ, и Владиміръ едва могъ возвратить его въ отечество, давъ клятву не мстить ему за любовь къ Ярополку (424).

Братоубійство.

Такимъ образомъ старшій сынъ знаменитаго Святослава, бывъ 4 года Кіевскимъ Владѣтелемъ и 3 года Главою всей Россіи, оставилъ для Исторіи одну память добродушнаго, но слабаго человѣка. Слезы его о смерти Олеговой свидѣтельствуютъ, что онъ не хотѣлъ братоубійства, и желаніе снова присоединить къ Кіеву область Древлянскую казалось согласнымъ съ государственною пользою. Самая довѣренность Ярополкова къ чести Владиміровой изъявляетъ доброе, всегда неподозрительное сердце; но Государь, который дѣйствуетъ единственно по внушенію любимцевъ, не умѣя ни защитить своего трона, ни уме-

реть Героемъ, достоинъ сожалѣнія, а не власти.

Ярополкъ оставилъ беременную супругу, прекрасную Монахиню Греческую, плѣнницу Святославову. Онъ былъ женатъ еще при отцѣ своемъ ([425]), но сватался за Рогнѣду : слѣдственно многоженство и прежде Владиміра не считалось беззаконіемъ въ Россіи языческой.

Послы Россійскіе въ Германіи.

Въ княженіе Ярополка, въ 973 году, по извѣстію Лѣтописца Нѣмецкаго ([426]), находились въ Кведлинбургѣ, при Дворѣ Императора Оттона, *Послы Россійскіе:* за какимъ дѣломъ? неизвѣстно; сказано только, что они вручили Императору богатые дары.

ГЛАВА IX.

Великій Князь Владиміръ, названный въ крещеніи Василіемъ.

Г. 980—1014.

Хитрость Владиміра. Усердіе къ идолопоклонству. Женолюбіе. Завоеваніе Галиціи. Первые Христіанскіе мученики въ Кіевѣ. Бунтъ Радимичей. Камская Болгарія. Торки. Отчаяніе Гориславы. Супружество Владиміра и крещеніе Россіи. Раздѣленіе Государства. Строеніе городовъ. Война съ Хорватами и Печенѣгами. Церковь Десятинная. Набѣгъ Печенѣговъ. Пиры Владиміровы. Милосердіе. Осада Бѣлагорода. Бунтъ Ярослава. Кончина Владимірова. Свойства его. Сказки народныя. Богатыри.

Владиміръ съ помощію злодѣянія и храбрыхъ Варяговъ овладѣлъ Государствомъ; но скоро доказалъ, что онъ родился быть Государемъ великимъ. Г. 980.

Сіи гордые Варяги считали себя завоевателями Кіева и требовали въ дань съ каждаго жителя по двѣ гривны: Владиміръ не хотѣлъ вдругъ отказать имъ, а манилъ ихъ обѣщаніями до самаго того времени, какъ они, по взятымъ съ его стороны мѣрамъ, уже не могли быть страшны для столицы. Варяги увидѣли обманъ; но видя Хитрость Владиміра.

21*

также, что войско Россійское въ Кіевѣ было ихъ сильнѣе, не дерзнули взбунтоваться, и смиренно просились въ Грецію. Владиміръ, съ радостію отпустивъ сихъ опасныхъ людей, удержалъ въ Россіи достойнѣйшихъ изъ нихъ, и роздалъ имъ многіе города въ управленіе (427). Между тѣмъ Послы его предувѣдомили Императора, чтобы онъ не оставлялъ мятежныхъ Варяговъ въ столицѣ, но разослалъ по городамъ, и ни въ какомъ случаѣ не дозволялъ бы имъ возвратиться въ Россію, сильную собственнымъ войскомъ.

Усердіе къ идолопоклонству.

Владиміръ, утвердивъ власть свою, изъявилъ отмѣнное усердіе къ богамъ языческимъ: соорудилъ новый истуканъ Перуна съ серебряною головою, и поставилъ его, близъ *теремнаго двора*, на священномъ холмѣ, вмѣстѣ съ иными кумирами (428). Тамъ, говоритъ Лѣтописецъ, стекался народъ ослѣпленный и земля оскверняласъ кровію жертвъ. Можетъ быть, совѣсть безпокоила Владиміра; можетъ быть, хотѣлъ онъ сею кровію примириться съ богами, раздраженными его братоубійствомъ: ибо и самая Вѣра языческая не терпѣла такихъ злодѣяній . . . . Добрыня, посланный отъ своего племянника управлять Новымгородомъ, также поставилъ на берегу Волхова, богатый кумиръ Перуновъ.

Но сія Владимірова набожность не пре-

питствовала ему утопать въ наслажденіяхъ чувственныхъ. Первою его супругою была Рогнѣда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей; умертвивъ брата, онъ взялъ въ наложницы свою беременную невѣстку, родившую Святополка ([429]); отъ другой законной супруги, Чехини или Богемки, имѣлъ сына Вышеслава; отъ третьей Святослава и Мстислава; отъ четвертой, родомъ изъ Болгаріи, Бориса и Глѣба. Сверхъ того, ежели вѣрить лѣтописи, было у него 300 наложницъ въ Вышегородѣ, 300 въ нынѣшней Бѣлогородкѣ (близъ Кіева), и 200 въ селѣ Берестовѣ. Всякая прелестная жена и дѣвица страшилась его любострастнаго взора: онъ презиралъ святость брачныхъ союзовъ и невинности. Однимъ словомъ, Лѣтописецъ называетъ его вторымъ Соломономъ въ женолюбіи. Женолюбіе.

Владиміръ, вмѣстѣ со многими Героями древнихъ и новыхъ временъ любя женъ, любилъ и войну. Польскіе Славяне ([430]), Ляхи, наскучивъ бурною вольностію, подобно Славянамъ Россійскимъ, еще ранѣе ихъ прибѣгнули къ Единовластію. Мечиславъ, Государь знаменитый въ Исторіи введеніемъ Христіанства въ землѣ своей, правилъ тогда народомъ Польскимъ: Владиміръ объявилъ ему войну, съ намѣреніемъ, кажется, возвратить то, что было г. 981.

еще Олегомъ завоевано въ Галиціи, но послѣ, можетъ быть, при слабомъ Ярополкѣ отошло къ Государству Польскому. Онъ
Завоеваніе Галиціи. взялъ города *Червень* (близъ Хелма), Перемышль и другіе, которые, съ сего времени будучи собственностію Россіи, назывались
г. 982-983. *Червенскими* ([431]). Въ слѣдующіе два года храбрый Князь смирилъ бунтъ Вятичей, не хотѣвшихъ платить дани, и завоевалъ страну Ятвяговъ, дикаго, но мужественнаго народа Латышскаго, обитавшаго въ лѣсахъ между Литвою и Польшею. Далѣе къ Сѣверо-Западу онъ распространилъ свои владѣнія до самаго Балтійскаго моря: ибо Ливонія, по свидѣтельству Стурлезона, Лѣтописца Исландскаго, принадлежала Владиміру, коего чиновники ѣздили собирать дань со всѣхъ жителей между Курляндіею и Финскимъ заливомъ ([432]).

Увѣнчанный побѣдою и славою, Владиміръ хотѣлъ принести благодарность идоламъ, и кровію человѣческою обагрить олтари. Исполняя совѣтъ *Бояръ* и *старцевъ*, онъ велѣлъ бросить жребій, кому изъ отроковъ и дѣвицъ Кіевскихъ надлежало погибнуть въ удовольствіе мнимыхъ боговъ— и жребій палъ на юнаго Варяга, прекраснаго лицемъ и душею, коего отецъ былъ
Первые Христіанскіе мученики Христіаниномъ ([433]). Посланные отъ старцевъ объявили родителю о семъ несчастіи: вдохновенный любовію къ сыну и нена-

ѳоа, земли и человѣка. Кіевляне тер-
Христіанство; но торжественное ху-
Вѣры ихъ произвело всеобщій мя-
въ городѣ. Народъ вооружился, раз-
ъ дворъ Варяжскаго Христіанина и
валъ жертвы. Отецъ, держа сына за
съ твердостію сказалъ: «ежели идо-
ваши дѣйствительно боги, то пусть
сами извлекутъ его изъ моихъ объя-
» Народъ, въ изступленіи ярости,
твилъ отца и сына, которые были та-
образомъ первыми и послѣдними му-
ками Христіанства въ языческомъ Кіе-
Церковь наша чтитъ ихъ Святыми
именемъ Ѳеодора и Іоанна (434).

адиміръ скоро имѣлъ случай новыми г. 984.
дами доказать свое мужество и сча- Бунтъ
Радимичи, спокойные данники Вели- Радимичей.
Князей со временъ Олеговыхъ, взду-
объявить себя независимыми: онъ
илъ наказать ихъ. Храбрый Воевода

сторъ) вошло на Руси въ пословицу: *Радимичи волчья хвоста бѣгаютъ*.

На берегахъ Волги и Камы издревле обитали Болгары, или, можетъ быть, переселились туда съ береговъ Дона въ VII вѣкѣ, не хотѣвъ повиноваться Хану Козарскому (436). Въ теченіе времени они сдѣлались народомъ гражданскимъ и торговымъ; имѣли сообщеніе, посредствомъ судоходныхъ рѣкъ, съ Сѣверомъ Россіи, а чрезъ море Каспійское съ Персіею и другими богатыми Азіатскими странами. Владиміръ, желая завладѣть Камскою Болгаріею, отправился на судахъ внизъ по Волгѣ вмѣстѣ съ Новогородцами и знаменитымъ Добрынею; берегомъ шли конные *Торки*, союзники или наемники Россіянъ. Здѣсь въ первый разъ упоминается о семъ народѣ, единоплеменномъ съ Туркоманами и Печенѣгами (437): онъ кочевалъ въ степяхъ на юговосточныхъ границахъ Россіи, тамъ же, гдѣ скитались Орды Печенѣжскія. Великій Князь побѣдилъ Болгаровъ; но мудрый Добрыня, по извѣстію Лѣтописца, осмотрѣвъ плѣнниковъ, и видя ихъ въ *сапогахъ*, сказалъ Владиміру: «они не захотятъ быть нашими данниками: пойдемъ лучше искать *лапотниковъ!*» Добрыня мыслилъ, что люди избыточные имѣютъ болѣе причинъ и средствъ обороняться. Владиміръ, уваживъ его мнѣніе, заключилъ миръ

г. 985.

Камская Болгарія.

Торки.

съ Болгарами, которые торжественно обѣщались жить дружелюбно съ Россіянами, утвердивъ клятву сими простыми словами: «развѣ тогда нарушимъ договоръ свой, ко-«гда камень станетъ плавать, а хмѣль то-«нуть на водѣ (438).» — Ежели не съ данію, то по крайней мѣрѣ съ честію и съ дарами Великій Князь возвратился въ столицу.

Къ сему времени надлежитъ, кажется, отнести любопытный и трогательный случай, описанный въ продолженіи Несторовой лѣтописи. Рогнѣда, названная по ея горестямъ *Гориславою*, простила супругу убійство отца и братьевъ, но не могла простить измѣны въ любви: ибо Великій Князь уже предпочиталъ ей другихъ женъ, и выслалъ несчастную изъ дворца своего. Въ одинъ день, когда Владиміръ, посѣтивъ ея жилище уединенное на берегу Лыбеди — близъ Кіева, гдѣ въ Несторово время было село *Предславино* — заснулъ тамъ крѣпкимъ сномъ, она хотѣла ножемъ умертвить его. Князь проснулся и отвелъ ударъ. Напомнивъ жестокому смерть ближнихъ своихъ и проливая слезы, отчаянная Рогнѣда жаловалась, что онъ уже давно не любитъ ни ее, ни бѣднаго младенца, Изяслава. Владиміръ рѣшился собственною рукою казнить преступницу; велѣлъ ей украситься брачною одеждою, и сидя на богатомъ ложѣ, въ свѣтлой храминѣ, ждать Отчаяніе Гориславы.

повѣдники: «но Богъ во гнѣвѣ Своемъ расто-«чилъ насъ по землямъ чуждымъ.» *И вы, наказываемые Богомъ, дерзаете учить другихъ?* сказалъ Владиміръ: *мы не хотимъ, подобно вамъ, лишиться своего отечества.* — Наконецъ безъименный Философъ ([443]), присланный Греками, опровергнувъ въ немногихъ словахъ другія Вѣры, разсказалъ Владиміру все содержаніе Библіи, Ветхаго и Новаго Завѣта: Исторію творенія, рая, грѣха, первыхъ людей, потопа, народа избраннаго, искупленія, Христіанства, семи Соборовъ, и въ заключеніе показалъ ему картину Страшнаго Суда, съ изображеніемъ праведныхъ, идущихъ въ рай, и грѣшныхъ, осужденныхъ на вѣчную муку ([444]). Пораженный симъ зрѣлищемъ, Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: «благо добродѣтельнымъ и горе злымъ!» *Крестися*, отвѣтствовалъ Философъ — *и будешь въ раю съ первыми*.

Лѣтописецъ нашъ *угадывалъ*, какимъ образомъ проповѣдники Вѣръ долженствовали говорить съ Владиміромъ; но ежели Греческій Философъ дѣйствительно имѣлъ право на сіе имя, то ему не трудно было увѣрить язычника разумнаго въ великомъ превосходствѣ Закона Христіанскаго. Вѣра Славянъ ужасала воображеніе могуществомъ разныхъ боговъ, часто между собою несогласныхъ, которые играли жребіемъ людей и не рѣдко увеселялись ихъ кровію. Хотя Славяне признавали также и бытіе единаго Существа высочайшаго, но празднаго, безпечнаго въ

разсужденіи судьбы міра, подобно божеству Эпикурову и Лукреціеву. О жизни за предѣлами гроба, столь любезной человѣку, Вѣра не сообщала имъ никакого яснаго понятія: *одно земное* было ея предметомъ. Освящая добродѣтель храбрости, великодушія, честности, гостепріимства, она способствовала благу гражданскихъ обществъ въ ихъ новости, но не могла удовольствовать сердца чувствительнаго и разума глубокомысленнаго. Напротивъ того Христіанство, представляя въ единомъ невидимомъ Богѣ создателя и правителя вселенныя, нѣжнаго отца людей, снисходительнаго къ ихъ слабостямъ, и награждающаго добрыхъ — здѣсь миромъ и покоемъ совѣсти, а тамъ, за тмою временной смерти, блаженствомъ вѣчной жизни — удовлетворяетъ всѣмъ главнымъ потребностямъ души человѣческой.

Владиміръ, отпустивъ Философа съ да- г. 987.
рами и съ великою честію, собралъ Бояръ и *градскихъ старцевъ*; объявилъ имъ предложенія Магометанъ, Іудеевъ, Католиковъ, Грековъ, и требовалъ ихъ совѣта. «Государь!» сказали Бояре и старцы: «всякой «человѣкъ хвалитъ Вѣру свою: ежели хо«чешь избрать лучшую, то пошли умныхъ «людей въ разныя земли, испытать, кото«рый народъ достойнѣе покланяется Боже«ству»—и Великій Князь отправилъ *десять*

благоразумныхъ мужей для сего испытанія. Послы видѣли въ странѣ Болгаровъ храмы скудные (445), моленіе унылое, лица печальныя; въ землѣ Нѣмецкихъ Католиковъ богослуженіе съ обрядами, но, по словамъ лѣтописи, *безъ всякаго величія* и *красоты;* наконецъ прибыли въ Константинополь. *Да созерцаютъ они славу Бога нашего!* сказалъ Императоръ, и зная, что грубый умъ плѣняется болѣе наружнымъ блескомъ, нежели истинами отвлеченными, приказалъ вести Пословъ въ Софійскую церковь, гдѣ самъ Патріархъ (446), облаченный въ Святительскія ризы, совершалъ Литургію. Великолѣпіе храма, присутствіе всего знаменитаго Духовенства Греческаго, богатыя одежды служебныя, убранство олтарей, красота живописи, благоуханіе ѳиміама, сладостное пѣніе Клироса, безмолвіе народа, священная важность и таинственность обрядовъ изумили Россіянъ; имъ казалось, что самъ Всевышній обитаетъ въ семъ храмѣ и непосредственно съ людьми соединяется . . . . Возвратясь въ Кіевъ, Послы говорили Князю съ презрѣніемъ о богослуженіи Магометанъ, съ неуваженіемъ о Католическомъ и съ восторгомъ о Византійскомъ, заключивъ словами: «всякой человѣкъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго; такъ и мы, узнавъ Вѣру Грековъ, не хотимъ иной.» Владиміръ желалъ еще слышать мнѣніе Бояръ и старцевъ. «Когда бы «Законъ Греческій — сказали они — не былъ «лучше другихъ, то бабка твоя, Ольга, мудрѣй-

«шая всѣхъ людей, не вздумала бы принять «его.» Великій Князь рѣшился быть Христіаниномъ.

Такъ повѣствуетъ нашъ Лѣтописецъ, который могъ еще знать современниковъ Владиміра, и по тому достовѣрный въ описаніи важныхъ случаевъ его княженія. Истина сего Россійскаго Посольства въ страну Католиковъ и въ Царьградъ, для испытанія Закона Христіанскаго, утверждается также извѣстіями одной Греческой древней рукописи, хранимой въ Парижской библіотекѣ: несогласіе состоитъ единственно въ прилагательномъ имени Василія, тогдашняго Царя Византійскаго, названнаго въ ней *Македонскимъ*, вмѣсто *Багрянороднаго* (447).

Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной столицѣ своей, гдѣ уже давно находились церкви и Священники Христіанскіе (448); но Князь пышный хотѣлъ блеска и величія при семъ важномъ дѣйствіи: одни Цари Греческіе и Патріархъ казались ему достойными сообщить цѣлому его народу уставы новаго богослуженія. Гордость могущества и славы не позволяла также Владиміру унизиться, въ разсужденіи Грековъ, искреннимъ признаніемъ своихъ языческихъ заблужденій и смиренно просить крещенія: онъ вздумалъ, такъ сказать, *завоевать* Вѣру Христіанскую и принять ея святыню рукою побѣдителя.

Собравъ многочисленное войско, Великій

г. 988. Князь пошелъ на судахъ къ Греческому Херсону, котораго развалины донынѣ видимы въ Тавридѣ, близъ Севастополя (449). Сей торговый городъ, построенный въ самой глубокой древности выходцами Гераклейскими, сохранялъ еще въ X вѣкѣ бытіе и славу свою, не смотря на великія опустошенія, сдѣланныя дикими народами въ окрестностяхъ Чернаго моря, со временъ Геродотовыхъ Скиѳовъ до Козаровъ и Печенѣговъ. Онъ признавалъ надъ собою верховную власть Императоровъ Греческихъ, но не платилъ имъ дани; избиралъ своихъ начальниковъ и повиновался собственнымъ законамъ Республиканскимъ. Жители его, торгуя во всѣхъ пристаняхъ Черноморскихъ, наслаждались изобиліемъ. — Владиміръ, остановясь въ гавани или заливѣ Херсонскомъ, высадилъ на берегъ войско, и со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ. Издревле привязанные къ вольности, Херсонцы оборонялись мужественно. Великій Князь грозилъ имъ стоять три года подъ ихъ стѣнами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложенія, въ надеждѣ, можетъ быть, имѣть скорую помощь отъ Грековъ; старались уничтожать всѣ работы осаждающихъ, и сдѣлавъ тайный подкопъ, какъ говоритъ Лѣтописецъ, ночью уносили въ городъ ту землю, которую Россіяне сыпали передъ стѣнами, что-

бы окружить оныя валомъ, по древнему обыкновенію военнаго искусства ([450]). Къ счастію, нашелся въ городѣ доброжелатель Владиміру, именемъ Анастасъ: сей человѣкъ пустилъ къ Россіянамъ стрѣлу, съ надписью: *за вами, къ Востоку, находятся колодези, дающіе воду Херсонцамъ чрезъ подземельныя трубы; вы можете отнять ее.* Великій Князь спѣшилъ воспользоваться совѣтомъ ([451]), и велѣлъ перекопать водоводы (коихъ слѣды еще замѣтны близъ нынѣшнихъ развалинъ Херсонскихъ). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались Россіянамъ.

Завоевавъ славный и богатый городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ умѣлъ отражать приступы народовъ варварскихъ, Россійскій Князь еще болѣе возгордился своимъ величіемъ, и чрезъ Пословъ объявилъ Императорамъ, Василію и Константину, что онъ желаетъ быть супругомъ сестры ихъ, юной Царевны Анны, или, въ случаѣ отказа, возьметъ Константинополь ([452]). Родственный союзъ съ Греческими знаменитыми Царями казался лестнымъ для его честолюбія. Имперія, по смерти Героя Цимискія, была жертвою мятежей и безпорядка: Военачальники Склиръ и Фока не хотѣли повиноваться законнымъ Государямъ и спорили съ ними о державѣ. Сіи обстоятельства принудили Императоровъ забыть обыкновенную надменность Грековъ и презрѣніе къ язычникамъ ([453]). Василій и Константинъ, надѣясь помощію сильнаго Князя Россійскаго спасти тронъ и вѣнецъ,

отвѣтствовали ему, что отъ него зависитъ быть ихъ зятемъ; что принявъ Вѣру Христіанскую, онъ получитъ и руку Царевны и Царство Небесное. Владиміръ, уже готовый къ тому, съ радостію изъявилъ согласіе креститься, но хотѣлъ прежде, чтобы Императоры, въ залогъ довѣренности и дружбы, прислали къ нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество съ Княземъ народа, по мнѣнію Грековъ, дикаго и свирѣпаго, казалось ей *жестокимъ плѣномъ* (454) и ненавистнѣе смерти. Но Политика требовала сей жертвы, и ревность къ обращенію идолопоклонниковъ служила ей оправданіемъ или предлогомъ. Горестная Царевна отправилась въ Херсонъ на кораблѣ, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: тамъ народъ встрѣтилъ ее какъ свою избавительницу, со всѣми знаками усердія и радости. Въ лѣтописи сказано, что Великій Князь тогда разболѣлся глазами и не могъ ничего видѣть; что Анна убѣдила его немедленно креститься, и что онъ прозрѣлъ въ самую ту минуту, когда Святитель возложилъ на него руку (455). Бояре Россійскіе, удивленные чудомъ, вмѣстѣ съ Государемъ приняли истинную Вѣру (въ церкви Св. Василія, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, гдѣ жили Великій Князь и невѣста его). Херсонскій Митрополитъ и Византійскіе Пресвитеры совершили сей обрядъ торжественный, за коимъ слѣдовало обрученіе и самый бракъ Царевны съ Владиміромъ, благо-

словенный для Россіи во многихъ отношеніяхъ и весьма счастливый для Константинополя: ибо Великій Князь, какъ вѣрный союзникъ Императоровъ, немедленно отправилъ къ нимъ часть мужественной дружины своей, которая помогла Василію разбить мятежника Фоку и возстановить тишину въ Имперіи (456).

Сего не довольно: Владиміръ отказался отъ своего завоеванія, и соорудивъ въ Херсонѣ церковь — на томъ возвышеніи, куда граждане сносили изъ-подъ стѣнъ землю, возвратилъ сей городъ Царямъ Греческимъ въ изъявленіе благодарности за руку сестры ихъ (457). Вмѣсто плѣнниковъ, онъ вывелъ изъ Херсона однихъ Іереевъ и того Анастаса, который помогъ ему овладѣть городомъ; вмѣсто дани взялъ церковные сосуды, мощи Св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырехъ коней мѣдныхъ (458), въ знакъ любви своей къ художествамъ (сіи, можетъ быть, изящныя произведенія древняго Искусства стояли въ Несторово время на площади стараго Кіева, близъ нынѣшней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный Херсонскимъ Митрополитомъ въ таинахъ и нравственномъ ученіи Христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями и свергнули съ горы въ

Днѣпръ ([459]). Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины Княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлося Перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣднею данію суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди Русскіе, Вельможи и рабы, бѣдные и богатые шли креститься ([460]) — и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая Вѣра должна быть мудрою и святою, когда Великій Князь и Бояре предпочли ее старой Вѣрѣ отцевъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ Греческихъ Священниковъ, и по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку ([461]): большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; Іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился; когда Священный Соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ Кіевскихъ Христіанами: тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: «Творецъ земли и неба! «благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ; дай «имъ познать Тебя, Бога истиннаго; утверди въ «нихъ Вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ

«искушеніяхъ зла, да восхвалю достойно «святое имя Твое!» . . . *Въ сей великій день*, говоритъ Лѣтописецъ, *земля* и *небо ликовали*.

Скоро знаменія Вѣры Христіанской, принятой Государемъ, дѣтьми его (462), Вельможами и народомъ, явились на развалинахъ мрачнаго язычества въ Россіи, и жертвенники Бога истиннаго заступили мѣсто идольскихъ требищъ. Великій Князь соорудилъ въ Кіевѣ деревянную церковь Св. Василія (463), на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, и призвалъ изъ Константинополя искусныхъ зодчихъ для строенія храма каменнаго во имя Богоматери, тамъ, гдѣ въ 983 году пострадалъ за Вѣру благочестивый Варягъ и сынъ его. Между тѣмъ ревностные служители олтарей, Священники, проповѣдывали Христа въ разныхъ областяхъ Государства. Многіе люди крестились, разсуждая безъ сомнѣнія такъ же, какъ и граждане Кіевскіе; другіе, привязанные къ Закону древнему, отвергали новый: ибо язычество господствовало въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи до самаго XII вѣка. Владиміръ не хотѣлъ, кажется, принуждать совѣсти; но взялъ лучшія, надежнѣйшія мѣры для истребленія языческихъ заблужденій: *онъ старался просвѣтить Россіянъ*. Чтобы утвердить Вѣру на знаніи книгъ Божественныхъ, еще въ IX вѣкѣ г. 988-990.

переведенныхъ на Славянскій языкъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и безъ сомнѣнія уже давно извѣстныхъ Кіевскимъ Христіанамъ, Великій Князь завелъ для отроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи. Сіе благодѣяніе казалось тогда страшною новостію, и жены знаменитыя, у коихъ неволею брали дѣтей въ науку, оплакивали ихъ какъ мертвыхъ, ибо считали грамоту опаснымъ чародѣйствомъ.

Владиміръ имѣлъ 12 сыновей, еще юныхъ отроковъ ([464]). Мы уже наименовали изъ нихъ 9: Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ, родились, кажется, послѣ. Думая, что дѣти могутъ быть надежнѣйшими слугами отца, или, лучше сказать, слѣдуя несчастному обыкновенію сихъ временъ, Владиміръ раздѣлилъ Государство на области, и далъ въ Удѣлъ Вышеславу Новгородъ ([465]), Изяславу Полоцкъ, Ярославу Ростовъ: по смерти же Вышеслава Новгородъ, а Ростовъ Борису; Глѣбу Муромъ, Святославу Древлянскую землю, Всеволоду Владиміръ Волынскій ([466]), Мстиславу Тмутороканъ или Греческую Таматарху, завоеванную, какъ вѣроятно, мужественнымъ дѣдомъ его; а Святополку, усыновленному племяннику, Туровъ, который донынѣ существуетъ въ Минской Губерніи и названъ такъ отъ имени Варяга Тура, повелѣвавшаго нѣ-

Раздѣленіе Государства.

ею областію ([467]). Владиміръ отпра-
алолѣтныхъ Князей въ назначенный
ждаго Удѣлъ, поручивъ ихъ до со-
наго возраста благоразумнымъ пѣ-
ь. Онъ безъ сомнѣнія не думалъ
бить Государства и далъ сыновьямъ
рава своихъ Намѣстниковъ; но ему
ало бы предвидѣть слѣдствія необ-
ія по его смерти. Удѣльный Князь,
ясь отцу, самовластному Государю
ссіи, могъ ли столь же естественно
ваться и наслѣднику, то есть брату
? Междоусобіе дѣтей Святославо-
же доказало противное; но Влади-
е воспользовался симъ опытомъ:
ные великіе люди дѣйствуютъ со-
съ образомъ мыслей и правилами
вѣка.

ія удобнѣе образовать народъ и за-
южную Россію отъ грабительства
говъ, Великій Князь основалъ но- Строеніе городовъ.
рода по рѣкамъ Деснѣ, Остеру, Тру-
Сулѣ, Стугнѣ, и населилъ ихъ
родскими Славянами, Кривичами,
Вятичами ([468]). Укрѣпивъ Кіевскій
одъ стѣною, онъ перевелъ туда
ь жителей изъ другихъ городовъ:
ѣнно любилъ его, и часто живалъ г. 990.
ѣ.

а съ Хорватами, обитавшими (какъ
ь) на границахъ Седмиградской об- г. 993.

Война съ Хорватами и Печенѣгами.

ласти и Галиціи (469), отвлекла Владиміра отъ внутреннихъ государственныхъ распоряженій. Едва окончивъ ее, миромъ или побѣдою, онъ свѣдалъ о набѣгѣ Печенѣговъ, которые пришли изъ-за Сулы и разоряли область Кіевскую. Великій Князь встрѣтился съ ними на берегахъ Трубежа; при чемъ Лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующую повѣсть:

«Войско Печенѣговъ стояло за рѣкою: «Князь ихъ вызвалъ Владиміра на берегъ «и предложилъ ему рѣшить дѣло поединкомъ между двумя, съ обѣихъ сторонъ «избранными богатырями. Ежели *Русской «убьетъ Печенѣга*, сказалъ онъ, *то обязываемся три года не воевать съ вами: а «ежели нашъ побѣдитъ, то мы вольны три «года опустошать твою землю*. Владиміръ «согласился, и велѣлъ *Бирючамъ* или Герольдамъ въ станѣ своемъ кликнуть охотниковъ для поединка (470): не сыскалось «ни одного, и Князь Россійскій былъ въ «горести. Тогда приходитъ къ нему старецъ и говоритъ: *Я вышелъ въ поле съ четырьмя сынами, а меньшій остался дома. «Съ самаго дѣтства никто не могъ одолѣть его. Однажды, въ сердцѣ на меня, «онъ разорвалъ на-двое толстую воловью «кожу. Государь! вели ему бороться съ Печенѣгомъ*. Владиміръ немедленно послалъ «за юношею, который для опыта въ силѣ

лся Печенѣгъ, великанъ страшный, и
я своего малорослаго противника, за-
ялся. Выбрали мѣсто: единоборцы
атились. Россіянинъ крѣпкими мыш-
и своими давнулъ Печенѣга, и мерт-
о ударилъ объ землю. Тогда дружина
жеская, воскликнувъ побѣду, броси-
ь на устрашенное войско Печенѣговъ,
орое едва могло спастися бѣгствомъ.
остный Владиміръ въ память сему слу-
заложилъ на берегу Трубежа городъ,
азвалъ его *Переяславлемъ:* ибо юноша
ской *переялъ* у враговъ *славу* (471). Ве-
ій Князь, наградивъ витязя и старца,
а его, саномъ Боярскимъ, возвратился
торжествомъ въ Кіевъ.» Поединокъ
етъ быть истиною; но обстоятельство,
Владиміръ основалъ Переяславль, ка-
я сомнительнымъ: ибо о семъ городѣ
инается еще въ Олеговомъ договорѣ

Грековъ украшеннаго. Тамъ, исполненный вѣры святой и любви къ народу, онъ сказалъ предъ олтаремъ Всевышняго: «Господи! въ семъ храмѣ, мною сооруженномъ, да внимаешь всегда «молитвамъ добрыхъ Россіянъ!» и въ знакъ сердечной радости угостилъ во дворцѣ Княжескомъ Бояръ и градскихъ старцевъ; не забылъ и людей бѣдныхъ, щедро удовлетворивъ ихъ нуждамъ. — Владиміръ отдалъ въ новую церковь иконы, кресты и сосуды, взятые въ Херсонѣ; велѣлъ служить въ ней Херсонскимъ Іереямъ; поручилъ ее любимцу своему Анастасу; уставилъ брать ему десятую часть изъ собственныхъ доходовъ Княжескихъ, и клятвенною грамотою обязавъ своихъ наслѣдниковъ не преступать сего закона, положилъ оную въ храмѣ ([473]). Слѣдственно Анастасъ былъ Священнаго сана и, вѣроятно, знаменитаго, когда главная церковь столицы (донынѣ именуемая *Десятинною*) находилась подъ его особеннымъ вѣдѣніемъ. Новѣйшіе Лѣтописцы утвердительно повѣствуютъ о Кіевскихъ Митрополитахъ сего времени, но, именуя ихъ, противорѣчатъ другъ другу ([474]). Несторъ совсѣмъ не упоминаетъ о Митрополіи до княженія Ярославова, говоря единственно о Епископахъ, уважаемыхъ Владиміромъ, безъ сомнѣнія Грекахъ или Славянахъ Греческихъ, которые, разумѣя языкъ нашъ, тѣмъ удобнѣе могли учить Россіянъ.

Случай, опасный для Владиміровой жизни, еще болѣе утвердилъ сего Князя въ чувствахъ

набожности. Печенѣги, снова напавъ на области Россійскія, приступили къ Василеву, городу построенному имъ на рѣкѣ Стугнѣ (475). Онъ вышелъ въ поле съ малою дружиною, не могъ устоять противъ ихъ множества и долженъ былъ скрыться подъ мостомъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами свирѣпыми, Владиміръ обѣщался, ежели Небо спасетъ его, соорудить въ Василевѣ храмъ празднику того дня, Святому Преображенію. Непріятели удалились, и Великій Князь, исполнивъ обѣтъ свой, созвалъ къ себѣ на пиръ Вельможъ, Посадниковъ, старѣйшинъ изъ другихъ городовъ. Желая изобразить его роскошь, Лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ приказалъ сварить *триста варь меду*, и восемь дней праздновалъ съ Боярами въ Василевѣ. Убогіе получили 300 гривенъ изъ казны государственной. Возвратясь въ Кіевъ, онъ далъ новый пиръ не только Вельможамъ, но и всему народу, который искренно радовался спасенію добраго и любимаго Государя. Съ того времени сей Князь всякую недѣлю угощалъ въ *Гридницѣ*, или въ прихожей дворца своего, Бояръ, *Гридней* (меченосцевъ Княжескихъ) воинскихъ Сотниковъ, Десятскихъ и всѣхъ людей именитыхъ или *нарочитыхъ* (476). Даже и въ тѣ дни, когда его не было въ Кіевѣ, они собирались во дворцѣ и находили столы

Набѣгъ Печенѣговъ.

Пиры Владиміровы.

покрытые мясами, дичиною и всѣми роскошными яствами тогдашняго времени. Однажды — какъ разсказываетъ Лѣтописецъ — гости Владиміровы, упоенные крѣпкимъ медомъ, вздумали жаловаться, что у знаменитаго Государя Русскаго подаютъ имъ къ обѣду деревянныя ложки. Великій Князь, узнавъ о томъ, велѣлъ сдѣлать для нихъ *серебряныя*, говоря благоразумно: *серебромъ и золотомъ не добудешь вѣрной дружины; а съ нею добуду много и серебра и золота, подобно отцу моему и дѣду*. Владиміръ, по словамъ лѣтописи, отмѣнно любилъ свою дружину и совѣтовался съ сими людьми, не только храбрыми, но и разумными, какъ о воинскихъ, такъ и гражданскихъ дѣлахъ.

Будучи другомъ усердныхъ Бояръ и чиновниковъ, онъ былъ истиннымъ отцемъ бѣдныхъ, которые всегда могли приходить на дворъ Княжескій, утолять тамъ голодъ свой и брать изъ казны деньги (477). Сего мало: *больные*, говорилъ Владиміръ, *не въ силахъ дойти до палатъ моихъ* — и велѣлъ развозить по улицамъ хлѣбы, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ въ бочкахъ. «Гдѣ нищіе, недужные?» спрашивали люди Княжескіе, и надѣляли ихъ всѣмъ потребнымъ. Сію добродѣтель Владимірову приписываетъ Несторъ дѣйствію Христіанскаго ученія. Слова Евангельскія: *блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ*, и Соломоновы: *дая нищему, Богу въ заимъ даете*, вселили въ душу Великаго Князя рѣдкую любовь къ благотворенію и вообще та-

кое милосердіе, которое выходило даже изъ предѣловъ государственной пользы. Онъ щадилъ жизнь самыхъ убійцъ и наказывалъ ихъ только *Вирою*, или денежною пенею (478): число преступниковъ умножалось, и дерзость ихъ ужасала добрыхъ, спокойныхъ гражданъ. Наконецъ духовные Пастыри Церкви вывели набожнаго Князя изъ заблужденія. «Для чего не ка-«раешь злодѣйства?» спросили они. *Боюсь гнѣва Небеснаго*, отвѣтствовалъ Владиміръ. «Нѣтъ,» сказали Епископы: «ты постав-«ленъ Богомъ на казнь злымъ, а добрымъ «на милованіе. Должно карать преступника, «но только съ разсмотрѣніемъ.» Великій Князь, принявъ ихъ совѣтъ, отмѣнилъ *Виру* и снова ввелъ смертную казнь, бывшую при Игорѣ и Святославѣ. Милосердіе.

Симъ благоразумнымъ совѣтникамъ надлежало еще пробудить въ немъ, для государственнаго блага, и прежній духъ воинскій, усыпленный тѣмъ же человѣколюбіемъ. Владиміръ уже не искалъ славы Героевъ, и жилъ въ мирѣ съ сосѣдственными Государями: Польскимъ, Венгерскимъ и Богемскимъ (479); но хищные Печенѣги, употребляя въ свою пользу миролюбіе его, безпрестанно опустошали Россію. Мудрые Епископы и *старцы* доказали Великому Князю, что Государь долженъ быть ужасомъ не только преступниковъ государ-

ственныхъ, но и внѣшнихъ враговъ — и гласъ воинскихъ трубъ снова раздался въ нашемъ древнемъ отечествѣ (480).

г. 997. Владиміръ, желая собрать воинство многочисленное для отраженія Печенѣговъ, самъ отправился въ Новгородъ; но сіи неутомимые враги, узнавъ его отсутствіе, приблизились къ столицѣ, окружили Бѣлгородъ и пресѣкли сообщеніе жителей съ мѣстами окрестными. Чрезъ нѣсколько времени сдѣлался тамъ голодъ, и народъ, собравшись на *Вѣче* или совѣтъ (481), изъявилъ желаніе сдаться непріятелямъ. «Князь «далеко,» говорилъ онъ: «Печенѣги мо«гутъ умертвить только нѣкоторыхъ изъ «насъ; а отъ голода мы всѣ погибнемъ.» Но хитрость умнаго старца, впрочемъ не совсѣмъ *вѣроятная*, спасла гражданъ. Онъ велѣлъ ископать два колодезя, поставить въ нихъ одну кадь съ сытою, другую съ тѣстомъ, и звать старшинъ непріятельскихъ будто бы для переговоровъ. Видя сіи колодези, они повѣрили, что земля сама собою производитъ тамъ вкусную для людей пищу и возвратились къ своимъ Князьямъ съ вѣстію, что городъ не можетъ имѣть недостатка въ съѣстныхъ припасахъ! Печенѣги сняли осаду (482).

Осада Бѣлгорода.

г. 997-1014. Вѣроятно, что Владиміръ счастливымъ оружіемъ унялъ наконецъ сихъ варваровъ: по крайней мѣрѣ Лѣтописецъ не упоми-

наетъ болѣе о ихъ нападеніяхъ на Россію до самаго 1015 году. Но здѣсь преданія оставляютъ, кажется, Нестора, и въ теченіе *семнадцати лѣтъ* онъ сказываетъ намъ только, что въ 1000 году умерли Мальфрида — одна изъ бывшихъ Владиміровыхъ женъ, какъ надобно думать — и знаменитая несчастіемъ Рогнѣда, въ 1001 Изяславъ, а въ 1003 младенецъ Всеславъ, сынъ Изяславовъ; что въ 1007 году привезли иконы въ Кіевскій храмъ Богоматери изъ Херсона или изъ Греціи, а въ 1011 скончалась Анна (483), супруга Владимірова, достопамятная для потомства: ибо она была орудіемъ Небесной благодати, извлекшей Россію изъ тьмы идолопоклонства.

Кончина Анны.

Въ сіи годы, скудные происшествіями по Несторовой лѣтописи, Владиміръ могъ имѣть ту войну съ Норвежскимъ Принцомъ Эрикомъ, о коей повѣствуетъ Исландскій Лѣтописецъ Стурлезонъ (484). Гонимый судьбою, малолѣтный Принцъ Норвежскій Олофъ, племянникъ Сигурда, одного изъ Вельможъ Владиміровыхъ, съ матерію вдовствующею Королевою Астридою, нашелъ убѣжище въ Россіи; учился при Дворѣ, осыпаемый милостями Великой Княгини, и ревностно служилъ Государю; но оклеветанный завистливыми Боярами, долженъ былъ оставить его службу. Чрезъ

Война съ Эрикомъ Норвежскимъ.

нѣсколько лѣтъ — можетъ быть, съ помощію Россіи — онъ сдѣлался Королемъ Норвежскимъ, отнявъ престолъ у Эрика, который бѣжалъ въ Швецію, собралъ войско, напалъ на сѣверо-западныя Владиміровы области, осадилъ и взялъ приступомъ городъ Россійскій *Альдейгабургъ*, или, какъ *вѣроятно*, нынѣшнюю Старую Ладогу ([485]), гдѣ обыкновенно приставали мореплаватели Скандинавскіе, и гдѣ, по народному преданію, Рюрикъ имѣлъ дворецъ свой. Храбрый Норвежскій Принцъ четыре года воевалъ съ Владиміромъ; наконецъ, уступивъ превосходству силъ его, вышелъ изъ Россіи.

Судьба не пощадила Владиміра въ старости: предъ концемъ своимъ ему надлежало увидѣть съ горестію, что властолюбіе вооружаетъ не только брата противъ брата, но и сына противъ отца.

Г. 1014. Намѣстники Новогородскіе ежегодно платили двѣ тысячи гривенъ Великому Князю и тысячу раздавали Гриднямъ или тѣлохранителямъ Княжескимъ ([486]). Ярославъ, тогдашній Правитель Новагорода, дерзнулъ объявить себя независимымъ и не хотѣлъ платить дани. Раздраженный Владиміръ велѣлъ готовиться войску къ походу въ Новгородъ, чтобы наказать ослушника; а сынъ, ослѣпленный властолюбіемъ, призвалъ изъ-за моря Варяговъ на

Бунтъ Владиміра сына, Ярослава.

помощь, думая, вопреки законамъ Божественнымъ и человѣческимъ, поднять мечь на отца и Государя. Небо, отвративъ сію войну богопротивную, спасло Ярослава отъ злодѣянія рѣдкаго. Владиміръ, можетъ быть отъ горести, занемогъ тяжкою болѣзнію, и въ то же самое время Печенѣги ворвались въ Россію; надлежало отразить ихъ: не имѣя силъ предводительствовать войскомъ, онъ поручилъ его *любимому* сыну Борису, Князю Ростовскому, бывшему тогда въ Кіевѣ, и чрезъ нѣсколько дней скончался въ Берестовѣ, загородномъ дворцѣ, не избравъ наслѣдника, и оставивъ кормило Государства на волю рока....

Г. 1015.

Кончина Владиміра.

Святополкъ, усыновленный племянникъ Владиміровъ, находился въ столицѣ: боясь его властолюбія, придворные хотѣли утаить кончину Великаго Князя, вѣроятно для того, чтобы дать время сыну его, Борису, возвратиться въ Кіевъ ([487]); ночью выломали полъ въ сѣняхъ, завернули тѣло въ коверъ, спустили внизъ по веревкамъ и отвезли въ храмъ Богоматери. Но скоро печальная вѣсть разгласилась въ городѣ: Вельможи, народъ, воины бросились въ церковь; увидѣли трупъ Государя и стенаніемъ изъявили свое отчаяніе. Бѣдные оплакивали благотворителя, Бояре отца отечества . . . Тѣло Владимірово заключили въ мраморную раку и поставили оную тор-

жественно, рядомъ съ гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, имъ сооруженнаго ([488]).

Сей Князь, названный Церковію *Равноапостольнымъ*, заслужилъ и въ Исторіи имя *Великаго*. Истинное ли увѣреніе въ святынѣ Христіанства, или какъ повѣствуетъ знаменитый Арабскій Историкъ XIII вѣка ([489]), одно честолюбіе и желаніе быть въ родственномъ союзѣ съ Государями Византійскими рѣшило его креститься? извѣстно Богу, а не людямъ. Довольно, что Владиміръ, принявъ Вѣру Спасителя, освятился ею въ сердцѣ своемъ и сталъ инымъ человѣкомъ. Бывъ въ язычествѣ мстителемъ свирѣпымъ, гнуснымъ сластолюбцемъ ([490]), воиномъ кровожаднымъ и — что всего ужаснѣе — братоубійцею, Владиміръ, наставленный въ человѣколюбивыхъ правилахъ Христіанства, боялся уже проливать кровь самыхъ злодѣевъ и враговъ отечества. Главное право его на вѣчную славу и благодарность потомства состоитъ конечно въ томъ, что онъ поставилъ Россіянъ на путь истинной Вѣры; но имя *Великаго* принадлежитъ ему и за дѣла государственныя. Сей Князь, похитивъ Единовластіе, благоразумнымъ и счастливымъ для народа правленіемъ загладилъ вину свою; выславъ мятежныхъ Варяговъ изъ Россіи, употребилъ лучшихъ изъ нихъ

Свойства его.

въ ея пользу; смирилъ бунты своихъ данниковъ, отражалъ набѣги хищныхъ сосѣдовъ, побѣдилъ сильнаго Мечислава и славный храбростію народъ Ятвяжскій; расширилъ предѣлы Государства на Западѣ; мужествомъ дружины своей утвердилъ вѣнецъ на слабой главѣ Восточныхъ Императоровъ; старался просвѣтить Россію: населилъ пустыни, основалъ новые города; любилъ совѣтоваться съ мудрыми Боярами о полезныхъ уставахъ земскихъ; завелъ училища и призывалъ изъ Греціи не только Іереевъ, но и художниковъ; наконецъ былъ нѣжнымъ отцемъ народа бѣднаго. Горестію послѣднихъ минутъ своихъ онъ заплатилъ за важную ошибку въ Политикѣ, за назначеніе особенныхъ Удѣловъ для сыновей.

Слава его правленія раздалась въ трехъ частяхъ міра: древнія Скандинавскія, Нѣмецкія, Византійскія, Арабскія лѣтописи говорятъ о немъ. Кромѣ преданій Церкви и нашего перваго Лѣтописца о дѣлахъ Владиміровыхъ, память сего Великаго Князя хранилась и въ сказкахъ народныхъ о великолѣпіи пировъ его, о могучихъ богатыряхъ его времени: о Добрынѣ Новогородскомъ, Александрѣ *съ золотою гривною*, Ильѣ Муромцѣ, сильномъ Рахдаѣ (который будто бы одинъ ходилъ на 300 воиновъ), Янѣ Усмошвецѣ, грозѣ Печенѣговъ,

Сказки народныя.

Богатыри.

и прочихъ, о коихъ упоминается въ новѣйшихъ, отчасти баснословныхъ лѣтописяхъ (491). Сказки не Исторія; но сіе сходство въ народныхъ понятіяхъ о временахъ Карла Великаго и Князя Владиміра достойно замѣчанія: тотъ и другой, заслуживъ безсмертіе въ лѣтописяхъ своими побѣдами, усердіемъ къ Христіанству, любовію къ Наукамъ, живутъ донынѣ и въ сказкахъ богатырскихъ.

Владиміръ, не смотря на слабое отъ природы здоровье (492), дожилъ до старости: ибо въ 970 году уже господствовалъ въ Новѣгородѣ, подъ руководствомъ дяди, Боярина Добрыни.

Прежде нежели будемъ говорить о наслѣдникахъ сего великаго Монарха, дополнимъ Исторію описанныхъ нами временъ всѣми извѣстіями, которыя находятся въ Несторѣ и въ чужестранныхъ, современныхъ Лѣтописцахъ, о гражданскомъ и нравственномъ состояніи тогдашней Россіи: чтобы не прерывать нити историческаго повѣствованія, сообщаемъ оныя въ статьѣ особенной.

ГЛАВА X.

О состоянии древней Россіи.

Предѣлы. Правленіе. Законы гражданскіе. Воинское искусство. Флоты. Чиноначаліе и внутреннее образованіе войска. Торговля. Пышность и роскошь. Состояніе городовъ. Деньги. Успѣхи разума. Механическія и свободныя художества. Нравы.

Въ самый первый вѣкъ бытія своего Россія превосходила обширностію едва ли не всѣ тогдашнія Государства Европейскія (493). Завоеванія Олеговы, Святославовы, Владиміровы, распространили ея владѣнія отъ Новагорода и Кіева къ Западу до моря Бальтійскаго, Двины, Буга и горъ Карпатскихъ, а къ Югу до пороговъ Днѣпровскихъ и Киммерійскаго Воспора; къ Сѣверу и Востоку граничила она съ Финляндіею и съ Чудскими народами, обитателями нынѣшнихъ Губерній Архангельской, Вологодской, Вятской, также съ Мордвою и съ Казанскими Болгарами, за коими, къ морю Каспійскому, жили Хвалисы, ихъ единовѣрцы и единоплеменники (по чему сіе море называлось тогда Хвалынскимъ или Хвалисскимъ). Предѣлы.

Слова Новогородцевъ и союзныхъ съ

ними народовъ, преданныя намъ Лѣтописцемъ: «хотимъ Князя, да владѣетъ и правитъ нами по закону,» были основаніемъ перваго устава государственнаго въ Россіи, то есть, Монархическаго.

Правленіе.

Но Князья привели съ собою многихъ независимыхъ Варяговъ, которые считали ихъ болѣе своими товарищами, нежели Государями, и шли въ Россію властвовать, а не повиноваться. Сіи Варяги были первыми чиновниками, знаменитѣйшими воинами и гражданами; составляли отборную Дружину и верховный Совѣтъ, съ коимъ Государь дѣлился властію. Мы видѣли, что Послы Россійскіе заключили договоръ съ Греціею отъ имени Князя и Бояръ его; что Игорь не могъ одинъ утвердить союза съ Императоромъ, и что вся *дружина Княжеская* должна была вмѣстѣ съ нимъ присягать на священномъ холмѣ ([494]).

Самый народъ Славянскій хотя и покорился Князьямъ, но сохранилъ нѣкоторыя обыкновенія вольности, и въ дѣлахъ, важныхъ, или въ опасностяхъ государственныхъ, сходился на общій совѣтъ. Бѣлогородцы, тѣснимые Печенѣгами, разсуждали на Вѣчѣ, что имъ дѣлать ([495]). — Сіи народныя собранія были древнимъ обыкновеніемъ въ городахъ Россійскихъ, доказывали участіе гражданъ въ правленіи и могли давать имъ смѣлость, неизвѣстную въ

Державахъ строгаго, неограниченнаго Единовластія. Такъ Новогородцы объявили Святославу, что они требуютъ отъ него сына въ Правители, или, въ случаѣ отказа, изберутъ себѣ особеннаго Князя.

На войнѣ права Государя были ограничены корыстолюбіемъ воиновъ: онъ могъ брать себѣ только часть добычи, уступая имъ прочее. Такъ Олегъ, Игорь взяли дань съ Грековъ на каждаго изъ своихъ ратниковъ; самые родственники убитыхъ имѣли въ ней долю (496). Желая одинъ воспользоваться грабежемъ въ землѣ Древлянской, Игорь удалилъ отъ себя войско: слѣдственно не только добычею счастливой битвы, но и данію, собираемою съ народовъ уже подвластныхъ Россіи, Князья дѣлились съ воинами.

Впрочемъ вся земля Русская была, такъ сказать, законною собственностію Великихъ Князей: они могли, кому хотѣли, раздавать города и волости. Такъ многіе Варяги получили Удѣлы отъ Рюрика. Такъ супруга Игорева владѣла Вышегородомъ, а Рогволодъ, по словамъ лѣтописи, *княжилъ* въ Полоцкѣ (497).

Варяги, на условіяхъ *Помѣстной Системы* владѣвшіе городами, имѣли титло Князей: о сихъ-то *многихъ* Князьяхъ Россійскихъ упоминается въ Олеговомъ договорѣ съ Греческимъ Императоромъ (498). Дѣти ихъ, заслуживъ милость Государя, могли получать тѣ же Удѣлы: Бояре Владиміровы назвали Полоцкъ, гдѣ княжилъ отецъ Рогнѣдинъ, ея наслѣдственнымъ

достояніемъ или отчиною (499). Но Великій Князь какъ Государь располагалъ сими частными Княжествами: Владиміръ отдалъ дѣтямъ своимъ Ростовъ, Муромъ и другія области, бывшія со временъ Рюриковыхъ Удѣлами Вельможъ Норманскихъ. Другіе города и волости непосредственно зависѣли отъ Великаго Князя: онъ управлялъ ими чрезъ своихъ Посадниковъ или Намѣстниковъ (500). Образъ сего внутренняго правленія отвѣтствовалъ простотѣ тогдашнихъ нравовъ. Одни люди были чиновниками воинскими и гражданскими: Государь совѣтовался о *земскихъ* учрежденіяхъ съ храброю дружиною (501). Ему принадлежала верховная законодательная и судебная власть: Владиміръ по волѣ своей отмѣнилъ и снова уставилъ смертную казнь. — Несторъ упоминаетъ еще о *градскихъ старѣйшинахъ*, которые лѣтами, разумомъ и честію заслуживъ довѣренность, могли быть судіями въ дѣлахъ народныхъ.

Законы гражданскіе.

Во времена независимости Россійскихъ Славянъ гражданское правосудіе имѣло основаніемъ совѣсть и древніе обычаи каждаго племени въ особенности (502); но Варяги принесли съ собою общіе гражданскіе законы въ Россію, извѣстные намъ по договорамъ Великихъ Князей съ Греками; и во всемъ согласные съ древними законами Скандинавскими. Напримѣръ: и въ

гѣхъ и другихъ было уставлено, что родственникъ убіеннаго имѣлъ право лишить жизни убійцу; что гражданинъ могъ умертвить вора, который не захотѣлъ бы добровольно отдаться ему въ руки; что за каждый ударъ мечемъ, копіемъ или другимъ орудіемъ, надлежало платить денежную пеню ([503]). Сіи первые законы нашего отечества, еще древнѣйшіе Ярославовыхъ, дѣлаютъ честь вѣку и народному характеру, будучи основаны на довѣренности къ клятвамъ, слѣдовательно къ совѣсти людей, и на справедливости: такъ виновный былъ увольняемъ отъ пени, ежели онъ утверждалъ клятвенно, что не имѣетъ способа заплатить ее; такъ хищникъ наказывался соразмѣрно съ виною, и платилъ вдвое и втрое за всякое похищеніе; такъ гражданинъ, мирными трудами наживъ богатство, могъ при кончинѣ располагать имъ въ пользу ближнихъ и друзей своихъ ([504]). — Трудно вообразить, чтобы одно словесное преданіе хранило сіи уставы въ народной памяти. Ежели не Славяне, то по крайней мѣрѣ Варяги Россійскіе могли имѣть въ IX и X вѣкѣ *законы писанные:* ибо въ древнемъ отечествѣ ихъ, въ Скандинавіи, употребленіе Руническихъ письменъ было извѣстно до временъ Христіанства ([505]).

Мы имѣемъ еще древній, такъ называемый *Владиміровъ уставъ*, по коему, сооб- Церковный уставъ

[illegible] согласно съ Греческими Номоканонами, отчуждены отъ мірскаго вѣдомства Монахи и церковники, богадѣльни, гостинницы, домы страннопріимства, лекари и всѣ люди увѣчные. Дѣла ихъ были подсудны однимъ Епископамъ: также вѣсы и мѣрила городскія, распри и невѣрность супруговъ, браки незаконные, волшебство, отравы, идолопоклонство, непристойная брань, злодѣйства дѣтей въ отношеніи къ отцу и матери, тяжбы родныхъ, оскверненіе храмовъ, церковная татьба, снятіе одежды съ мертвеца, и проч. и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что Духовенство Россійское въ первыя времена Христіанства рѣшило не только церковныя, но и многія гражданскія дѣла, которыя относилися къ совѣсти и нравственнымъ правиламъ новой Вѣры (такъ было во всей Европѣ); нѣтъ сомнѣнія, что означенные здѣсь суды могли принадлежать ему (нѣкоторые изъ оныхъ и нынѣ остаются его правомъ): но сей *Уставъ* есть подложный — и вотъ доказательство: тамъ Владиміръ пишетъ, что Патріархъ *Фотій* далъ ему *перваго* Митрополита Леона; а *Фотій* умеръ за 90 лѣтъ до сего Великаго Князя (306).

Войн-ское Варяги, законодатели нашихъ предковъ, были ихъ наставниками и въ искусствѣ войны. Россіяне, предводимые своими Князьями, сражалась уже не толпами без-

рядочными, какъ Славяне древніе, но искусство.
роемъ, вокругъ знаменъ своихъ или стя-
въ, въ сомкнутыхъ рядахъ, при звукѣ
убъ воинскихъ; имѣли конницу, соб-
венную и наемную, и *сторожевые* отря-
, за коими цѣлое войско оставалось въ
зопасности. Готовясь къ битвамъ, они
ходили на открытое поле заниматься
инскими играми: учились быстрому,
ужному нападенію и согласнымъ движе-
ямъ, дающимъ побѣду; носили для защи-
своей тяжелыя латы, обручи, высокіе
емы. Мечи, съ обѣихъ сторонъ острые,
пья и стрѣлы были ихъ оружіемъ.
рѣпляя города свои стѣнами, хотя дере-
нными, но неприступными для народовъ
рварскихъ, тогдашнихъ сосѣдовъ Россіи,
едки наши умѣли брать города чуждые,
знали искусство осадныхъ земляныхъ
ботъ; окружали глубокими рвами не
лько крѣпости, но и полевые станы свои
я безопасности (507).

Подобно другимъ Славянамъ мужествен-
е на сушѣ, они заимствовали отъ Варя-
въ искусство мореплаванія, и только Флоты.
инъ страшный *огонь Греческій* могъ спа-
и Царьградъ отъ флота Игорева: для
го Великіе Князья всегда желали узнать
йный составъ сего огня; но хитрые Гре-
увѣряли ихъ, что Ангелъ Небесный
училъ оный Императору Константину, и

что одни Христіане могутъ имъ пользоваться. Тогдашніе военные корабли Россійскіе были не что иное, какъ гребныя, съ помощію большихъ парусовъ весьма ходкія суда, на которыя садилось отъ 40 до 60 человѣкъ (508).

Чиноначаліе и внутреннее образованіе войска.

О древнемъ чиноначаліи и внутреннемъ образованіи войска извѣстно намъ слѣдующее: Князь былъ его Главою на водѣ и сушѣ; подъ нимъ начальствовали Воеводы, Тысячскіе, Сотники, Десятскіе (509). Дружину перваго составляли опытные витязи и Бояре, которые хранили его жизнь и служили примѣромъ мужества для прочихъ. Мы знаемъ, сколь Владиміръ уважалъ и любилъ ихъ. Дружина Игорева и по смерти Князя носила на себѣ его имя. Подъ симъ общимъ названіемъ разумѣлись иногда и молодые отборные воины, Отроки, Гридни, которые служили при Князѣ: первые считались знаменитѣе вторыхъ (510). Главные Воеводы имѣли также своихъ Отроковъ, какъ Свѣнельдъ, Воевода Игоревъ. — Варяги до самыхъ временъ Ярославовыхъ были въ Россіи особеннымъ войскомъ: они и Гридни, или *Мечники*, брали изъ казны жалованье; другіе участвовали только въ добычѣ (511).

Торговля.

Народы, изъ коихъ составилось Государство Россійское, и до пришествія Варяговъ имѣли уже нѣкоторую степень обра-

зованія: ибо самые грубые Древляне жили отчасти въ городахъ; самые Вятичи и Радимичи, варвары по описанію Несторову, издревле занимались хлѣбопашествомъ. Вѣроятно, что они пользовались и выгодами торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней; но мы не имѣемъ никакого историческаго объ ней свѣдѣнія. Первыя извѣстія о нашемъ древнемъ купечествѣ относятся уже ко временамъ Варяжскихъ Князей: договоры ихъ съ Греками свидѣтельствуютъ, что въ X вѣкѣ жило множество Россіянъ въ Царѣградѣ, которые продавали тамъ невольниковъ и покупали всякія ткани. Звѣриная ловля и пчеловодство доставляли имъ множество воску, меду и драгоцѣнныхъ мѣховъ, бывшихъ, вмѣстѣ съ невольниками, главнымъ предметомъ ихъ торговли. Константинъ Багрянородный пишетъ, что въ Хазарію и въ Россію шли тогда изъ Царяграда пурпуръ, богатыя одежды, сукна, сафьянъ, перецъ: къ симъ товарамъ, по извѣстію Нестора, можно прибавить вино и плоды ([512]). Ежегодное путешествіе Россійскихъ купцевъ въ Грецію описываетъ Константинъ слѣдующимъ образомъ: «Суда ихъ «приходятъ въ Царьградъ изъ Новагорода, Смо«ленска, Любеча, Чернигова и Вышегорода; под«властные Россамъ Славяне, Кривичи, Лучане и «другіе, зимою рубятъ лѣсъ на горахъ своихъ и «строятъ лодки, называемыя *μονοξυλα*: ибо онѣ «дѣлаются *изъ одного дерева*. По вскрытіи Днѣ«пра Славяне приплываютъ въ Кіевъ и про-

«даютъ оныя Россіянамъ, которые дѣлаютъ «уключины и весла изъ старыхъ лодокъ. Въ «Апрѣлѣ мѣсяцѣ собирается весь Россійскій «флотъ въ городкѣ Витичевѣ, откуда идетъ «уже къ порогамъ. Дошедши до четвертаго «и самаго опаснаго, то есть, *Неясытя*, купцы «выгружаютъ товары и ведутъ скованныхъ не«вольниковъ около 6000 шаговъ берегомъ. Пе«ченѣги ожидаютъ ихъ обыкновенно за поро«гами, близъ такъ называемаго *Крарійскаго пе«ревоза* (гдѣ Херсонцы, *возвращаясь* изъ *Россіи*, «переправляются чрезъ Днѣпръ): отразивъ сихъ «разбойниковъ, и доплывъ до острова Св. Григо«рія, Россіяне приносятъ богамъ своимъ жертву «благодарности, и до самой рѣки Селины, кото«рая есть рукавъ Дуная, не встрѣчаютъ уже ни«какой опасности; но тамъ, ежели вѣтромъ «прибьетъ суда ихъ къ берегу, они снова дол«жны сражаться съ Печенѣгами, и наконецъ, «миновавъ Конопу, Константію, также устье «Болгарскихъ рѣкъ, Варны и Дицины, дости«гаютъ Месимвріи, перваго Греческаго горо«да (513).» Сія торговля безъ сомнѣнія весьма обогащала Россіянъ, когда они для ея выгодъ отваживались на столько опасностей и трудовъ, и когда она была предметомъ всякаго ихъ мирнаго договора съ Имперіею. — Они ходили на судахъ не только въ Болгарію, въ Грецію, Хазарію или Тавриду, но, если вѣрить Константину, и въ самую отдаленную Сирію (514): Черное море, покрытое ихъ кораблями, или, справедли-

вѣе сказать, лодками, было названо *Русскимъ* (515). Но Цареградскіе купцы едва ли ѣздили чрезъ пороги Днѣпровскіе; одни, кажется, Херсонцы торговали въ Кіевѣ.

Печенѣги, всегдашніе грабители нашего древняго отечества, имѣли съ нимъ также и мирныя торговыя связи. Будучи народомъ кочующимъ и скотоводнымъ, подобно нынѣшнимъ Киргизамъ и Калмыкамъ, они продавали Россіянамъ множество Азіатскихъ коней, овецъ и быковъ; но Константинъ къ сему извѣстію прибавляетъ явную ложь, сказывая, что въ Россіи не было прежде ни лошадей, ни скота рогатаго. — Волжскіе Болгары, по сказанію Эбнъ-Гаукаля, Арабскаго Географа X вѣка, доставали отъ насъ шкуры черныхъ куницъ или Скиѳскихъ соболей; но сами не ѣздили въ Россію, будто бы для того, что въ ней убивали всѣхъ иноземцевъ (516).

О торговлѣ древнихъ Россіянъ съ народами сѣверными находимъ любопытныя и достовѣрныя извѣстія въ Скандинавскихъ и Нѣмецкихъ Лѣтописцахъ. Средоточіемъ ея былъ Новгородъ, гдѣ со временъ Рюриковыхъ поселились многіе Варяги, дѣятельные въ морскомъ грабежѣ и купечествѣ. Тамъ Скандинавы покупали драгоцѣнныя ткани, домовые приборы, Царскія одежды, шитыя золотомъ, и мягкую рухлядь. Первыя не могли быть собственнымъ рукодѣліемъ нашихъ предковъ: вѣроятно, что они покупали сіи богатыя одежды и ткани въ Царѣградѣ, куда, по сказанію Несторову, ѣзжали

Новогородцы еще въ Олеговы времена. Въ славной Виннетѣ и другихъ Бальтійскихъ городахъ находились купцы Россійскіе. Мы знаемъ, что Ливонія зависѣла отъ Владиміра: тамъ ежегодно бывали многолюдныя ярмонки, собирались весною Норвежскіе и другіе купцы, покупали невольниковъ, мѣха, и возвращались въ отечество не прежде осени. Торговля наша столь уже славилась богатствомъ на Сѣверѣ, что Лѣтописцы сего времени обыкновенно называютъ Россію страною *изобильною всѣми благами*, omnibus bonis affluentem ([517]).

Вѣроятно, что Великіе Князья, слѣдуя примѣру Скандинавскихъ Владѣтелей, сами участвовали въ выгодахъ народной торговли для умноженія своихъ доходовъ. Государственная подать въ IX и X вѣкѣ состояла у насъ болѣе въ *вещахъ*, нежели въ *деньгахъ*. Изъ разныхъ областей Россіи ходили въ столицу обозы съ *медомъ* и *шкурами*, или съ оброкомъ Княжескимъ — что называлось: *возить повозъ*. Слѣдственно казна изобиловала *товарами* и могла отпускать ихъ въ чужія земли ([518]).

Россіяне, подобно Норманамъ, соединяли торговлю съ грабежемъ. Извѣстно, что они славились, морскими разбоями въ окрестностяхъ Меларскаго озера, и что желѣзныя цѣпи при Стокзундѣ (гдѣ нынѣ Стокгольмъ) не могли ихъ удерживать ([519]). Требованіе Грековъ въ договорѣ съ Игоремъ, чтобы всѣ мореходцы Россійскіе предъявляли отъ своего Князя письменное

свидѣтельство о мирномъ ихъ намѣреніи, имѣло безъ сомнѣнія важную причину: ту, кажется, что нѣкоторые Россіяне подъ видомъ купечества выѣзжали грабить на Черное море, а послѣ вмѣстѣ съ другими приходили свободно торговать въ Царьградъ. Надобно было отличить истинныхъ купцевъ отъ разбойниковъ.

Счастливыя войны и торговля Россіянъ, служивъ къ обогащенію народа, долженствовали, въ теченіе ста лѣтъ и болѣе, произвести нѣкоторую роскошь, прежде неизвѣстную. Узнавъ пышность Двора Константинопольскаго, Великіе Князья хотѣли подражать ему: не только сами они, но и супруги ихъ, дѣти, родственники имѣли своихъ особенныхъ придворныхъ чиновниковъ (520). Не рѣдко Послы Россійскіе,именемъ Государя, требовали въ даръ отъ Грековъ Царской одежды и вѣнцевъ: чего Императоры, желая отличаться отъ *варваровъ* хотя украшеніями драгоцѣнными, не любили давать имъ, увѣряя, что сіи порфиры и короны сдѣланы руками Ангеловъ и должны быть всегда хранимы въ Софійской церкви. Друзья Владиміра, обѣдая у Князя, ѣли *серебряными* ложками. Медъ, древнее любимое питіе всѣхъ народовъ Славянскихъ, былъ еще душею славныхъ пировъ его; но Кіевляне въ Олеговы времена уже имѣли вина Греческія и вкусные

Пышность и роскошь.

плоды теплыхъ климатовъ. Перецъ Индѣйскій служилъ приправою для ихъ трапезы изобильной. Богатые люди носили одежду шелковую и пурпуровую, драгоцѣнные поясы, сафьянные сапоги (521), и проч.

Города сего времени отвѣтствовали уже состоянію народа избыточнаго. Нѣмецкій Лѣтописецъ Дитмаръ, современникъ Владиміровъ, увѣряетъ, что въ Кіевѣ, *великомъ градѣ*, находилось тогда 400 церквей, созданныхъ усердіемъ новообращенныхъ Христіанъ, и восемь большихъ торговыхъ площадей. Адамъ Бременскій именуетъ оный *главнымъ украшеніемъ Россіи* и даже *вторымъ Константинополемъ* (522). Сей городъ до XI вѣка стоялъ весь на высокомъ берегу Днѣпровскомъ: мѣсто нынѣшняго Подола было въ Ольгино время еще залито водою (523). Смоленскъ, Черниговъ, Любечь имѣли сообщеніе съ Греціею. Императоръ Константинъ, несправедливо называя Новгородъ столицею Великаго Князя Святослава, даетъ по крайней мѣрѣ знать, что сей городъ былъ уже знаменитъ въ X вѣкѣ.

Состояніе городовъ.

Народъ торговый не можетъ обойтися безъ денегъ, или знаковъ, представляющихъ цѣну вещей. Но деньги не всегда бываютъ металломъ: донынѣ, вмѣсто ихъ, жители Мальдивскихъ острововъ употребляютъ раковины. Такъ и Славяне Россій-

Деньги.

іе цѣнили сперва вещи не монетами, а шку-
іми звѣрей, *куницъ* и бѣлокъ: слово *куны*
начало деньги. Скоро неудобность носить съ
бою цѣлыя шкуры для купли подала мысль
мѣнить оныя *мордками* и другими *лоскутками*,
ньими и бѣльими ([524]). Надобно думать, что
равительство клеймило ихъ, и что граждане
ачала обмѣнивали въ казнѣ сіи *лоскутки* на
ѣлыя кожи. Однакожь, зная цѣну серебра и
лота, предки наши издревле добывали ихъ
осредствомъ внѣшней торговли. Въ Олеговыхъ
ловіяхъ съ Имперіею сказано, что Грекъ,
даривъ мечемъ Россіянина, или Россіянинъ
река, обязывался платить за вину 5 литръ *се-*
бра. Россіяне брали также въ Царѣградѣ за
аждаго невольника Греческаго 20 *золотниковъ*,
е. Византійскихъ червонцевъ, *номисмъ* или
лидовъ ([525]). Нѣтъ сомнѣнія, что и внутри Го-
дарства ходило серебро въ монетахъ: Ради-
ичи вносили въ казну *щляги* или шиллинги,
езъ сомнѣнія полученные ими отъ Козаровъ ([526]).
днакожь мордки или куны долгое время оста-
ались еще въ употребленіи: ибо малое коли-
ество золота и серебра не было достаточно для
сѣхъ торговыхъ оборотовъ и платежей народ-
ыхъ. Именемъ *гривны* означалось извѣстное
исло *кунъ*, нѣкогда равное цѣною съ полуфун-
омъ серебра; но сіи лоскутки, не имѣя никакого
ущественнаго достоинства, въ теченіе времени
олѣе и болѣе унижались въ отношеніи къ ме-
алламъ, такъ, что въ XIII вѣкѣ гривна серебра

содержала въ себѣ уже семь гривенъ Новогородскими кунами ([527]).

Успѣхи разума.

Успѣхи разума и способностей его, необходимое слѣдствіе гражданскаго состоянія людей, были ускорены въ Россіи Христіанскою Вѣрою. Волхвы славились при Олегѣ гаданіемъ будущаго: вотъ древнѣйшіе мудрецы нашего отечества! Наука ихъ состояла или въ обманахъ или въ заблужденіяхъ. Народъ, погруженный въ невѣжество, считалъ дѣйствіемъ сверхъестественнаго знанія всякую догадку ума, всякое отмѣнно счастливое предпріятіе, и назвалъ Олега *вѣщимъ*, ибо сей великодушный, смѣлый Князь возвратился съ сокровищами изъ Константинополя. Любопытство, сродное человѣку, питалось историческими сказками и преданіями, украшенными вымысломъ. Въ сказкѣ о хитростяхъ Ольгиныхъ видимъ нѣкоторое остроуміе. Пословицы народныя: *погибоша аки Обри — бѣда аки въ Роднѣ — Пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ* ([528]), и конечно многія другія, хранили также память важныхъ случаевъ. Въ государственныхъ договорахъ Великихъ Князей находимъ выраженія, которыя даютъ намъ понятіе о тогдашнемъ красноречіи Россіянъ; на примѣръ: *доndеже солнце сіяетъ* и *міръ стоитъ — да не защитятся щиты своими — да будемъ золоти аки золото*, и проч. Краткая сильная

рѣчь Святославова есть достойный памятникъ сего Героя. Но времена Владиміровы были началомъ истиннаго народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Скандинавы въ IX вѣкѣ знали употребленіе Руническихъ буквъ; однакожь мы не имѣемъ никакихъ основательныхъ причинъ думать, чтобы они сообщили его и Россіянамъ. Руны, какъ мы выше замѣтили, недостаточны для выраженія многихъ звуковъ языка Славянскаго. Хотя Кирилловскія письмена могли быть извѣстны въ Россіи еще до временъ Владиміровыхъ (ибо самые первые Христіане Кіевскіе имѣли нужду въ книгахъ для церковнаго служенія), но число грамотныхъ людей было конечно не велико: Владиміръ умножилъ оное заведеніемъ народныхъ училищъ, чтобы доставить Церкви Пастырей и Священниковъ, разумѣющихъ книжное писаніе, и такимъ образомъ открылъ Россіянамъ путь къ наукѣ и свѣдѣніямъ, которыя посредствомъ грамоты изъ вѣка въ вѣкъ сообщаются . . . .

Здѣсь должно отвѣтствовать на вопросъ любопытный: какія Священныя книги были тогда употребляемы Христіанами Россійскими? тѣ ли самыя, коими донынѣ пользуется наша Церковь, или *инаго древнѣйшаго перевода?* Сличивъ рукописныя харатейныя Евангелія XII вѣка и разныя мѣста Св. Писанія, приводимыя Несторомъ въ лѣтописи, съ печатною Московскою или Кіевскою Библіею, всякой увѣрится, что Рос-

сіяне XI и XII столѣтія имѣли тотъ же переводъ ея ([529]). Мы знаемъ, что она нѣсколько разъ была исправляема: при Константинѣ, Волынскомъ Князѣ, въ XVI вѣкѣ; при Царѣ Алексіи Михайловичѣ, Петрѣ Великомъ и Елисаветѣ Петровнѣ; однакожь, не смотря на многократное исправленіе, состоящее единственно въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ словъ, сей переводъ сохранилъ, такъ сказать, свой начальный, особенный характеръ, и люди ученые справедливо признаютъ оный древнѣйшимъ памятникомъ языка Славянскаго ([530]). Библія Чешская или Богемская переведена съ Латинской Іеронимовой въ XIII и XIV вѣкѣ; Польская, Краинская, Лаузицкая, еще гораздо новѣе.

Слѣдуетъ другой вопросъ: когда же и гдѣ переведена наша Библія? при Великомъ ли Князѣ Владимірѣ, какъ сказано въ любопытномъ предисловіи Острожской печатной ([531]), или она есть безсмертный плодъ трудовъ Кирилла и Меѳодія? Второе гораздо вѣроятнѣе: ибо Несторъ, почти современникъ Владиміровъ, ко славѣ отечества не умолчалъ бы о новомъ Россійскомъ переводѣ ея; но сказавъ: *симъ бо первая преложены книгы* (т. е. Библія) *въ Моравѣ, яже прозвася грамота Словенская, еже грамота есть въ Руси* ([532]), онъ ясно даетъ знать, что Россійскіе Христіане пользовались трудомъ Кирилла и Меѳодія. Сіи два брата и помощники ихъ основали правила книжнаго языка Славянскаго на Греческой Грамматикѣ, обогатили его новыми вы-

женіями и словами, держась нарѣчія оей родины, Ѳессалоники, то есть Иллическаго или Сербскаго, въ коемъ и теpь видимъ сходство съ нашимъ Церковымъ. Впрочемъ, всѣ тогдашнія нарѣчія лженствовали менѣе нынѣшняго разться между собою, будучи гораздо ближе ь своему общему источнику, и предки ши тѣмъ удобнѣе могли просвоить себѣ оравскую Библію. Слогъ ея сдѣлался обзцемъ для новѣйшихъ книгъ Христіанихъ, и самъ Несторъ подражалъ ему; но усское особенное нарѣчіе сохранилось въ потребленіи, и съ того времени мы имѣли а языка, книжный и народный. Такимъ бразомъ изъясняется разность въ языкѣ лавянской Библіи и *Русской Правды* (изнной скоро послѣ Владиміра), Несторой лѣтописи и *Слова* о *Полку Игоревѣ*, о емъ будемъ говорить въ примѣчаніяхъ Россійскую Словесность XII вѣка.

Механическія и свободныя художества.

Нужнѣйшія Искусства механическія, равo какъ и Свободныя, были извѣстны древимъ Россіянамъ. И нынѣ селянинъ Русской дѣлаетъ собственными руками почти се необходимое для его хозяйства: въ тарину, когда люди менѣе сообщались другъ съ другомъ, они имѣли еще болѣе нужды въ сей промышленности. Мужъ обработывалъ землю, плотничалъ, строилъ; жена пряла, ткала, шила, и всякое семей-

ство представляло въ кругу своемъ дѣйствіе многихъ ремеслъ. Но основаніе городовъ, торговля, роскошь, мало по малу образовали людей особенно искусныхъ въ нѣкоторыхъ художествахъ: богатые требовали вещей сдѣланныхъ удобнѣе и лучше обыкновеннаго. Всѣ Нѣмецкіе Славяне торговали полотнами: Руссkіе издревле ткали холсты и сукна; умѣли также выдѣлывать кожи, и сіи ремесленники назывались *усмарями* (533). Народъ, составленный изъ воиновъ, хлѣбопашцевъ и звѣролововъ, безъ сомнѣнія пользовался искусствомъ ковать желѣзо: что утверждается самою Несторовою сказкою о мечахъ, будто бы предложенныхъ Кіевлянами въ дань Козарамъ. — Христіанская Вѣра способствовала дальнѣйшимъ успѣхамъ зодчества въ Россіи. Владиміръ началъ строить великолѣпныя церкви, и призвалъ художниковъ Греческихъ; однакожь и въ языческія времена были уже *каменныя* зданія въ столицѣ: на примѣръ, Ольгинъ теремъ. Стѣны и башни служили для городовъ не только защитою, но и самымъ украшеніемъ (534). Вѣроятно, что и тогдашнія деревенскія избы были подобны нынѣшнимъ; а горожане имѣли высокіе домы, и занимали обыкновенно верхнее жилье, оставляя низъ, можетъ быть, для погребовъ, кладовыхъ, и проч. *Клѣти*, или горницы, съ обѣихъ сторонъ дома раздѣлялись *помостомъ* или сѣньми; спальни назывались *одринами*. На дворахъ строились вышки для голубей: ибо Россіяне искони любили сихъ

тицъ (535). — Несторово описаніе Перуова истукана свидѣтельствуетъ о рѣзномъ плавильномъ искусствѣ нашихъ предковъ. Вѣроятно, что они знали и живопись, хотя грубую. Владиміръ украсилъ Греческими образами одну Десятинную церковь: иконы другихъ храмовъ были, какъ надобно думать, писаны въ Кіевѣ. Греческіе художники могли выучить Русскихъ. — Трубы воинскія, коихъ звукъ ободрялъ Героевъ Святославовыхъ въ жаркихъ битвахъ, доказываютъ древнюю любовь Россіянъ къ искусству мусикійскому.

Что касается собственно до нравовъ сего времени, то они представляютъ намъ смѣсь варварства съ добродушіемъ, свойственную Нравы. вѣкамъ невѣжества. Россіяне IX и X вѣка славились на войнѣ корыстолюбіемъ и свирѣпостію; но Императоры Византійскіе вѣрили имъ какъ честнымъ людямъ въ мирныхъ договорахъ, позволяя себѣ, кажется, обманывать ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ: ибо Несторъ называетъ Грековъ коварными (536). Мы видѣли грабежъ, убійства и злодѣянія внутри Государства: еще болѣе увидимъ ихъ; но чѣмъ же инымъ богата Исторія Европы въ среднихъ вѣкахъ? Одно просвѣщеніе долговременное смягчаетъ сердца людей: купѣль Христіанская, освятивъ душу Владиміра, не могла вдругъ очистить народныхъ нра-

вовъ. Онъ боялся, по человѣколюбію, казнить злодѣевъ, и злодѣйства умножились . . . . Государство, основанное на завоеваніяхъ, уже доказываетъ необыкновенную храбрость народа: она была добродѣтелію нашихъ предковъ, и слово любимаго вождя: *станемъ крѣпко, не посрамимъ земли Русскія*, вселяло въ нихъ рѣшительность побѣдить или умереть. Самыя жены ихъ не робѣли смерти въ битвахъ (537). — Дома, и въ мирное время, они любили веселиться: Владиміръ, желая казаться другомъ народа своего, давалъ ему пиры, и сказалъ Магометанскимъ Болгарамъ: *Руси есть веселіе пити* (538). Между достопамятными чертами древнихъ Русскихъ нравовъ замѣтимъ также отмѣнное уваженіе къ старцамъ: Владиміръ слушался ихъ совѣта; въ гражданскихъ Вѣчахъ они имѣли первенство (539). Наконецъ сей народъ, еще грубый, необразованный, умѣлъ любить своихъ добрыхъ Государей: плакалъ надъ тѣломъ Великаго Олега, мудрой Ольги, Св. Владиміра, и потомству своему оставилъ примѣръ благодарности, который дѣлаетъ честь имени Русскому.

КОНЕЦЪ I ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ I.

ГЛАВА I.

одахъ, издревле обитавшихъ въ Россіи.
о славянахъ вообще.

ГЛАВА II.

авянахъ и другихъ народахъ, составив-
шихъ государство россійское.

Стр.

ГЛАВА VI.

КНЯЗЬ ИГОРЬ.

Г. 912—945.

ГЛАВА VII.

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВЪ.

Г. 945—972.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛКЪ.

Г. 972—980.

ГЛАВА IX.

ИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ, НАЗВАННЫЙ ВЪ КРЕЩЕНІИ ВАСИЛІЕМЪ.

Г. 980—1014.

ГЛАВА X.

О СОСТОЯНІИ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ II.

ИСТОРІЯ

ОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.
1851.

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ II.

ГЛАВА I.

Великій Князь Святополкъ.

Г. 1015—1019.

…тополкъ похититель престола. Добродѣтель Бориса. Братоубійства. Безразсудная жестокость Ярославова. Великодушіе Новогородцевъ. Битва у Любеча. Союзъ Ярослава съ Императоромъ Нѣмецкимъ. Война съ Болеславомъ Храбрымъ. Битва на Бугѣ. Взятіе Кіева. Вторичное великодушіе Новогородцевъ. Вѣроломное избіеніе Поляковъ. Болеславъ оставляетъ Россію. Черная рѣка. Битва на Альтѣ. Бѣгство и смерть Святополка.

Владиміръ усыновилъ Святополка, однажь не любилъ его и, кажется, предви- Г. 1015.
…лъ въ немъ будущаго злодѣя. Современ…ій Лѣтописецъ Нѣмецкій, Дитмаръ, го…ритъ, что Святополкъ, Правитель Ту…ской области, женатый на дочери Поль…го Короля Болеслава, хотѣлъ, по нау…ію своего тестя, отложиться отъ Россіи,

и что Великій Князь, узнавъ о томъ, заключилъ въ темницу сего неблагодарнаго племянника, жену его и Нѣмецкаго Епископа Реинберна, который пріѣхалъ съ дочерью Болеслава (1). Владиміръ — можетъ быть, при концѣ жизни своей — простилъ Святополка: обрадованный смертію дяди и благодѣтеля, сей недостойный Князь спѣшилъ воспользоваться ею; созвалъ гражданъ, объявилъ себя Государемъ Кіевскимъ и роздалъ имъ множество сокровищъ изъ казны Владиміровой. Граждане брали дары, но съ печальнымъ сердцемъ: ибо друзья и братья ихъ находились въ походѣ съ Княземъ Борисомъ, любезнымъ отцу и народу. Уже Борисъ, нигдѣ не встрѣтивъ Печенѣговъ, возвращался съ войскомъ и стоялъ на берегу рѣки Альты (2): тамъ принесли ему вѣсть о кончинѣ родителя, и добродѣтельный сынъ занимался единственно своею искреннею горестію. Товарищи побѣдъ Владиміровыхъ говорили ему: «Князь! съ тобою дружина «и воины отца твоего; поди въ Кіевъ и «будь Государемъ Россіи!» Борисъ отвѣтствовалъ: «могу ли поднять руку на брата «старѣйшаго? Онъ долженъ быть мнѣ вто«рымъ отцемъ.» Сія нѣжная чувствительность казалась воинамъ малодушіемъ: оставивъ Князя мягкосердечнаго, они пошли къ тому, кто властолюбіемъ своимъ заслу-

Святополкъ похититель престола.

Добродѣтель Бориса.

живалъ въ ихъ глазахъ право властвовать.

Но Святополкъ имѣлъ только дерзость злодѣя. Онъ послалъ увѣрить Бориса въ любви своей, обѣщая дать ему новыя владѣнія, и въ то же время пріѣхавъ ночью въ Вышегородъ, собралъ тамошнихъ Бояръ на совѣтъ (3). «Хотите ли доказать мнѣ «вѣрность свою?» спросилъ новый Государь. Бояре отвѣтствовали, что они рады положить за него свои головы. Святополкъ требовалъ отъ нихъ головы Бориса, и сіи недостойные взялись услужить Князю злодѣяніемъ. Юный Борисъ, окруженный единственно малочисленными слугами, былъ еще въ станѣ на рѣкѣ Альтѣ. Убійцы ночью приблизились къ шатру его, и слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борисъ, увѣдомленный о зломъ намѣреніи брата, изливалъ предъ Всевышнимъ сердце свое въ святыхъ пѣсняхъ Давидовыхъ. Онъ уже зналъ, что убійцы стоятъ за шатромъ, и съ новымъ жаромъ молился . . . за Святополка (4); наконецъ, успокоивъ душу Небесною Вѣрою, легъ на одръ, и съ твердостію ожидалъ смерти. Его молчаніе возвратило смѣлость злодѣямъ: они вломились въ шатеръ и копьями пронзили Бориса, также вѣрнаго Отрока его, который хотѣлъ собственнымъ тѣломъ защитить Государя и друга. Братоубійства.

Сей юный воинъ, именемъ Георгій, родомъ изъ Венгріи, былъ сердечно любимъ Княземъ своимъ, и въ знакъ его милости носилъ на шеѣ золотую гривну: корыстолюбивые убійцы не могли ее снять, и для того отрубили ему голову. Они умертвили и другихъ Княжескихъ Отроковъ, которые не хотѣли спасаться бѣгствомъ, но всѣ легли на мѣстѣ (5). Тѣло Борисово завернули въ наметъ и повезли къ Святополку. Узнавъ, что братъ его еще дышитъ, онъ велѣлъ двумъ Варягамъ довершить злодѣяніе: одинъ изъ нихъ вонзилъ мечь въ сердце умирающему.... Сей несчастный юноша, стройный, величественный, плѣнялъ всѣхъ красотою и любезностію, имѣлъ взоръ пріятный и веселый; отличался храбростію въ битвахъ и мудростію въ совѣтахъ. — Лѣтописецъ хотѣлъ предать будущимъ вѣкамъ имена главныхъ убійцъ и называетъ ихъ: Путша, Талецъ, Еловичъ, Ляшко. Въ Несторово время они были еще въ свѣжей памяти и предметомъ общаго омерзѣнія. Святополкъ безъ сомнѣнія наградилъ сихъ людей, ибо имѣлъ еще нужду въ злодѣяхъ.

Онъ немедленно отправилъ гонца къ Муромскому Князю Глѣбу, сказать ему, что Владиміръ боленъ и желаетъ видѣть его. Глѣбъ, обманутый сею ложною вѣстію, съ малочисленною дружиною спѣшилъ въ Кіевъ. Дорогою онъ упалъ съ лошади и повредилъ себѣ ногу (6); однакожь не хотѣлъ остановиться и продолжалъ свой путь отъ Смоленска водою. Близъ сего го-

да настигъ его посланный отъ Ярослава,
нязя Новогородскаго, съ увѣдомленіемъ
смерти Владиміровой и гнусномъ ковар-
вѣ Святополка; но въ то самое время,
гда Глѣбъ чувствительный, набожный
добно Борису, оплакивалъ отца и люби-
го брата, въ усердныхъ молитвахъ по-
ряя Небу горесть свою, явились воору-
енные убійцы и схватили его ладію. Дру-
ина Муромская оробѣла: Горясѣръ, на-
альникъ злодѣевъ, велѣлъ умертвить
нязя и собственный поваръ Глѣбовъ, име-
емъ Торчинъ, желая угодить Святополку,
рѣзалъ своего несчастнаго Государя.
рупъ его лежалъ нѣсколько времени на
регу, между двумя колодами, и былъ на-
онецъ погребенъ въ Вышегородской цер-
и Св. Василія, вмѣстѣ съ тѣломъ Бориса.
Еще Святополкъ не насытился кровію
ратьевъ. Древлянскій Князь Святославъ,
редвидя его намѣреніе овладѣть всею Рос-
ею, и будучи не въ силахъ ему сопротив-
ться, хотѣлъ уйти въ Венгрію; но слуги
вятополковы догнали его близъ горъ Кар-
атскихъ и лишили жизни. — Братоубійца
оржествовалъ злодѣянія свои, какъ слав-
ыя и счастливыя дѣла: собиралъ граж-
анъ Кіевскихъ, дарилъ имъ деньги, одеж-
, и надѣялся щедростію пріобрѣсти лю-
овь народную (7).
Скоро нашелся мститель: Ярославъ, силь-

Безразсудная жестокость Ярослава.

нѣйшій изъ Князей Удѣльныхъ, возсталъ на изверга; но собственною безразсудною жестокостію едва не отнялъ у себя возможности наказать его. Варяги, призванные Ярославомъ въ Новгородъ, дерзкіе, неистовые, ежедневно оскорбляли мирныхъ гражданъ и цѣломудріе женъ ихъ. Не видя защиты отъ Князя пристрастнаго къ иноземцамъ, Новогородцы вышли изъ терпѣнія и побили великое число Варяговъ. Ярославъ утаилъ гнѣвъ свой, выѣхалъ въ загородный дворецъ, на Ракому, и велѣлъ, съ притворною ласкою, звать къ себѣ именитыхъ Новогородцевъ, виновниковъ сего убійства. Они явились безъ оружія, думая оправдаться предъ своимъ Княземъ; но Князь не устыдился быть вѣроломнымъ, и предалъ ихъ смерти. Въ ту же самую ночь получилъ онъ извѣстіе изъ Кіева отъ сестры своей Передславы, о кончинѣ отца и злодѣйствѣ брата; ужаснулся, и не зналъ, что дѣлать. Одно усердіе Новогородцевъ могло спасти его отъ участи Борисовой; но кровь ихъ дѣтей и братьевъ еще дымилась на дворѣ Княжескомъ . . . . Не видя лучшаго средства, Ярославъ прибѣгнулъ къ великодушію оскорбленнаго имъ народа, собралъ гражданъ на Вѣче, и сказалъ: «вчера умертвилъ я безразсудный вѣрныхъ «слугъ своихъ; теперь хотѣлъ бы купить «ихъ всѣмъ золотомъ казны моей . . . »

родъ безмолвствовалъ. Ярославъ отеръ
зы и продолжалъ: «Друзья! отецъ мой Велико-
кончался, Святополкъ овладѣлъ престо- душіе
мъ его и хочетъ погубить братьевъ.» Ново-
гда добрые Новогородцы, забывъ все, город-
нодушно отвѣтствовали ему: «Государь! цевъ.
ı убилъ собственныхъ нашихъ братьевъ,
) мы готовы итти на враговъ твоихъ.»—
ославъ еще болѣе воспламенилъ ихъ
рдіе извѣстіемъ о новыхъ убійствахъ
ятополковыхъ; набралъ 40,000 Россіянъ,
00 Варяговъ, и сказавъ: *да скончается*
оба нечестиваго (8)! выступилъ въ поле.
Святополкъ, узнавъ о томъ, собралъ
кже многочисленное войско, призвалъ г. 1016.
ченѣговъ, и на берегахъ Днѣпра, у Лю-
за, сошелся съ Ярославомъ. Долго стоя-
они другъ противъ друга безъ всякаго
йствія, не смѣя въ виду непріятеля пе-
правляться чрезъ глубокую рѣку, кото-
я была между ими. Уже наступила
снь .... Наконецъ Воевода Святопол-
въ обидными и грубыми насмѣшками
велъ Новогородцевъ изъ терпѣнія. Онъ
дилъ берегомъ и кричалъ имъ: «Зачѣмъ
ы пришли сюда съ *хромымъ* Княземъ
воимъ?» (ибо Ярославъ имѣлъ отъ при-
ды сей недостатокъ.) «Ваше дѣло *плот-*
ичать, а не сражаться.» *Завтра*, сказали
ины Новогородскіе, *мы будемъ на другой*
оронѣ Днѣпра; а кто не захочетъ итти

съ нами, того убьемъ какъ измѣнника. Одинъ изъ Вельможъ Святополковыхъ былъ въ согласіи съ Ярославомъ, и ручался ему за успѣхъ ночнаго, быстраго нападенія. Между тѣмъ какъ Святополкъ, ни мало не опасаясь враговъ, пилъ съ дружиною, воины Князя Новогородскаго до свѣта

Битва у Любеча.

переѣхали чрезъ Днѣпръ, оттолкнули лодки отъ берега, желая побѣдить или умереть, и напали на безпечныхъ Кіевлянъ, обвязавъ себѣ головы платками, чтобы различать своихъ и непріятелей. Святополкъ оборонялся храбро; но Печенѣги, отдѣленные отъ его стана озеромъ, не могли приспѣть къ нему во-время. Дружина Кіевская, чтобы соединиться съ ними, вступила на тонкій ледъ сего озера, и вся обрушилась. Ярославъ побѣдилъ, а Святополкъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Первый вошелъ съ торжествомъ въ Кіевъ; наградилъ щедро своихъ мужественныхъ воиновъ — давъ каждому чиновнику и Новогородцу 10 гривенъ, а другимъ по гривнѣ — и надѣясь княжить мирно, отпустилъ ихъ въ домы [9].

Но Святополкъ еще не думалъ уступить ему престола, окровавленнаго тремя братоубійствами, и прибѣгнулъ къ защитѣ Болеслава. Сей Король, справедливо названный

г. 1017.

Храбрымъ, былъ готовъ отмстить за своего зятя и желалъ возвратить Польшѣ города

рвенскіе, отнятые Владиміромъ у Мечи-
ава: имѣя тогда войну съ Генрикомъ II,
мператоромъ Нѣмецкимъ, онъ хотѣлъ
нчить оную, чтобы тѣмъ свободнѣе дѣй-
вовать противъ Россіи. Епископъ Мер-
бургскій, Дитмаръ, лично знакомый съ
нрикомъ II, говоритъ въ своей лѣто-
си, что Императоръ вошелъ въ сноше-
съ Ярославомъ, убѣждая его предупре-
ть *общаго* ихъ врага, и что Князь Рос-
скій, давъ ему слово быть союзникомъ,
адилъ Польскій городъ, но болѣе не при-
нилъ никакого вреда Болеславу (10).

Союзъ Ярослава съ Императоромъ Нѣмецкимъ.

Война съ Болеславомъ Храбрымъ.

Такимъ образомъ Ярославъ худо вос-
льзовался благопріятными обстоятель-
вами: началъ сію бѣдственную войну, не
бравъ, кажется, достаточныхъ силъ для
раженія столь опаснаго непріятеля, и
ть ему время заключить миръ съ Генри-
мъ. Императоръ, тѣснимый съ разныхъ
оронъ, согласился на условія, предло-
нныя гордымъ побѣдителемъ, и недо-
льный слабою помощію Россіянъ, ста-
ся даже утвердить Короля въ его не-
висти къ Великому Князю. Болеславъ,
иливъ свое опытное войско союзниками
наемниками, Нѣмцами, Венграми, Пе-
нѣгами — вѣроятно, Молдавскими —
сположился станомъ на берегахъ рѣки г. 1017.
га.

За нѣсколько мѣсяцевъ до того времени

страшный пожаръ обратилъ въ пепелъ большую часть Кіева ([11]): Ярославъ, озабоченный, можетъ быть, стараніемъ утѣшить жителей и загладить слѣды сего несчастія, едва успѣлъ изготовиться къ оборонѣ. Польскіе Историки пишутъ, что онъ никакъ не ожидалъ Болеславова нападенія и безпечно удилъ рыбу въ Днѣпрѣ, когда гонецъ привезъ ему вѣсть о сей опасности; что Князь Россійскій въ ту же минуту бросилъ уду на землю, и сказавъ: *не время думать о забавѣ; время спасать отечество*, вышелъ въ поле, съ Варягами и Россіянами ([12]). Король стоялъ на одной сторонѣ Буга, Ярославъ на другой; первый велѣлъ наводить мосты, а вторый ожидалъ битвы съ нетерпѣніемъ — и часъ ея насталъ скорѣе, нежели онъ думалъ. Воевода и пѣстунъ Ярославовъ, *Будый*, вздумалъ, стоя за рѣкою, шутить надъ тучностію Болеслава и хвалился проткнуть ему брюхо острымъ копьемъ своимъ ([13]). Король Польскій въ самомъ дѣлѣ едва могъ двигаться отъ необыкновенной толщины, но имѣлъ духъ пылкій и бодрость Героя. Оскорбленный сею дерзостію, онъ сказалъ воинамъ: «отмстимъ, или я погибну!» сѣлъ на коня и бросился въ рѣку; за нимъ всѣ воины. Изумленные такимъ скорымъ нападеніемъ, Россіяне были приведены въ безпорядокъ. Ярославъ уступилъ по-

Битва на Бугѣ.

бѣду храброму непріятелю, и только съ четырмя воинами ушелъ въ Новгородъ. Южные города Россійскіе, оставленные безъ защиты, не смѣли противиться и высылали дары побѣдителю. Одинъ изъ нихъ не сдавался: Король, взявъ крѣпость приступомъ, осудилъ жителей на рабство или вѣчный плѣнъ (14). Лучше другихъ укрѣпленный, Кіевъ хотѣлъ обороняться: Болеславъ осадилъ его. Наконецъ утѣсненные граждане отворили ворота — и Епископъ Кіевскій, провождаемый Духовенствомъ, въ ризахъ служебныхъ, съ крестами встрѣтилъ Болеслава и Святополка (15), которые 14 Августа въѣхали торжествуя въ нашу столицу, гдѣ были сестры Ярославовы. Народъ снова призналъ Святополка Государемъ, а Болеславъ удовольствовался именемъ великодушнаго покровителя и славою храбрости. Дитмаръ повѣствуетъ, что Король тогда же отправилъ Кіевскаго Епископа къ Ярославу, съ предложеніемъ возвратить ему сестеръ, ежели онъ пришлетъ къ нему дочь его, жену Святополкову (вѣроятно, заключенную въ Новогородской или другой сѣверной области).

Взятіе Кіева.

Ярославъ, устрашенный могуществомъ Короля Польскаго и злобою брата, думалъ уже, подобно отцу своему, бѣжать за море къ Варягамъ; но великодушіе Новгород-

Вторичное великодушіе Новогородцевъ.

цевъ спасло его отъ сего несчастія и стыда. Посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрыни славнаго, и граждане знаменитые, изрубивъ лодки, приготовленныя для Князя, сказали ему: «Государь! мы хотимъ и можемъ еще противиться Болеславу. У тебя «нѣтъ казны: возьми все, что имѣемъ.» Они собрали съ каждаго человѣка по четыре куны, съ Бояръ по осьмнадцати гривенъ, съ городскихъ чиновниковъ или Старостъ по десяти; немедленно призвали корыстолюбивыхъ Варяговъ на помощь и сами вооружились (16).

Вѣроломное избіеніе Поляковъ.

Вѣроломство Святополково не допустило Новгородцевъ отмстить Болеславу. Покоривъ южную Россію зятю своему, Король отправилъ назадъ союзное войско и развелъ собственное по городамъ Кіевской области, для отдохновенія и продовольствія. Злодѣи не знаютъ благодарности: Святополкъ, боясь долговременной опеки тестя, и желая скорѣе воспользоваться независимостію, тайно велѣлъ градоначальникамъ умертвить всѣхъ Поляковъ, которые думали, что они живутъ съ друзьями и не брали никакихъ предосторожностей (17). Злая воля его исполнилась, къ безславію имени Русскаго. Вѣроятно, что онъ и самому Болеславу готовилъ такую же участь

Болеславъ

въ Кіевѣ; но сей Государь свѣдалъ о заговорѣ и вышелъ изъ столицы, взявъ съ со-

бою многихъ Бояръ Россійскихъ и сестеръ Ярославовыхъ. Дитмаръ говоритъ — и нашъ Лѣтописецъ подтверждаетъ — что Болеславъ принудилъ одну изъ нихъ быть своею наложницею — именно Передславу, за которую онъ нѣкогда сватался, и получивъ отказъ, хотѣлъ насладиться гнусною местію. Хитрый Анастасъ, бывъ прежде любимцемъ Владиміровымъ, умѣлъ снискать и довѣренность Короля Польскаго; сдѣлался хранителемъ его казны, и выѣхалъ съ нею изъ Кіева: измѣнивъ первому отечеству, измѣнилъ и второму для своей личной корысти. — Польскіе Историки увѣряютъ, что многочисленное войско Россіянъ гналось за Болеславомъ; что онъ вторично разбилъ ихъ на Бугѣ, и что сія рѣка, два раза несчастная для нашихъ предковъ, съ того времени названа ими *Черною* (18) . . . . Болеславъ оставилъ Россію, но удержалъ за собою города Червенскіе въ Галиціи, и великія сокровища, вывезенныя имъ изъ Кіева, отчасти роздалъ войску, отчасти употребилъ на строеніе церквей въ своемъ Королевствѣ.

оставляетъ Россію.

Черная рѣка.

Святополкъ, злодѣйствомъ избавивъ Россію отъ Поляковъ, услужилъ врагу своему. Уже Ярославъ шелъ къ Кіеву . . . . . Не имѣя сильнаго войска, ни любви подданныхъ, которая спасаетъ Монарха во дни опасностей и бѣдствій, Святополкъ бѣ-

жалъ изъ отечества къ Печенѣгамъ, требовать ихъ помощи. Сіи разбойники, всегда готовые опустошать Россію, вступили въ ея предѣлы и приблизились къ берегамъ Альты. Тамъ увидѣли они полки Россійскіе. Ярославъ стоялъ на мѣстѣ обагренномъ кровію Святаго Бориса. Умиленный симъ печальнымъ воспоминаніемъ, онъ воздѣлъ руки на небо, молился, и сказавъ: *кровь невиннаго брата моего вопіетъ ко Всевышнему*, далъ знакъ битвы. Восходящее солнце озарило на поляхъ Альты сраженіе двухъ многочисленныхъ воинствъ, сраженіе упорное и жестокое: никогда, говоритъ Лѣтописецъ, не бывало подобнаго въ нашемъ отечествѣ. Вѣрная дружина Новогородская хотѣла лучше умереть за Ярослава, нежели покориться злобному брату его. Три раза возобновлялась битва: непріятели въ остервененіи своемъ хватали другъ друга за руки и сѣклись мечами. Къ вечеру Святополкъ обратился въ бѣгство. Терзаемый тоскою, сей извергъ впалъ въ разслабленіе и не могъ сидѣть на конѣ. Воины *принесли* его къ Бресту, городу Туровскаго Княженія (19); онъ велѣлъ имъ итти далѣе за границу. Гонимый Небеснымъ гнѣвомъ, Святополкъ въ помраченіи ума видѣлъ безпрестанно грозныхъ непріятелей за собою и трепеталъ отъ ужаса; не дерзнулъ вторично прибѣгнуть къ велико-

Г. 1019. Битва на Альтѣ.

Бѣгство и смерть Святополка.

душію Болеслава; миновалъ Польшу и кончилъ гнусную жизнь свою въ пустыняхъ Богемскихъ, заслуживъ проклятіе современниковъ и потомства. Имя *окаяннаго* осталось въ лѣтописяхъ неразлучно съ именемъ сего несчастнаго Князя: ибо злодѣйство есть несчастіе.

ГЛАВА II.

Великій Князь Ярославъ или Георгій.

Г. 1019—1054.

Война съ Полоцкимъ Княземъ. Побѣды Мстиславовы. Паденіе Козарской Державы. Голодъ въ Суздалѣ. Битва у Листвена. Миръ. Основаніе Юрьева или Дерпта. Завоеванія въ Польшѣ. Смерть Мстислава. Единовластіе. Судиславъ заключенъ. Новые Удѣлы. Побѣда надъ Печенѣгами. Каменныя стѣны и Соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ. Митрополитъ. Строеніе монастырей. Любовь Ярослава къ книгамъ. Война съ Ятвягами, Литвою, Мазовшанами, Ямью. Походъ на Грековъ. Древнее предсказаніе. Брачные союзы. Митрополитъ Россіянинъ. Наставленіе и кончина Ярослава. Гробъ его. Свойства сего Князя. Крещеніе костей. Первое народное училище. Кіевъ вторый Царьградъ. Монета Ярославова. Демественное пѣніе. Россія убѣжище изгнанниковъ. Сѣверныя владѣнія Россіи. Законы.

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ и, по словамъ лѣтописи, *отеръ потъ* съ мужественною дружиною, трудами и побѣдою заслуживъ санъ Великаго

Князя Россійскаго ([20]). Но бѣдствія войны междоусобной еще не прекратились.

г. 1021. Война съ Полоцкимъ Княземъ. Въ Полоцкѣ княжилъ тогда Брячиславъ, сынъ Изяславовъ и внукъ Владиміра. Сей юноша хотѣлъ смѣлымъ подвигомъ утвердить свою независимость: взялъ Новгородъ, ограбилъ жителей, и со множествомъ плѣнныхъ возвращался въ свое Удѣльное Княженіе. Но Ярославъ, выступивъ изъ Кіева, встрѣтилъ и разбилъ его на берегахъ рѣки Судомы, въ нынѣшней Псковской Губерніи ([21]). Плѣнники Новогородскіе были освобождены, а Брячиславъ ушелъ въ Полоцкъ, и, какъ вѣроятно, примирился съ Великимъ Княземъ: ибо Ярославъ оставилъ его въ покоѣ. — О сей войнѣ упоминаютъ древнія Исландскія *Саги*. Варяги или Норманы, служившіе тогда нашимъ Князьямъ, разсказывали, возвратясь въ отечество, слѣдующія обстоятельства, достойныя замѣчанія, хотя, можетъ быть, *отчасти* и баснословныя: «Храбрый витязь Эймундъ, «сынъ Короля Гейдмаркскаго, оказалъ ве-«ликія услуги Ярославу въ продолженіе «трехлѣтней войны съ Кіевскимъ Госуда-«ремъ (Святополкомъ); наконецъ, взявъ «сторону Брячислава, еще болѣе удивилъ «Россіянъ своимъ мужествомъ и хитро-«стію. Сей витязь засѣлъ съ товарищами «въ одномъ мѣстѣ, гдѣ надлежало ѣхать «супругѣ Ярославовой: убилъ подъ нею

«коня и привезъ ее къ Брячиславу, осты-«дивъ многочисленныхъ воиновъ, окру-«жавшихъ Великую Княгиню. Брячиславъ, «заключивъ миръ съ братомъ, награ-«дилъ Эймунда цѣлою областію [22].» — Скоро опаснѣйшій непріятель возсталъ на Ярослава.

Мы знаемъ, что Владиміръ отдалъ Воспорскую или Тмуторокапскую область въ Удѣлъ сыну своему Мстиславу. Сей Князь, рожденный быть Героемъ, хотѣлъ войны и побѣды: Императоръ Греческій предложилъ ему уничтожить Державу Каганову въ Тавридѣ. Искавъ дружбы Козаровъ идолопоклонниковъ, но сильныхъ, Греки искали ихъ погибели, когда они приняли Вѣру Христіанскую, но утратили свое могущество. Андроникъ, Вождь Императорскій, въ 1016 году присталъ къ берегамъ Тавриды, соединился съ войскомъ Мстислава, и въ самомъ первомъ сраженіи плѣнилъ Кагана, именемъ Георгія Цула [23]. Греки овладѣли Тавридою, удовольствовавъ Мстислава одною благодарностію или золотомъ. — Такимъ образомъ пала Козарская Держава въ Европѣ; но въ Азіи, на берегахъ Каспійскаго моря, она существовала, кажется, до самаго XII вѣка, и въ 1140 году Левитъ Еврейскій, Равви Іегуда, писалъ еще похвальное слово Монарху ея, своему единовѣрцу [24]. Съ одной стороны

Побѣды Мстиславовы.

Паденіе Козарской Державы.

Аскольдъ, Диръ, Олегъ, отецъ и сынъ Св. Владиміра; а съ другой Узы, Печенѣги, Команы, Ясы ослабили, сокрушили сіе нѣкогда знаменитое Царство, которое отъ устья Волжскаго простиралось до Чернаго моря, Днѣпра и береговъ Оки. — Чрезъ
г. 1022. нѣсколько лѣтъ Мстиславъ объявилъ войну Касогамъ или нынѣшнимъ Черкесамъ, восточнымъ сосѣдямъ его области. Князь ихъ Редедя, сильный великанъ, хотѣлъ, слѣдуя обычаю тогдашнихъ временъ богатырскихъ, рѣшить побѣду единоборствомъ. «Начто губить дружину?» сказалъ онъ Мстиславу: «одолѣй меня, и возьми «все, что имѣю: жену, дѣтей и страну «мою.» Мстиславъ, бросивъ оружіе на землю, схватился съ великаномъ. Силы Князя Россійскаго начали изнемогать: онъ призвалъ въ помощь Богородицу — низвергнулъ врага и зарѣзалъ его ножемъ. Война кончилась: Мстиславъ вступилъ въ область Редеди, взялъ семейство Княжеское и наложилъ дань на подданныхъ (25).

Увѣренный въ своемъ воинскомъ сча-
г. 1023. стіи, сей Князь не захотѣлъ уже довольствоваться областію Тмутороканскою, которая, будучи отдалена отъ Россіи, могла казаться ему печальною ссылкою: онъ собралъ подвластныхъ ему Козаровъ, Черкесовъ или Касоговъ, и пошелъ къ берегамъ Днѣпровскимъ. Ярослава не было въ сто-

лицѣ. Кіевскіе граждане затворились въ стѣнахъ и не пустили брата его; но Черниговъ, менѣе укрѣпленный, принялъ Мстислава. — Великій Князь усмирялъ тогда народный мятежъ въ Суздалѣ ([26]). Голодъ свирѣпствовалъ въ сей области, и суевѣрные, приписывая оный злому чародѣйству, безжалостно убивали нѣкоторыхъ старыхъ женъ, мнимыхъ волшебницъ. Ярославъ наказалъ виновниковъ мятежа, однихъ смертію, другихъ ссылкою, объявивъ народу, что не волшебники, но Богъ караетъ людей гладомъ и моромъ за грѣхи ихъ, и что смертный въ бѣдствіяхъ своихъ долженъ только умолять благость Всевышняго. Между тѣмъ жители искали помощи въ изобильной странѣ Казанскихъ Болгаровъ, и Волгою привезли оттуда множество хлѣба. Голодъ миновался. Возстановивъ порядокъ въ землѣ Суздальской, Великій Князь спѣшилъ въ Новгородъ, чтобы взять мѣры противъ властолюбиваго брата. Голодъ въ Суздалѣ.

Знаменитый Варягъ Якунъ пришелъ на помощь Ярославу ([27]). Сей витязь Скандинавскій носилъ на больныхъ глазахъ шитую золотомъ *луду* или повязку; едва могъ видѣть, но еще любилъ войну и битвы. Великій Князь вступилъ въ область Черниговскую. Мстиславъ ожидалъ его у Листвена, на берегу Руды; ночью изготовилъ войско къ сраженію; поставилъ Сѣверянъ Битва у Листвена.

или Черниговцевъ въ срединѣ, а любимую дружину свою на правомъ и лѣвомъ крылѣ. Небо покрылось густыми тучами — и въ то самое время, когда ударилъ громъ и зашумѣлъ сильный дождь, сей отважный Князь напалъ на Ярослава. Варяги стояли мужественно противъ Сѣверянъ: казалось, что ужасъ ночи, буря, гроза, тѣмъ болѣе остервеняли воиновъ; при свѣтѣ молніи, говоритъ Лѣтописецъ, страшно блистало оружіе. Храбрость, искусство и счастіе Мстислава рѣшили побѣду: Варяги, утомленные битвою съ Черниговцами, смятые пылкимъ нападеніемъ его дружины, отступили. Вождь ихъ, Якунъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ Ярославомъ въ Новгородъ, оставивъ на мѣстѣ сраженія златую *луду* свою. На другой день Мстиславъ, осматривая убитыхъ, сказалъ: «мнѣ ли не радоваться? здѣсь лежитъ Сѣверянинъ, тамъ Варягъ; а собственная моя дружина цѣла.» Слово недостойное добраго Князя: ибо Черниговцы, усердно пожертвовавъ ему жизнію, стоили по крайней мѣрѣ его сожалѣнія.

Миръ. Но Мстиславъ изъявилъ рѣдкое великодушіе въ разсужденіи брата, давъ ему знать, чтобы онъ безопасно шелъ въ Кіевъ и господствовалъ, какъ старшій сынъ Великаго Владиміра, надъ всею правою стороною Днѣпра. Ярославъ боялся вѣрить ему; правилъ Кіевомъ чрезъ своихъ На-

мѣстниковъ и собиралъ войско. Наконецъ сіи два брата съѣхались у Городца, подъ Кіевомъ ([28]); заключили искренній союзъ и раздѣлили Государство: Ярославъ взялъ западную часть его, а Мстиславъ восточную; Днѣпръ служилъ границею между ими, и Россія, десять лѣтъ терзаемая внутренними и внѣшними непріятелями, совершенно успокоилась. г. 1026.

Вся Ливонія платила дань Владиміру: междоусобіе дѣтей его возвратило ей независимость. Ярославъ въ 1030 году снова покорилъ Чудь, основалъ городъ Юрьевъ, или нынѣшній Дерптъ, и собирая дань съ жителей, не хотѣлъ насильно обращать ихъ въ Христіанство: благоразуміе достохвальное, служившее примѣромъ для всѣхъ Князей Россійскихъ! Пользуясь свободою Вѣры, древняя Ливонія имѣла и собственныхъ гражданскихъ начальниковъ, о коихъ, согласно съ преданіемъ, пишутъ, что они были вмѣстѣ и судіи и палачи, то есть, обвинивъ преступника, сами отсѣкали ему голову ([29]). — Однакожь, не смотря на умѣренность Россіянъ и на легкость ига, возлагаемаго ими на данниковъ, Чудь и Латыши, какъ увидимъ, не рѣдко старались свергнуть оное, и не щадили крови своей для пріобрѣтенія вольности совершенной. г. 1030. Основаніе Юрьева или Дерпта.

Въ Польшѣ царствовалъ тогда Мечиславъ, малодушный сынъ и наслѣдникъ Завоеванія

въ Польшѣ. Великаго Болеслава. Пользуясь слабостію сего Короля и внутренними неустройствами земли его, Ярославъ взялъ Бельзъ; въ г. 1031. слѣдующій годъ, соединясь съ мужественнымъ братомъ своимъ, овладѣлъ снова всѣми городами Червенскими; входилъ въ самую Польшу, вывелъ оттуда множество г. 1032. плѣнниковъ, и населивъ ими берега Роси, заложилъ тамъ города или крѣпости (30).

Искреннее согласіе двухъ Государей Россійскихъ продолжалось до смерти одного г. 1036. Смерть Мстислава. изъ нихъ (31). Мстиславъ, выѣхавъ на ловлю, вдругъ занемогъ и скончался. Сей Князь, прозванный *Удалымъ*, не испыталъ превратностей воинскаго счастія: сражаясь, всегда побѣждалъ; ужасный для враговъ, славился милостію къ народу и любовію къ вѣрной дружинѣ; веселился и пировалъ съ нею подобно великому отцу своему, слѣдуя его правилу, что Государь не златомъ наживаетъ витязей, а съ витязями злато. Онъ поднялъ мечь на брата, но загладилъ сію жестокость, свойственную тогдашнему вѣку, великодушнымъ миромъ съ побѣжденнымъ, и Россія обязана была десятилѣтнею внутреннею тишиною счастливому ихъ союзу, истинно братскому. — Памятникомъ Мстиславовой набожности остался каменный храмъ Богоматери въ Тмутороканѣ, созданный имъ въ знакъ благодарности за одержанную надъ Касож-

скимъ великаномъ побѣду, и церковь Спаса въ Черниговѣ, заложенная при семъ Князѣ: тамъ хранились и кости его въ Несторово время. Мстиславъ, по словамъ лѣтописи, былъ *черменъ лицемъ и дебелъ тѣломъ;* имѣлъ также необыкновенно большіе глаза. Онъ не оставилъ наслѣдниковъ: единственный его сынъ, Евстафій, умеръ еще за три года до кончины родителя.

Ярославъ сдѣлался Монархомъ всей Россіи и началъ властвовать отъ береговъ моря Бальтійскаго до Азіи, Венгріи и Дакіи. Единовластіе. Изъ прежнихъ Удѣльныхъ Князей оставался одинъ Брячиславъ Полоцкій: вѣроятно, что онъ зависѣлъ отъ своего дяди какъ Государя Самодержавнаго. О дѣтяхъ Владиміровыхъ, Всеволодѣ (32), Станиславѣ, Позвиздѣ, Лѣтописецъ не упоминаетъ болѣе, сказывая только, что Великій Князь, обманутый клеветниками, заключилъ во Псковѣ Судислава, меньшаго своего брата, который, можетъ быть, княжилъ въ семъ городѣ. Судиславъ заключенъ.

Но Ярославъ ожидалъ только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть Государство бѣдствіямъ Удѣльнаго Правленія. Женатый на Ингигердѣ или Аннѣ, дочери Шведскаго Короля Олофа — которая получила отъ него въ вѣно городъ Альдейгабургъ или Старую Ладогу (33) — онъ былъ уже отцемъ многочисленнаго семейства.

Новые удѣлы. Какъ скоро большому сыну его, Владиміру, исполнилось шестнадцать лѣтъ, Великій Князь отправился съ нимъ въ Новгородъ и далъ ему сію область въ управленіе. Здравая Политика, основанная на опытахъ и знаніи сердца человѣческаго, не могла противиться дѣйствію слѣпой любви родительской, которое обратилось въ несчастное обыкновеніе.

Узнавъ о набѣгѣ Печенѣговъ, онъ спѣшилъ изъ Новагорода въ южную Россію и сразился съ варварами подъ самыми стѣнами Кіева. Варяги, всегдашніе его помощники, стояли въ срединѣ; на правомъ крылѣ граждане Кіевскіе, на лѣвомъ Новогородцы. Битва продолжалась цѣлый день.

Побѣда надъ Печенѣгами. Ярославъ одержалъ побѣду, самую счастливѣйшую для отечества, сокрушивъ однимъ ударомъ силу лютѣйшаго изъ враговъ его. Большая часть Печенѣговъ легла на мѣстѣ; другіе, гонимые раздраженнымъ побѣдителемъ, утонули въ рѣкахъ ([34]); немногіе спаслися бѣгствомъ, и Россія навсегда освободилась отъ ихъ жестокихъ нападеній. Въ память сего знаменитаго тор-

г. 1037. Каменныя стѣны и Соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ. жества Великій Князь заложилъ, на мѣстѣ сраженія, великолѣпную церковь, и распространивъ Кіевъ, обвелъ его *каменными* стѣнами; подражая Константинополю, онъ назвалъ ихъ главныя врата *Златыми*, а новую церковь Святою Софіею *Митрополитскою*,

украсивъ се золотомъ, серебромъ, мусіею и драгоцѣнными сосудами. Тогда былъ уже *Митрополитъ* въ нашей древней столицѣ, именемъ Ѳеопемптъ — вѣроятно, Грекъ — который, по извѣстію Нестора, въ 1039 году вновь освятилъ храмъ Богоматери, сооруженный Владиміромъ, но поврежденный, какъ надобно думать, сильнымъ Кіевскимъ пожаромъ 1017 году. Ярославъ началъ также строить монастыри: первыми изъ нихъ были въ Кіевѣ монастырь Св. Георгія и Св. Ирины. Сей Государь, по сказанію Лѣтописца, весьма любилъ *церковные уставы*, духовныхъ Пастырей и въ особенности *Черноризцевъ;* не менѣе любилъ и книги божественныя; велѣлъ переводить ихъ съ Греческаго на Славянскій языкъ, читалъ оныя день и ночь, многія списывалъ и положилъ въ церкви Софійской для народнаго употребленія. Опредѣливъ изъ казны своей достаточное содержаніе Іереямъ, онъ умножилъ число ихъ во всѣхъ городахъ, и предписалъ имъ учить новыхъ Христіанъ, образовать умъ и нравственность людей грубыхъ; видѣлъ успѣхи Вѣры, и радовался, какъ усердный сынъ Церкви и добрый отецъ народа.

Митрополитъ.

Строеніе монастырей.

Любовь Ярославова къ книгамъ.

Ревностное благочестіе и любовь къ ученію книжному не усыпляли его воинской дѣятельности. Ятвяги были побѣждены Владиміромъ Великимъ; но сей народъ,

Г. 1038. Война съ Ятвагами, Литвою,

Мазовшане, Ямь. обитая въ густыхъ лѣсахъ, питаясь рыбною ловлею и пчеловодствомъ, болѣе всего
любилъ дикую свободу и не хотѣлъ никому
г. 1040. платить дани. Ярославъ имѣлъ съ нимъ
войну; также съ Литовцами, сосѣдами Полоцкаго или Туровскаго Княженія, и съ
Мазовшанами, тогда независимыми отъ
г. 1041. Государя Польскаго (35). Сынъ Великаго
Князя, Владиміръ, ходилъ съ Новогород-
г. 1042. цами на Ямь, или нынѣшнихъ Финлянд-
цевъ, и побѣдилъ ихъ; но въ сей землѣ,
безплодной и каменистой, воины его оставили всѣхъ коней своихъ, бывшихъ тамъ
жертвою мора.

г. 1043. Предпріятіе гораздо важнѣйшее ознаменовало для нашей Исторіи 1043 годъ.
Дружба Великихъ Князей съ Императорами, основанная на взаимныхъ выгодахъ,
утвердилась единствомъ Вѣры и родственнымъ ихъ союзомъ. Съ помощію Россіянъ
шуринъ Владиміровъ завоевалъ не только
Тавриду, но и Болгарію; они сражались
подъ знаменами Имперіи въ самыхъ окрестностяхъ древняго Вавилона. Лѣтописцы
Византійскіе разсказываютъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ по кончинѣ Св. Владиміра
прибылъ на судахъ въ гавань Цареградскую какой-то родственникъ его: объявилъ
намѣреніе вступить въ службу Императора,
но тайно ушелъ изъ пристани, разбилъ
Грековъ на берегахъ Пропонтиды, и воо-

руженною рукою открылъ себѣ путь къ острову Лимну, гдѣ Самскій Намѣстникъ и Воевода Солунскій злодѣйскимъ образомъ умертвили его и 800 бывшихъ съ нимъ воиновъ. Сіе обстоятельство не имѣло никакихъ слѣдствій: купцы Россійскіе, пользуясь дружественною связію народа своего съ Имперіею, свободно торговали въ Константинополѣ. Но сдѣлалась ссора между ими и Греками, которые, начавъ драку, убили одного знаменитаго Россіянина. Вѣроятно, что Великій Князь напрасно требовалъ удовольствія (36): оскорбленный несправедливостію, онъ рѣшился наказать Грековъ; поручилъ войско мужественному Полководцу, Вышатѣ, и велѣлъ сыну своему, Владиміру, итти съ нимъ къ Царюграду. Греція вспомнила бѣдствія, претерпѣнныя нѣкогда ею отъ флотовъ Россійскихъ — и Послы Константина Мономаха встрѣтили Владиміра. Императоръ писалъ къ нему, что дружба счастливая и долговременная не должна быть нарушена для причины столь маловажной; что онъ желаетъ мира и даетъ слово наказать виновниковъ обиды, сдѣланной Россіянамъ. Юный Владиміръ не уважилъ сего письма, отпустилъ Греческихъ Пословъ съ отвѣтомъ высокомѣрнымъ, какъ говорятъ Византійскіе Историки, и шелъ далѣе. Константинъ Мономахъ, приказавъ взять подъ стражу

Походъ на Грековъ.

купцевъ и воиновъ Россійскихъ, бывшихъ въ Царѣградѣ, и заключивъ ихъ въ разныхъ областяхъ Имперіи, выѣхалъ самъ на Царской яхтѣ противъ непріятеля; за нимъ слѣдовалъ флотъ и конница берегомъ. Россіяне стояли въ боевомъ порядкѣ близъ Фара. Императоръ вторично предложилъ имъ миръ. «Соглашаюсь» — сказалъ гордый Князь Новогородскій — «ежели вы, «богатые Греки, дадите по три фунта золота на «каждаго человѣка въ моемъ войскѣ [37].» Тогда Мономахъ велѣлъ своимъ готовиться къ битвѣ, и желая заманить непріятелей въ открытое море, послалъ впередъ три галеры, которыя врѣзались въ средину Владимірова флота и зажгли Греческимъ огнемъ нѣсколько судовъ. Россіяне снялись съ якорей, чтобы удалиться отъ пламени. Тутъ сдѣлалась буря, гибельная для малыхъ Россійскихъ лодокъ; однѣ исчезли въ волнахъ, другія стали на мель, или были извержены на берегъ. Корабль Владиміровъ пошелъ на дно; нѣкто Творимиричь, одинъ изъ усердныхъ чиновниковъ, спасъ Князя и воеводъ Ярославовыхъ, взявъ ихъ къ себѣ въ лодку. Море утихло. На берегу собралось 6,000 Россіянъ, которые, не имѣя судовъ, рѣшились возвратиться въ отечество сухимъ путемъ. Главный Воевода Ярославовъ, Вышата, предвидя неминуемую для нихъ опасность, хотѣлъ великодушно раздѣлить оную, и сошелъ на берегъ, сказавъ Князю: «иду «съ ними; буду ли живъ, или умру, но не покину достойныхъ воиновъ [38].» Между тѣмъ

Императоръ праздновалъ бурю какъ побѣду и возвратился въ столицу, отправивъ въ слѣдъ за Россіянами флотъ и два Легіона. 24 галеры Греческія обогнали Владиміра и стали въ заливѣ: Князь пошелъ на нихъ. Греки, будучи со всѣхъ сторонъ окружены непріятельскими лодками, сцѣпились съ ними и вступили въ отчаянный бой. Россіяне побѣдили, взявъ или истребивъ суда Греческія. Адмиралъ Мономаховъ былъ убитъ, и Владиміръ пришелъ въ Кіевъ со множествомъ плѣнныхъ . . . Великодушный, но несчастный Вышата сразился въ Болгаріи, у города Варны, съ сильнымъ Греческимъ войскомъ: большая часть его дружины легла на мѣстѣ. Въ Константинополь привели 800 окованныхъ Россіянъ и самого Вышату: Императоръ велѣлъ ихъ ослѣпить!

Сія война предковъ нашихъ съ Греціею была послѣднею. Съ того времени Константинополь не видалъ уже ихъ страшныхъ флотовъ на Воспорѣ: ибо Россія, терзаемая междоусобіемъ, скоро утратила свое величіе и силу. Иначе могло бы исполниться древнее предсказаніе, не извѣстно кѣмъ написанное въ X или XI вѣкѣ подъ истуканомъ Беллерофона (который стоялъ на Таврской площади въ Царѣградѣ), что «Россіяне должны овладѣть сто«лицею Имперіи Восточной (39)»: столь имя

Древнее предсказаніе.

ихъ ужасало Грековъ! — Чрезъ три года Великій Князь заключилъ миръ съ Имперіею, и плѣнники Россійскіе, безчеловѣчно лишенные зрѣнія, возвратились въ Кіевъ.

Брачные союзы. Около сего времени Ярославъ вошелъ въ свойство со многими знаменитыми Государями Европы. Въ Польшѣ царствовалъ тогда Казимиръ, внукъ Болеслава *Храбраго*: изгнанный въ дѣтствѣ изъ отечества вмѣстѣ съ матерію, онъ удалился (какъ разсказываютъ Историки Польскіе) во Францію, и не имѣя надежды быть Королемъ, сдѣлался Монахомъ. Наконецъ Вельможи Польскіе, видя мятежъ въ Государствѣ, прибѣгнули къ его великодушію: освобожденный Папою отъ узъ духовнаго обѣта, Казимиръ возвратился изъ кельи въ чертоги Царскіе (40). Желая пользоваться дружбою могущественнаго Ярослава, онъ женился на сестрѣ его, дочери Св. Владиміра. Польскіе Историки говорятъ, что брачное торжество совершилось въ Краковѣ; что добродѣтельная и любезная *Марія*, названная *Доброгнѣвою*, приняла Вѣру Латинскую, и что Король ихъ взялъ за супругою великое богатство, множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, также драгоцѣнныхъ конскихъ и другихъ украшеній. Собственный Лѣтописецъ нашъ сказываетъ, что Казимиръ далъ Ярославу за *вѣно* — то есть, за невѣсту свою — 800 человѣкъ: вѣро-

ятно Россіянъ, плѣненныхъ въ 1018 году Болеславомъ. Сей союзъ, одобренный здравою Политикою обоихъ Государствъ, утвердилъ за Россіею города Червенскіе; а Ярославъ, какъ искренній другъ своего зятя, помогъ ему смирить мятежника смѣлаго и хитраго, именемъ Моислава, который овладѣлъ Мазовіею и хотѣлъ быть Государемъ независимымъ. Великій Князь, г. 1046. разбивъ его многочисленное войско, покорилъ сію область Казимиру.

Несторъ совсѣмъ не упоминаетъ о дочеряхъ Ярославовыхъ; но достовѣрные Лѣтописцы чужестранные именуютъ трехъ: Елисавету, Анну и Анастасію или Агмунду. Первая была супругою Гаральда, Принца Норвежскаго. Въ юности своей выѣхавъ изъ отечества, онъ служилъ Князю Ярославу; влюбился въ прекрасную дочь его, Елисавету, и желая быть достойнымъ ея руки, искалъ великаго имени въ свѣтѣ. Гаральдъ отправился въ Константинополь; вступилъ въ службу Императора Восточнаго; въ Африкѣ, въ Сициліи побѣждалъ невѣрныхъ; ѣздилъ въ Іерусалимъ для поклоненія Святымъ Мѣстамъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, съ богатствомъ и славою, возвратясь въ Россію, женился на Елисаветѣ, которая одна занимала его сердце и воображеніе среди всѣхъ блестящихъ подви-

говъ геройства ([41]). Наконецъ онъ сдѣлался Королемъ Норвежскимъ.

Вторая Княжна, Анна, сочеталась бракомъ съ Генрикомъ I, Королемъ Французскимъ. Папа объявилъ кровосмѣшеніемъ супружество отца его и гналъ Роберта, какъ беззаконника, за то, что онъ женился на родственницѣ въ четвертомъ колѣнѣ. Генрикъ, будучи свойственникомъ Государей сосѣдственныхъ, боялся такой же участи, и въ странѣ отдаленной искалъ себѣ знаменитой невѣсты ([42]). Франція, еще бѣдная и слабая, могла гордиться союзомъ съ Россіею, возвеличенною завоеваніями Олега и Великихъ его преемниковъ. Въ 1048 году — по извѣстію древней рукописи, найденной въ С. Омерской церкви — Король отправилъ Посломъ къ Ярославу Епископа Шалонскаго, Рогера: Анна пріѣхала съ нимъ въ Парижъ и соединила кровь Рюрикову съ кровію Государей Французскихъ. По кончинѣ Генрика I, въ 1060 году, Анна, славная благочестіемъ, удалилась въ монастырь Санлизскій; но чрезъ два года, вопреки желанія сына, вступила въ новое супружество съ Графомъ де-Крепи. Одинъ Французскій Лѣтописецъ говоритъ, что она, потерявъ втораго любезнаго ей супруга, возвратилась въ Россію: но сіе обстоятельство кажется сомнительнымъ. Сынъ ея, Филиппъ, царствовалъ во Франціи, имѣя столь великое уваженіе къ матери, что на всѣхъ бумагахъ государственныхъ Анна вмѣстѣ съ нимъ подписывала имя свое до самаго 107

года ([43]). Честолюбіе, узы семейственныя, привычка и Вѣра Католическая, ею принятая, удерживали сію Королеву во Франціи.

Третья дочь Ярославова, Анастасія, вышла за Короля Венгерскаго, Андрея I. Вѣроятно, что сей брачный союзъ служилъ поводомъ для нѣкоторыхъ Россіянъ переселиться въ Венгрію, гдѣ, въ разныхъ Графствахъ, на лѣвой сторонѣ Дуная, живетъ донынѣ многочисленное ихъ потомство, утративъ чистую Вѣру отцевъ своихъ ([44]).

Ссылаясь на Лѣтописцевъ Норвежскихъ, Торфей называетъ Владиміра, старшаго Ярославова сына, супругомъ Гиды, дочери Англійскаго Короля Гаральда, побѣжденнаго Вильгельмомъ *Завоевателемъ*. Саксонъ Грамматикъ, древнѣйшій Историкъ Датскій, также повѣствуетъ, что дѣти несчастнаго Гаральда, убитаго въ Гастингскомъ сраженіи, искали убѣжища при Дворѣ Свенона II, Короля Датскаго, и что Свенонъ выдалъ потомъ дочь Гаральдову за Россійскаго Князя, именемъ Владиміра ([45]); но сей Князь не могъ быть *Ярославичь*. Гаральдъ убитъ въ 1066 году, а Владиміръ, сынъ Ярославовъ, скончался въ 1052 (построивъ въ Новѣгородѣ церковь Св. Софіи, которая еще не разрушена временемъ, и гдѣ погребено его тѣло).

Кромѣ Владиміра, Ярославъ имѣлъ пятерыхъ сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Первый женился на сестрѣ Казимира Польскаго, не смотря на то, что его родная тетка была за симъ Королемъ ([46]); а Всево-

лодъ, по сказанію Нестора, на *Греческой Царевнѣ*. Новѣйшіе Лѣтописцы называютъ Константина Мономаха тестемъ Всеволода; но Константинъ не имѣлъ дѣтей отъ Зои. Мы не знаемъ даже, по Византійскимъ лѣтописямъ, ни одной Греческой Царевны сего времени, кромѣ Евдокіи и Θеодоры, умершихъ въ дѣвствѣ (47). Развѣ положимъ, что Мономахъ, еще не бывъ Императоромъ, прижилъ супругу Всеволодову съ *первою*, неизвѣстною намъ женою? — О супружествѣ другихъ сыновей Ярославовыхъ не можемъ сказать ничего *вѣрнаго*. Историки Нѣмецкіе пишутъ, что дочь Леопольда, Графа Штадскаго, именемъ Ода, и Кунигунда, Орламиндская Графиня, вышли около половины XI вѣка за Князей Россійскихъ, но, скоро овдовѣвъ, возвратились въ Германію и сочетались бракомъ съ Нѣмецкими Принцами (48). Вѣроятно, что Ода была супругою Вячеслава, а Кунигунда Игоревою: сіи меньшіе сыновья Ярославовы скончались въ юношествѣ, и первая отъ Россійскаго Князя имѣла одного сына, воспитаннаго ею въ Саксоніи: думаю, Бориса Вячеславича, о коемъ Несторъ говоритъ только съ 1077 года, и который могъ до того времени жить въ Германіи. Лѣтописцы Нѣмецкіе прибавляютъ, что мать его, выѣзжая изъ нашего отечества, зарыла въ землю сокровище, найденное имъ по возвращеніи въ Россію.

Великій Князь провелъ остатокъ жизни своей въ тишинѣ и въ Христіанскомъ благочестіи. Но

сія усердная набожность не препятствовала ему думать о пользѣ государственной и въ самыхъ церковныхъ дѣлахъ. Греки, сообщивъ намъ Вѣру и присылая главныхъ духовныхъ Пастырей, надѣялись, можетъ быть, чрезъ нихъ присвоить себѣ и нѣкоторую мірскую власть надъ Россіею: Ярославъ не хотѣлъ того, и еще въ первый годъ своего Единодержавія, будучи въ Новѣгородѣ, *самъ* избралъ въ начальники для сей Епархіи Луку Жидяту; а въ 1051 году, собравъ въ Кіевѣ Епископовъ, велѣлъ имъ поставить Митрополитомъ Иларіона *Россіянина*, безъ всякаго участія со стороны Константинопольскаго Патріарха (49) . . . . Иларіонъ, мужъ ученый и добродѣтельный, былъ Іереемъ въ селѣ Берестовѣ при церкви Святыхъ Апостоловъ: Великій Князь узналъ его достоинства, имѣя тамъ загородный дворецъ и любя, подобно Владиміру, сіе веселое мѣсто.

Г. 1051. Митрополитъ Россіянинъ.

Наконецъ, чувствуя приближеніе смерти, Ярославъ созвалъ дѣтей своихъ и хотѣлъ благоразумнымъ наставленіемъ предупредить всякую распрю между ими. «Скоро не будетъ меня на свѣтѣ,» говорилъ онъ: «вы, дѣти одного отца и матери, «должны не только называться братьями, «но и сердечно любить другъ друга. Знайте, что междоусобіе, бѣдственное лично «для васъ, погубитъ славу и величіе Госу-

Г. 1054.

Наставленія и кончина Ярослава.

«дарства, основаннаго счастливыми тру-
«дами нашихъ отцевъ и дѣдовъ ([50]). Миръ
«и согласіе ваше утвердятъ его могуще-
«ство. Изяславъ, старшій братъ, засту-
«питъ мое мѣсто и сядетъ на престолѣ
«Кіевскомъ: повинуйтесь ему, какъ вы
«отцу повиновались. Святославу даю Чер-
«ниговъ, Всеволоду Переяславль, Важе-
«славу Смоленскъ: каждый да будетъ до-
«воленъ своею частію, или старшій братъ
«да судитъ васъ какъ Государь! Онъ защи-
«титъ утѣсненнаго и накажетъ виновнаго.»
Слова достопамятныя, мудрыя и безполез-
ныя! Ярославъ думалъ, что дѣти могутъ
быть разсудительнѣе отцевъ, и къ несча-
стію ошибся.

Не взирая на старость и болѣзнь, онъ
все еще занимался государственными дѣ-
Февраля 19. лами: поѣхалъ въ Вышегородъ, и тамъ
скончался, имѣя отъ роду болѣе семиде-
сяти лѣтъ (супруга его умерла еще въ 1050
году). Изъ дѣтей былъ съ нимъ одинъ
Всеволодъ, котораго онъ любилъ нѣжнѣе
всѣхъ другихъ и никогда не отпускалъ отъ
себя. Горестный сынъ, народъ и Священ-
ники въ служебныхъ ризахъ шли за тѣ-
ломъ изъ Вышегорода до Кіева, гдѣ оно,
заключенное въ мраморную раку, было по-
Гробъ Яро- гребено въ Софійской церкви. Сей памят-
никъ, украшенный рѣзными изображеніями

птицъ и деревъ, уцѣлѣлъ до нашихъ временъ ([51]). Славовъ.

Ярославъ заслужилъ въ лѣтописяхъ имя Государя мудраго; не пріобрѣлъ оружіемъ новыхъ земель, но возвратилъ утраченное Россіею въ бѣдствіяхъ междоусобія; не всегда побѣждалъ, но всегда оказывалъ мужество; успокоилъ отечество и любилъ народъ свой. Слѣдуя въ правленіи благодѣтельнымъ намѣреніямъ Владиміра, онъ хотѣлъ загладить вину ослушнаго сына и примириться съ тѣнію огорченнаго имъ отца. Свойства сего Князя.

Внѣшняя Политика Ярославова была достойна Монарха сильнаго: онъ привелъ Константинополь въ ужасъ за то, что оскорбленные Россіяне требовали и не нашли тамъ правосудія; но отмстивъ Польшѣ и взявъ свое, великодушною помощію утвердилъ ея цѣлость и благоденствіе.

Ярославъ наказалъ мятежныхъ Новогородцевъ, за убіеніе Варяговъ, такъ, какъ Государи не должны наказывать: вѣроломнымъ обманомъ; но признательный къ ихъ усердію, далъ имъ многія выгоды и права. Князья Новогородскіе слѣдующихъ вѣковъ должны были клясться гражданамъ въ точномъ соблюденіи его *льготныхъ грамотъ*, къ сожалѣнію истребленныхъ временемъ ([52]). Знаемъ только, что сей народъ, ссылаясь на оныя, почиталъ себя воль-

нымъ въ избраніи собственныхъ Властителей. Память Ярославова была въ теченіе вѣковъ любезна жителямъ Новагорода, и мѣсто, гдѣ обыкновенно сходился народъ для совѣта, въ самыя позднѣйшія времена именовалось *Дворомъ Ярослава*.

Сей Князь заточилъ брата, обнесеннаго клеветниками; но доказалъ свое добродушіе, простивъ мятежнаго племянника, и забывъ, для счастія Россіи, прежнюю вражду Князя Тмуторокаискаго.

Крещеніе костей.

Ярославъ былъ набоженъ до суевѣрія: онъ вырылъ кости Владиміровыхъ братьевъ, умершихъ въ язычествѣ — Олеговы и Ярополковы — крестилъ ихъ и положилъ въ Кіевской церкви Св. Богородицы (53). Ревность его къ Христіанству соединялась, какъ мы видѣли, съ любовію къ просвѣщенію. Лѣтописцы среднихъ вѣковъ говорятъ, что сей Великій Князь завелъ въ

Первое народное училище.

Новѣгородѣ первое народное училище, гдѣ 300 отроковъ, дѣти Пресвитеровъ и Старѣйшинъ, пріобрѣтали свѣдѣнія нужныя для Священнаго сана и гражданскихъ чиновниковъ (54). Загладивъ слѣды Болеславовыхъ опустошеній въ южной Россіи, населивъ плѣнниками область Кіевскую и будучи, подобно Олегу и Владиміру, основателемъ многихъ городовъ новыхъ (55), онъ

Кіевъ вторый Царьградъ.

хотѣлъ, чтобы столица его, имъ обновленная, распространенная, могла справедливо

называться *вторымъ Царемградомъ.* Ярославъ любилъ Искусства: художники Греческіе, имъ призванные въ Россію, украсили храмы живописью и мусіею, донынѣ видимою въ Кіевской Софійской церкви. Сія мусія, составленная изъ четвероугольныхъ камешковъ, изображаетъ на златомъ полѣ лица и одежду Святыхъ по рисунку весьма несовершенному, но съ удивительною свѣжестію красокъ: работа болѣе трудная, нежели изящная, однакожь любопытная для знатоковъ Искусства. — Благопріятный случай сохранилъ также для нась серебряную монету княженія Ярославова, на коей представленъ воинъ съ Греческою надписью: ὁ Γεοργιος, и съ Русскою: *Ярославле сребро* (56): доказательство, что древняя Россія не только пользовалась чужестранными драгоцѣнными монетами, но имѣла и собственныя. — Стараясь о благолѣпіи храмовъ, пріятномъ для глазъ, Великій Князь желалъ, чтобы и слухъ молящихся находилъ тамъ удовольствіе: пишутъ, что около половины XI столѣтія выѣхали къ намъ пѣвцы Греческіе, научившіе Россійскихъ церковниковъ согласному *Демественному* пѣнію (57).

Монета Ярославова.

Демественное пѣніе.

Дворъ Ярославовъ, окруженный блескомъ величія, служилъ убѣжищемъ для Государей и Князей несчастныхъ. Еще прежде Гаральда, супруга Елисаветина,

Россія убѣжище изгнанниковъ. Олофъ *Святый*, Король Норвежскій, лишенный трона, требовалъ защиты Россійскаго Монарха. Ярославъ принялъ его съ особеннымъ дружелюбіемъ и хотѣлъ дать ему въ управленіе знаменитую область въ Государствѣ своемъ; но сей Король, обольщенный сновидѣніемъ и надеждою побѣдить Канута, завоевателя Норвегіи, выѣхалъ изъ Россіи, оставивъ въ ней юнаго сына своего, Магнуса, который послѣ царствовалъ въ Скандинавіи ([58]). Дѣти мужественнаго Короля Англійскаго, Эдмунда, изгнанные Канутомъ, Эдвинъ и Эдвардъ, также Принцъ Венгерскій, Андрей (не бывъ еще зятемъ Ярославовымъ), вмѣстѣ съ братомъ своимъ Левентою, искали безопасности въ нашемъ отечествѣ ([59]). — Ярославъ съ такимъ же великодушіемъ принялъ Князя Варяжскаго Симона, который, будучи изгнанъ дядею, *Якуномъ Слѣпымъ*, со многими единоземцами вступилъ въ Россійскую службу и сдѣлался первымъ Вельможею юнаго Всеволода ([60]).

Мы сказали, что Ярославъ не принадлежитъ къ числу завоевателей; однакожь вѣроятно, что въ *его* княженіе область Новогородская распространилась на Востокъ и Сѣверъ. Сѣверныя владѣнія Россіи. Жители Перми, окрестностей Печорскихъ, Югра ([61]), были уже въ XI вѣкѣ данниками Новогородскими (Несторъ зналъ и дикихъ Самоѣдовъ, которые обитали къ

Сѣверу отъ Югры): завоеваніе столь отдаленное не могло вдругъ совершиться, и Россіянамъ надлежало прежде овладѣть всѣми ближайшими мѣстами Архангельской и Вологодской Губерніи, древнимъ отечествомъ народовъ Чудскихъ, славнымъ въ Сѣверныхъ лѣтописяхъ подъ именемъ Біарміи. Тамъ, на берегахъ Двины, въ началѣ XI вѣка, по сказанію Исландцевъ, былъ торговый городъ, гдѣ съѣзжались лѣтомъ купцы Скандинавскіе и гдѣ Норвежцы, отправленные въ Біармію Св. Олофомъ, Ярославовымъ современникомъ, ограбили кладбище и похитили украшеніе Финскаго идола Йомалы (62). Баснословіе ихъ Стихотворцевъ о чудесномъ великолѣпіи сего храма и богатствѣ жителей не входитъ въ Исторію; но жители Біарміи могли нѣкоторыми произведеніями земли своей, солью, желѣзомъ, мѣхами, торговать съ Норвежцами, открывшими въ IX вѣкѣ путь къ устью Двины (63), и даже съ Камскими Болгарами, посредствомъ рѣкъ судоходныхъ. Занимаясь рыбною и звѣриною ловлею, огражденные съ одной стороны морями хладными, а съ другой лѣсами дремучими, они спокойно наслаждались независимостію, до самаго того времени, какъ смѣлые и предпріимчивые Новогородцы сблизились съ ними чрезъ область Бѣлозерскую и покорили ихъ, въ княженіе Владиміра или Ярослава (64). Сія земля, отъ Бѣлаозера до рѣки Печоры, была названа Зоволочьемъ,

и мало по малу населена выходцами Новогородскими, которые принесли туда съ собою и Вѣру Христіанскую (по достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствамъ намъ извѣстно, что въ XII вѣкѣ уже существовали монастыри на берегахъ Двины). Скоро отдаленный хребетъ горъ Уральскихъ, идущій отъ Новой Земли къ Югу, и бывшій нѣсколько времени предметомъ баснословія въ нашемъ отечествѣ, сдѣлался какъ бы границею Россіи, и Новогородцы нашли способъ получать естественныя, драгоцѣнныя произведенія Сибири чрезъ своихъ Югорскихъ данниковъ, которые вымѣнивали оныя у тамошнихъ обитателей на желѣзныя орудія и другія дешевыя вещи.

Законы. Наконецъ блестящее и счастливое правленіе Ярослава оставило въ Россіи памятникъ достойный великаго Монарха. Сему Князю приписываютъ древнѣйшее *собраніе* нашихъ гражданскихъ уставовъ, извѣстное подъ именемъ *Русской Правды* ([65]). Еще въ Олегово время Россіяне имѣли законы; но Ярославъ *можетъ быть*, отмѣнилъ нѣкоторые, исправилъ другіе, и первый издалъ законы *письменные* на языкѣ Славянскомъ. Они конечно были государственными или *общими*, хотя древніе списки ихъ сохранились единственно въ Новѣгородѣ и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя *особенныя* или

ыя учрежденія (66). Сей остатокъ древно-
подобный *двѣнадцати доскамъ* Рима, есть
е зерцало тогдашняго гражданскаго со-
ія Россіи, и драгоцѣненъ для Исторіи:
гаемъ его здѣсь въ извлеченіи."

ГЛАВА III.

ПРАВДА РУССКАЯ,

или

Законы Ярославовы.

уголовные. Денежныя пени за убійство. Вира.
жданскія степени. Дикая Вира. Потокъ. Пеня за
ры. Дворъ Княжескій есть мѣсто суда. Охраненіе
ственности. Воровство. Оцѣнка вещей. Бортные
и и межевые столпы. Птицеловство. Зажигатель-
. Сводъ. Кража людей. Бѣглые. Кабала. Долги.
говля рабовъ. Сохраненіе пожитковъ. Росты. Ули-
оправданія. Испытаніе желѣзомъ и водою. Право
лѣдственное. Судіи Присяжные. Общій характеръ
оновъ. Уставъ о мостовыхъ. Уставъ церковный.

вная цѣль общежитія есть личная безопас-
и неотъемлемость собственности: уставъ
лавовъ утверждаетъ ту и другую слѣдую-
образомъ:

Законы уголовные.

I. «Кто убьетъ человѣка, тому родственники убитаго мстятъ за смерть смертію; а «когда не будетъ мстителей, то съ убійцы «взыскать деньгами въ Казну: за голову

Денежныя пени за убійство.

«Боярина Княжескаго, Тіуна *Огнищанъ* или «гражданъ именитыхъ, и Тіуна *Конюшаго*, «80 гривенъ или двойную Виру; за Княже-«скаго Отрока или Гридня, *повара*, *конюха*, «купца, Тіуна и Мечника Боярскаго, за «всякаго *Людина*, то есть свободнаго чело-«вѣка, Русскаго (Варяжскаго племени) или «Славянина, 40 гривенъ или Виру, а за «убіеніе жены полвиры. За раба нѣтъ Виры; «но кто убилъ его безвинно, долженъ пла-«тить господину такъ называемый урокъ, «или цѣну убитаго: за Тіуна *сельскаго* или «старосту Княжескаго и Боярскаго, за ре-«месленника, дядьку или пѣстуна, и за кор-«милицу, 12 гривенъ, за простаго холопа «Боярскаго и Людскаго 5 гривенъ, за рабу «шесть гривенъ, и сверхъ того въ Казну «12 гривенъ *продажи*,» дани или пени (67).

Мы уже имѣли случай замѣтить, что Россіяне получили свои гражданскіе уставы отъ Скандинавовъ. Желая утвердить семейственныя связи, нужныя для безопасности личной въ новыхъ обществахъ, всѣ народы Германскіе давали родственникамъ убитаго право лишить жизни убійцу или взять съ него деньги, опредѣляя разныя пени или Виры (Wehrgeld) по граждан-

скому состоянію убитыхъ, ничтожныя въ сравненіи съ нынѣшнею цѣною вещей, но тягостныя по тогдашней рѣдкости денегъ ([68]). Законодатели берегли жизнь людей, нужныхъ для государственнаго могущества, и думали, что денежная пеня можетъ отвращать злодѣянія. Дѣти Ярославовы, какъ увидимъ, отмѣнили даже и законную месть родственниковъ. Вира.

Сія уголовная статья весьма ясно представляетъ намъ гражданскія степени древней Россіи. Бояре и Тіуны Княжескіе занимали первую степень. То и другое имя означало знаменитаго чиновника: второе есть Скандинавское или древнее Нѣмецкое Thiegn, Thiangn, Diakn, *мужъ честный*, vir probus ([69]); такъ вообще назывались Дворяне Англо-Саксонскіе, иногда дружина Государей, Графы, и проч. — Люди военные, придворные ([70]), купцы и земледѣльцы свободные принадлежали ко второй степени; къ третьей, или нижайшей, холопи Княжескіе, Боярскіе и монастырскіе, которые не имѣли никакихъ собственныхъ правъ гражданскихъ. Древнѣйшими рабами въ отечествѣ нашемъ были конечно потомки военноплѣнныхъ; но въ сіе время — то есть, въ XI вѣкѣ — уже разныя причины могли отнимать у людей свободу. Законодатель говоритъ ([71]), что «холопомъ *обѣльнымъ*, или полнымъ, бываетъ 1) чело- Гражданскія степени.

«вѣкъ купленный при свидѣтеляхъ; 2) кто «не можетъ удовольствовать своихъ заимодавцевъ; 3) кто женится на рабѣ безъ всякаго условія; 4) кто безъ условія же пойдетъ въ слуги или въ ключники, и 5) *закупъ*, «то есть, наемникъ или на время закабаленный человѣкъ, который, не выслуживъ срока, уйдетъ и не докажетъ, что «онъ ходилъ къ Князю или судьямъ, искать «управы на господина. Но служба не дѣлаетъ вольнаго рабомъ. Наемники могутъ «всегда отойти отъ господина, возвративъ «ему не заработанныя ими деньги. Вольный «слуга, обманомъ проданный за холопа, «совершенно освобождается отъ кабалы, а «продавецъ вноситъ въ Казну 12 гривенъ «пени.»

Дикая Вира.

II. «Ежели кто убьетъ человѣка въ ссорѣ «или въ пьянствѣ и скроется, то *Вервь* или «округа, гдѣ совершилось убійство, платитъ за него пеню» — которая называлась въ такомъ случаѣ *дикою Вирою* — «по въ «разные сроки, и въ нѣсколько лѣтъ, для «облегченія жителей. За найденное мертвое «тѣло человѣка неизвѣстнаго Вервь не отвѣтствуетъ. — Когда же убійца не скроется, то съ округи или съ волости взыскать «половину Виры, а другую съ самого убійцы.» Законъ весьма благоразумный въ тогдашнія времена: облегчая судьбу преступника, разгоряченнаго виномъ или со-

рою, онъ побуждалъ всякаго быть миротворцемъ, чтобы въ случаѣ убійства не платить вмѣстѣ съ виновнымъ. — «Ежели «убійство сдѣлается безъ всякой ссоры, то «волость не платитъ за убійцу, но выдаетъ «его *на потокъ»* — или въ руки Государю — «съ женою, съ дѣтьми и съ имѣніемъ» (72). Уставъ жестокій и несправедливый по нашему образу мыслей; но жена и дѣти отвѣтствовали тогда за вину мужа и родителя, ибо считались его *собственностію*. Потокъ.

III. Какъ древніе Нѣмецкіе, такъ и Ярославовы законы опредѣляли особенную пеню за всякое дѣйствіе насилія: «за ударъ «мечемъ необнаженнымъ, или его рукоятькою, тростію, чашею, стаканомъ (73), пястію, 12 гривенъ; за ударъ палицею и жердію 3 гривны, за всякой толчокъ и за рану «легкую 3 гривны, а раненному гривну на «леченье.» Слѣдственно гораздо неизвинительнѣе было ударить голою рукою, легкою чашею или стаканомъ, нежели тяжелою палицею или самымъ острымъ мечемъ. Угадаемъ ли мысль Законодателя? Когда человѣкъ въ ссорѣ *обнажалъ* мечь, бралъ палицу или жердь, тогда противникъ его, *видя опасность*, имѣлъ время изготовиться къ оборонѣ или удалиться. Но рукою или домашнимъ сосудомъ можно было ударить *незапно;* также мечемъ необнаженнымъ и тростію: ибо воинъ *обыкновенно* носилъ Пеня за удары.

мечь, и всякой человѣкъ *обыкновенно* ходилъ съ тростію: то и другое не заставляло остерегаться. Далѣе: «За поврежденіе ноги, ру-«ки, глаза, носа, виновный платитъ 20 гри-«венъ въ Казну, а самому изувѣченному 10 «гривенъ (74); за выдернутый клокъ бороды «12 гривенъ въ Казну; за выбитый зубъ то «же, а самому битому гривну; за отрубленный «палецъ 3 гривны въ Казну, а раненному грив-«ну. Кто погрозитъ мечемъ, съ того взять «гривну пени; кто же вынулъ его для обо-«роны, тотъ не подвергается никакому взы-«сканію, ежели и ранитъ своего противника. «Кто самовольно, безъ Княжескаго повелѣнія, «накажетъ *Огнищанина*» (именитаго граждани-на) «или *Смерда*» (землелѣльца и простаго человѣка), «платитъ за перваго 12 гривенъ «Князю, за втораго 3 гривны, а битому грив-«ну въ томъ и въ другомъ случаѣ. Если хо-«лопъ ударитъ свободнаго человѣка и скроется, «а господинъ не выдастъ его, то взыскать «съ господина 12 гривенъ. Истецъ же имѣетъ «право вездѣ умертвить раба, своего обидчи-«ка.» Дѣти Ярославовы, отмѣнивъ сію казнь, дали истцу одно право бить виновнаго холо-па (75), или взять за безчестье гривну. — «Если господинъ въ пьянствѣ и безъ вины «тѣлесно накажетъ *закупа* или слугу наем-«наго, то платитъ ему какъ свободному.» — Большая часть денежной пени, какъ ви-димъ, шла обыкновенно въ Казну, ибо вся-

кое нарушеніе порядка считалось оскорбленіемъ Государя, блюстителя общей безопасности.

IV. «Когда на Дворъ Княжескій» — гдѣ обыкновенно судились дѣла — «придетъ истецъ окровавленный или въ синихъ пятнахъ, то ему не нужно представлять инаго свидѣтельства; а ежели нѣтъ знаковъ, то представляетъ очевидцевъ драки, и виновникъ ея платитъ 60 *кунъ*» (см. ниже). «Ежели истецъ будетъ окровавленъ, а свидѣтели покажутъ, что онъ самъ началъ драку, то ему нѣтъ удовлетворенія ([76]).» Дворъ Княжескій есть мѣсто суда.

Оградивъ личную безопасность, Законодатель старался утвердить цѣлость собственности въ гражданской жизни.

V. «Всякой имѣетъ право убить ночнаго татя на воровствѣ; а кто продержитъ его связаннаго *до свѣта*, тотъ обязанъ итти съ нимъ на Княжескій Дворъ. Убіеніе татя взятаго и связаннаго есть преступленіе, и виновный платитъ въ Казну 12 гривенъ. Тать *коневый* выдается головою Князю и теряетъ всѣ права гражданскія, вольность и собственность». Столь уважаемъ былъ конь, вѣрный слуга человѣку на войнѣ, въ земледѣліи и въ путешествіяхъ! Древніе Саксонскіе законы осуждали на смерть всякаго, кто уведетъ чужую лошадь ([77]). — Далѣе: «Съ вора Охраненіе собственности. Воровство.

5*

«клѣтнаго» — т. е. домашняго или горничнаго — «взыскивается въ Казну 3 грив«ны, съ вора *житнаго*, который унесетъ «хлѣбъ изъ *ямы* или съ гумна, 3 гривны и «30 кунъ; хозяинъ же беретъ свое жито, «и еще полгривны съ вора. — Кто украдетъ «скотъ въ хлѣвѣ или въ домѣ, платитъ въ «Казну 3 гривны и 30 кунъ, а кто въ полѣ, «тотъ 60 кунъ» (первое считалось важнѣйшимъ преступленіемъ: ибо воръ нарушалъ тогда спокойствіе хозяина): «сверхъ чего «за всякую скотину, которая не возвра«щена лицемъ, хозяинъ беретъ опредѣлен«ную цѣну: за коня *Княжаго* 3 гривны, за «простаго 2, за кобылу 60 кунъ, за же«ребца неѣзжалаго гривну, за жеребенка 6 «*ногатъ*, за вола гривну, за корову 40 «кунъ, за трехлѣтняго быка 30 кунъ, за «годовика полгривны, за теленка, овцу и «свинью 5 кунъ, за барана и поросенка «ногату (78).»

Оцѣнка вещей.

Статья любопытная: ибо она показываетъ тогдашнюю оцѣнку вещей. Въ гривнѣ было 20 *ногатъ* или 50 *рѣзаней*, а 2 рѣзани составляли одну *куну*. Сими именами означались мелкія кожаныя монеты, ходившія въ Россіи и въ Ливоніи (79).»

VI. «За бобра, украденнаго изъ норы «опредѣляется 12 гривенъ пени (80).» Здѣсь говорится о бобрахъ *племянныхъ*, съ коими хозяинъ лишался всего возможнаго

приплода. — «Если въ чьемъ владѣніи бу-«детъ изрыта земля, найдутся сѣти или «другіе признаки воровской ловли, то Вервь «должна сыскать виновнаго или заплатить «пеню.»

VII. «Кто умышленно зарѣжетъ чужаго «коня или другую скотину, платитъ 12 гри-«венъ въ Казну, а хозяину гривну (81).» Злоба безчестила граждан менѣе, нежели воровство: тѣмъ болѣе долженствовали законы обуздывать оную.

Бортные знаки и межевые столпы.

VIII. «Кто стешетъ *бортные* знаки (82) «или запашетъ межу полевую, или перего-«родитъ дворовую, или срубитъ бортную «грань, или *дубъ* гранный или межевый «столпъ, съ того взять въ Казну 12 гри-«венъ.» Слѣдственно всякое сельское владѣніе имѣло свои предѣлы, утвержденные Гражданскимъ Правительствомъ и знаки ихъ были священны для народа.

IX. «За борть сѣченную виновный дастъ «3 гривны пени въ Казну, за дерево пол-«гривны, за выдраніе пчелъ 3 гривны, а «хозяину за медъ нелаженнаго улья 10 «кунъ, за лаженый 5 кунъ (83).» Читателю извѣстно, что есть *бортное* ухожье: дупла служили тогда ульями, а лѣса единственными пчельниками. — «Ежели тать скроет-«ся, должно искать его по слѣду, но съ «чужими людьми и свидѣтелями. Кто не «отведетъ слѣда отъ своего жилища, тотъ

«виноватъ; но буде слѣдъ кончится у го-«стинницы, или на пустомъ, незастроен-«номъ мѣстѣ, то взысканія нѣтъ.»

Птицеловство. X. «Кто срубитъ шестъ подъ сѣтію пти-«целова или отрѣжетъ ея веревки, платитъ «3 гривны въ Казну, а птицелову гривну; «за украденнаго сокола или ястреба 3 грив-«ны въ Казну, а птицелову гривну; за го-«лубя 9 кунъ, за куропатку 9 кунъ, за утку «30 кунъ; за гуся, журавля и лебедя то «же ([84]).» Сею чрезмѣрною пенею Законодатель хотѣлъ обезпечить тогдашнихъ многочисленныхъ птицелововъ въ ихъ промыслѣ.

XI. «За покражу сѣна и дровъ 9 кунъ въ «Казну, а хозяину за каждый возъ по двѣ «ногаты.»

XII. «Воръ за ладію платитъ 60 кунъ въ «Казну, а хозяину за морскую 3 гривны, за «*набойную* 2 гривны, за стругъ гривну, за «челнъ 8 кунъ, если не можетъ лицемъ «возвратить украденнаго ([85])». Имя *набой-«ная* происходитъ отъ досокъ *набиваемыхъ* «сверхъ краевъ мелкаго судна, для возвышенія боковъ его.

Зажигательство. XIII. «Зажигатель гумна и дома выдается «головою Князю со всѣмъ имѣніемъ, изъ «коего надобно прежде вознаградить убы-«токъ, понесенный хозяиномъ гумна или «дома.»

XIV. «Если облічатся въ воровствѣ хо-

и Княжескіе, Бояръ или простыхъ
жданъ, то съ нихъ не брать въ Казну
и (взыскиваемой единственно съ лю-
свободныхъ); но они должны платить
цу вдвое: на примѣръ, взявъ обратно
ю украденную лошадь, истецъ тре-
тъ еще за оную 2 гривны — разумѣется
господина, который обязанъ или вы-
ить своего холопа, или головою вы-
ь его, вмѣстѣ съ другими участниками
о воровства, кромѣ ихъ женъ и дѣтей.
ели холопъ, обокравъ кого, уйдетъ, то
подинъ платитъ за всякую унесенную
вещь по цѣнѣ обыкновенной. — За
овство слуги наемнаго господинъ не
ѣтствуетъ; но если внесетъ за него
ю, то беретъ слугу въ рабы или мо-
ъ продать (86).»

Г. «Утративъ одежду, оружіе, хозяинъ Сводъ.
кенъ заявить на торгу; опознавъ вещь
рожанина, идетъ съ нимъ *на сводъ*, то
, спрашиваетъ, гдѣ онъ взялъ ее? и
ходя такимъ образомъ отъ человѣка
человѣку, отыскиваетъ дѣйствитель-
о вора, который платитъ за вину 3
вны; а вещь остается въ рукахъ хо-
а. Но ежели ссылка пойдетъ на жи-
й *уѣздныхъ*, то истцу взять за укра-
ое деньги съ *третьяго* отвѣтчика,
орый идетъ съ поличнымъ далѣе, и
онецъ отысканный воръ платитъ за

«все по закону. — Кто скажетъ, что кра-«денное куплено имъ у человѣка неизвѣст-«наго, или жителя иной области, тому «надобно представить двухъ свидѣтелей, «гражданъ свободныхъ, или мытника (сбор-«щика пошлинъ), чтобы они клятвою «утвердили истину словъ его ([87]). Въ та-«комъ случаѣ хозяинъ беретъ свое ли-«цемъ, а купецъ лишается вещи, но мо-«жетъ отыскивать продавца.»

Кража людей. XVI. «Ежели будетъ *украденъ холопъ*, «то господинъ, опознавъ его, также идетъ «съ нимъ на сводъ отъ человѣка къ чело-«вѣку, и *третій* отвѣтчикъ даетъ ему *сво-«его* холопа, но съ украденнымъ идетъ «далѣе ([88]). Отысканный виновникъ пла-«титъ всѣ убытки и 12 гривенъ пени Кня-«зю; а *третій* отвѣтчикъ беретъ обратно «холопа, отданнаго имъ въ залогъ вмѣсто «сведеннаго.

Бѣглые. XVII. «О *бѣгломъ* холопѣ господинъ «объявляетъ на торгу, и ежели чрезъ три «дни опознаетъ его въ чьемъ домѣ, то хо-«зяинъ сего дому, возвративъ укрытаго «бѣглеца, платитъ еще въ Казну 3 грив-«ны. — Кто бѣглецу дастъ хлѣба или ука-«жетъ путь, тотъ платитъ господину 5 «гривенъ, а за рабу 6, или клянется, что «онъ не слыхалъ объ ихъ бѣгствѣ ([89]). «Кто представитъ ушедшаго холопа, тому «даетъ господинъ гривну; а кто упуститъ

алержаннаго бѣглеца, платитъ госпо-
ину 4 гривны, а за рабу 5 гривенъ: въ
ервомъ случаѣ пятая, а во второмъ ше-
тая уступается ему за то, что онъ пой-
алъ бѣглыхъ. — Кто самъ найдетъ раба
воего въ городѣ, тотъ беретъ Посадни-
ова Отрока, и даетъ ему 10 кунъ за свя-
аніе бѣглеца.»

XVIII. «Кто возметъ чужаго холопа въ кабалу, тотъ лишается данныхъ холопу енегъ, или долженъ присягнуть, что нъ считалъ его свободнымъ: въ такомъ лучаѣ господинъ выкупаетъ раба, и беетъ все имѣніе, пріобрѣтенное симъ рабомъ (90).» Кабала.

XIX. «Кто, не спросивъ у хозяина, сяетъ на чужаго коня, тотъ платитъ въ наказаніе 3 гривны» — то есть, всю цѣну ошади. Сей законъ слово въ слово есть овтореніе древняго Ютландскаго, и еще олѣе доказываетъ, что гражданскіе уставы Нормановъ были основаніемъ Россійкихъ (91).

XX. «Ежели наемникъ потеряетъ собственную лошадь, то ему не за что отвѣтствовать; а ежели утратитъ плугъ и борону господскую, то обязанъ платить или доказать, что сіи вещи украдены въ его отсутствіе, и что онъ былъ посланъ со двора за господскимъ дѣломъ.» И такъ владѣльцы обработывали свои земли не

одними холопами, но и людьми наемными. — «Вольный слуга не отвѣтствуетъ за скотину, уведенную изъ хлѣва; но когда растеряетъ оную въ полѣ, или не загонитъ «на дворъ, то платитъ. — Ежели господинъ обидитъ слугу и не выдастъ ему «полнаго жалованья, то обидчикъ, удовольствовавъ истца, вноситъ 60 кунъ «пени; ежели насильственно отниметъ у «него деньги, то, возвративъ ихъ, платитъ «еще въ Казну 3 гривны (92).»

Долгъ. XXI. «Ежели кто будетъ требовать своихъ денегъ съ должника, а должникъ запрется, то истецъ представляетъ свидѣтелей. Когда они поклянутся въ справедливости его требованія, заимодавецъ беретъ свои деньги и еще 3 гривны въ удовлетвореніе. — Ежели заемъ не свыше «трехъ гривенъ, то заимодавецъ одинъ «присягаетъ; но большій искъ требуетъ «свидѣтелей или безъ нихъ уничтожается (93).»

XXII. «Если купецъ повѣрилъ деньги «купцу для торговли, и должникъ начнетъ «запираться, то свидѣтелей не спрашивать, «но отвѣтчикъ самъ присягаетъ (94).» Законодатель хотѣлъ, кажется, изъявить въ семъ случаѣ особенную довѣренность къ людямъ торговымъ, которыхъ дѣла бываютъ основаны на чести и вѣрѣ.

XXIII. «Если кто многимъ долженъ, а

«купецъ *иностранный*, не зная ничего, по-
«вѣритъ ему товаръ: въ такомъ случаѣ
«продать должника со всѣмъ его имѣніемъ,
«и *первыми* вырученными деньгами удо-
«вольствовать иностранца или Казну; ос-
«тальное же раздѣлить между прочими за-
«имодавцами: но кто изъ нихъ взялъ уже
«много ростовъ, тотъ лишается своихъ
«денегъ.»

XXIV. «Ежели чужіе товары или деньги
«у купца потонутъ, или сгорятъ, или бу-
«дутъ отняты непріятелемъ, то купецъ не
«отвѣтствуетъ ни головою, ни вольностію,
«и можетъ разложить платежъ въ сроки:
«ибо власть Божія и несчастіе не суть вина
«человѣка. Но если купецъ въ пьянствѣ
«утратитъ ввѣренный ему товаръ или про-
«мотаетъ его, или испортитъ отъ небре-
«женія: то заимодавцы поступятъ съ нимъ,
«какъ имъ угодно: отсрочатъ ли платежъ,
«или продадутъ должника въ неволю.»

XXV. «Если холопъ *обманомъ*, подъ
«именемъ вольнаго человѣка, испроситъ у
«кого деньги, то господинъ его долженъ
«или заплатить, или отказаться отъ раба;
«но кто повѣритъ *извѣстному* холопу, ли-
«шается денегъ. — Господинъ, позволивъ «рабу торговать, обязанъ платить за него «долги (95).» Торговля рабовъ.

XXVI. «Если гражданинъ отдастъ свои
«пожитки на сохраненіе другому, то въ

Сохраненіе пожитковъ. «свидѣтеляхъ нѣтъ нужды. Кто будетъ запираться въ принятіи вещей, долженъ «утвердить клятвою, что не бралъ ихъ. Тогда онъ правъ: ибо имѣніе повѣряютъ «единственно такимъ людямъ, коихъ честь «извѣстна; и кто беретъ его на сохраненіе, «тотъ оказываетъ услугу (96).»

Росты. XXVII. «Кто отдаетъ деньги въ ростъ, «или медъ и жито въ займы, тому въ случаѣ спора представить свидѣтелей, и взять «все по сдѣланному договору. *Мѣсячные* «росты берутся единственно за малое время; а кто останется должнымъ цѣлый «годъ, платитъ уже *третные*, а не *мѣсячные*.» Мы не знаемъ, въ чемъ состояли тѣ и другіе, основанные на всеобщемъ обыкновеніи тогдашняго времени; но ясно, что послѣдніе были гораздо тягостнѣе, и что Законодатель хотѣлъ облегчить судьбу должниковъ. — «Законы позволяютъ брать «10 кунъ съ гривны на годъ» — то есть, сорокъ на сто (97). Въ земляхъ, гдѣ торговля, художества и промышленость цвѣтутъ изъ давныхъ временъ, деньги теряютъ цѣну отъ своего множества. Въ Голландіи, въ Англіи заимодавцы довольствуются самымъ малымъ прибыткомъ; но въ странахъ, подобно древней Россіи, богатыхъ только грубыми естественными произведеніями, а не монетою — въ странахъ, гдѣ первобытная дикость нравовъ уже смяг-

чается навыками гражданскими; гдѣ новая внутренняя и внѣшняя торговля знакомитъ людей съ выгодами роскоши — деньги имѣютъ высокую цѣну, и лихоимство пользуется ихъ рѣдкостію.

Слѣдуютъ общія постановленія для улики и оправданія:

XXVIII. «Всякой уголовный доносъ требуетъ свидѣтельства и присяги *семи* человѣкъ (98); но Варягъ и чужестранецъ обязывается представить только двухъ. Когда «дѣло идетъ единственно о побояхъ легкихъ, то нужны вообще два свидѣтеля; «но чужестранца никогда нельзя обвинить «безъ семи.» И такъ древніе наши законы особенно покровительствовали иноземцевъ. Улики, оправданія.

XXIX. «Свидѣтели должны быть всегда «граждане свободные; только по нуждѣ и «въ маломъ искѣ дозволено сослаться на «Тіуна *Боярскаго* или закабаленнаго слугу.» (Слѣдственно Боярскіе Тіуны не были свободные люди, хотя жизнь ихъ, какъ означено въ первой статьѣ, цѣнилась равно съ жизнію вольныхъ гражданъ). — «Но истецъ «можетъ воспользоваться свидѣтельствомъ «раба, и требовать, чтобы отвѣтчикъ «оправдался *испытаніемъ желѣза*. Если послѣдній окажется виновнымъ, то платитъ «искъ; если оправдается, то истецъ даетъ «ему за муку гривну и въ Казну 40 кунъ, «Мечнику 5 кунъ, Княжескому Отроку пол-

«гривны (что называется *желѣзною по-«шлиною*). Когда же отвѣтчикъ вызванъ «на сіе испытаніе по неясному свидѣтель-«ству людей свободныхъ, то, оправдавъ «себя, не беретъ ничего съ истца, который «платитъ единственно пошлину въ Казну. «— Не имѣя никакихъ свидѣтелей, самъ «истецъ доказываетъ правость свою *же-«лѣзомъ:* чѣмъ рѣшить всякія тяжбы въ «убійствѣ, воровствѣ и поклепѣ, ежели «искъ стоитъ полугривны золота; а ежели «менѣе, то испытывать *водой;* въ двухъ же «гривнахъ и менѣе достаточна одна истцева «присяга ([99]).»

Испытаніе желѣзомъ и водою.

Законы суть дополненія лѣтописей: безъ Ярославовой *Правды* мы не знали бы, что древніе Россіяне, подобно другимъ народамъ, употребляли желѣзо и воду для изобличенія преступниковъ: обыкновеніе безразсудное и жестокое, славное въ Исторіи среднихъ вѣковъ подъ именемъ *суда Небеснаго* ([100]). Обвиняемый бралъ въ голую руку желѣзо раскаленное или вынималъ его кольцо изъ кипятка: послѣ чего судьямъ надлежало обвязать и запечатать оную. Ежели черезъ три дни не оставалось язвы или знака на ея кожѣ, то невинность была доказана. Умъ здравый и самая Вѣра истинная долго не могли истребить сего устава языческихъ временъ, и Христіанскіе Пастыри торжественно освящали желѣзо и

оду для испытанія добродѣтели или злодѣйства, не только простыхъ гражданъ, но самыхъ Государей въ случаѣ клеветы или важнаго подозрѣнія. Народъ думалъ, что Богу легко сдѣлать чудо для спасенія невиннаго; но хитрость судей пристрастныхъ могла обманывать зрителей и спасать виновныхъ.

Древнѣйшіе законы всѣхъ народовъ были уголовные ([101]); но Ярославовы опредѣляютъ и важныя права наслѣдственности.

XXX. «Когда простолюдинъ умретъ бездѣтенъ, то все его имѣніе взять въ Казну; буде остались дочери незамужнія, то имъ дать нѣкоторую часть онаго. Но Князь не можетъ наслѣдовать послѣ Бояръ и мужей, составляющихъ воинскую дружину ([102]): если они не имѣютъ сыновей, то наслѣдуютъ дочери.» Но когда не было и послѣднихъ? родственники ли брали имѣніе или Князь? . . . . Здѣсь видимъ законное, важное преимущество чиновниковъ воинскихъ.

Право наслѣдственное.

XXXI. «Завѣщаніе умершаго исполняется въ точности. Буде онъ не изъявилъ воли своей, въ такомъ случаѣ отдать все дѣтямъ, а часть въ церковь для спасенія его души. Дворъ отцевскій всегда безъ раздѣла принадлежитъ меньшему сыну» — какъ юнѣйшему и менѣе другихъ способному наживать доходъ.

XXXII. «Вдова беретъ, что назначилъ ей «мужъ: впрочемъ она не есть наслѣдница. — «Дѣти первой жены наслѣдуютъ ея достояніе «или вѣно, назначенное отцемъ для ихъ матери. «— Сестра ничего не имѣетъ, кромѣ доброволь-«наго приданаго отъ своихъ братьевъ.»

XXXIII. «Если жена, давъ слово остаться вдо-«вою, проживетъ имѣніе и выдетъ замужъ, то «обязана возвратить дѣтямъ все прожитое. Но «дѣти не могутъ согнать вдовствующей матери «со двора, или отнять, что отдано ей супругомъ. «Она властна избрать себѣ одного наслѣдника «изъ дѣтей, или дать всѣмъ равную часть. Ежели «мать умретъ *безъ языка*, или безъ завѣщанія, «то сынъ или дочь, у коихъ она жила, наслѣ-«дуютъ все ея достояніе.»

XXXIV. «Если будутъ дѣти разныхъ отцевъ, «но одной матери, то каждый сынъ беретъ от-«цевское. Если второй мужъ расхитилъ имѣніе «перваго, и самъ умеръ, то дѣти его возвра-«щаютъ оное дѣтямъ перваго, согласно съ по-«казаніемъ свидѣтелей.»

XXXV. «Если братья станутъ тягаться о на-«слѣдіи предъ Княземъ, то Отрокъ Княжескій, «посланный для ихъ раздѣла, получаетъ гривну «за трудъ.»

XXXVI. «Ежели останутся дѣти малолѣтныя, «а мать выдетъ за-мужъ, то отдать ихъ при сви-«дѣтеляхъ на руки ближнему родственнику, съ «имѣніемъ и съ домомъ; а что сей опекунъ при-«совокупитъ къ оному, то возметъ себѣ за

«трудъ и попеченіе о малолѣтныхъ; но при-«плодъ отъ рабовъ и скота остается дѣ-«тямъ. — За все утраченное платитъ опе-«кунъ, коимъ можетъ быть и самъ вот-«чимъ.»

XXXVII. «Дѣти, прижитыя съ рабою, не «участвуютъ въ наслѣдіи, но получаютъ «свободу, и съ матерью.»

Главою правосудія вообще былъ Князь, а Дворъ Княжескій обыкновеннымъ мѣстомъ суда ([105]). Но Государь поручалъ сію власть Тіунамъ и своимъ Отрокамъ. — Чиновники, которымъ надлежало рѣшить уголовныя дѣла, назывались *Вирниками*, и каждый судья имѣлъ помощника или Отрока, *Мѣтельника* или писца. Они брали запасъ отъ гражданъ и пошлину съ каждаго дѣла ([104]). — Вирнику и писцу его, для объѣзда волости, давали лошадей. Судіи.

Въ одномъ изъ Новогородскихъ списковъ Ярославовой *Правды* сказано, что истецъ во всякой тяжбѣ долженъ итти съ отвѣтчикомъ *на изводъ передъ* 12 *гражданъ* — можетъ быть, Присяжныхъ, которые разбирали обстоятельства дѣла по совѣсти, оставляя судьѣ опредѣлить наказаніе и взыскивать пеню. Такъ было и въ Скандинавіи, откуда сей мудрый уставъ перешелъ въ Великобританію ([106]). Англичане наблюдаютъ его донынѣ въ дѣлахъ уголовныхъ. Саксонъ Грамматикъ повѣствуетъ, что въ Присяжные.

церковный. міровy, онъ даетъ Епископамъ исключительное право судить оскорбленіе женскаго цѣломудрія, всякія обиды, дѣлаемыя слабому полу, разводъ, кровосмѣшеніе, ссоры дѣтей съ родителями, зажигательство, воровство, драки и проч. Сей Уставъ не согласенъ съ *Русскою Правдою*, и, кромѣ нелѣпостей, содержитъ въ себѣ выраженія и слова новѣйшихъ временъ; на примѣръ, опредѣляетъ пени *рублями*, еще не употребительными въ денежномъ счетѣ временъ Ярославовыхъ (108).

ГЛАВА IV.

...ій Князь Изяславъ, названный въ крещеніи Димитріемъ.

г. 1054—1077.

Побѣда надъ Голядами и Торками. Половцы. ...сныя чудеса. Освобожденіе Судислава. Междоу... ...Пораженіе Россіянъ на берегахъ Альты. Мя... въ Кіевѣ. Бѣгство Великаго Князя. Разбитіе ...вцевъ. Кіевляне хотятъ бѣжать въ Грецію. Изя...ъ возвращается съ Поляками. Кіевъ новая Капуя. ...а съ Полоцкимъ Княземъ. Перенесеніе мощей ...са и Глѣба. Новое бѣгство Великаго Князя. Изя...ъ у Нѣмецкаго Императора. Посольство Генрика ...ъ Кіевъ. Письмо Папы къ Изяславу. Россіяне въ ...зіи. Возвращеніе Изяслава. Междоусобіе. Смерть ...каго Князя. Свойства его. Уничтоженіе смертной ...и. Монастырь Кіевопечерскій. Россіяне служатъ ...реціи. Зависимость нашей Церкви отъ Греческой. ...писка съ Патріархами. Пророки и волшебники.

...вняя Россія погребла съ Ярославомъ свое ...ество и благоденствіе. Основанная, возве...ая Единовластіемъ, она утратила силу, ... и гражданское счастіе, будучи снова раз...нною на малыя области. Владиміръ испра...шибку Святослава, Ярославъ Владиміро... ...слѣдники ихъ не могли воспользоваться ...примѣромъ, не умѣли соединить частей въ

цѣлое, и Государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ. Историкъ чужеземный не могъ бы съ удовольствіемъ писать о сихъ временахъ, скудныхъ дѣлами славы и богатыхъ ничтожными распрями многочисленныхъ Властителей, коихъ тѣни, обагренныя кровію бѣдныхъ подданныхъ, мелькаютъ предъ его глазами въ сумракѣ вѣковъ отдаленныхъ. Но Россія намъ отечество: ея судьба и въ славѣ и въ уничиженіи равно для насъ достопамятна. Мы хотимъ обозрѣть весь путь Государства Россійскаго отъ начала до нынѣшней степени онаго. Увидимъ толпу Князей недостойныхъ и слабыхъ; но среди ихъ увидимъ и Героевъ добродѣтели, сильныхъ мышцею и душею. Въ темной картинѣ междоусобія, неустройствъ, бѣдствій, являются также яркія черты ума народнаго, свойства, нравовъ, драгоцѣнныя своею древностію. Однимъ словомъ, Исторія предковъ всегда любопытна для того, кто достоинъ имѣть отечество.

Дѣти Ярославовы, исполняя его завѣщаніе, раздѣлили по себѣ Государство. Область Изяславова, сверхъ Новагорода, простиралась отъ Кіева на Югъ и Западъ до горъ Карпатскихъ, Польши и Литвы. Князь Черниговскій взялъ еще отдаленный Тмý-

г. 1054-1060.

Удѣлы.

торокань, Рязань, Муромъ и страну Вятичей: Всеволодъ, кромѣ Переяславля, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и *Поволожье*, или берега Волги. Смоленская область заключала въ себѣ нынѣшнюю Губернію сего имени съ нѣкоторою частію Витебской, Псковской, Калужской и Московской (109). Пятый сынъ Ярославовъ, Игорь, получилъ отъ старшаго брата, въ *частный* Удѣлъ, городъ Владимiръ. Князь Полоцкій, внукъ славной Рогнѣды, Брячиславъ, умеръ еще въ 1044 году: сынъ его, Всеславъ, наслѣдовалъ Удѣлъ отца — и Россія имѣла тогда шесть юныхъ Государей.

Счастливая внутренняя тишина царствовала около десяти лѣтъ: Россiяне вооружались только противъ внѣшнихъ непріятелей. Изяславъ побѣдилъ Голядовъ, жителей, какъ вѣроятно, Прусской *Галиндіи*, народъ Латышскій (110); а Всеволодъ Торковъ, восточныхъ сосѣдовъ Переяславской области, которые, услышавъ, что и Великій Князь, вмѣстѣ съ Черниговскимъ и Полоцкимъ, идетъ на нихъ сухимъ путемъ и водою, удалились отъ предѣловъ Россіи: жестокая зима, голодъ и моръ истребили большую часть сего народа (111). — Но отечество наше, избавленное отъ Торковъ, съ ужасомъ видѣло приближеніе иныхъ варваровъ, дотолѣ неизвѣстныхъ въ Исторіи міра.

Побѣда надъ Голядами и Торками.

Еще въ 1055 году Половцы, или Команы, входили въ область Переяславскую: тогда Князь ихъ, Болушь, заключилъ миръ со Всеволодомъ. Сей народъ кочующій, единоплеменный съ Печенѣгами и, вѣроятно, съ нынѣшними Киргизами, обиталъ въ степяхъ Азіатскихъ, близъ моря Каспійскаго; вытѣснилъ Узовъ (именуемыхъ, какъ вѣроятно, Торками въ нашей лѣтописи); принудилъ многихъ изъ нихъ бѣжать къ Дунаю (гдѣ они частію погибли отъ язвы, частію поддалися Грекамъ); изгналъ, кажется, Печенѣговъ изъ нынѣшней юго-восточной Россіи, и занялъ берега Чернаго моря до Молдавіи, ужасая всѣ Государства сосѣдственныя: Греческую Имперію, Венгрію и другія. — О правахъ его говорятъ Лѣтописцы съ омерзѣніемъ: грабежъ и кровопролитіе служили ему забавою, шатры всегдашнимъ жилищемъ, кобылье молоко, сырое мясо, кровь животныхъ и стерво обыкновенною пищею. — Миръ съ такими варварами могъ быть только опаснымъ перемиріемъ, и въ 1061 году Половцы, не имѣя терпѣнія дождаться лѣта, съ Княземъ своимъ Сѣкаломъ зимою ворвались въ области Россійскія, побѣдили Всеволода и съ добычею возвратились къ Дону (112).

Половцы.

г. 1061.

Съ сего времени начинаются бѣдствія Россіи, и Лѣтописецъ сказываетъ, что

г. 1061-1064.

Небо предвѣстило ихъ многими ужасными чудесами; что рѣка Волховъ шла вверхъ пять дней; что кровавая звѣзда цѣлую недѣлю являлась на Западѣ, солнце утратило свое обыкновенное сіяніе и восходило безъ лучей подобно мѣсяцу; что рыболовы Кіевскіе извлекли въ неводѣ какого-то удивительнаго мертваго урода, брошеннаго въ Днѣпръ. Сіи сказки достойны нѣкотораго замѣчанія, изъявляя страшное впечатлѣніе, оставленное въ умѣ современниковъ тогдашними несчастіями Государства. «Небо правосудно!» говоритъ Несторъ: «оно «наказываетъ Россіянъ за ихъ беззаконія. «Мы именуемся Христіанами, а живемъ «какъ язычники; храмы пусты, а на игрищахъ толпятся люди; въ храмахъ безмолвіе, а въ домахъ трубы, гусли и скоморохи (113).» — Сія укоризна безъ сомнѣнія не исправила современниковъ, но осталась для потомства любопытнымъ извѣстіемъ о тогдашнихъ нравахъ. Ужасныя чудеса.

Дѣти Ярославовы еще не нарушали завѣщанія родительскаго и жили дружно. Изяславъ считалъ себя болѣе равнымъ, нежели Государемъ братьевъ своихъ: такъ они, по смерти Вячеслава въ 1057 году, съ *общаго согласія* отдали Смоленскъ Игорю (чрезъ два года потомъ умершему), и вспомнивъ о заточенномъ дядѣ, Судиславѣ, возвратили ему свободу. Сей несчастный Осво-

божденіе Судислава. сынъ Великаго Владиміра, двадцать четыре года сидѣвъ въ темницѣ, клятвенно отказался отъ всякихъ требованій властолюбія, даже отъ самаго свѣта, постригся и кончилъ жизнь въ Кіевскомъ монастырѣ Св. Георгія (114).

Междоусобія. Первымъ поводомъ къ междоусобію было отдаленное Княжество Тмутороканское. Владиміръ Ярославичь оставилъ сына, Ростислава, который, не имѣя никакого Удѣла, жилъ праздно въ Новѣгородѣ (115). Будучи отваженъ и славолюбивъ, онъ подговорилъ съ собою нѣкоторыхъ молодыхъ людей; вмѣстѣ съ Вышатою, сыномъ Новогородскаго Изяславова Посадника, Остромира, ушелъ въ Тмуторокань и выгналъ г. 1064. юнаго Князя, Глѣба Святославича, который управлялъ сею Азовскою областію. Святославъ спѣшилъ туда съ войскомъ: племянникъ его, уважая дядю, отдалъ ему городъ безъ сопротивленія (116); но когда Черниговскій Князь удалился, Ростиславъ снова овладѣлъ Тмутороканемъ. Скоро народы горскіе, Касоги и другіе, должны были признать себя данниками юнаго Героя, такъ, что его славолюбіе и счастіе устрашили Грековъ, которые господствовали въ Тавридѣ: они подослали къ сему Князю своего знатнаго чиновника, Катапана или Префекта, умѣвшаго вкрасться къ нему въ довѣренность; и въ то время, какъ

Ростиславъ, угощая мнимаго друга, пилъ съ нимъ вино, Катапанъ, имѣя подъ ногтемъ скрытый ядъ, впустилъ его въ чашу, отравилъ Князя, уѣхалъ въ Херсонъ, и торжественно объявилъ жителямъ, что завоеватель Тмутороканскій умретъ въ седьмый день. Предсказаніе исполнилось; но Херсонцы, гнушаясь такимъ коварствомъ, убили сего злодѣя камнями (117). — Безвременная кончина мужественнаго Ростислава, отца трехъ сыновей, была въ тогдашнихъ обстоятельствахъ несчастіемъ для Россіи: онъ могъ бы лучше другихъ защитить отечество и сохранить по крайней мѣрѣ воинскую его славу. Несторъ описываетъ сего юношу, прекраснаго и благовиднаго, не только храбрымъ въ битвахъ, но и добрымъ, чувствительнымъ, великодушнымъ. Г. 1066, Февр. 3.

Святославъ не могъ вторично смирить племянника своего, Ростислава, для того, что въ Государствѣ явился новый непріятель: Князь Полоцкій (118). Сей правнукъ Рогнѣдинъ ненавидѣлъ дѣтей Ярославовыхъ, и считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ престола Великокняжескаго: ибо дѣдъ его, Изяславъ, былъ старшимъ сыномъ Св. Владиміра. Современный Лѣтописецъ называетъ Всеслава злымъ и кровожаднымъ, суевѣрно приписывая сію жестокость какой-то волшебной повязкѣ, но-

симой симъ Княземъ для закрытія природной на головѣ язвины. Всеславъ, безъ успѣха осаждавъ Псковъ, неожидаемо завоевалъ Новгородъ; ослѣпилъ многихъ жителей; не пощадилъ и святыни церквей, ограбивъ Софійскую. Оскорбленные такою наглостію, Ярославичи соединили силы свои, и не смотря на жестокую зиму, осадили Минскъ въ Княжествѣ Полоцкомъ; взяли его, умертвили гражданъ, а женъ и дѣтей отдали въ плѣнъ воинамъ. Всеславъ сошелся съ непріятелями на берегахъ Нѣмена, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ. Множество Россіянъ съ обѣихъ сторонъ легло на мѣстѣ. Великій Князь побѣдилъ; но еще страшась племянника, вступилъ съ нимъ въ мирные переговоры, и звалъ его къ себѣ. Всеславъ, повѣривъ клятвѣ Ярославичей, что они не сдѣлаютъ ему никакого зла, переѣхалъ Днѣпръ на лодкѣ, близъ Смоленска. Великій Князь встрѣтилъ его, ввелъ въ шатеръ свой и отдалъ въ руки воинамъ: несчастнаго взяли вмѣстѣ съ двумя сыновьями, отвезли въ Кіевъ и заключили въ темницу.

Г. 1067. 3 Марта. 10 Іюня.

Провидѣніе наказало вѣроломныхъ: тамъ, гдѣ отецъ ихъ одержалъ славную побѣду надъ Святополкомъ и Печенѣгами, на берегахъ Альты, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Изяславъ и братья его въ ночномъ сраженіи были на голову разбиты свирѣпыми

Г. 1068. Пораженіе Россіянъ.

Половцами (119). Великій Князь и Всеволодъ ушли въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Воины перваго, стыдясь своего бѣгства, требовали Вѣча; собрались на торговой площади, въ Кіевскомъ Подолѣ, и прислали сказать Изяславу, чтобы онъ далъ имъ оружіе и коней для вторичной битвы съ Половцами. Великій Князь, оскорбленный симъ своевольствомъ, не хотѣлъ исполнить ихъ желанія. Сдѣлался мятежъ, и недовольные, обвиняя во всемъ главнаго Воеводу Изяславова, именемъ Коснячка, окружили домъ его. Воевода скрылся. Мятежники раздѣлились на двѣ толпы: одни пошли отворить городскую темницу, другіе на дворъ Княжескій. Изяславъ, сидя съ дружиною въ сѣняхъ, смотрѣлъ въ окно, слушалъ укоризны народа, и думалъ усмирить бунтъ словами. Бояре говорили ему, что надобно послать стражу къ заточенному Всеславу; наконецъ, видя остервененіе черни, совѣтовали Великому Князю тайно умертвить его. Но Изяславъ не могъ ни на что рѣшиться, и бунтовщики дѣйствительно освободили Полоцкаго Князя: тогда оба Ярославича въ ужасѣ бѣжали изъ столицы, а народъ объявилъ Всеслава Государемъ своимъ и разграбилъ домъ Княжескій, похитивъ великое множество золота, серебра, куницъ и бѣлокъ.

Мятежъ въ Кіевѣ.

Бѣгство Великаго Князя.

Изяславъ удалился въ Польшу; но его

братья спокойно княжили въ своихъ Удѣлахъ, а племянникъ Глѣбъ въ области Воспорской, будучи снова призванъ ея жителями (120). Князь Черниговскій имѣлъ случай отмстить Половцамъ, которые жгли и грабили въ его области. Предводительствуя малочисленною конною дружиною, онъ вступилъ съ ними въ битву: 3000 Россіянъ, ободренныхъ примѣромъ и словами Князя, стремительно ударили на 12,000 Половцевъ, смяли ихъ и плѣнили Вождя непріятельскаго; множество варваровъ утонуло въ рѣкѣ Сновѣ. Черниговцы вспомнили великодушную храбрость отцевъ своихъ, пріученныхъ къ побѣдѣ Мстиславомъ, знаменитымъ сыномъ Владиміра Великаго.

Разбитіе Половцевъ.

Король Польскій, Болеславъ II, сынъ Маріи, Владиміровой дочери, и супругъ неизвѣстной намъ Княжны Россійской (121), принявъ Изяслава со всѣми знаками искренняго дружелюбія, какъ Государя несчастнаго и ближняго родственника, охотно согласился быть ему помощникомъ.

г. 1069. Всеславъ допустилъ его до самаго Бѣлагорода; наконецъ выступилъ съ войскомъ изъ Кіева: но устрашенный силою Поляковъ, и, можетъ быть, не вѣря усердію своихъ новыхъ подданныхъ, ночью ушелъ изъ стана въ Полоцкъ. Россіяне, свѣдавъ о бѣгствѣ его, съ ужасомъ возвратились

ь Кіевъ. Всѣ граждане собрались на Вѣче, немедленно отправили Пословъ къ Свяославу и Всеволоду, объявить имъ, что іевляне, изгнавъ Государя законнаго, ризнаютъ вину свою; но какъ Изяславъ едетъ съ собою враговъ иноплеменныхъ, оихъ жестокость еще памятна Россіянамъ, о граждане не могутъ впустить его въ стоицу, и прибѣгаютъ въ сей крайности къ еликодушію достойныхъ сыновъ Ярослава отечества. «Врата Кіева для васъ отверсты,» говорили Послы: «идите спасти градъ великаго отца своего; а ежели не исполните нашего моленія, то мы, обративъ въ пепелъ столицу Россіи, съ женами и дѣтьми уйдемъ въ землю Греческую.» Святославъ обѣщалъ за нихъ вступиться, но требовалъ, чтобы они изъявили окорность Изяславу. «Когда братъ мой»— казалъ Черниговскій Князь — «войдетъ въ городъ мирно, и съ малочисленною дружиною, то вамъ нечего страшиться. Когда же онъ захочетъ предать Кіевъ въ жертву Ляхамъ, то мы готовы мечемъ отразить Изяслава, какъ непріятеля.» Въ о же самое время Святославъ и Всеволодъ звѣстили брата о раскаяніи Кіевлянъ, совѣтуя, чтобы онъ удалилъ Поляковъ, шелъ въ столицу и забылъ мщеніе, если не хочетъ быть врагомъ Россіи и братьевъ. Великій Князь, давъ слово быть милосердымъ,

Кіевляне хотятъ бѣжать въ Грецію.

братья спокойно княжили въ своихъ …
лахъ, а племянникъ Глѣбъ въ …
Воспорской, будучи снова призн…
телями (120). Князь Черниго…
случай отмстить Половцамъ, …
Разбитіе Половцевъ. и грабили въ его области. …
ствуя малочисленною кон… …лі-
онъ вступилъ съ ними … …ся, и
Россіянъ, ободренныхъ … …на, въ-
вами Князя, стремител… …вомъ и съ
Половцевъ, смяли и… …).
непріятельскаго; мно… …гъ, что Вели-
нуло въ рѣкѣ Сновѣ … …олю счастливою
ли великодушную …, взялся содержать
ихъ, пріученны… … съѣстные припасы,
вомъ, знаменит… … что Болеславъ, плѣ-
ликаго. … …вѣта, роскошными пріят-

Король Пол… … *любезностію Россіянокъ*,
Маріи, Влад… …и изъ сей новой Капуи; что
неизвѣстной … …ратномъ пути, въ Червенской
принявъ И… …ли Галиціи, осаждалъ Пере-
кренняго … который, будучи весьма укрѣпленъ
счастнаг… …омъ, каменными стѣнами и баш-
но сог… …долгое время оборонялся (123). Ежели
г. 1069. Всесла… …тоятельство справедливо, то Боле-
горо… … вышелъ изъ Россіи непріятелемъ:
изъ … …могло вооружить его противъ Ве-
ко… …аго Князя? Сказаніе Нестора служитъ
св… …ясненіемъ: Россіяне, ненавидя Поля-
г… …ковъ, тайно убивали ихъ, и Король, устра-
шенный сею народною местію, подобно его

ѣду, Болеславу I, спѣ-
отечество.

мѣсяцевъ снова
ъ, что бѣд-
ѣлался на
тдаленное
ымъ, и для
ъ Подола въ
: осторожность
! Едва учредивъ
Великій Князь спѣ- Война съ Полоцкимъ Княземъ.
лаву, и жаркимъ при-
лоцкъ, отдалъ сей важ-
дѣлъ Мстиславу: по вне-
кончинѣ Святополку, другому
. Но въ то самое время бодрый
съ сильнымъ войскомъ явился
нами Новагорода, гдѣ начальство-
юный Глѣбъ Святославичь, переве-
ый туда отцемъ изъ Тмутороканя. Не-
дя Полоцкаго Князя, Новогородцы
лись отчаянно, разбили его, и могли
зять въ плѣнъ, но великодушно дали
спастися бѣгствомъ (125). — Сія война Октября 23.
илась ничѣмъ: ибо дѣятельный Все-
ъ умѣлъ снова овладѣть своею наслѣд-
нною областію, и хотя былъ еще по-
енъ Ярополкомъ, третьимъ сыномъ г. 1071
кагоКнязя, однакожь удержалъ за со-
Полоцкъ. — Между тѣмъ бѣдное оте-
во стенало отъ внѣшнихъ непріятелей;

Изяславъ возвращается съ Поляками. послалъ въ Кіевъ сына своего, Мстислава, который, въ противность торжественному договору, началъ какъ звѣрь свирѣпствовать въ столицѣ: умертвилъ 70 человѣкъ, освободившихъ Всеслава; другихъ ослѣпилъ, и жестоко наказалъ множество невинныхъ, безъ суда, безъ всякаго изслѣдованія. Граждане не смѣли жаловаться, и съ покорностію встрѣтили Изяслава, въѣ-
2 Маія. хавшаго въ столицу съ Болеславомъ и съ малымъ числомъ Поляковъ (122).

Историки Польскіе говорятъ, что Великій Князь, обязанный Королю счастливою перемѣною судьбы своей, взялся содержать его войско, давалъ ему съѣстные припасы, одежду и жалованье; что Болеславъ, плѣненный красотою мѣста, роскошными пріятностями Кіева и *любезностію Россіянокъ*, Кіевъ новая Капуа. едва могъ выйти изъ сей новой Капуи; что онъ, на возвратномъ пути, въ Червенской области или Галиціи, осаждалъ Перемышль, который, будучи весьма укрѣпленъ искусствомъ, каменными стѣнами и башнями, долгое время оборонялся (123). Ежели сіе обстоятельство справедливо, то Болеславъ вышелъ изъ Россіи непріятелемъ: что же могло вооружить его противъ Великаго Князя? Сказаніе Нестора служитъ объясненіемъ: Россіяне, ненавидя Поляковъ, тайно убивали ихъ, и Король, устрашенный сею народною местію, подобно его

знаменитому прадѣду, Болеславу I, спѣшилъ оставить наше отечество.

Изяславъ, черезъ семь мѣсяцевъ снова Государь Кіевскій, не забылъ, что бѣдственный для него мятежъ сдѣлался на торговой площади: сіе мѣсто, отдаленное отъ дворца, казалось ему опаснымъ, и для того онъ перевелъ торгъ изъ Подола въ верхнюю часть города (124): осторожность малодушная и безполезная! Едва учредивъ порядокъ въ столицѣ, Великій Князь спѣшилъ отмстить Всеславу, и жаркимъ приступомъ взявъ Полоцкъ, отдалъ сей важный городъ въ Удѣлъ Мстиславу: по внезапной же его кончинѣ Святополку, другому своему сыну. Но въ то самое время бодрый Всеславъ съ сильнымъ войскомъ явился подъ стѣнами Новагорода, гдѣ начальствовалъ юный Глѣбъ Святославичь, переведенный туда отцемъ изъ Тмуторокани. Ненавидя Полоцкаго Князя, Новогородцы сразились отчаянно, разбили его, и могли бы взять въ плѣнъ, но великодушно дали ему спастися бѣгствомъ (125). — Сія война кончилась ничѣмъ: ибо дѣятельный Всеславъ умѣлъ снова овладѣть своею наслѣдственною областію, и хотя былъ еще побѣжденъ Ярополкомъ, третьимъ сыномъ Великаго Князя, однакожь удержалъ за собою Полоцкъ. — Между тѣмъ бѣдное отечество стенало отъ внѣшнихъ непріятелей;

Война съ Полоцкимъ Княземъ.

Октября 23.

Г. 1071

требовало защитниковъ, и не находило ихъ: Половцы свободно грабили на берегахъ Десны.

Пренесеніе мощей Бориса и Глѣба.

Союзъ Ярославичей казался неразрывнымъ. Изяславъ, соорудивъ новую церковь въ Вышегородѣ, управляемомъ тогда Вельможею Чудинымъ, вздумалъ поставить въ ней гробы Бориса и Глѣба, и призвалъ своихъ братьевъ на сіе торжество (126). Оно совершилось въ присутствіи знаменитѣйшаго Духовенства, Бояръ и народа, 2 Маія, день, въ который Великій Князь, за три года предъ тѣмъ, вступилъ съ Болеславомъ въ Кіевъ. Сами Ярославичи несли раку Борисову, и Митрополитъ Георгій призналъ святость Россійскихъ Мучениковъ, къ удовольствію Государя и народа. Духовное празднество заключилось веселымъ пиромъ: три Князя обѣдали за однимъ столомъ, вмѣстѣ съ своими Боярами, и разъѣхались друзьями.

Сія дружба скоро обратилась въ злобу. Святославъ, желая большей власти, увѣрилъ Всеволода, что старшій братъ тайно сговаривается противъ нихъ съ Княземъ Полоцкимъ. Они вооружились, и несчастный Изяславъ вторично бѣжалъ въ Польшу, надѣясь, что великія сокровища, увезенныя имъ изъ Кіева, доставятъ ему сильныхъ помощниковъ внѣ Государства (127). Но Болеславъ уже не хотѣлъ искать по-

г. 1073 Новое бѣгство Велик. Князя.

выхъ опасностей въ Россіи: взялъ его сокровища, и (по словамъ Лѣтописца) *указалъ ему путь отъ себя.* Горестный изгнанникъ отправился къ Нѣмецкому Императору, Генрику IV; былъ ему представленъ въ Маинцѣ Саксонскимъ Маркграфомъ Деди; поднесъ въ даръ множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, также мѣховъ драгоцѣнныхъ, и требовалъ его заступленія, обѣщая, какъ говорятъ Нѣмецкіе Лѣтописцы, признать себя данникомъ Имперіи. Юный и храбрый Генрикъ, готовимый судьбою къ бѣдствіямъ гораздо ужаснѣйшимъ Изяславовыхъ, не отказался быть защитникомъ угнетеннаго. Окруженный въ собственномъ Государствѣ измѣнниками и непріятелями, онъ послалъ въ Кіевъ Бурхарда, Трирскаго духовнаго Чиновника, брата Оды, шурина Вячеславова, какъ вѣроятно, и велѣлъ объявить Князьямъ Россійскимъ, чтобы они возвратили Изяславу законную власть, или, не смотря на отдаленность, мужественное войско Нѣмецкое смиритъ хищниковъ (128). Въ Кіевѣ господствовалъ тогда Святославъ, придавъ, можетъ быть, Всеволоду нѣкоторые изъ южныхъ городовъ: онъ дружелюбно угостилъ Пословъ Императорскихъ, и старался увѣрить ихъ въ своей справедливости. Несторъ пишетъ, что сей Князь, подобно Іудейскому Царю

Г. 1075. Изяславъ у Нѣмецк. Императора.

Посольство Генрика IV въ Кіевъ.

Езекіи, величался предъ Нѣмцами богатствомъ казны своей, и что они, видя множество золота, серебра, драгоцѣнныхъ паволокъ, благоразумно сказали: *Государь! мертвое богатство есть ничто въ сравненіи съ мужествомъ и великодушіемъ*. «Слѣдствіе доказало истину ихъ словъ,» прибавляетъ Несторъ: «по смерти Святослава «исчезли *какъ прахъ* всѣ его сокровища.»— Бурхардъ возвратился къ Императору съ дарами, которые удивили Германію. «Никогда» — говоритъ современный Нѣмецкій Лѣтописецъ ([129]) — «не видали мы столько золота, серебра и богатыхъ тканей.» Генрикъ, обезоруженный щедростію Святослава, и не имѣя впрочемъ никакого способа воевать съ Россіянами, утѣшилъ изгнанника однимъ безполезнымъ сожалѣніемъ.

Письмо Папы въ Изяславу.

Изяславъ обратился къ Папѣ, славному въ Исторіи Григорію VII, хотѣвшему быть Главою всеобщей Монархіи или Царемъ Царей, и послалъ въ Римъ сына своего. Жертвуя властолюбію и православіемъ Восточной Церкви и достоинствомъ Государя независимаго, онъ признавалъ не только духовную, но и мірскую власть Папы надъ Россіею; требовалъ его защиты и жаловался ему на Короля Польскаго. Григорій отправилъ пословъ къ Великому Князю и къ Болеславу, написавъ къ первому слѣдующее:

«Григорій Епископъ, слуга слугъ Божіихъ, «Димитрію, Князю Россіянъ (Regi Russorum), и «Княгинѣ, супругѣ его, желаетъ здравія и по«сылаетъ Апостольское благословеніе.

«Сынъ вашъ, посѣтивъ святыя мѣста Рима, «смиренно молилъ насъ, чтобы мы властію Св. «Петра утвердили его на Княженіи, и далъ пря«сягу быть вѣрнымъ Главѣ Апостоловъ. Мы «исполнили сію благую волю — согласную съ «вашею, какъ онъ свидѣтельствуетъ — поручили «ему кормило Государства Россійскаго именемъ «Верховнаго Апостола, съ тѣмъ намѣреніемъ и «желаніемъ, чтобы Св. Петръ сохранилъ ваше «здравіе, княженіе и благое достояніе до кон«чины живота, и сдѣлалъ васъ нѣкогда согри«частникомъ славы вѣчныя. Желая также изъя«вить готовность къ дальнѣйшимъ услугамъ, «довѣряемъ симъ Посламъ — изъ коихъ *одинъ «вамъ* извѣстенъ *и другъ вѣрный* (130) — изустно «переговорить съ вами о всемъ, что есть и чего «нѣтъ въ письмѣ. Пріимите ихъ съ любовію, «какъ пословъ Св. Петра; благосклонно выслу«шайте и несомнѣнно вѣрьте тому, что они «предложатъ вамъ отъ имени нашего — и проч. «Всемогущій Богъ да озаритъ сердца ваши и да «преведетъ васъ отъ благъ временныхъ ко славѣ «вѣчной. Писано въ Римѣ, 15 Маія, Индикта «XIII,» (то есть, 1075 году).

Такимъ образомъ Изяславъ, самъ не имѣя тогда власти надъ Россіею, далъ поводъ надменному Григорію причислить сію Державу ко мни-

мымъ владѣніямъ Св. Петра, зависящимъ отъ мнимаго Апостольскаго Намѣстника! . . . Въ письмѣ къ Болеславу говоритъ Папа: «Беззаконно присвоивъ себѣ казну «Государя Россійскаго, ты нарушилъ добродѣтель Христіанскую. Молю и заклинаю тебя именемъ Божіимъ отдать ему все «взятое тобою или твоими людьми: ибо «хищники не внидутъ въ Царствіе Небесное, ежели не возвратятъ похищеннаго.»

Заступленіе гордаго Папы едва ли имѣло какое нибудь дѣйствіе, и въ слѣдующемъ году юные Князья Россійскіе, Владиміръ Мономахъ и Олегъ — первый Всеволодовъ,
г. 1076. Россіяне въ Силезіи. а вторый Святославовъ сынъ — заключивъ союзъ съ Поляками, ходили съ войскомъ въ Силезію, помогать Болеславу противъ Герцога Богемскаго ([131]). Но скоро обстоятельства, къ счастію Изяславову,
Декабря 27. перемѣнились. Главный врагъ его, Святославъ, умеръ, отъ разрѣзанія какой-то затвердѣлости или опухоли. Тогда изгнанникъ ободрился: собралъ нѣсколько тысячь Поляковъ и вступилъ въ Россію. Добродушный Всеволодъ встрѣтилъ его въ Волыніи и, вмѣсто битвы, предложилъ ему
г. 1077. Іюля 5. Возвращеніе миръ. Братья клялися, забывъ прошедшее, умереть друзьями, и старшій въѣхалъ въ Кіевъ Государемъ, уступивъ меньшему

Княженіе Черниговское, а сыну его, Владиміру, Смоленскъ ([132]). Изяслава.

Опасаясь честолюбія безпокойныхъ племянниковъ и замысловъ давнишняго врага своего, Всеслава, они хотѣли удалить первыхъ отъ всякаго участія въ правленіи и вторично изгнать послѣдняго. Романъ *Святославичъ* княжилъ въ Воспорской области: сынъ *Вячеславовъ*, Борисъ, въ самое то время, когда Изяславъ и Всеволодъ заключали миръ на границѣ, овладѣлъ Черниговымъ; но предвидя, что дяди не оставятъ его въ покоѣ и накажутъ какъ хищника, чрезъ нѣсколько дней ушелъ въ Тмуторокань къ Роману ([133]). Князь Новогородскій, Глѣбъ, юноша прекрасный и добродушный, къ общему сожалѣнію погибъ тогда въ отдаленномъ Заволочьѣ: Изяславъ отдалъ его Княженіе Святополку, а другому сыну своему, Ярополку, Вышегородъ. Олегъ Святославичь господствовалъ въ области Владимірской: онъ долженъ былъ, по волѣ дядей своихъ, выѣхать оттуда и жить праздно въ Черниговѣ. Князь Полоцкій довольствовался независимостію и наслѣдственнымъ Удѣломъ: Ярославичи объявили ему войну. Всеволодъ ходилъ къ его столицѣ, и ничего болѣе не сдѣлалъ. Въ слѣдующій годъ Владиміръ Мономахъ и Святополкъ выжгли только ея предмѣстіе; но Мономахъ возвратился къ отцу съ бо-

Междоусобія.

Г. 1078.

гатою добычею, далъ ему и печальному Олегу роскошный обѣдъ на *красномъ дворѣ* въ Черниговѣ, и поднесъ Всеволоду въ даръ нѣсколько фунтовъ золота (134).

Сей Олегъ, рожденный властолюбивымъ, не могъ быть обольщенъ ласками дяди и брата; считалъ себя невольникомъ въ домѣ Всеволодовомъ; хотѣлъ свободы, господства; бѣжалъ въ Тмуторокань и рѣшился, вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ, искать счастія оружіемъ. Нанявъ Половцевъ, они вошли въ предѣлы Черниговскаго Княженія, и разбили Всеволода. Многіе знаменитые Бояре лишились тутъ жизни (135). Побѣдители взяли Черниговъ, и думали, что все Государство должно признать власть ихъ; а несчастный Всеволодъ ушелъ въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ обнялъ его съ нѣжностію и сказалъ ему сіи достопамятныя слова: «Утѣшься, горестный «братъ, и вспомни, что было со мною въ жизни! «Отверженный народомъ, всегда мнѣ любез«нымъ; лишенный престола и всего законнаго «достоянія, могъ ли я чѣмъ нибудь укорять «себя? Вторично изгнанный братьями единокров«ными — и за что? свидѣтельствуюсь Богомъ въ «моей невинности — я скитался въ земляхъ чуж«дыхъ; искалъ сожалѣнія иноплеменниковъ! По «крайней мѣрѣ ты имѣешь друга. Если намъ «княжить въ землѣ Русской, то обоимъ; если «быть изгнаннымъ, то вмѣстѣ. Я положу за тебя «свою голову.» . . . . Онъ немедленно собралъ войско. Мужественный Владиміръ спѣшилъ так-

изъ Смоленска къ отцу своему, и едва ь пробиться сквозь многочисленныя ны Половцевъ (136). Великій Князь, Всеодъ, Ярополкъ и Мономахъ соединенли силами обступили Черниговъ. Олегъ орисъ находились въ отсутствіи; по кдане хотѣли обороняться. Владиміръ ъ приступомъ внѣшнія укрѣпленія и снилъ осажденныхъ внутри города. Узь, что племянники идутъ съ войскомъ Чернигову, Изяславъ встрѣтилъ ихъ. гъ не надѣялся побѣдить четырехъ соеенныхъ Князей, и совѣтовалъ брату пить въ мирные переговоры; но горБорисъ отвѣтствовалъ ему: «останься покойнымъ зрителемъ моей битвы съ ми» — сразился близъ Чернигова, и затилъ жизнію за свое властолюбіе. Еще вь лилась рѣкою. Изяславъ стоялъ среди оты: непріятельскій всадникъ ударилъ копьемъ въ плечо: Великій Князь палъ твый на землю. Наконецъ Олегъ обрася въ бѣгство, и съ малымъ числомъ новъ ушелъ въ Тмуторокань. — Бояре везли тѣло Изяслава въ ладіи: на бе- жители Кіевскіе, знатные и бѣдные, тскіе и духовные, ожидали его со слеи; вопль народный (какъ говоритъ Лѣисецъ) заглушалъ священное пѣніе. ополкъ съ Княжескою дружиною шелъ груномъ, оплакивая несчастную судьбу

Смерть Велик. Князя.

и добродѣтели отца своего. — Положенное въ мраморную раку, тѣло Великаго Князя было предано землѣ въ храмѣ Богоматери, гдѣ стоялъ памятникъ Св. Владиміра.

Свойства Изяслава.

Несторъ пишетъ, что Изяславъ, пріятный лицемъ и величественный станомъ, не менѣе украшался и тихимъ нравомъ, любилъ правду, ненавидѣлъ криводушіе; что онъ истинно простилъ мятежныхъ Кіевлянъ, и не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ жестокостяхъ Мстиславовыхъ; помнилъ только любовь Всеволода, добровольно уступившаго ему Великое Княженіе, и забылъ вражду его; сказалъ, что охотно умретъ за брата, и, къ несчастію, сдержалъ слово.... Вѣримъ похвалѣ современника благоразумнаго, любившаго отечество и добродѣтель; но Изяславъ былъ столь же малодушенъ, сколь мягкосердеченъ: хотѣлъ престола, и не умѣлъ твердо сидѣть на ономъ. Своевольныя злодѣянія сына въ Кіевѣ — ибо казнь безъ суда и нарушеніе слова есть всегда злодѣяніе — изъявляютъ, по крайней мѣрѣ, слабость отца, который въ то же самое время сдѣлалъ его Княземъ Владѣтельнымъ. Наконецъ бѣдствіе Минска и вѣроломное заточеніе Всеслава согласны ли съ похвалами Лѣтописца?

Изяславъ оставилъ свое имя въ нашихъ древнихъ законахъ. По кончинѣ родителя онъ призвалъ на совѣтъ братьевъ своихъ,

ятослава и Всеволода, также умнѣйшихъ льможъ того времени: Коснячка, Воеу ненавистнаго Кіевлянамъ ([137]), Перега, Никифора, Чудина, и совершенно ичтожилъ смертную казнь, уставивъ декную пеню за всякія убійства: по излишу ли человѣколюбію, какъ Владиміръ? для сохраненія людей, которые могли е служить отечеству? или для обогащенія рами казны Государей?

Уничтоженіе смертной казни.

При Изяславѣ былъ основанъ славный настырь Кіевопечерскій, и самъ Несторъ сказываетъ достопамятныя обстоятель- а сего учрежденія. Нѣкто, житель горо- Любеча, одушевленный Христіанскимъ рдіемъ, захотѣлъ видѣть Святую гору, любилъ житіе Монаховъ Аѳонскихъ, и стриженный въ ихъ Обители, былъ нанъ Антоніемъ. Игуменъ, наставивъ его правилахъ монастырскихъ, далъ ему агословеніе и велѣлъ итти въ Россію, едвидя, что онъ будетъ въ нашемъ отествѣ свѣтиломъ Черноризцевъ. Антоній звратился еще при Князѣ Ярославѣ ([138]), ходилъ тогдашніе монастыри Россійскіе, близъ Кіева, на высокомъ берегу Днѣовскомъ, увидѣлъ пещеру: Иларіонъ, бучи еще простымъ Іереемъ Берестовимъ, ископалъ оную собственными рури, и часто, окруженный безмолвіемъ емучаго лѣса, молился въ ней Богу. Она

Монастырь Кіевопечерскій.

стояла уже пустая: Иларіонъ, въ санѣ Митрополита, пасъ Церковь и жилъ въ столицѣ. Антоній плѣнился красотою сего дикаго уединенія, остался въ пещерѣ Иларіоновой и посвятилъ дни свои молитвѣ. Слухъ о пустынникѣ разнесся въ окрестностяхъ: многіе люди желали видѣть святаго мужа; самъ Великій Князь Изяславъ приходилъ къ нему съ своею дружиною требовать благословенія. Двѣнадцать Монаховъ, отчасти Антоніемъ постриженныхъ, выкопали тамъ подземную церковь съ кельями. Число ихъ безпрестанно умножалось: Великій Князь отдалъ имъ всю гору надъ пещерами, гдѣ они заложили большую церковь съ оградою. Смиренный Антоній не хотѣлъ начальства: поручивъ новую Обитель Игумену Варлааму, уединился въ пещеру, однакожь не избавился отъ гоненія. Считая Антонія другомъ Всеславовымъ, Великій Князь приказалъ воинамъ ночью схватить его и вывезти изъ области Кіевской. Но добродѣтельный мужъ скоро возвратился съ честію въ любимую свою пещеру, и жилъ въ ней до самой кончины, имѣвъ удовольствіе видѣть Лавру Кіевскую въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Щедрость и набожность Ярославичей обогатили сей монастырь доходами и помѣстьями. Святославъ далъ 100 гривенъ, или 50 фунтовъ золота, на строеніе каменнаго великолѣпнаго храма Печерскаго, призвалъ художниковъ изъ Константинополя, и своими руками началъ копать ровъ для основанія церкви. Знаменитый Варягъ Симонъ

Вельможа Всеволодовъ, подарилъ Антонію на украшеніе олтаря златую цѣпь въ 50 гривенъ и вѣнецъ драгоцѣнный, наслѣдіе отца его, Князя Варяжскаго. Святой Θеодосій, преемникъ Варлаамовъ, заимствовалъ отъ Цареградскаго Студійскаго монастыря уставъ Черноризцевъ, который сдѣлался общимъ для всѣхъ монастырей Россійскихъ. Сей благочестивый Игуменъ завелъ въ Кіевѣ первый домъ страннопріимства, и питалъ несчастныхъ въ темницахъ. Добродѣтель Θеодосіева была столь уважаема, что Великій Князь не рѣдко приходилъ бесѣдовать съ нимъ наединѣ, оставался у него обѣдать, ѣлъ хлѣбъ, сочиво, и съ улыбкою говаривалъ, что роскошная трапеза Княжеская ему не такъ пріятна, какъ монастырская. Любя Изяслава, Θеодосій великодушно обличалъ виновнаго брата, гонителя его, въ беззаконіи. Святославъ терпѣлъ сіи укоризны, оправдывался, и когда святый мужъ входилъ въ шумный дворецъ его, гдѣ часто гремѣла музыка, органы и гусли, тогда все умолкало. Лежа на смертномъ одрѣ, Θеодосій благословилъ Святослава и сына его, Глѣба. — Монахи Печерскіе, возбуждаемые наставленіемъ и примѣромъ своихъ достойныхъ начальниковъ, служили ревностно Богу и человѣчеству; нѣкоторые изъ нихъ пріяли вѣнцы Мучениковъ, обращая идолопоклонниковъ: Леонтій въ Ростовѣ, Св. Кукша въ землѣ Вятичей (въ Орловской или Калужской Губерніи). Самые Вельможи, отказываясь отъ свѣта, искали ду-

шевнаго мира въ Печерской Обители. Такъ Варлаамъ, первый Игуменъ, сынъ знаменитѣйшаго Боярина Іоанна и внукъ славнаго Вышаты, ослѣпленнаго Константиномъ Мономахомъ, былъ постриженъ Антоніемъ. Сей юноша, плѣненный ученіемъ святаго мужа, пріѣхалъ къ нему со многими Отроками, которые вели навьюченныхъ лошадей; сошелъ съ коня, бросилъ къ ногамъ Антонія свою одежду Боярскую и сказалъ: «вотъ прелесть міра! употреби, «какъ тебѣ угодно, мое бывшее имѣніе; «хочу жить въ уединеніи и бѣдности.»

Россіяне служать въ Греціи.

Изяславъ и его братья соблюдали неразрывную дружбу съ Греками, и давали имъ войско, которое въ частыхъ внутреннихъ неустройствахъ поддерживало слабыхъ Императоровъ на тронѣ. Знаменитый Алексій Комнинъ, еще не Государь, но только Полководецъ Имперіи, въ 1077 году смиряя мятежника Никифора Вріенія, имѣлъ съ собою множество судовъ Россійскихъ (139).

Зависимость нашей Церкви отъ Греческой.

— Ярославичи возвратили Константинопольскому Патріарху важное право ставить Кіевскихъ Митрополитовъ: Георгій, преемникъ Иларіоновъ, родомъ Грекъ, былъ присланъ изъ Царяграда; устрашенный, можетъ быть, раздоромъ Князей, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ выѣхалъ изъ нашего отечества. Съ того времени Церковь Россійская, до самаго паденія Восточной Имперіи,

зависѣла отъ Патріарха Константинопольскаго, и въ росписи Епископствъ, находившихся подъ его вѣдѣніемъ, считалась *семидесятымъ*. Въ знакъ уваженія къ достоинству нашихъ Митрополитовъ, Патріархи обыкновенно писали къ нимъ грамоты за *свинцовою*, а не восковою *печатью:* честь, которую они дѣлали только Императорамъ, Королямъ и знаменитѣйшимъ сановникамъ (140). Переписка съ Патріархами.

Успѣхи Христіанскаго благочестія въ Россіи не могли искоренить языческихъ суевѣрій и мнимаго чародѣйства. Къ Исторіи тогдашнихъ временъ относятся слѣдующія извѣстія Несторовы:

Въ 1071 году явился въ Кіевѣ волхвъ, который сказывалъ народу, что Днѣпръ скоро потечетъ вверхъ и всѣ земли перемѣстятся; что Греція будетъ тамъ, гдѣ Россія, а Россія тамъ, гдѣ Греція. Невѣжды вѣрили, а благоразумные надъ нимъ смѣялись, говоря ему, чтобы онъ самъ берегся. Сей человѣкъ (пишетъ Несторъ) дѣйствительно пропалъ въ одну ночь безъ вѣсти. Пророки и волшебники.

Около того же времени сдѣлался въ Ростовской области голодъ. Два кудесника или обманщика, жители Ярославля — основаннаго, думаю, Великимъ Княземъ Ярославомъ — ходили по Волгѣ и въ каждомъ селеніи объявляли, что бабы причиною

всего зла, и скрываютъ въ *самихъ себѣ* хлѣбъ, медъ и рыбу ([141]). Люди приводили къ нимъ матерей, сестеръ, женъ; а мнимые волхвы, будто бы надрѣзывая имъ плеча, и высыпая изъ своего рукава жито, кричали: «видите, что лежало у «нихъ за кожею!» Сіи злодѣи съ шайкою помощниковъ убивали невинныхъ женщинъ, грабили имѣніе богатыхъ, и дошли наконецъ до Бѣлаозера, гдѣ Вельможа Янь, сынъ Вышатинъ, собиралъ дань для Князя Святослава: онъ велѣлъ ловить ихъ, и чрезъ нѣсколько дней Бѣлозерцы привели къ нему двухъ главныхъ обманщиковъ, которые не хотѣли виниться, и доказывая мудрость свою, открывали за тайну, что Діаволъ сотворилъ тѣло человѣка, гніющее въ могилѣ, а Богъ душу, парящую на небеса; что Антихристъ сидитъ въ безднѣ; что они вѣрують въ его могущество и знаютъ все сокровенное отъ другихъ людей. «Но знаете ли собственную «вашу участь?» сказалъ Янь. «Ты представишь «насъ Святославу,» говорили кудесники: «а если «умертвишь, то будешь несчастливъ.» Смѣясь надъ сею угрозою, онъ велѣлъ ихъ повѣсить на дубу, какъ государственныхъ преступниковъ.

Не только въ Скандинавіи, но и въ Россіи Финны и Чудь славились волшебствомъ, подобно какъ въ древней Италіи Тосканцы ([142]). Несторъ разсказываетъ, что Новорогодцы ходили въ Эстонію узнавать будущее отъ тамошнихъ мудрецовъ, которые водились съ *черными крилатыми духами*. Одинъ изъ такихъ кудесниковъ

ественно осуждалъ въ Новѣгородѣ Вѣру іанскую, бранилъ Епископа и хотѣлъ итти омъ черезъ Волховъ. Народъ слушалъ его человѣка божественнаго. Ревностный Епи- облачился въ Святительскія ризы, сталъ ощади, и держа крестъ въ рукахъ, звалъ бѣ вѣрныхъ Христіанъ. Но ослѣпленные ане толпились вокругъ обманщика: одинъ Глѣбъ и дружина его приложились къ му кресту. Тогда Глѣбъ подошелъ ко мни- чародѣю и спросилъ: предвидитъ ли онъ, удетъ съ нимъ въ тотъ день? — Волшеб- отвѣтствовалъ: «я сдѣлаю великія чудеса.» ь!» сказалъ смѣлый Князь — и топоромъ къ ему голову (143). Обманщикъ палъ мерт- ь ногамъ его, и народъ увѣрился въ своемъ кденіи.

ГЛАВА V.

Великій Князь Всеволодъ.

г. 1078—1093.

Междоусобія. Олегъ въ Родосѣ. Подвиги Мономаха. Убіеніе Ярополка. Нападеніе Болгаровъ на Муромъ. Засуха и моръ. Землетрясеніе. Видѣнія. Набѣги Половцевъ. Слабость Великаго Князя. Кончина его. Дочь Всеволодова за Генрикомъ IV. Митрополитъ Іоаннъ. Его сочиненіе. Крестильницы. Праздникъ 9 Маія. Сношенія съ Римомъ.

Не сынъ Изяславовъ, но Всеволодъ наслѣдовалъ престолъ Великокняжескій. Дядя, по тогдашнему образу мыслей и всеобщему уваженію къ семейственнымъ связямъ, имѣлъ во всякомъ случаѣ право старѣйшинства и заступалъ мѣсто отца для племянниковъ. — Сей Государь утвердилъ Святополка на Княженіи Новогородскомъ: другому сыну Изяславову, Ярополку, отдалъ Владиміръ и Туровъ (144), а Мономаху Черниговъ.

г. 1078-1084.

Романъ Святославичь, Князь Тмутороканскій, желая отмстить за Олега и Бориса, немедленно началъ войну междоусобную, которая стоила ему жизни. Половцы,

Междоусобія.

его наемники, заключили миръ со Всеволодомъ у Переяславля, и на возвратномъ пути умертвили Романа; а брата его, Олега, неволею отправили въ Константинополь. Пользуясь несчастіемъ Святославичей, Великій Князь прислалъ въ Тмуторокань Намѣстника своего, Ратибора. Но сія область Воспорская, убѣжище Князей обдѣленныхъ, скоро была завоевана Давидомъ *Игоревичемъ* и Володаремъ *Ростиславичемъ*, внукомъ и правнукомъ Великаго Ярослава, которые также не долго въ ней господствовали. Изгнанникъ Олегъ, живъ два года на островѣ Родосѣ, славномъ въ Исторіи своими древними мудрыми законами, Науками, великолѣпіемъ зданій и Колоссомъ огромнымъ, возвратился въ Тмуторокань и, вѣроятно, съ помощію Грековъ овладѣлъ имъ; казнилъ многихъ виновныхъ Козаровъ, его личныхъ непріятелей, давшихъ совѣтъ Половцамъ умертвить Романа; а Володаря и Давида отпустилъ въ Россію (145).

Олегъ въ Родосѣ.

Всеволодъ любилъ миръ, и видѣлъ безпрестанное кровопролитіе. Полоцкій Князь осадилъ Смоленскъ: Владиміръ спѣшилъ туда съ Черниговскою конницею; не засталъ Всеслава, но Смоленскъ, зажженный непріятелемъ, еще дымился въ пеплѣ. Мономахъ, въ наказаніе врагу своему, огнемъ и мечемъ опустошилъ его землю, и чрезъ

нѣсколько времени взявъ Минскъ, отнялъ всѣхъ рабовъ и скотъ у жителей. Такимъ образомъ сей несчастный городъ вторично пострадалъ за своего Князя. — Мужественный сынъ Всеволодовъ не выпускалъ меча изъ рукъ: побѣдилъ Торковъ, обитавшихъ близъ Переяславля; два раза ходилъ усмирять безпокойныхъ Вятичей, и вездѣ гналъ неутомимыхъ злодѣевъ Россіи, Половцевъ, на берегахъ Десны, Хороля; плѣнялъ ихъ Вождей, отбивалъ добычу (146). Но сіи успѣхи не могли утвердить государственной безопасности, и Князья Россійскіе междоусобіемъ своимъ усиливали внѣшнихъ непріятелей.

Подвиги Мономаха.

Ростиславичи, воспитанные, кажется, въ домѣ у Ярополка, бѣжали отъ него, и въ отсутствіе дяди, который гостилъ у Всеволода въ недѣлю Пасхи, вооруженною рукою заняли Владиміръ. Всякой знаменитый мятежникъ, обѣщая грабежъ и добычу, могъ собирать тогда шайки усердныхъ помощниковъ: доказательство, сколь правленіе было слабо и своевольство народа необузданно! Всеволодъ, оскорбленный несчастіемъ племянника, велѣлъ Мономаху итти на Ростиславичей: ихъ выгнали, и Ярополкъ возвратился въ свой Удѣлъ съ честію. — Въ то же время Давидъ Игоревичь, скитаясь въ южной Россіи и внѣ предѣловъ ея, завладѣлъ Олешьемъ, Греческимъ

г. 1084.

городомъ близъ устья Днѣпровскаго, и нагло ограбилъ тамъ многихъ купцевъ: Всеволодъ, призвавъ его къ себѣ, далъ ему Дорогобужъ въ Вольініи ([147]).

Самъ Ярополкъ, облагодѣтельствованный Всеволодомъ, не устыдился быть врагомъ его: Князь слабый, послушный коварнымъ совѣтникамъ, и скоро наказанный за свою безразсудность. Дядя, свѣдавъ о злыхъ намѣреніяхъ сего неблагодарнаго, г. 1085. предупредилъ ихъ опасное исполненіе; и слухъ, что Мономахъ идетъ съ войскомъ, заставилъ Ярополка бѣжать въ Польшу. Владиміръ нашелъ въ Луцкѣ мать его, супругу, дружину, казну; возвратился съ ними въ Кіевъ, а владѣніе Ярополково отдалъ Давиду Игоревичу. — Но Ярополкъ, не сыскавъ заступниковъ внѣ Россіи, скоро умилостивилъ Всеволода искреннимъ раскаяніемъ, и заключивъ миръ съ его сыномъ, Мономахомъ, въ Вольініи, получилъ г. 1086. обратно свое Княженіе ([148]). Судьба не дала ему времени заслужить великодушіе дяди или снова быть неблагодарнымъ. Онъ чрезъ нѣсколько дней погибъ отъ руки злодѣя, на пути въ *Червенскій* Звенигородъ: сей преступникъ, именемъ Нерядецъ, ѣхалъ за нимъ верхомъ вмѣстѣ съ другими Княжескими Отроками и вонзилъ саблю въ бокъ своему Государю, покойно лежавшему на колесницѣ. Ярополкъ всталъ,

Убіеніе Ярополка. Ноября 22.

извлекъ изъ себя окровавленное желѣзо, громко сказалъ: «умираю отъ коварнаго врага,» и скончался. Лѣтописецъ не объясняетъ тайной причины злодѣйства, сказывая только, что убійца бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику, старшему изъ Ростиславичей, которымъ Всеволодъ уступилъ сей городъ въ Удѣлъ (149), и которые, принявъ измѣнника, навлекли на себя гнусное подозрѣніе, болѣе несчастное, нежели справедливое. Отроки Ярополковы привезли тѣло убіеннаго въ Кіевъ, чтобы воздать ему честь погребенія тамъ, гдѣ лежали кости его родителя: Всеволодъ, Мономахъ, Ростиславъ (меньшій сынъ Великаго Князя), Духовенство и народъ встрѣтили оное съ искреннимъ изъявленіемъ горести (150). — Лѣтописецъ говоритъ, что Ярополкъ, добродушный подобно отцу своему, давалъ всегда церковную *десятину* въ храмъ Богоматери, исполняя завѣщаніе Владиміра Великаго; завидовалъ святости Бориса и Глѣба, и желалъ также умереть мученикомъ. Давидъ Игоревичь наслѣдовалъ область Владимірскую.

Г. 1088. Нападеніе Болгаровъ на Муромъ.

Между тѣмъ, какъ Всеволодъ занимался возстановленіемъ порядка и тишины въ ближнихъ областяхъ, Камскіе Болгары взяли Муромъ. Не имѣя духа воинскаго, любя торговлю, земледѣліе, и въ случаѣ неурожая питая восточный край Россіи,

они хотѣли, вѣроятно, отмстить жителямъ Муромской области за какую нибудь обиду или несправедливость: по крайней мѣрѣ сія война не имѣла дальнѣйшаго слѣдствія, и взятый ими городъ не долго былъ въ ихъ власти (151).

Великій Князь не могъ утѣшиться всеобщимъ спокойствіемъ. Междоусобіе прекратилось; но бѣдствія инаго роду посѣтили Россію. Отъ безпрестанныхъ, неслыханныхъ жаровъ вездѣ изсохли поля, и лѣса въ болотныхъ мѣстахъ сами собою воспламенялись, къ ужасу сельскихъ жителей; голодъ, болѣзни, моръ свирѣпствовали во многихъ областяхъ, и въ одномъ Кіевѣ умерло отъ 14 Ноября до 1 Февраля 7000 человѣкъ. Воображеніе несчастныхъ видѣло во всемъ страшныя знаменія гнѣва Божескаго: въ самыхъ обыкновенныхъ метеорахъ, въ затмѣніи солнца, въ легкомъ бывшемъ тогда землетрясеніи. Къ симъ случаямъ естественнымъ суевѣріе прибавило нелѣпыя чудеса: разсказывали, что огромный змѣй упалъ съ неба въ то время, какъ Великій Князь забавлялся ловлею звѣрей; что злые духи въ Полоцкѣ ночью и днемъ скакали на коняхъ, невидимо уязвляя гражданъ, и что множество людей отъ того умерло (152). Народъ стеналъ, Государь былъ въ уныніи, Половцы грабили; на обѣихъ сторонахъ Днѣпра ды-

Г. 1092. Засуха и моръ.

Землетрясеніе.

Видѣнія.

мились села, обращенныя въ пепелъ сими жестокими варварами, которые взяли даже нѣсколько городовъ: Песоченъ на рѣкѣ Супоѣ, Переволоку близъ устья Ворсклы, и нигдѣ, кажется, не находили сопротивленія. Наконецъ Василько Ростиславичь, правнукъ Ярославовъ, уговорилъ ихъ оставить Россію, и вмѣстѣ съ нимъ воевать Польшу, ослабленную внутренними раздорами (153). Сей Князь, по смерти брата своего, Рюрика, наслѣдовалъ часть Перемышльской области: скоро увидимъ его великодушіе и злосчастіе.

Набѣги Половцевъ.

Всеволодъ, огорчаемый бѣдствіями народными и властолюбіемъ своихъ племянниковъ — которые, желая господствовать, не давали ему покоя и безпрестанно требовали Удѣловъ—съ завистію воспоминалъ то счастливое время, когда онъ жилъ въ Переяславлѣ, довольный жребіемъ Удѣльнаго Князя и спокойный сердцемъ (154). Не имѣвъ никогда великодушной твердости, сей Князь, обремененный лѣтами и недугами, впалъ въ совершенное разслабленіе духа; удалилъ отъ себя Бояръ опытныхъ, слушалъ только юныхъ любимцевъ, и не хотѣлъ уже слѣдовать древнему обычаю Государей Россійскихъ, которые сами, въ присутствіи Вельможъ, судили народъ свой на дворѣ Княжескомъ. Сильные утѣсняли слабыхъ; Намѣстники и Тіуны грабили

Слабость Великаго Князя.

Россію какъ Половцы: Всеволодъ не внималъ жалобамъ. — Чувствуя приближеніе конца, онъ послалъ за большимъ сыномъ въ Черниговъ, и скончался въ объятіяхъ Владиміра и Ростислава, орошенный ихъ искренними слезами: Христіанинъ набожный, человѣколюбивый, *трезвый* и цѣломудренный отъ самой юности; однимъ словомъ, достохвальный между частными людьми, но слабый и слѣдственно порочный на степени Государей. Г. 1093. Кончина его.

Великій Ярославъ желалъ, чтобы любимый сынъ его, со временемъ наслѣдовавъ законнымъ образомъ Кіевскую область, былъ и во гробѣ съ нимъ неразлученъ (155): воля нѣжнаго отца исполнилась, и Всеволода погребли, на другой день кончины его, тамъ же, гдѣ лежали Ярославовы кости — въ Софійскомъ храмѣ — съ обыкновенными торжественными обрядами, и въ присутствіи народа, который погребалъ тогда Государей какъ истинныхъ отцевъ своихъ, съ чувствительностію и слезами, забывая ихъ слабости и помня одни благодѣянія.

Всеволодъ оставилъ супругу втораго брака, мачиху Владиміра, и трехъ дочерей, Янку или Анну, Евпраксію и Екатерину; первыя двѣ отказались отъ свѣта и заключились въ монастырѣ (156). Мы знаемъ, что Императоръ Генрикъ IV въ 1089 году Дочь

Всеволода за Генрикомъ IV. женился на Россійской Княжнѣ, Агнесѣ или Адельгейдѣ, вдовѣ Маркграфа Штаденскаго, которая послѣ умерла Игуменьею: она могла быть дочерью Всеволода [187]. Въ то же время другая Россіянка, именемъ *Евпраксія*, была за сыномъ Болеслава, отравленнымъ въ цвѣтущей юности; но Историки Польскіе называютъ сію Княжну родною сестрою Святополка Изяславича.

Митрополитъ Іоаннъ. При Всеволодѣ былъ Митрополитомъ Грекъ Іоаннъ, мужъ знаменитый ученостію и Христіанскими добродѣтелями, ревностный наставникъ Духовенства и другъ несчастныхъ. «Никогда» (сказано въ лѣтописи) «не бывало у насъ такого и не «будетъ!» Мы имѣемъ его сочиненіе, на-

Его сочиненіе. званное *Церковнымъ правиломъ*, въ коемъ онъ съ великою ревностію осуждаетъ тогдашнее обыкновеніе Князей Россійскихъ выдавать дочерей за Государей Латинской Вѣры; доказываетъ всякому гостю или купцу, сколь грѣшно торговать крещеными рабами въ землѣ язычниковъ (Половцевъ), даже ѣздить туда, и для выгодъ сребролюбія оскверняться ихъ нечистыми яствами; налагаетъ епитимью на тѣхъ, которые совокупляются съ правнучатными или женятся безъ вѣнчанія думая, что сей обрядъ изобрѣтенъ единственно для Князей и Бояръ; отлучаетъ отъ церкви Іереевъ, благословляющихъ союзъ мужа съ третьею

женою; велитъ имъ и Монахамъ служить для всѣхъ людей примѣромъ трезвости; наконецъ, въ дополненіе къ гражданскимъ законамъ, уставляетъ *духовное покаяніе* для преступниковъ благонравія и цѣломудрія. Сей Митрополитъ, наименованный отъ современниковъ *Пророкомъ Христа* (158), святилъ церковь Θеодосіева монастыря Печерскаго, о коей написано столь много чудеснаго въ Патерикѣ Кіевскомъ. Византійскіе художники, украсивъ оную, не захотѣли уже возвратиться въ отечество и кончили жизнь свою въ Печерской Обители: донынѣ показываютъ тамъ гробы ихъ. — Въ 1089 году, когда преставился Митрополитъ Іоаннъ, дочь Всеволодова, Янка, ѣздила въ Константинополь и привезла съ собою новаго Митрополита, скопца, именемъ также Іоанна, но человѣка весьма обыкновеннаго, слабаго здоровьемъ, и столь блѣднаго, что народъ прозвалъ его *мертвецомъ* (159): онъ черезъ годъ умеръ. Третій Митрополитъ Всеволодова княженія былъ Ефремъ, Грекъ, по извѣстію новѣйшихъ Лѣтописцевъ; другіе же называютъ его Монахомъ Печерскимъ. Несторъ сказываетъ только, что Ефремъ, скопецъ подобно Іоанну, жилъ въ *Переяславлѣ, гдѣ находилась тогда Митрополія*, и что онъ, создавъ многіе храмы каменные, первый началъ въ Россіи строить при

Крестильницы. церквахъ крестильницы ([160]). Сей Митрополитъ, какъ пишутъ, уставилъ торжествовать 9 Маія пренесеніе мощей Св. Николая изъ Ликіи въ Италіянскій городъ Баръ ([161]): праздникъ Западной Церкви, отвергаемый Греками, и доказательство, что мы имѣли тогда дружелюбное сношеніе съ Римомъ. Несторъ молчитъ, но Лѣтописецъ среднихъ временъ говоритъ о какомъ-то Святителѣ Θеодорѣ, пріѣзжавшемъ къ Великому Князю отъ Папы (Урбана II) въ 1091 году ([162]). Властолюбивые Намѣстники Св. Петра безъ сомнѣнія всячески старались подчинить себѣ Церковь Россійскую.

Праздникъ 9 Маія.

Сношенія съ Римомъ.

ГЛАВА VI.

ликій Князь Святополкъ-Михаилъ.

Г. 1093—1112.

икодушіе Мономаха. Война съ Половцами. Бракъ Святополковъ. Безпокойный Олегъ. Жалкое состояніе южной Россіи. Саранча. Побѣды. Вѣроломство Россіянъ. Междоусобія. Гордость Олегова. Сожженіе монастыря Кіевопечерскаго. Храбрость и добродушіе Мстислава. Краснорѣчивое Мономахово письмо. Вѣроломство Олегово. Великодушіе Мстислава. Съѣздъ Князей. Злодѣйство Давида и Святополка. Ослѣпленіе Василька. Слезы Мономаховы. Рѣчь Митрополита. Прекрасная душа Василькова. Месть Ростиславичей. Корыстолюбіе Поляковъ. Новое коварство Святополка. Умѣренность Ростиславичей. Пораженіе Венгровъ. Междоусобія. Новый съѣздъ Князей. Усмиреніе Давида. Строптивость Новогородцевъ. Совѣтъ Князей. Счастливая война съ Половцами. Война съ Мордвою и съ Князьями Полоцкими. Бѣдствіе Россіянъ въ Семигаліи. Новые успѣхи въ войнѣ съ Половцами. Походъ знаменитый. Имя Тмуторокани исчезаетъ въ лѣтописяхъ. Кончина Святополкова. Евреи въ Кіевѣ. Брачные союзы. Митрополиты. Князь Святоша. Св. Антоній Римлянинъ. Путешествіе Даніила. Россіяне въ Іерусалимѣ. Конецъ Несторовой лѣтописи. Старецъ Янь.

Владиміръ могъ бы сѣсть на престолѣ г. 1093. дителя своего; но сей чувствительный, ролюбивый Князь уступилъ оный Изя-

славову сыну, и сказавъ: «отецъ его былъ «старѣе и княжилъ въ столицѣ прежде мо-«его отца; не хочу кровопролитія и войны «междоусобной,» объявилъ Святополка Государемъ Россійскимъ; самъ отправился въ Черниговъ, а братъ его, Ростиславъ, въ Переяславль.

Великодушіе Мономаха.

Святополкъ, княживъ нѣсколько лѣтъ въ Новѣгородѣ, еще въ 1088 году выѣхалъ оттуда, будучи, какъ вѣроятно, недоволенъ его безпокойными гражданами (которые тогда же призвали къ себѣ юнаго Князя, Мстислава, сына Владимірова) и жилъ въ Туровѣ (163): онъ съ радостію прибылъ въ Кіевъ, и народъ также съ радостію встрѣтилъ новаго Государя, обѣщая себѣ миръ и тишину подъ его властію. Сія надежда не исполнилась, и начало Святополкова княженія ознаменовалось великими несчастіями.

Апрѣля 24.

Половцы, узнавъ о кончинѣ Всеволода, изъявили желаніе остаться друзьями Россіи. Легкомысленный Святополкъ не посовѣтовался съ Боярами отца своего и дяди: велѣлъ заключить Пословъ въ темницу; но свѣдавъ, что мстительные варвары вездѣ жгутъ и грабятъ въ его области, вздумалъ самъ просить ихъ о мирѣ. Половцы уже не хотѣли слушать сихъ предложеній, и Великій Князь, собравъ только 800 воиновъ, спѣшилъ выступить въ поле. Едва благо-

Война съ Половцами.

разумные Бояре могли удержать его, представляя ему, что, вопреки надменному самохвальству молодыхъ людей, нужны не *сотни*, а *тысячи* для отраженія враговъ; что область Кіевская, изнуренная войнами, истощенная данями, опустѣла, и что надобно требовать помощи отъ мужественнаго Владиміра. Князь Черниговскій немедленно вооружился, и призвалъ брата своего, Ростислава. Но Князья, соединивъ дружины, не могли согласиться въ мысляхъ; стояли подъ Кіевомъ и ссорились между собою. Наконецъ Бояре сказали имъ: «ваша распря губитъ «народъ; смирите враговъ и тогда уже думайте о «своихъ несогласіяхъ (164).» Святополкъ и Владиміръ, принявъ благій совѣтъ, обнялися братски, и въ знакъ искренней взаимной любви цѣловали святый крестъ, по тогдашнему обыкновенію.

Непріятели осаждали Торческъ, городъ населенный Торками, которые, оставивъ жизнь кочевую, поддалися Россіянамъ (165): Князья хотѣли освободить его, Святополкъ битвою, Мономахъ миромъ. Остановясь близъ Триполя, они призвали Бояръ на совѣтъ. Янь, Воевода Кіевскій, другъ блаженнаго Өеодосія, и многіе другіе были одного мнѣнія съ Княземъ Черниговскимъ. «Половцы (говорили они) видятъ блескъ мечей «нашихъ, и не отвергнутъ мира.» Но Кіевляне, желая побѣды, склонили большинство голосовъ на свою сторону, и войско Россійское перешло за Стугну. Святополкъ велъ правое крыло, Владиміръ лѣвое: Ростиславъ находился въ срединѣ.

Они поставили знамена между земляными
26 Маія. укрѣпленіями Трипольскими (166), и ждали непріятеля, который, выславъ напередъ стрѣлковъ, вдругъ устремился всѣми силами на Святополка. Кіевляне не могли выдержать сего удара, и замѣшались. Великій Князь оказалъ примѣрную неустрашимость; бился долго, упорно, и послѣдній оставилъ мѣсто сраженія. Средина и лѣвое крыло, не умѣвъ искуснымъ, быстрымъ движеніемъ спасти праваго, еще нѣсколько времени стояли, но также уступили превосходству непріятеля. Земля дымилась кровію. Росіяне, спасаясь отъ меча побѣдителей, толпами гибли въ рѣкѣ Стугнѣ, которая отъ дождей наполнилась водою. Мономахъ, видя утопающаго брата, забылъ собственную опасность и бросился во глубину: усердная дружина извлекла его изъ волнъ — и сей Князь, оплакивая Ростислава, многихъ Бояръ своихъ, отечество, съ горестію возвратился въ Черниговъ, а Святополкъ въ Кіевъ. Несчастная мать Ростиславова ожидала сына: ей принесли тѣло сего юноши, коего безвременная смерть была предметомъ всеобщаго сожалѣнія.

Половцы снова осадили Торческъ. Граждане оборонялись мужественно; но изнуренные голодомъ и жаждою, напрасно требовали съѣстныхъ припасовъ отъ Свято-

омъ ([167]), ушелъ только съ двумя вои-
. Торческъ сдался: стѣны и зданія его 23 Іюля.
тились въ пепелъ, а граждане были
дены въ неволю.

имѣвъ счастія воинскаго, Святополкъ
ялся инымъ способомъ обезоружить г. 1094. Бракъ Святополковъ.
вцевъ, и женился на дочери ихъ Кня-
Гугоркана. Но сей родственный союзъ,
рый могъ быть оправданъ одною го-
рственною пользою, не защитилъ Рос-
тъ варваровъ: Князь Тмутороканскій, Безпокойный Олегъ.
ъ Святославичь, въ *третій разъ* при-
съ ними разорять отечество, осадилъ
омаха въ Черниговѣ, и требовалъ сей
сти какъ законнаго наслѣдія: ибо она
адлежала нѣкогда его родителю. Вла-
ръ, любимый своею дружиною и на-
мъ, нѣсколько дней оборонялся; но
я крови, великодушно сказалъ: *да не*
ются враги отечества! и добровольно
илъ Княженіе Олегу: вторая жертва,

толпы хищныхъ Половцевъ, которые, не смотря на миръ, еще долгое время свирѣпствовали въ Черниговской области: жестокій Олегъ, довольный ихъ помощію, равнодушно смотрѣлъ на сіи злодѣйства.

Жалкое состояніе южной Россіи. — Вся южная Россія представляла тогда картину самыхъ ужаснѣйшихъ бѣдствій. «Города опустѣли,» пишетъ Несторъ: «въ «селахъ пылаютъ церкви, домы, жит-«ницы и гумны. Жители издыхаютъ подъ «остріемъ меча, или трепещутъ, ожидая «смерти. Плѣнники, заключенные въ узы, «идутъ наги и босы въ отдаленную страну «варваровъ, сказывая другъ другу со сле-«зами: *я изъ такого-то города Русскаго, я «изъ такой-то веси!* Не видимъ на лугахъ «своихъ ни стадъ, ни коней; нивы заросли «травою, и дикіе звѣри обитаютъ тамъ, «гдѣ прежде жили Христіане (169)!» Къ умноженію несчастій, Россія узнала въ сіе время новый бичь естественный: саранча, дотолѣ неизвѣстная нашимъ предкамъ, покрывъ землю, совершенно истребила жатву: тучи сихъ пагубныхъ насѣкомыхъ летѣли отъ Юга къ Сѣверу, оставляя за собою отчаяніе и голодъ для бѣдныхъ поселянъ.

Августа 26. Саранча.

Наконецъ Великій Князь и Владиміръ ободрили побѣдами унылый духъ своего народа. Онѣ, къ сожалѣнію, начались вѣроломствомъ. Долговременныя несчастія государственныя остервеняютъ сердца и вредятъ са-

Г. 1095. Побѣды.

мой нравственности людей. Вожди Половецкіе, Итларь и Китанъ, заключивъ миръ съ Мономахомъ, взяли въ *тали*, или въ аманаты, сына его, Святослава. Китанъ безопасно жилъ въ станѣ близъ городскаго вала: Итларь гостилъ въ Переяславлѣ у Вельможи Ратибора. Тогда недостойные совѣтники предложили Князю воспользоваться оплошностію ненавистныхъ враговъ, нарушить священный миръ и не менѣе священные законы гостепріимства — однимъ словомъ, злодѣйски умертвить всѣхъ Половцевъ. Владиміръ колебался; но дружина успокоила его робкую совѣсть, доказывая, что сіи варвары тысячу разъ сами преступали клятву. . . . Въ глубокую ночь Россіяне, вмѣстѣ съ Торками, имъ подвластными, вышли изъ города, зарѣзали соннаго Китана, его воиновъ, и съ торжествомъ привели ко Владиміру освобожденнаго Святослава (170). Итларь, не зная ничего, спокойно готовился по утру завтракать у своихъ ласковыхъ хозяевъ, когда сынъ Ратиборовъ, Олбегъ, пустилъ ему въ грудь стрѣлу, сквозь отверстіе, нарочно для того сдѣланное вверху горницы; и несчастный Итларь, со многими знаменитыми товарищами, былъ жертвою гнуснаго заговора, который лучшему изъ тогдашнихъ Князей Россійскихъ казался дозволенною хитростію!

Вѣроломство Россіянъ.

24 Февраля.

Ожидая справедливой мести за такое злодѣяніе, Владиміръ и Святополкъ хотѣли предупредить оную. *Въ первый разъ* дерзнули Россіяне искать Половцевъ въ ихъ собственной землѣ; взяли множество скота, вельблюдовъ, коней, плѣнниковъ, и возвратились благополучно. — Но въ то же самое лѣто Юрьевъ, городъ на берегу Роси, былъ сожженъ Половцами (171): жители его ушли съ Епископомъ въ столицу, и Великій Князь населилъ ими, близъ Кіева, особенный новый городокъ, давъ ему имя *Святополча*.

Олегъ Черниговскій, вопреки данному слову, не ходилъ съ Великимъ Княземъ на Половцевъ. Святополкъ и Владиміръ требовали отъ него, чтобы онъ хотя выдалъ имъ или самъ велѣлъ умертвить знатнаго Половецкаго юношу, сына Итларева, бывшаго у него въ рукахъ; но Князь Черниговскій отвергнулъ и сіе предложеніе, какъ злодѣйство безполезное. Съ обѣихъ сторонъ неудовольствіе возрастало. Святополкъ и Владиміръ, дѣйствуя во всемъ согласно, вооруженною рукою отняли у Давида Святославича, брата Олегова, Смоленскъ, отданный ему, какъ вѣроятно, еще Всеволодомъ, и послали его княжить въ Новгородъ, откуда Мономахъ перевелъ сына своего, Мстислава, въ Ростовъ (172); но своевольные Новогородцы чрезъ два года

Междоусобія.

объявили Давиду, что онъ имъ не надобенъ, и вторично призвали къ себѣ, на его мѣсто, Мстислава. Лишенный Удѣла, Давидъ прибѣгнулъ, можетъ быть, къ Олеговой защитѣ: по крайней мѣрѣ ему возвратили область Смоленскую. Юный сынъ Мономаховъ, Изяславъ, Правитель Курска, подалъ новый ко враждѣ случай, нечаянно завладѣвъ Муромомъ, городомъ Черниговскаго Князя, и взявъ въ плѣнъ Олегова Намѣстника.

Въ сихъ обстоятельствахъ Святополкъ и Владиміръ прислали звать Олега въ Кіевъ, на *съѣздъ Княжескій*. «Тамъ, въ старѣй-«шемъ градѣ Русскомъ» — говорили они — «утвердимъ безопасность Государства въ «общемъ совѣтѣ съ знаменитѣйшимъ Духо-«венствомъ, съ Боярами отцевъ нашихъ и «гражданами.» Олегъ, не вѣря ихъ доброму намѣренію, съ гордостію имъ отвѣтствовалъ: «я Князь, и не хочу совѣтоваться ни «съ Монахами, ни съ чернію.» *Когда такъ*, сказали Святополкъ и Владиміръ: *когда не хочешь воевать съ непріятелями земли Русской, ни совѣтоваться съ братьями, то признаемъ тебя самого врагомъ отечества, и Богъ да судитъ между нами!* Взявъ Черниговъ, они приступили къ Стародубу, гдѣ находился Олегъ, и болѣе мѣсяца проливали невинную кровь въ жестокихъ битвахъ ([173]). Наконецъ Черниговскій Князь,

Гордость Олегова.

смиренный голодомъ, долженъ былъ покориться, и клятвенно обѣщалъ пріѣхать на совѣтъ въ Кіевъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Давидомъ.

Святополкъ нетерпѣливо хотѣлъ прекра-
Маія 24. тить сію междоусобную войну, ибо Половцы тогда опустошали Россію; одна толпа ихъ сожгла въ Берестовѣ домъ Княжескій, другая мѣстечко Устье, близъ Переяславля, и тесть Святополковъ, Тугорканъ, осадилъ
30 Маія. сію Мономахову столицу. Великій Князь и Владиміръ умѣли скрыть свои движенія отъ непріятеля, перешли Днѣпръ, явились внезапно подъ стѣнами осажденнаго города ([174]). Обрадованные жители встрѣтили ихъ, и Россіяне бросились въ Трубежъ, ревностно желая битвы съ Половцами, которые стояли на другой сторонѣ сей рѣки. Напрасно осторожный Владиміръ хотѣлъ построить воиновъ: не внимая начальни-
Іюня 19. камъ, они устремились на варваровъ, и своимъ мужествомъ рѣшили побѣду. Самъ Тугорканъ, сынъ его, знаменитѣйшіе Половцы легли на мѣстѣ. Святополкъ взялъ тѣло перваго и съ честію предалъ оное землѣ недалеко отъ своего Берестовскаго дворца.
Іюня 20. — Въ то самое время, когда Россіяне торжествовали свою побѣду, другой Князь Половецкій, Бонякъ, едва не овладѣлъ Кіе-
Сожженіе монасты- вомъ; выжегъ предмѣстіе, *красный дворъ* Всеволодовъ на Выдобичахъ, монастыри;

ворвался ночью въ Обитель Печерскую, умертвилъ нѣсколько безоружныхъ Монаховъ, пробужденныхъ шумомъ и воплемъ свирѣпаго непріятеля; ограбилъ церковь, кельи, и съ добычею удалился, оставивъ деревянныя зданія въ пламени. ра Кіевопечерскаго.

Святополкъ, возвратясь въ Кіевъ, напрасно ждалъ Олега, который, не бывъ принятъ Смоленскими жителями, пошелъ къ Мурому ([175]). Изяславъ, сынъ Мономаховъ, призвалъ къ себѣ войско изъ Ростова, Суздаля, Бѣлаозера, и готовился отразить сего непріятеля. «Иди княжить въ свою Ростовскую область,» велѣлъ сказать ему Олегъ: «отецъ твой отнялъ у меня Черниговъ: не ужели и въ Муромѣ, наслѣдственномъ моемъ достояніи, вы лишите меня хлѣба? Я не хочу войны, и желаю примириться съ Владиміромъ.» Олегъ имѣлъ съ собою малочисленную дружину, набранную имъ въ Рязани, которая зависѣла тогда отъ Черниговскихъ Князей; но получивъ гордый отказъ, смѣло обнажилъ мечь. Юный Изяславъ палъ въ сраженіи, и войско его разсѣялось. Побѣдитель взялъ Муромъ (гдѣ была супруга Изяславова), Суздаль, Ростовъ, и слѣдуя тогдашнему варварскому обыкновенію, плѣнилъ множество безоружныхъ гражданъ. 6 Сентября.

Мстиславъ Владиміровичь, Князь Новогородскій, крестникъ Олеговъ, свѣдавъ о

несчастной судьбѣ Изяславовой, велѣлъ привести къ себѣ тѣло его, и съ горестію погребъ оное въ Софійской церкви. Сей великодушный Князь, любя справедливость, не винилъ Олега въ завоеваніи Мурома, но требовалъ, чтобы онъ вышелъ изъ Ростова и Суздаля; не упрекалъ его даже и смертію Изяслава, говоря ему чрезъ Пословъ: «ты «убилъ моего брата; но въ ратяхъ гибнутъ «Цари и Герои. Будь доволенъ своимъ на«слѣдственнымъ городомъ: въ такомъ слу«чаѣ умолю отца моего примириться съ то«бою.» Олегъ не хотѣлъ слушать никакихъ предложеній, думая скоро взять самый Новгородъ. Тогда Мстиславъ, любимый народомъ, вооружился (176). Начальникъ отряда Новгородскаго, Добрыня Рагуйловичь, захватилъ людей Олеговыхъ, посланныхъ для собранія дани, и сбилъ его передовое войско на рѣкѣ Медвѣдицѣ (въ Тверской Губерніи). Олегъ не могъ удержать ни Ростова, ни Суздаля; выжегъ сей послѣдній городъ, оставивъ въ немъ только одинъ монастырь съ церквами, и засѣлъ въ Муромѣ. Добродушный Мстиславъ, уважая крестнаго отца, снова предложилъ ему миръ, желая только, чтобы онъ возвратилъ плѣнныхъ, и въ то же время убѣдительно просилъ родителя своего забыть вражду Олегову. Мономахъ отправилъ въ Суздаль меньшаго сына, Вячеслава, съ коннымъ

Храбрость и добродушіе Мстислава.

отрядомъ союзныхъ Половцевъ, написавъ къ Олегу краснорѣчивое письмо такого содержанія ([177]): «Долго печальное сердце «мое боролось съ закономъ Христіанина, «обязаннаго прощать и миловать: Богъ ве«литъ братьямъ любить другъ друга; но «самые умные дѣды, самые добрые и бла«женные отцы наши, обольщаемые вра«гомъ Христовымъ, возставали на кров«ныхъ. . . . Пишу къ тебѣ, убѣжденный «твоимъ крестнымъ сыномъ, который мо«литъ меня оставить злобу для блага земли «Русской, и предать смерть его брата на «судъ Божій. Сей юноша устыдилъ отца «своимъ великодушіемъ! Дерзнемъ ли, въ «самомъ дѣлѣ, отвергнуть примѣръ Боже«ственной кротости, данный намъ Спаси«телемъ, мы тлѣнныя созданія? нынѣ въ «чести и въ славѣ, завтра въ могилѣ, и «другіе раздѣлятъ наше богатство! Вспо«мнимъ, братъ мой, отцевъ своихъ: что «они взяли съ собою, кромѣ добродѣтели? «Убивъ моего сына и твоего собственнаго «крестника, видя кровь сего агнца, видя «сей юный, увядшій цвѣтъ, ты не пожа«лѣлъ объ немъ; не пожалѣлъ о слезахъ «отца и матери; не хотѣлъ написать ко «мнѣ письма утѣшительнаго; не хотѣлъ «прислать бѣдной, невинной снохи, чтобы «я вмѣстѣ съ нею оплакалъ ея мужа, не ви«давъ ихъ радостнаго брака, не слыхавъ

Письмо Мономахово.

«ихъ веселыхъ свадебныхъ пѣсней. . . . . Ради «Бога отпусти несчастную, да сѣтуетъ какъ гор-«лица въ домѣ моемъ; а меня утѣшитъ отецъ «Небесный. — Не укоряю тебя безвременною «кончиною любезнаго мнѣ сына: и знаменитѣй-«шіе люди находятъ смерть въ битвахъ; онъ ис-«калъ чужаго и ввелъ меня въ стыдъ и въ пе-«чаль, обманутый слугами корыстолюбивыми. «Но лучше, если бы ты, взявъ Муромъ, не бралъ «Ростова, и тогда же примирился со мною. Раз-«суди самъ, мнѣ ли надлежало говорить первому «или тебѣ? Если имѣешь совѣсть; если захочешь «успокоить мое сердце, и съ Посломъ или Свя-«щенникомъ напишешь ко мнѣ грамоту безъ «всякаго лукавства: то возмешь добрымъ по-«рядкомъ область свою, обратишь къ себѣ «наше сердце, и будемъ жить еще дружелюб-«нѣе прежняго. Я не врагъ тебѣ, и не хо-«тѣлъ крови твоей у Стародуба» (гдѣ Свято-полкъ и Мономахъ осаждали сего Князя); «но «дай Богъ, чтобы и братья не желали пролитія «моей. Мы выгнали тебя изъ Чернигова един-«ственно за дружбу твою съ невѣрными; и въ «томъ каюсь, послушавъ брата (Святополка). «Ты господствуешь теперь въ Муромѣ, а сы-«новья мои въ области своего дѣда. Захочешь ли «умертвить ихъ? твоя воля. Богу извѣстно, что «я желаю добра отечеству и братьямъ. Да ли-«шится навѣки мира душевнаго, кто не желаетъ «изъ васъ мира Христіанамъ! — Не боязнь и не «крайность заставляютъ меня говорить такимъ

«образомъ, но совѣсть и душа, которая «мнѣ всего на свѣтѣ драгоцѣннѣе.»

Олегъ согласился заключить миръ, чтобы обмануть племянника; и когда Мстиславъ, распустивъ воиновъ по селамъ, безпечно сидѣлъ за обѣдомъ съ Боярами своими, гонцы принесли ему вѣсть, что коварный его дядя стоитъ уже на Клязьмѣ съ войскомъ (178). Олегъ думалъ, что Мстиславъ, изумленный его внезапнымъ нападеніемъ, уйдетъ изъ Суздаля; но сей юный Князь, въ одни сутки собравъ дружину Новогородскую, Ростовскую, Бѣлозерскую, приготовился къ битвѣ за городскимъ валомъ. Олегъ четыре дни стоялъ неподвижно, и Вячеславъ, другой сынъ Мономаховъ, успѣлъ соединиться съ братомъ. Тогда началось сраженіе. Олегъ ужаснулся, видя славное знамя Владимірово въ рукахъ вождя Половецкаго, заходившаго къ нему въ тылъ съ отрядомъ Мстиславовой пѣхоты, и скоро обратился въ бѣгство; поручилъ меньшему своему брату, Ярославу, Муромъ, а самъ удалился въ Рязань. Мстиславъ, умѣренный въ счастіи, не хотѣлъ завладѣть ни тѣмъ, ни другимъ городомъ, освободивъ единственно Ростовскихъ и Суздальскихъ плѣнниковъ, тамъ заключенныхъ. Бѣгая отъ него, Олегъ скитался въ отчаяніи, и не зналъ, гдѣ приклонить голову; но племянникъ велѣлъ ему сказать,

Вѣроломство Олегово.

Г. 1097, Марта 1.

чтобы онъ былъ спокоенъ. «Святополкъ и «Владиміръ не лишатъ тебя земли Русской», говорилъ сей чувствительный юноша: «я буду твоимъ вѣрнымъ ходатаемъ. «Останься и властвуй въ своемъ Княженіи: «только смирися.» Мстиславъ сдержалъ слово: вышелъ изъ Муромской области, возвратился въ Новгородъ и примирилъ Олега съ Великимъ Княземъ и своимъ отцемъ.

Великодушіе Мстислава.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Россія въ первый разъ увидѣла торжественное собраніе Князей своихъ, на берегу Днѣпра, въ городѣ Любечѣ. Сидя на одномъ коврѣ (79), они благоразумно разсуждали, что отечество гибнетъ отъ ихъ несогласія; что имъ должно наконецъ прекратить междоусобіе, вспомнить древнюю славу предковъ, соединиться душею и сердцемъ, унять внѣшнихъ разбойниковъ, Половцевъ — успокоить Государство, заслужить любовь народную. Нѣтъ сомнѣнія, что Мономахъ, другъ отечества и благоразумнѣйшій изъ Князей Россійскихъ, былъ виновникомъ и душею сего достопамятнаго собранія. Въ примѣръ умѣренности и безкорыстія онъ уступилъ Святославичамъ все, что принадлежало нѣкогда ихъ родителю, и Князья съ общаго согласія утвердили за Святополкомъ область Кіевскую, за Мономахомъ частный Удѣлъ отца его: Переяславль, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро;

Съѣздъ Князей.

легомъ, Давидомъ и Ярославомъ Свя-
авичами Черниговъ, Рязань, Муромъ;
авидомъ Игоревичемъ Владиміръ Во-
кій; за Володаремъ и Василькомъ Ро-
лавичами Перемышль и Теребовль, от-
ые имъ еще Всеволодомъ. Каждый
ь доволенъ; каждый цѣловалъ святый
тъ, говоря: *да будетъ земля Русская
мъ для насъ отечествомъ; а кто воз-
етъ на брата, на того мы всѣ возста-*
. Добрый народъ благословлялъ со-
іе своихъ Князей: Князья обнимали
ъ друга какъ истинные братья.
й торжественный союзъ былъ въ одно
я заключенъ и нарушенъ самымъ гнус-
нимъ злодѣйствомъ, коего воспомина-
олжно быть оскорбительно для самаго
еннѣйшаго потомства. Лѣтописецъ
няетъ главнаго злодѣя, сказывая, что
етники обманули его; но такъ обманы-
ся одни изверги. Сей недостойный
ъ Ярославовъ, Давидъ Игоревичь,
хавъ изъ Любеча въ Кіевъ, объявилъ Злодѣйство Давида и Святополка.
ополку, что Мономахъ и Василько Ро-
лавичь суть ихъ тайные враги; что
ый думаетъ завладѣть престоломъ Ве-
княжескимъ, а вторый городомъ Вла-
ромъ; что убіенный братъ ихъ, Яро-
ъ Изяславичь, погибъ отъ руки Ва-
кова наемника, который ушелъ къ Ро-
лавичамъ ([180]); что благоразуміе тре-

буетъ осторожности, а местъ жертвы. Великій Князь содрогнулся и заплакалъ, вспомнивъ несчастную судьбу любимаго брата. «Но справедливо ли сіе ужасное обвиненіе?» сказалъ онъ: «да накажетъ тебя «Богъ, если обманываешь меня отъ зависти и злобы.» Давидъ клялся, что ни ему въ Владимірѣ, ни Святополку въ Кіевѣ не господствовать мирно, пока живъ Василько; и сынъ Изяславовъ согласился быть вѣроломнымъ подобно отцу своему.
Ноября 4. Не зная ничего, спокойный въ совѣсти, Василько ѣхалъ тогда мимо Кіева, зашелъ помолиться въ монастырь Св. Михаила, ужиналъ въ сей Обители и ночевалъ въ станѣ за городомъ. Святополкъ и Давидъ прислали звать его, убѣждали остаться въ Кіевѣ до имянинъ Великаго Князя, то есть, до Михайлова дня; но Василько, готовясь воевать съ Поляками, спѣшилъ домой и не хотѣлъ исполнить Святополкова желанія. «Видишь ли?» сказалъ Давидъ Великому Князю: «онъ презираетъ тебя въ самой об«ласти твоей: чтожь будетъ, когда пріѣ«детъ въ свою? займетъ безъ сомнѣнія Ту«ровъ, Пинскъ и другія мѣста, тебѣ при«надлежащія (181). Вели схватить его и от«дать мнѣ, или ты вспомнишь совѣтъ мой, «но поздно.» Святополкъ вторично послалъ сказать Васильку, чтобы онъ заѣхалъ къ нему хотя на минуту, обнять своихъ дядей

и побесѣдовать съ ними. Несчастный Князь далъ слово; сѣлъ на коня, и въѣзжалъ уже въ городъ: тутъ встрѣтился ему одинъ изъ его усердныхъ Отроковъ, и съ ужасомъ объявилъ о гнусномъ заговорѣ. Василько не вѣрилъ. «Мы цѣловали «крестъ — сказалъ онъ — и клялися умереть «друзьями; не хочу подозрѣніемъ оскорбить мо«ихъ родственниковъ» — перекрестился, и съ малочисленною дружиною въѣхалъ въ Кіевъ. Ласковый Святополкъ принялъ гостя на дворѣ Княжескомъ, ввелъ въ горницу, и самъ вышелъ, сказывая, что велитъ готовить завтракъ для любезнаго племянника. Василько остался съ Давидомъ: началъ говорить съ нимъ; но сей злодѣй, еще новый въ ремеслѣ своемъ, блѣднѣлъ, не могъ отвѣчать ни слова и спѣшилъ удалиться ([182]). По данному знаку входятъ воины, заключаютъ Василька въ тяжкіе оковы. Мѣра злодѣйства еще не совершилась, и Святополкъ боялся народнаго негодованія: въ слѣдующій день созвавъ Бояръ и гражданъ Кіевскихъ, онъ торжественно объявилъ имъ слышанное отъ Давида. Народъ отвѣтствовалъ: «Государь! без«опасность твоя для насъ священна: казни Ва«силька, если онъ дѣйствительно врагъ твой; «когда же Давидъ оклеветалъ его, то Богъ от«мститъ ему за кровь невиннаго.» Знаменитыя духовныя особы смѣло говорили Великому Князю о человѣколюбіи и гнусности вѣроломства. Онъ колебался; но снова устрашенный коварными словами Давида, отдалъ ему жертву въ

руки. Василька ночью привезли въ Бѣлгородъ и заперли въ тѣсной горницѣ; въ глазахъ его острили ножъ, разстилали коверъ; взяли несчастнаго и хотѣли положить на землю. Угадавъ намѣреніе сихъ достойныхъ слугъ Давида и Святополка, онъ затрепеталъ, и хотя былъ окованъ, но долгое время оборонялся съ такимъ усиліемъ, что имъ надлежало кликнуть помощниковъ. Его связали; раздавили ему грудь доскою, и вырѣзали обѣ зѣницы . . . . Василько лежалъ на коврѣ безъ чувства. Злодѣи отправились съ нимъ въ Владиміръ, пріѣхали въ городъ Здвиженскъ обѣдать и велѣли хозяйкѣ вымыть окровавленную рубашку Князя. Жалостный вопль сей чувствительной женщины привелъ его въ память. Онъ спросилъ: «гдѣ я?» выпилъ свѣжей воды; ощупалъ свою рубашку, и сказалъ: «начто вы сняли съ меня окровав-«ленную? я хотѣлъ стать въ ней предъ Су-«діею Всевышнимъ» . . . . Давидъ ожидалъ Василька въ столицѣ своей, Владимірѣ, и заключилъ въ темницу, приставивъ къ нему двухъ Отроковъ и 30 воиновъ для стражи.

Ослѣпленіе Василька.

Слезы Мономаховы.

Мономахъ, узнавъ о семъ злодѣйствѣ, пришелъ въ ужасъ и залился слезами. «Ни-«когда еще — сказалъ онъ — не бывало «подобнаго въ землѣ Русской!», и немедленно увѣдомилъ о томъ Святославичей, Олега и Давида. «Прекратимъ зло въ на-

«чалѣ,» писалъ къ нимъ сей добрый Князь: «накажемъ изверга, который посрамилъ «отечество и далъ ножъ брату на брата; «или кровь еще болѣе польется, и мы всѣ «обратимся въ убійцъ; земля Русская по-«гибнетъ: варвары овладѣютъ ею.» Олегъ и Давидъ, подвигнутые такимъ же велико-душнымъ негодованіемъ, соединились съ Мономахомъ, приблизились къ Кіеву и грозно требовали отвѣта отъ Святополка. Послы ихъ говорили именемъ Князей: г. 1098. «Ежели Василько преступникъ, то для чего «же не хотѣлъ ты судиться съ нимъ предъ «нами? и въ чемъ состоитъ вина его?» Великій Князь оправдывался своимъ легковѣ-ріемъ, и тѣмъ, что не онъ, а Давидъ ослѣ-пилъ ихъ племянника. «Но въ твоемъ го-«родѣ,» сказали Послы и вышли изъ двор-ца. На другой день Владиміръ и Святосла-вичи уже готовились итти за Днѣпръ (183), чтобы осадить Кіевъ. Малодушный Свято-полкъ думалъ бѣжать; но граждане не пу-стили его, и зная доброе сердце Мономаха, отправили къ нему Посольство. Митропо-литъ и вдовствующая супруга Всеволодова явились въ станѣ соединенныхъ Князей: первый говорилъ именемъ народа, вторая плакала и молила: «Князья великодушные! сказалъ Митрополитъ Владиміру и Свято-славичамъ: «не терзайте отечества междоу-«собіемъ, не веселите враговъ его. Съ ка- Рѣчь

Митрополита. «кимъ трудомъ отцы и дѣды ваши утвер-«ждали величіе и безопасность Государства! «Они пріобрѣтали чуждыя земли; а вы что «дѣлаете? губите собственную.» Владиміръ пролилъ слезы: онъ уважалъ память своего родителя, вдовствующую Княгиню его и Пастыря Церкви; а всего болѣе любилъ Россію. «Такъ!» отвѣтствовалъ Мономахъ съ горестію: «мы недостойны своихъ ве-«ликихъ предковъ и заслуживаемъ сію уко-«ризну.» Князья согласились на миръ, и Владиміръ простилъ Святополку собственную обиду: ибо сей неблагодарный, обязанный ему престоломъ, не устыдился повѣрить клеветѣ и считать его своимъ тайнымъ злодѣемъ. Великій Князь, сложивъ всю вину на Давида, далъ слово наказать его какъ общаго недруга.

Давидъ свѣдалъ о томъ и хотѣлъ отвратить бурю. Здѣсь одинъ изъ дополнителей Несторовой лѣтописи, именемъ Василій — вѣроятно, Инокъ или Священникъ — представляетъ самъ важное дѣйствующее лице, и разсказываетъ слѣдующія обстоятельства: «Я былъ тогда въ Владимірѣ. Князь Давидъ «ночью прислалъ за мною. Окруженный «своими Боярами, онъ велѣлъ мнѣ сѣсть «и сказалъ: *Василько говоритъ, что я могу «примириться съ Владиміромъ. Иди къ за-«ключенному* (181): *совѣтуй ему, чтобы «онъ отправилъ Посла къ Мономаху и скло-*

нилъ сего Князя оставить меня въ покоѣ. Въ знакъ благодарности дамъ Васильку любой изъ городовъ Червенскихъ: Всеволожь, Шеполь или Перемиль. Я исполнилъ Давидову волю. Несчастный Василько слушалъ меня со вниманіемъ, и съ кротостію отвѣтствовалъ: *Я не говорилъ ни слова; но сдѣлаю угодное Давиду, и не хочу, чтобы для меня проливали кровь Россіянъ. Только удивляюсь, что Давидъ въ знакъ милости даетъ мнѣ собственный мой городъ Шеполь: я и въ темницѣ Князь Теребовля. Скажи, что желаю видѣть и послать ко Владиміру Боярина моего, Кулмея.* Давидъ не хотѣлъ того, отвѣтствуя, что сего человѣка нѣтъ въ Владимірѣ. Я вторично пришелъ къ Васильку, который выслалъ слугу, сѣлъ со мною и говорилъ такъ: *Слышу, что Давидъ мыслитъ отдать меня въ руки Ляхамъ; онъ еще не сытъ моею кровію: ему надобна остальная. Я мстилъ Ляхамъ за отечество и сдѣлалъ имъ много зла* (185)*: пусть воля Давидова совершится! Не боюсь смерти. Но любя истину, откроютебѣ всю мою душу. Богъ наказалъ меня за гордость. Зная, что идутъ ко мнѣ союзные Торки, Берендѣи, Половцы и Печенѣги, я думалъ въ своей надменности:* Теперь скажу брату Володарю и Давиду: дайте мнѣ только свою младшую дружину; а сами пейте и весели-

Прекрасная душа Василькова.

«тесь. Зимою выступлю, лѣтомъ завоюю Поль-«шу. Земля у насъ не богата жителями: пойду «на Дунайскихъ Болгаровъ, и плѣнниками на-«селю ея пустыни. А тамъ буду проситься у Свя-«тополка и Владиміра на общихъ враговъ оте-«чества, на злодѣевъ Половцевъ; достигну славы «или положу голову за Русскую землю. *Въ душѣ «моей не было иной мысли. Клянуся Богомъ, что «я не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго зла ни Свя-«тополку, ни Давиду, ни другимъ братьямъ лю-«безнымъ.»* Сей несчастный Князь, въ стѣнахъ темницы открывая душу свою какому-нибудь смиренному Иноку, не думалъ, что самое отдаленное потомство услышитъ его слова, достойныя Героя!

Еще болѣе мѣсяца Василько томился въ заключеніи: Владиміръ — озабоченный, какъ вѣроятно, набѣгами Половцевъ — не могъ освободить его ([186]). Давидъ ободрился и хотѣлъ увеличить область свою завоеваніемъ Теребовля; но устрашенный мужествомъ Володаря Ростиславича, не дерзнулъ обнажить меча въ полѣ и бѣжалъ въ городъ Бужскъ. Володарь, осадивъ его, требовалъ единственно брата, и гнусный Давидъ, принужденный отпустить Василька, увѣрялъ, что одинъ Святополкъ былъ виною злодѣянія. «Не въ моей области» — говорилъ онъ — «пострадалъ братъ твой; я долженъ былъ на все «согласиться, чтобы не имѣть такой же участи.» Володарь заключилъ миръ; но какъ скоро освободилъ Василька, то снова объявилъ войну Да-

виду. Ослѣпленные злобою мести, Ростиславичи обратили въ пепелъ городъ Всеволожь, безчеловѣчно умертвили жителей, и приступивъ ко Владиміру, велѣли сказать гражданамъ, чтобы они выдали имъ трехъ совѣтниковъ Давидовыхъ, научившихъ его погубить Василька. Граждане созвали Вѣче и разсуждали, что имъ дѣлать. «Мы рады «умереть за самого Князя,» говорилъ на-«родъ; а слуги его не стоятъ кровопро-«литія. Онъ долженъ исполнить нашу волю, «или отворимъ городскія ворота и скажемъ «ему: *промышляй о себѣ!*» Давидъ хотѣлъ спасти наперсниковъ ([187]); но боясь возмущенія, предалъ двухъ изъ нихъ въ жертву (третій ушелъ въ Кіевъ). Злодѣевъ повѣсили и разстрѣляли: Васильковы Отроки совершили сію месть въ знакъ любви къ своему Князю. Месть Ростиславичей.

Ростиславичи удалились; но Давидъ не избавился отъ бѣдствія. Святополкъ, обязанный торжественною клятвою, шелъ наказать его, и стоялъ уже въ Брестѣ. Давидъ искалъ защиты у Короля Польскаго, Владислава: сей Государь, взявъ отъ него 50 гривенъ золота, велѣлъ ему ѣхать съ собою, расположился станомъ на Бугѣ, и вступилъ въ переговоры съ Великимъ Княземъ. Королю хотѣлось новыхъ даровъ: получивъ ихъ отъ Святополка, онъ совѣтовалъ Давиду возвратиться въ свою об- г. 1099. Корыстолюбіе Поляковъ.

ласть, ручаясь за его безопасность. Но Великій Князь, съ согласія Поляковъ, немедленно осадилъ Владиміръ. Обманутый Королемъ, Давидъ чрезъ семь недѣль примирился съ Святополкомъ, уступилъ ему Владимірскую область и выѣхалъ въ Польшу (188).

Апрѣля 9.

Святополкъ не замедлилъ остыдить себя новымъ вѣроломствомъ. Вступая въ предѣлы Волыніи, онъ торжественно клялся Ростиславичамъ, что будетъ имъ другомъ и желаетъ единственно смирить ихъ общаго непріятеля, Давида; но побѣдивъ его, Великій Князь захотѣлъ овладѣть Перемышлемъ и Теребовлемъ, объявляя, что сіи города принадлежали нѣкогда отцу его и брату. Святополкъ надѣялся на многочисленное войско, а мужественные Ростиславичи на свою правду. Слѣпый Василько явился на мѣстѣ битвы, и показывая въ рукахъ крестъ, громко кричалъ Святополку: «Видишь ли мстителя, клятвопреступ-«никъ? Лишивъ меня зрѣнія, хочешь от-«нять и жизнь мою. Крестъ святый да бу-«детъ намъ судіею!» Сраженіе было кровопролитное (189). Святополкъ не могъ устоять и бѣжалъ въ Владиміръ: поручилъ сей городъ сыну Мстиславу, прижитому съ наложницею; другаго сына, Ярослава, отправилъ въ Венгрію за наемнымъ войскомъ; племянника, Святошу Давидовича,

Новое вѣроломство Святополка.

оставилъ въ Луцкѣ, а самъ уѣхалъ въ Кіевъ. Ростиславичи гнались за побѣжденнымъ только до границъ своей области и возвратились, не желая никакихъ пріобрѣтеній: умѣренность великодушная! Они помнили клятву, данную ими въ Любечѣ, и гнушались примѣрами вѣроломства.

Умѣренность Ростиславичей.

Сынъ Великаго Князя, Ярославъ, склонилъ Государя Венгерскаго объявить войну Ростиславичамъ, и Коломанъ, собравъ великія силы, вступилъ въ Червенскую область. Володарь затворился въ Перемышлѣ. Давидъ Игоревичь (190), напрасно искавъ друзей и союзниковъ внѣ Государства, возвратился тогда изъ Польши: видя общую опасность, прибѣгнулъ къ Ростиславичамъ, и въ знакъ довѣренности оставивъ жену свою у Володаря, отправился къ Половцамъ. Ханъ Бонякъ, встрѣтивъ его на границѣ, взялся дѣйствовать противъ врага Россіи. Лѣтописецъ говоритъ, что Половцевъ было 390 человѣкъ, а Давидовыхъ воиновъ 100; что Бонякъ, искусный гадатель будущаго, въ темную глубокую ночь отъѣхалъ отъ стана и началъ *выть*; что звѣри степные отвѣтствовали ему такимъ же воемъ, и что обрадованный Ханъ предсказалъ Давиду несомнительную побѣду. Суевѣріе бываетъ иногда счастливо: ободривъ воиновъ, мужественный Бонякъ раздѣлилъ ихъ на три части; ве-

лѣлъ товарищу своему, Алтунопѣ, итти прямо на Венгровъ съ 50 стрѣлками; поручилъ Давиду главный отрядъ, а самъ засѣлъ впереди, по обѣимъ сторонамъ дороги, имѣя не болѣе ста человѣкъ. Алтунопа увидѣлъ вдали множество Венгровъ, коихъ оружіе и латы блистали отъ первыхъ лучей восходящаго солнца, и которые стояли рядами на великомъ пространствѣ. Онъ шелъ смѣло, и пустивъ нѣсколько стрѣлъ, обратился въ бѣгство. Когда же Венгры устремились вслѣдъ за нимъ безъ всякаго порядка, Бонякъ ударилъ на нихъ въ тылъ, Алтунопа спереди, Давидъ также (191). Володарь, осажденный въ Перемышлѣ, могъ воспользоваться симъ случаемъ для удачной вылазки. Изумленные Венгры въ ужасѣ, въ смятеніи, давили другъ друга; бросались въ рѣку Санъ, и тонули. Побѣдители гнали ихъ два дни. Самъ Коломанъ едва спасъ жизнь свою, потерявъ около 40,000 воиновъ, многихъ Бароновъ и тѣлохранителей; а сынъ Святополковъ ушелъ въ Брестъ. Венгерскіе Лѣтописцы разсказываютъ, что виною сего *безпримѣрнаго* несчастія была неосторожность ихъ Государя, обманутаго притворными слезами вдовствующей Россійской Княгини *Ланки*, которая, стоя на колѣнахъ, умоляла его быть милосердымъ къ ея народу; что Венгры, не

Пораженіе Венгровъ.

ожидая сопротивленія и битвы, спали крѣпкимъ сномъ, когда Ханъ Половецкій напалъ въ глубокую ночь на ихъ станъ, и не давъ имъ опомниться, умертвилъ множество людей. Коломанъ безъ сомнѣнія думалъ тогда завладѣть Червенскою областію: съ нимъ были не только знаменитѣйшіе свѣтскіе чиновники, но и Епископы, готовые обращать Россіянъ въ свою Вѣру. Одинъ изъ сихъ Епископовъ, именемъ Купанъ, погибъ въ сраженіи.

Давидъ Игоревичь, желая употребить въ свою пользу несчастіе Святополка и союзниковъ его, взялъ Червенъ ([192]), и внезапно осадилъ Владиміръ, гдѣ сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, собственною неустрашимостію ободрялъ воиновъ; но пораженный стрѣлою — въ самое то мгновеніе, какъ онъ натягивалъ лукъ — сей юноша палъ на стѣнѣ и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ. Три дни кончина его была тайною для народа: узнавъ оную, граждане въ общемъ совѣтѣ положили увѣдомить Святополка о своей крайности. Съ одной стороны они боялись гнѣва его, съ другой неминуемаго голода ([193]). Святополкъ отправилъ къ нимъ Воеводу Путяту, и велѣлъ ему соединиться въ Луцкѣ съ дружиною Святоши. Сей юный племянникъ Великаго Князя взялъ подъ стражу Давидовыхъ Пословъ, которыхъ онъ до того Междоусобія.

времени клятвенно увѣрялъ въ дружбѣ, обѣщаясь извѣстить ихъ Государя о первомъ движеніи Святополкова войска. Обманутый Давидъ безпечно отдыхалъ въ полдень, когда Путята и Святоша напали на его станъ; въ то же время осажденные сдѣлали вылазку. Пробужденный шумомъ и крикомъ битвы, Давидъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ, и Владимірцы съ радостію приняли въ городъ свой Посадника Святополкова (194); но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро Путята вывелъ оттуда войско. Бонякъ, славный побѣдитель Венгровъ, вступился за Давида и возвратилъ ему область его, изгнавъ Святошу изъ Луцка и Посадника Кіевскаго изъ Владиміра.

Августа 5.

Тогда Князья Россійскіе, взаимно огорчаемые своимъ несогласіемъ, вѣроломствомъ, малодушнымъ властолюбіемъ, вторично собралися близъ Кіева: Святополкъ, Мономахъ и Святославичи; заключили новый союзъ между собою и звали Давида. Сей Князь Владимірскій не дерзнулъ ихъ ослушаться; но пріѣхавъ, гордо сказалъ: «Я здѣсь: чего отъ меня хотите? кто недоволенъ мною?» . . . *Не ты ли самъ* — отвѣтствовалъ ему Владиміръ — *желалъ общаго Княжескаго собранія, чтобы представить намъ свои неудовольствія? Теперь сидишь на одномъ коврѣ съ братьями: говори,*

Г. 1100.

Іюня 30. Новый съѣздъ Князей.

кто и чѣмъ оскорбилъ тебя? Давидъ молчалъ. Князья встали и сѣли на коней. Отъѣхавъ въ сторону, каждый совѣтовался съ своею дружиною. Давидъ сидѣлъ одинъ. Наконецъ они снеслися между собою, и Послы ихъ торжественно сказали ему: «Князь Давидъ! объявляемъ волю нашихъ «Государей ([195]). Область Владимірская уже «не твоя отнынѣ: ибо ты былъ причиною «вражды и злодѣйства, неслыханнаго въ «Россіи. Но живи спокойно; не бойся ме«сти. Бужскъ остается твоимъ городомъ: «Святополкъ даетъ тебѣ еще Дубно и Чер«торижскъ, Мономахъ 200 гривенъ, Олегъ «и братъ его тоже.» Давидъ смирился, и Святополкъ чрезъ нѣкоторое время уступилъ ему Дорогобужъ Волынскій, отдавъ Владиміръ сыну своему Ярославу. Соединенные Князья отправили также Пословъ къ Ростиславичамъ, требуя, чтобы они выдали плѣнниковъ, взятыхъ ими въ битвѣ съ коварнымъ Святополкомъ, и господствовали въ одномъ Перемышлѣ; чтобы Володарь взялъ къ себѣ несчастнаго Василька или прислалъ къ дядямъ, которые обязываются *кормить* его. Но Ростиславичи съ гордостію отвергнули сіе предложеніе, и великодушный слѣпецъ хотѣлъ умереть Теребовльскимъ Княземъ. Святополкъ, испытавъ храбрость ихъ, не смѣлъ уже воевать съ ними; но строго наказалъ

Усмиреніе Давида.

г. 1101.

своего роднаго племянника, Ярослава, сына Ярополкова, который, господствуя въ Брестѣ, вооружался и хотѣлъ завладѣть другими городами ([196]). Его привезли въ Кіевъ окованнаго цѣпями. Митрополитъ и Духовенство испросили ему свободу; но сей несчастный, бѣжавъ изъ Кіева, попался въ руки Владимірскому Князю, сыну Святополкову: снова былъ заключенъ, и чрезъ десять мѣсяцевъ умеръ въ темницѣ.

Раздѣленіе Государства, вообще ослабивъ его могущество, уменьшило и власть Князей. Народъ, видя ихъ междоусобіе и частое изгнаніе, не могъ имѣть къ нимъ того священнаго уваженія, которое необходимо для государственнаго блага. Читатель замѣтилъ уже многіе примѣры тогдашняго своевольства гражданъ: слѣдующее происшествіе еще яснѣе доказываетъ оное. Великій Князь и Мономахъ согласились отдать Новгородъ сыну перваго, а Мстиславу, въ замѣну сей области, Владиміръ. Исполняя волю отца, Мстиславъ явился во Дворцѣ Кіевскомъ, сопровождаемый знатными Новогородцами и Боярами Мономаха. Когда Святополкъ посадилъ их, Бояре говорили ему: «Мономахъ при«слалъ къ тебѣ Мстислава, чтобы ты от«правилъ его княжить въ Владиміръ, а «сына своего въ Новгородъ.» *Нѣтъ!* сказали Послы Новогородскіе: *объявляемъ*

Декабря 2. Строптивость Новогородцевъ.

торжественно, что сего не будетъ. Святополкъ! ты самъ добровольно оставилъ насъ: теперь уже не хотимъ ни тебя, ни сына твоего. Пусть ѣдетъ въ Новгородъ, ежели у него двѣ головы! Мы сами воспитали Мстислава, даннаго намъ еще Всеволодомъ (197). Великій Князь долго спорилъ съ ними; но, поставивъ на своемъ, они возвратились въ Новгородъ со Мстиславомъ.

Между тѣмъ вторый Княжескій съѣздъ былъ счастливѣе перваго, утвердивъ союзъ Святославичей съ Великимъ Княземъ и Мономахомъ. Половцы, опасаясь слѣдствій онаго, именемъ всѣхъ Хановъ своихъ требовали мира, и заключивъ его въ городѣ Саковѣ, взяли и дали аманатовъ. Сей миръ, какъ и прежніе, только отсрочилъ войну, необходимую по мнѣнію благоразумнаго Князя Владиміра. Въ слѣдующій годъ, весною, онъ и Святополкъ имѣли свиданіе близъ Кіева, на лугу, и сидя въ одномъ шатрѣ, совѣтовались съ Боярами (198). Дружина Великаго Князя говорила, что весна не благопріятна для военныхъ дѣйствій; что если они для конницы возьмутъ лошадей у земледѣльцевъ, то поля останутся не вспаханы, и въ селахъ не будетъ хлѣба. «Удивляюсь (отвѣтствовалъ «Мономахъ), что вы жалѣете коней болѣе «отечества. Мы дадимъ время пахать зем«ледѣльцу; а Половчинъ застрѣлитъ его

Совѣтъ Князей.

«на самой нивѣ, въѣдетъ въ село, плѣнитъ «жену, дѣтей, и возьметъ все имѣніе оратая.» Бояре не могли оспоривать сего убѣдительнаго возраженія, и Великій Князь, вставъ съ мѣста, сказалъ: *я готовъ!* Владиміръ съ нѣжностію обнялъ брата, говоря ему, что земля Русская назоветъ его своимъ благодѣтелемъ. Они старались возбудить такую же ревность и въ другихъ Князьяхъ, призывая ихъ смирить варваровъ или умереть Героями. Олегъ Святославичь отговорился болѣзнію; но два брата его охотно вооружились. Князь Полоцкій, Всеславъ, знаменитый врагъ племени Ярославова, скончался въ 1101 году [199]; меньшій сынъ его, Давидъ, жертвуя наслѣдственною злобою общему благу, прибылъ въ станъ соединенныхъ войскъ: также Игоревъ внукъ, Мстиславъ, коего отецъ неизвѣстенъ, и который, вмѣстѣ съ дядею своимъ, Давидомъ Игоревичемъ, въ 1099 году осаждавъ Владиміръ, искалъ потомъ добычи или славы на морѣ [200]. Великій Князь взялъ съ собою роднаго племянника, Вячеслава, а Мономахъ сына своего, Ярополка. Грозное ополченіе сухимъ путемъ и водою двинулось къ Югу. Флотъ остановился за Днѣпровскими порогами, у Хортицкаго острова: тамъ построилось войско, и четыре дни шло степями къ Востоку до мѣста называемаго *Сутень*. Встрево-

Счастливая война съ Половцами.

женные непріятели собирались многочисленными толпами къ вежамъ своихъ Хановъ, которые, видя опасность, совѣтовались между собою, что имъ дѣлать. Старшій изъ нихъ, именемъ Урособа, говорилъ товарищамъ, что надобно просить мира, и что Россіяне, долгое время терпѣвъ отъ Половцевъ, будутъ сражаться отчаянно. Ко славѣ соединенныхъ Князей, младшіе Ханы отвергнули сей благоразумный совѣтъ, съ гордостію отвѣтствуя: «Старецъ! ты боишься Россіянъ! но мы по-«ложимъ дерзкихъ враговъ на мѣстѣ, и возь-«мемъ всѣ беззащитные города ихъ.»

Въ то время, когда Половцы уже дѣлили въ мысляхъ своихъ добычу нашего стана, Россіяне готовились къ битвѣ молитвою и благочестивыми обѣтами; одни давали клятву, въ случаѣ побѣды, наградить убогихъ; другіе украсить церкви и монастыри вкладами. Успокоенные теплою вѣрою, они шли съ бодростію и веселіемъ. Алтунопа, славнѣйшій изъ храбрецовъ Половецкихъ, былъ впереди на стражѣ: Россіяне, окруживъ его, совершенно истребили сей отрядъ непріятельскій. Началося главное сраженіе. Лѣтописецъ говоритъ, что многочисленные полки варваровъ казались на обширной степи дремучимъ, необозримымъ боромъ; но что Половцы, объятые тайнымъ ужасомъ, были какъ сонные, едва могли править своими конями, и смятые первымъ ударомъ нашихъ, бѣжали во всѣ стороны. Никогда еще Россійскіе Князья не

одерживали такой знаменитой побѣды надъ варварами. Урособа и 19 другихъ Хановъ пали въ сраженіи. Одного изъ нихъ, именемъ Бельдюза, привели къ Святополку: сей плѣнникъ хотѣлъ откупиться серебромъ, золотомъ и конями. Святополкъ велѣлъ отвести его къ Владиміру, который сказалъ ему: «Ты не училъ дѣтей своихъ и «товарищей бояться клятвопреступленія. Сколь«ко разъ вы обѣщали миръ и губили Христіанъ! «*Да будетъ же кровь твоя на главѣ твоей!*» Бельдюза разсѣкли на части. Побѣдители взяли въ добычу множество скота, вельблюдовъ, коней; освободили невольниковъ, и въ числѣ плѣнныхъ захватили Торковъ и Печенѣговъ, которые служили Половцамъ. Увѣнчанный славою Мономахъ, призывая Россіянъ къ торжеству и веселію, хвалилъ ихъ мужество, но всего болѣе славилъ Небо. «Сей день (гово«рилъ онъ) есть праздникъ для отечества. Все«вышній избавилъ отъ враговъ землю Русскую: «они лежатъ у ногъ нашихъ! Сокрушены главы «змія, и мы обогатилися достояніемъ невѣр«ныхъ.» Въ надеждѣ, что Половцы не дерзнутъ уже безпокоить Россію, Святополкъ старался загладить слѣды ихъ прежнихъ опустошеній, и возобновилъ городъ Юрьевъ, ими сожженный, на берегу Роси.

Къ несчастію, сіи мирныя попеченія о гражданскомъ благосостояніи Государства не могли тогда имѣть успѣха: княженіе Святополка, отъ начала до конца, представляетъ цѣпь ратныхъ

дѣйствій. Россія была станомъ воинскимъ, и звукъ оружія не давалъ успокоиться ея жителямъ.

Г. 1104. Марта 24. Война съ Мордвою и съ Князьями Полоцкими.

Ярославъ Святославичь, братъ Олеговъ и Давидовъ, былъ побѣжденъ Мордвою, въ Губерніи Тамбовской или Нижегородской, гдѣ сей народъ обиталъ издревле, въ сосѣдствѣ съ Казанскими Болгарами. — Слѣдуя примѣру отцевъ своихъ, Великій Князь и Мономахъ вооружились противъ наслѣдниковъ Всеславовыхъ, которые независимо господствовали въ Полоцкой области. Путята, Воевода Святополковъ, Олегъ и Ярополкъ, сынъ Владиміровъ, ходили осаждать Глѣба Всеславича въ Минскѣ. Родный братъ Глѣбовъ, Давидъ, находился съ ними: вѣроятно, что онъ держалъ ихъ сторону. Но войско соединенное возвратилось безъ успѣха. — Всеславичи, избавленные отъ сей опасности, хотѣли покорить Семигалію. Несторъ называетъ ея жителей данниками Россіи (201): быть можетъ, что они прежде зависѣли отъ Князей Полоцкихъ и вздумали тогда отложиться. Кровопролитная битва утвердила ихъ свободу: Всеславичи, потерявъ 9000 воиновъ, едва могли спасти остатокъ своей рати.

Г. 1106. Пораженіе Россіянъ въ Семигаліи.

Новые успѣхи

Съ другой стороны Половцы новымъ грабительствомъ доказали Мономаху, что онъ еще не *сокрушилъ гидры*, и что не всѣ *главы* ея пали отъ меча Россійскаго. Уже

въ войнѣ съ Половцами. варвары съ добычею и съ невольниками возвращались въ свою землю, когда Воеводы Святополковы настигли ихъ за Сулою
г. 1107. 7 Маія. и выручили плѣнныхъ (202). Въ слѣдующій годъ отважный Бонякъ, захвативъ табуны Переяславскіе, приступилъ къ Лубнамъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Вождемъ Половецкимъ, старымъ Шаруканомъ. Великій Князь, Олегъ, Мстиславъ, Игоревъ внукъ, Мономахъ съ двумя сынами, перешли за Сулу и съ грознымъ воплемъ устремились на варваровъ, которые не имѣли времени построиться, ни сѣсть на коней, и спасаясь бѣгствомъ, оставили весь обозъ свой въ
12 Августа. добычу побѣдителю. Россіяне, гнавъ ихъ до самаго Хороля, многихъ убили и взяли въ
12 Генваря 1108 г. плѣнъ. — Сіи успѣхи не возгордили Олега и Мономаха, которые въ томъ же году женили сыновей своихъ на дочеряхъ Ханскихъ (203). Омерзѣніе къ злобнымъ язычникамъ уступало Политикѣ и надеждѣ успокоить Государство хотя на малое время. — Миръ не продолжался ни двухъ лѣтъ: Россіяне уже въ 1109 и въ слѣдующемъ году воевали близъ Дона и брали вежи Половецкія. Наконецъ Мономахъ снова
г. 1111. убѣдилъ Князей дѣйствовать соединенными силами, и въ то время, когда народъ говѣлъ, слушая въ храмахъ молитвы Великопостныя, воины собирались подъ знаменами. Достойно замѣчанія, что около сего

ени были многія воздушныя явленія
оссіи, и самое землетрясеніе; но бла-
зумные люди старались ободрять суе-
ыхъ, толкуя имъ, что необыкновен-
знаменія предвѣщаютъ иногда необы-
енное *счастіе* для Государства, или
ду: ибо Россіяне не знали тогда инаго
гія. Самые мирные Иноки возбуждали
ей разить злобныхъ супостатовъ, вѣ-
что Богъ мира есть также и Богъ
ствъ, подвигнутыхъ любовію ко благу
ества (204). Россіяне выступили 26 Фе-
я, и въ осьмый день стояли уже на
твѣ, ожидая заднихъ отрядовъ. На
тахъ Ворсклы они торжественно цѣло- Походъ
крестъ, готовясь умереть великодуш- знаменитый.
оставили многія рѣки за собою, и 19
а увидѣли Донъ. Тамъ воины облек-
въ брони (205), и стройными рядами
улись къ Югу. Сей знаменитый походъ
минаетъ Святославовъ, когда отваж-
внукъ Рюриковъ шелъ отъ береговъ
іра сокрушить величіе Козарской Им-
. Его смѣлые витязи ободряли, мо-
быть, другъ друга пѣснями войны и
опролитія: Владиміровы и Святопол-
съ благоговѣніемъ внимали церков-
пѣнію Іереевъ, коимъ Мономахъ ве-
итти предъ воинствомъ со крестами.
іяне пощадили непріятельскій городъ
евъ (ибо жители встрѣтили ихъ съ

дарами: съ виномъ, медомъ и рыбою; другой, именемъ Сугровъ, былъ обращенъ въ пепелъ. Сіи города на берегу Дона существовали до самаго нашествія Татаръ и были, какъ вѣроятно, основаны Козарами: Половцы, завладѣвъ ихъ страною, и сами уже обитали въ домахъ. 24 Марта Князья разбили варваровъ, и праздновали Благовѣщеніе вмѣстѣ съ побѣдою; но чрезъ два дни свирѣпые враги окружили ихъ со всѣхъ сторонъ на берегахъ Сала. Битва, самая отчаянная и кровопролитная, доказала превосходство Россіянъ въ искусствѣ воинскомъ. Мономахъ сражался какъ истинный Герой, и быстрымъ движеніемъ своихъ полковъ сломилъ непріятеля. Лѣтописецъ говоритъ, что Ангелъ свыше каралъ Половцевъ, и что головы ихъ, *невидимою* рукою ссѣкаемыя, летѣли на землю: Богъ всегда *невидимо* помогаетъ храбрымъ. — Россіяне, довольные множествомъ плѣнныхъ, добычею, славою (которая, по увѣренію современниковъ, разнеслася отъ Греціи, Польши, Богеміи, Венгріи до самаго Рима), возвратились въ отечество, уже не думая о своихъ древнихъ завоеваніяхъ на берегахъ Азовскаго моря, гдѣ Половцы безъ сомнѣнія тогда господствовали, овладѣвъ Воспорскимъ Царствомъ или Тмутороканскимъ Княженіемъ, коего имя съ

Имя Тмутороканя исчезаетъ въ лѣтописяхъ.

сего времени исчезло въ нашихъ лѣтописяхъ ([206]).

Въ числѣ многихъ Князей, ходившихъ на Донъ съ Владиміромъ и Святополкомъ, былъ и Давидъ Игоревичь Дорогобужскій, памятный злодѣйствомъ: онъ скоро умеръ; область его наслѣдовалъ зять Мстислава Новогородскаго, Ярославъ Святополковичь, который ознаменовалъ свое мужество двукратною побѣдою надъ Ятвягами, строптивыми данниками нашего отечества ([207]). Сею войною заключились подвиги Россіянъ въ бурное княженіе Святополка, умершаго въ 1113 году. Онъ имѣлъ всѣ пороки малодушныхъ: вѣроломство, неблагодарность, подозрительность, надменность въ счастіи и робость въ бѣдствіяхъ. При немъ унизилось достоинство Великаго Князя, и только сильная рука Мономахова держала его 20 лѣтъ на престолѣ, даруя побѣды отечеству ([208]).

Г. 1112.

Апрѣля 16. Кончина Святополкова.

Святополкъ былъ набоженъ: готовясь къ войнѣ, къ путешествію, онъ всегда бралъ молитву у Печерскаго Игумена, надъ гробомъ Ѳеодосія, и тамъ же благодарилъ Всевышняго за всякую побѣду; украшалъ, строилъ церкви, — какъ-то Михаила Златоверхаго въ Кіевѣ, гдѣ погребено тѣло сего Князя — и въ 1108 году велѣлъ Митрополиту вписать Ѳеодосіево имя въ Синодикъ, для поминовенія во всѣхъ Россій-

скихъ Епископіяхъ. Довольный наружностію благочестія, онъ явно преступалъ святые уставы нравственности, имѣя наложницъ и равняя побочныхъ дѣтей съ законными.

Святополкъ оставилъ супругу, которая, по его смерти, раздала великое богатство монастырямъ, Священникамъ и бѣднымъ (ибо онъ собралъ множество золота, и притомъ всякими средствами: терпѣлъ Евреевъ въ Кіевѣ — вѣроятно, переѣхавшихъ къ

Евреи въ Кіевѣ.

намъ изъ Тавриды — и самъ не стыдился, къ утѣсненію народа, торговать солью, ко-

Продажа соли.

торую привозили купцы изъ Галича и Перемышля). — Сбыслава, дочь Великаго Кня-

Брачные союзы.

зя, въ 1102 году сочеталась бракомъ съ Королемъ Польскимъ, Болеславомъ Кривоустымъ. Взаимная государственная польза требовала сего союза, и Балдвинъ, Епископъ Краковскій, исходатайствовалъ разрѣшеніе отъ Папы: ибо Княжна Россійская была въ свойствѣ съ Королемъ. Брачное торжество совершилось въ Краковѣ: Болеславъ, въ изъявленіе своего удовольствія, щедро одарилъ Вельможъ Польскихъ. Онъ уважалъ тестя, и простилъ своего брата, мятежнаго Избыгнѣва, который, въ 1106 году пріѣхавъ въ Кіевъ, молилъ Великаго Князя быть посредникомъ между ими. Вторая дочь Святополкова, именемъ Передслава, въ 1104 вышла за

ролевича Венгерскаго, сына Коломанова, дислава или Николая. Въ то же самое емя — въ 1104 году — третья Княжна ссійская, дочь знаменитаго Володаря и емянница Василькова, была выдана за ревича Греческаго, сына Алексіева, Анроника или Исаакія; первый убитъ на йнѣ въ цвѣтущей юности; вторый былъ доначальникомъ Императоровъ Трапентскихъ. — Коломанъ, Государь Венгерій, уже престарѣлый женился въ 1112 ду на дочери Мономаховой, Евфиміи; но й бракъ имѣлъ несчастныя слѣдствія. дозрѣвая супругу въ невѣрности, Колонъ развелся съ нею, и Евфимія беременя возвратилась въ отечество, гдѣ родила на, Бориса (209).

Митрополиты. Въ княженіе Святополково Митрополими были Греки Николай и Никифоръ: рвый ѣздилъ Посломъ къ Мономаху отъ іевскихъ гражданъ въ 1098 году, и ходайствовалъ за несчастнаго племянника вятополкова, Ярослава; при второмъ сынъ авида Черниговскаго, Святославъ, наанный за его благочестіе *Святошею*, отзался отъ міра, и заключился въ Обители ечерской, уважая монашескія добродѣли болѣе гражданскихъ. Князь Святоша. Сей Князь, бывъ ерва слугою иноковъ и вратаремъ, доле время смирялъ плоть свою трудами и здержаніемъ, безпрестанно работая въ

кельѣ или въ саду, имъ разведенномъ; отдавалъ бѣднымъ все, что имѣлъ, и способствовалъ въ монастырѣ своемъ заведенію библіотеки. — Время Никифоровой пастьы ознаменовалось еще въ церковныхъ лѣтописяхъ прибытіемъ въ Новгородъ Св. Антонія Римскаго, ученаго мужа, которому тамошніе чиновники и Епископъ Никита дали, на берегу Волхова, мѣсто и село для основанія монастыря, одного изъ древнѣйшихъ въ Россіи (210).

Св. Антоній Римлянинъ.

Къ достопамятностямъ вѣка Святополкова принадлежитъ любопытное путешествіе Россійскаго Игумена Даніила къ Святымъ Мѣстамъ, уже завоеваннымъ тогда Крестоносцами. Славный Бальдвинъ царствовалъ въ Іерусалимѣ: Даніилъ въ своихъ запискахъ хвалитъ его добродѣтели, привѣтливость, смиреніе. Подъ защитою Королевской дружины сей Игуменъ ходилъ къ Дамаску, въ Акру, и могъ безопасно осмотрѣть всю Палестину, гдѣ еще скитались толпы невѣрныхъ и грабили Христіанъ. Онъ выпросилъ дозволеніе у Бальдвина поставить лампаду надъ гробомъ Спасителя и записалъ въ Обители Св. Саввы, для поминанія на ектеніяхъ, имена Князей Россійскихъ: Святополка-Михаила, Владиміра-Василія, Давида Святославича, Олега-Михаила, Святослава-Панкратія и Глѣба Минскаго. Достойно замѣчанія, что

Путешествіе Даніила.

многіе знатные Кіевляне и Новогородцы находились тогда въ Іерусалимѣ (211). Алексій Комнинъ безъ сомнѣнія приглашалъ и Россіянъ дѣйствовать противъ общихъ враговъ Христіанства; отечество наше имѣло собственныхъ: но вѣроятно, что сіе обстоятельство не мѣшало нѣкоторымъ витязямъ Россійскимъ искать опасностей и славы подъ знаменами Крестоваго воинства. Впрочемъ быть можетъ, что одно Христіанское усердіе и желаніе поклониться гробу Іисусову приводило ихъ въ Палестину: ибо мы знаемъ по инымъ современнымъ и не менѣе достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, что Россіяне въ XI вѣкѣ часто давали Небу обѣтъ видѣть сія мѣста святыя (212). Россіяне въ Іерусалимѣ.

Описаніе временъ Святополковыхъ заключимъ извѣстіемъ, что Несторъ при семъ Князѣ кончилъ свою лѣтопись, сказавъ намъ въ 1106 году о смерти *добраго*, девяносто-лѣтняго *старца* Яня, славнаго Воеводы, жизнію подобнаго древнимъ Христіанскимъ праведникамъ, и сообщившаго ему многія свѣдѣнія для его историческаго творенія (213). Отселѣ путеводителями нашими будутъ другіе, также современные Лѣтописцы. Конецъ Несторовой лѣтописи. Старецъ Янь.

ГЛАВА VII.

Владиміръ Мономахъ, названный въ крещеніи Василіемъ.

г. 1113—1125.

Грабятъ Жидовъ въ Кіевѣ. Мономахъ усмиряетъ мятежъ. Новое пренесеніе мощей Бориса и Глѣба. Законъ о ростахъ. Побѣды въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону. Черные Клобуки. Бѣловежцы. Дѣла съ Греками. Мономахова шапка. Царевичь Леонъ. Усмиреніе Минскаго Князя и Новогородцевъ. Изгнаніе и бѣдствіе Князя Владимірскаго. Венгры, Богемцы и Поляки въ Россіи. Ихъ неудача. Плѣнъ Володаря. Смерть трехъ Князей знаменитыхъ. Кончина Мономахова. Свойства его. Поученіе. Основаніе Владиміра Залѣсскаго. Гида, супруга Мономахова. Ея дѣти. Сочиненіе Митрополита Никифора.

г. 1113. По смерти Святополка-Михаила граждане Кіевскіе, опредѣливъ въ торжественномъ совѣтѣ, что достойнѣйшій изъ Князей Россійскихъ долженъ быть Великимъ Княземъ, отправили Пословъ къ Мономаху и звали его властвовать въ столицѣ. Добродушный Владиміръ давно уже забылъ несправедливость и вражду Святополкову: искренно оплакивалъ его кончину, и въ сердечной горести отказался отъ предложенной ему

ı. Вѣроятно, что онъ боялся оскор-
Святославичей, которые, будучи дѣть-
таршаго Ярославова сына, по тогдаш-
обыкновенію долженствовали наслѣ-
ь престолъ Великокняжескій. Сей от-
имѣлъ несчастныя слѣдствія: Кіевляне
тѣли слышать о другомъ Государѣ; а
кники, пользуясь безначаліемъ, огра-
домъ Тысячскаго, именемъ Путяты, и
ь Жидовъ, бывшихъ въ столицѣ подъ
нными покровительствомъ корысто-
ваго Святополка (214). Спокойные гра-
е, приведенные въ ужасъ такимъ без-
дкомъ, вторично звали Мономаха.
си насъ» — говорили ихъ Послы —
неистовства черни; спаси отъ граби-
й домъ печальной супруги Святопол-
й, собственные наши домы и святыню
астырей.» Владиміръ пріѣхалъ въ сто-
: народъ изъявилъ необычайную ра-
, и мятежники усмирились, видя Князя
одушнаго на главномъ престолѣ Рос-
омъ.

же и Святославичи не противились об-
желанію; уступили Мономаху права
остались Князьями Удѣльными и жи-
нимъ въ согласіи до самой ихъ кон-
. Они счастливѣе отцевъ своихъ тор-
вовали вмѣстѣ пренесеніе мощей Св.
са и Глѣба изъ ветхой церкви въ но-
каменный храмъ Вышегородскій: симъ

Грабятъ Жидовъ въ Кіевѣ.

Апрѣля 20.

Мономахъ усмиряетъ мятежъ.

Г. 1115, Маія 2. Новое пренесеніе мощей Бориса и Глѣба.

дѣйствіемъ Владиміръ изъявилъ, въ началѣ своего правленія, не только набожность, но и любовь къ отечеству: ибо древняя Россія признавала оныхъ Мучениковъ главными ея небесными заступниками, ужасомъ враговъ и подпорою нашихъ воинствъ. Еще будучи Княземъ Переяславскимъ, онъ украсилъ серебряную раку Святыхъ золотомъ, хрусталемъ и рѣзьбою столь хитрою, какъ говоритъ Лѣтописецъ, что Греки дивились ея богатству и художеству. Изъ отдаленнѣйшихъ странъ Россіи собрались тогда въ Вышегородѣ Князья, Духовенство, Воеводы, Бояре; безчисленное множество людей тѣснилось на улицахъ и стѣнахъ городскихъ; всякой хотѣлъ прикоснуться къ святому праху, и Владиміръ, чтобы очистить дорогу для Клироса, велѣлъ бросать народу ткани, одежды, драгоцѣнныя шкуры звѣрей, сребренники (215). Олегъ далъ роскошный пиръ Князьямъ; три дни угощали бѣдныхъ и странниковъ. — Сіе торжество, и церковное и государственное, изображая духъ времени, достойно замѣчанія въ Исторіи.

Мономахъ спѣшилъ также благодѣяніями человѣколюбиваго законодательства утвердить свое право на имя отца народнаго. Причиною Кіевскаго мятежа было, кажется, лихоимство Евреевъ: вѣроятно, что они, пользуясь тогдашнею рѣдкостію денегъ, угнетали должниковъ неумѣренными ростами. Мономахъ, желая облегчить судьбу недостаточныхъ людей, собралъ въ Берестовскомъ дворцѣ своемъ знатнѣйшихъ Бояръ и

Тысячскихъ: Ратибора Кіевскаго, Прокопія Бѣлогородскаго, Станислава Переяславскаго, Нажира Мирослава и Боярина Олегова, Іоанна Чудиновича; разсуждалъ, совѣтовался съ ними, и наконецъ опредѣлилъ, что заимодавецъ, взявъ три раза съ одного должника такъ называемые *третные росты*, лишается уже истинныхъ своихъ денегъ или капитала: ибо какъ ни велики были тогдашніе годовые росты, но мѣсячные и третные еще превышали ихъ (216). Мономахъ включилъ сей законъ въ Уставъ Ярославовъ. Законъ о ростахъ.

Сей Государь щадилъ кровь людей; но зналъ, что вѣрнѣйшее средство утвердить тишину есть быть грознымъ для внѣшнихъ и внутреннихъ непріятелей. Сынъ его Мстиславъ, два раза побѣдивъ Чудь, завладѣлъ городомъ Оденпе, или *Медвѣжьею Головою* въ Ливоніи (217). Призванный отцемъ княжить въ Бѣлгородѣ, онъ поручилъ Новогородскую область сыну, юному Всеволоду, который ознаменовалъ воинскій духъ свой счастливымъ, но многотруднымъ походомъ въ Финляндію. Худый зимній путь (ибо весна уже наступала) и бѣдность земли угрожали Россіянамъ голодною смертію; недостатокъ былъ такъ великъ, что они за каждый хлѣбъ платили ногату. — Меньшій братъ Мстиславовъ, Георгій, княжившій въ Суздалѣ, ходилъ

Г. 1116-1123. Побѣда въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону.

Волгою на судахъ въ землю Казанскихъ Болгаровъ, побѣдилъ ихъ и возвратился съ добычею. Третій сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, воевалъ въ окрестностяхъ Дона; взялъ три города въ области Половецкой: Балинъ, Чешлюевъ, Сугровъ; плѣнилъ множество Ясовъ, тамъ обитавшихъ, и въ числѣ ихъ прекрасную дѣвицу, на коей онъ женился. Около сего же времени Владиміръ выгналъ изъ Россіи Берендѣевъ, Печенѣговъ и Торковъ, новыхъ пришельцевъ: утѣсняемые Половцами и разбитые ими близъ Дона, они искали убѣжища въ окрестностяхъ Переяславля, но, любя грабежъ, не могли кочевать тамъ спокойно. Однакожъ многіе изъ нихъ остались на Днѣпрѣ, были извѣстны подъ общимъ

Черные Клобуки.

именемъ *Черныхъ Клобуковъ* или *Черкасовъ*, и служили Россіянамъ ([218]). — Лѣтопись Владимірова времени упоминаетъ еще о Бѣловежцахъ, охотно принятыхъ Великимъ Княземъ.

Бѣловежцы.

Сіи обитатели нѣкогда знаменитой крѣпости Козарской на берегахъ Дона, взятой мужественнымъ Святославомъ I, спасаясь отъ свирѣпости Половцевъ, основали новый городъ въ верховьѣ рѣки Остера и назвали его именемъ древняго, или Бѣлою Вежею, коей извѣстныя развалины (во 120 верстахъ отъ Чернигова) свидѣтельствуютъ, что въ ней находились *каменныя* стѣны, башни, ворота и

другія зданія. Козары, наученные Греками, строили лучше нашихъ предковъ ([219]).

Успѣхи Мономахова оружія такъ прославили сего Великаго Князя на Востокѣ и Западѣ, что имя его, по выраженію Лѣтописцевъ, гремѣло въ мірѣ, и страны сосѣдственныя трепетали онаго. Если вѣрить новѣйшимъ повѣствователямъ, то Владиміръ ужасалъ и Греческую Имперію. Они разсказываютъ, что Великій Князь, вспомнивъ знаменитыя побѣды, одержанныя его предками надъ Греками, со многочисленнымъ войскомъ отправилъ Мстислава къ Адріанополю и завоевалъ Ѳракію; что устрашенный Алексій Комнинъ прислалъ въ Кіевъ дары: крестъ животворящаго древа, чашу сердоликовую Августа Кесаря, вѣнецъ, златую цѣпь и бармы Константина Мономаха, дѣда Владимірова; что Неофитъ, Митрополитъ Ефесскій, вручилъ сіи дары Великому Князю, склонилъ его къ миру, вѣнчалъ въ Кіевскомъ Соборномъ храмѣ Императорскимъ вѣнцемъ и возгласилъ *Царемъ* Россійскимъ ([220]). Въ Оружейной Московской Палатѣ хранятся такъ называемая *Мономахова златая шапка* или корона, цѣпь, держава, скипетръ и древнія бармы, коими украшаются Самодержцы наши въ день своего торжественнаго вѣнчанія, и которыя дѣйствительно могли быть даромъ Императора Алексія. Мы

Дѣла съ Греками.

Мономахова шапка.

знаемъ, что и въ X Вѣкѣ Государи Россійскіе часто требовали Царской утвари отъ Византійскихъ Императоровъ ([221]); знаемъ также, что Великіе Князья Московскіе XIV столѣтія отказывали въ завѣщаніяхъ наслѣднику трона нѣкоторыя изъ сихъ вещей, сдѣланныхъ въ Греціи (какъ то свидѣтельствуютъ надписи оныхъ и самая работа). Но завоеваніе Ѳракіи кажется сомнительнымъ, и въ *древнихъ* лѣтописяхъ находятся только слѣдующія извѣстія о дѣлахъ Владиміра въ отношеніи къ Грекамъ:

Царевичъ Леонъ. «Въ 1116 году *супругъ Мономаховой дочери Маріи, Царевичь Леонъ*, сынъ бывшаго Императора Діогена, собравъ войско на берегахъ Чернаго моря, вступилъ въ сѣверныя области Имперіи и завладѣлъ городами Дунайскими; но Царь Алексій подослалъ къ нему въ Доростолъ двухъ Аравитянъ, которые злодѣйски умертвили его (Августа 15). Тогда Владиміръ, желая или отмстить за убійство зятя, или сохранить для юнаго сына Маріи, именемъ Василія, взятые Леономъ города, велѣлъ итти на Дунай Воеводѣ, Іоанну Войтишичу, и сыну своему, Вячеславу, съ другимъ Бояриномъ, Ѳомою Ратиборовичемъ; первый дѣйствительно занялъ нѣкоторые изъ оныхъ, а Вячеславъ безъ успѣха отступилъ отъ Доростола ([222]).» Вопреки сему сказанію, Анна Комнина въ Исторіи отца ея, славнаго

ратора Алексія, увѣряетъ, что Леонъ, Діогеновъ, погибъ въ сраженіи съ ми близъ Антіохіи. «Чрезъ нѣкото-ремя, пишетъ Анна, явился въ Импе-бманщикъ, принявшій на себя его Сосланный за то въ Херсонъ, онъ освобожденъ Половцами, и предво-ьствуя ихъ толпами, шелъ во Ѳракію; ятый въ плѣнъ Греками, испыталъ, ерзость не остается безъ наказанія: ыкололи глаза» (въ 1096 году). Сего стнаго и другіе Византійскіе Лѣто-ı именуютъ самозванцемъ; но зять маховъ, убитый въ Доростолѣ, былъ но истиннымъ Діогеновымъ сыномъ: ладиміръ, находясь въ тѣсныхъ свя-съ Дворомъ Константинопольскимъ, гъ, кажется, дать себя въ обманъ -бродягѣ. — Вдовствующая супруга ва, Марія, скончалась Монахинею въ , гдѣ сынъ ея, Василій, усердно слу-Великимъ Князьямъ; а города Дунай-ыли скоро возвращены Имперіи, или оружія, или въ слѣдствіе мирныхъ оровъ.

димиръ, одолѣвая внѣшнихъ непрія-, смирялъ и внутреннихъ. Князь г. 1116-1123. кій, Глѣбъ, не хотѣлъ ему повино-я, сжегъ городъ Слуцкъ, захваты-людей между Припетью и Двиною: сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, опу-

стошилъ Друцкъ и вывелъ жителей въ новый городокъ, для нихъ основанный.

Усмиреніе Мономахова Князя Новогородцевъ.

Самъ Великій Князь, соединясь съ Давидомъ Черниговскимъ и съ Ольговичами, взялъ городъ Вячеславль, Оршу, Копысъ; осаждалъ Минскъ, смирилъ Глѣба, и вновь имъ оскорбленный, привелъ его какъ плѣнника въ Кіевъ, гдѣ онъ и скончался (223).— Безпокойные Новогородцы, употребляя во зло юность своего Князя Всеволода, мятежными поступками заслужили гнѣвъ Мономаха, который, призвавъ всѣхъ тамошнихъ Бояръ въ Кіевъ, велѣлъ имъ торжественно присягнуть въ вѣрности, удержалъ нѣкоторыхъ у себя, а другихъ заточилъ. Правые, или не столь виновные, возвратились домой, узнавъ опытомъ, что самый человѣколюбивый, но мудрый Государь не оставляетъ дерзкихъ ослушниковъ безъ наказанія (224). Уже нѣсколько времени Посадники Новогородскіе были, кажется, избираемы изъ тамошнихъ гражданъ: Владиміръ, опасаясь ихъ мятежнаго духа, далъ сей санъ Кіевскому Вельможѣ Борису.

Сынъ Святополковъ, Ярославъ или Ярославецъ, Князь Владимірскій, ненавидѣлъ жену свою, дочь Мстислава, и не боялся огорчать ея дѣда: Мономахъ выступилъ съ войскомъ, соединился съ Ростиславичами, Князьями югозападной Россіи, около

двухъ мѣсяцевъ держалъ городъ Владиміръ въ осадѣ, и принудилъ Ярослава покориться; но сей легкомысленный племянникъ снова оскорбилъ дядю, съ презрѣніемъ удаливъ отъ себя нелюбимую супругу: онъ бѣжалъ въ Польшу. Никто изъ Бояръ не хотѣлъ за нимъ слѣдовать, и Великій Князь отдалъ Владимірскій Удѣлъ сыну своему, Роману, Володареву зятю, который въ томъ же году умеръ. Мономахъ послалъ на его мѣсто другаго сына, Андрея (женатаго на внукѣ Половецкаго Князя, Тугоркана) и велѣлъ ему предупредить замыслы Болеслава Кривоустаго, зная, что сей Король, свойственникъ изгнаннаго Князя Владимірскаго, ожидаетъ только удобнаго случая для объявленія войны Россіянамъ. Андрей опустошилъ сосѣдственныя владѣнія Королевскія и возвратился съ добычею. Ляхи, приведенные Ярославомъ, хотѣли взять Червенъ; но съ великимъ урономъ были отражены тамошнимъ Намѣстникомъ, Ѳомою Ратиборовичемъ. Тогда Ярославъ прибѣгнулъ къ Государю Венгерскому, Стефану, который, желая отмстить Россіянамъ за отца своего, побѣжденнаго ими на берегахъ Сана, вступилъ въ область Владимірскую, вмѣстѣ съ Богемцами и Поляками. Великій Князь, не имѣвъ времени собрать войско, съ малою дружиною отправилъ Мстислава къ городу

Изгнаніе и бѣдствіе Князя Владимірскаго.

г. 1123. Венгры, Богемцы и Поляки въ Россіи.

Черниговскихъ, Полоцкихъ и Ростиславичей, которые не уступили бы ему правъ своихъ безъ страшнаго кровопролитія. Онъ не имѣлъ дерзкой рѣшительности тѣхъ людей, кои жертвуютъ благомъ современниковъ невѣрному счастію потомства; хотѣлъ быть *первымъ*, а не *единственнымъ* Княземъ Россійскимъ: покровителемъ Россіи и Главою частныхъ Владѣтелей, а не Государемъ Самодержавнымъ. Справедливость вооружила его противъ хищника Глѣба и Князя Владимірскаго (ибо сей послѣдній хотѣлъ обезчестить семейство Мономахово разводомъ съ дочерью Мстислава и звалъ иноплеменниковъ грабить отечество): та же справедливость не позволяла ему отнять законнаго достоянія у Князей спокойныхъ. — По кончинѣ гордаго Олега и кроткаго Давида, вообще уважаемаго за его правдивость, меньшій ихъ братъ, Ярославъ, мирно княжилъ въ области Черниговской, а сыновья Володаревы, Владимірко, Ростиславъ, и Васильковичи, Григорій съ Іоанномъ, наслѣдовали Перемышль, Звенигородъ, Теребовль и другія мѣста въ юго-западной Россіи, когда въ 1124 году умерли отцы ихъ, оставивъ навсегда въ Россіи память своихъ счастливыхъ дѣлъ воинскихъ, вѣрности въ обѣтахъ и любви къ отечественной славѣ [228].

Смерть трехъ Князей знаменитыхъ.

г. 1125. Княживъ въ столицѣ 13 лѣтъ, Влади-

міръ Мономахъ скончался на 73 году отъ рожденія, *славный побѣдами за Русскую землю и благими нравами*, какъ говорятъ древніе Лѣтописцы. Уже въ слабости и недугѣ онъ поѣхалъ на мѣсто, орошенное святою кровію Бориса, и тамъ, у церкви имъ созданной, на берегу Альты, предалъ духъ свой Богу въ живѣйшихъ чувствованіяхъ утѣшительной Вѣры. Горестныя дѣти и Вельможи привезли его тѣло въ Кіевъ, и совершили обрядъ погребенія въ Софійскомъ храмѣ. Набожность была тогда весьма обыкновенною добродѣтелію; но Владиміръ отличался Христіанскимъ сердечнымъ умиленіемъ: слезы обыкновенно текли изъ глазъ его, когда онъ въ храмахъ молился Вседержителю, за отечество и народъ, ему любезный (229). Не менѣе хвалятъ Лѣтописцы нѣжную его привязанность къ отцу (котораго сей рѣдкій сынъ *никогда и ни въ чемъ не ослушался*), снисхожденіе къ слабому человѣчеству, милосердіе, щедрость, незлобіе: ибо онъ, по ихъ словамъ, *творилъ добро врагамъ своимъ и любилъ отпускать ихъ съ дарами*. Но всего яснѣе и лучше изображаетъ его душу *поученіе*, имъ самимъ написанное для сыновей. Къ счастію, сей остатокъ древности сохранился въ одной харатейной лѣтописи, и достоинъ занять мѣсто въ Исторіи (230).

Маія 19. Кончина Мономахова.

Свойства его.

Поученіе.

Великій Князь говоритъ въ началѣ, что

«обиду Княжескимъ Отрокамъ; а гдѣ остановитесь, напойте, накормите хозяина. Всего же «болѣе чтите гостя, и знаменитаго и простаго, «и купца и Посла; если не можете одарить его, «то хотя брашномъ и питіемъ удовольствуйте: «ибо гости распускаютъ въ чужихъ земляхъ и «добрую и худую объ насъ славу. — Привѣтствуйте всякаго человѣка, когда идете мимо. — «Любите женъ своихъ, но не давайте имъ власти «надъ собою. — Все хорошее, узнавъ, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь. «Отецъ мой, сидя дома, говорилъ *пятью языками* (233): за что хвалятъ насъ чужестранцы. «Лѣность мать пороковъ: берегитесь ее. Человѣкъ долженъ всегда заниматься: въ пути, на «конѣ, не имѣя дѣла, вмѣсто суетныхъ мыслей «читайте наизусть молитвы, или повторяйте «хотя самую краткую, но лучшую: *Господи помилуй!* Не засыпайте никогда безъ земнаго «поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, «то поклонитесь въ землю три раза. Да не застанетъ васъ солнце на ложѣ! Идите рано въ «церковь воздать Богу хвалу утреннюю: такъ «дѣлалъ отецъ мой; такъ дѣлали всѣ добрые «мужи. Когда озаряло ихъ солнце, они славили «Господа съ радостію и говорили: *просвѣти очи «мои, Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой «красный.* Потомъ садились думать съ дружиною, или судить народъ, или ѣздили на охоту; «а въ полдень спали: ибо не только человѣку, «но и звѣрямъ и птицамъ Богъ присудилъ отды-

«хать въ часъ полуденный. — Такъ жилъ и «вашъ отецъ. Я самъ дѣлалъ все, что могъ бы «велѣть Отроку: на охотѣ и войнѣ, днемъ и «ночью, въ зной лѣтній и холодъ зимній не «зналъ покоя; не надѣялся на Посадниковъ и «Бирючей; не давалъ бѣдныхъ и вдовицъ въ «обиду сильнымъ; самъ назиралъ церковь и Бо-«жественное служеніе, домашній распорядокъ, «конюшню, охоту, ястребовъ и соколовъ.» — Исчисливъ свои дѣла воинскія, уже извѣстныя Читателю ([234]), Владиміръ пишетъ далѣе: «Всѣхъ «походовъ моихъ было 83; а другихъ маловаж-«ныхъ не упомню. Я заключилъ съ Половцами «19 мирныхъ договоровъ, взялъ въ плѣнъ бо-«лѣе ста лучшихъ ихъ Князей и выпустилъ изъ «неволи, а болѣе двухъ сотъ казнилъ и пото-«пилъ въ рѣкахъ ([235]). — Кто путешествовалъ «скорѣе меня? Выѣхавъ рано изъ Чернигова, я «бывалъ въ Кіевѣ у родителя прежде Вече-«ренъ. — Любя охоту, мы часто ловили звѣрей «съ вашимъ дѣдомъ. Своими руками въ густыхъ «лѣсахъ вязалъ я дикихъ коней вдругъ по нѣ-«скольку. Два раза буйволъ металъ меня на «рогахъ, олень бодалъ, лось топтала ногами; «вепрь сорвалъ мечь съ бедры моей, медвѣдь «прокусилъ сѣдло; лютый звѣрь однажды бро-«сился и низвергнулъ коня подо мною. Сколько «разъ я падалъ съ лошади! Дважды разбилъ «себѣ голову, повреждалъ руки и ноги, не блюдя «жизни въ юности, и не щадя головы своей. Но «Господь хранилъ меня. И вы, дѣти мои, не

«бойтесь смерти, ни битвы, ни звѣрей свирѣ-
«пыхъ; но являйтесь мужами во всякомъ слу-
«чаѣ, посланномъ отъ Бога. Если Провидѣні-
«опредѣлитъ кому умереть, то не спасутъ его н-
«отецъ, ни мать, ни братья. Храненіе Бож-
«надежнѣе человѣческаго.»

Безъ сего завѣщанія (236), столь умно писа-
наго, мы не знали бы всей прекрасной души
Владиміра, который не сокрушилъ чуждыхъ Го-
сударствъ, но былъ защитою, славою, утѣше-
ніемъ собственнаго; и никто изъ древнихъ Кня-
зей Россійскихъ не имѣетъ болѣе права на лю-
бовь потомства: ибо онъ съ живѣйшимъ усер-
діемъ служилъ отечеству и добродѣтели. Если
Мономахъ одинъ разъ въ жизни не усомнился
нарушить Права Народнаго и вѣроломнымъ
образомъ умертвить Князей Половецкихъ, то
можемъ отнести къ нему слова Цицероновы:
вѣкъ извиняетъ человѣка (237). Считая Полов-
цевъ врагами Христіанства и Неба (ибо они
жгли церкви), Россіяне думали, что истреблять
ихъ, какимъ бы то образомъ ни было, есть бо-
гоугодное дѣло.

Къ сожалѣнію, древніе Лѣтописцы наши, раз-
сказывая подробно воинскія и церковныя дѣла,
едва упоминаютъ о государственныхъ или граж-
данскихъ, коими Владиміръ украсилъ свое прав-
леніе. Знаемъ только, что онъ, желая доставить
народу всѣ возможныя удобности, сдѣлалъ на
Днѣпрѣ мостъ; часто ѣздилъ въ Ростовскую и
Суздальскую землю, наслѣдственную область

Всеволодова Дому, для хозяйственныхъ распоряженій; выбралъ прекрасное мѣсто на берегу Клязмы, основалъ городъ, назвалъ его *Владиміромъ Залѣсскимъ*, окружилъ валомъ и построилъ тамъ церковь Св. Спаса. Сынъ его, Мстиславъ, распространилъ въ 1114 году укрѣпленія Новогородскія, а Посадникъ, именемъ Павелъ, заложилъ каменную стѣну въ Ладогѣ (238). Основаніе Владиміра Залѣсскаго.

Во время Мономахова княженія, довольно спокойное и мирное въ сравненіи съ другими, были нѣкоторыя бѣдствія: рѣдкая засуха въ 1124 году и сильный въ Кіевѣ пожаръ, который продолжался два дни, обративъ въ пепелъ большую часть города, монастыри, около 600 церквей и всю *Жидовскую улицу*. Народъ съ ужасомъ видѣлъ еще одно совершенное затмѣніе солнца и звѣзды на небѣ въ самый полдень. Въ южной Россіи случились два землетрясенія, а въ сѣверной страшная буря, которая срывала домы и потопила множество скота въ Волховѣ (239). Бѣдствія.

Мономахъ оставилъ пять сыновей и супругу третьяго брака. Нѣтъ сомнѣнія, что *первою* была Гида, дочь Англійскаго Короля Гаральда, о коей мы упоминали (240), и которая, по извѣстію древняго Историка Датскаго, около 1070 году вышла за нашего Князя, именемъ Владиміра. Норвежскіе Лѣтописцы сказываютъ, что сынъ Гида супруга Мономахова: ея дѣти.

Гиды и сего Князя женился на Христинѣ, дочери Шведскаго Короля, Инга Стенкильсона: супруга Мстислава Владиміровича дѣйствительно называлась Христиною (241). Ея дочери, внуки Мономаховы, вступили въ знаменитые брачные союзы: *одна* съ Норвежскимъ Королемъ, Сигурдомъ, а послѣ съ Датскимъ Эрикомъ Эдмундомъ; *вторая* съ Канутомъ Святымъ, Королемъ Оботритскимъ, отцемъ *Вальдемара*, славнаго Государя Датскаго, названнаго симъ именемъ, можетъ быть, въ честь его великаго прадѣда, *Владиміра* Мономаха; *третія* съ Греческимъ Царевичемъ: думаю, сыномъ Императора Іоанна, Алексіемъ, коего супруга именемъ и родомъ неизвѣстна по Византійскимъ лѣтописямъ (242).

Въ годъ сего бракосочетанія (1120) пріѣхалъ изъ Константинополя въ Россію Митрополитъ Никита и заступилъ мѣсто умершаго Никифора, мужа знаменитаго свѣдѣніями и краснорѣчіемъ: чего памятникомъ остались два письма его къ Мономаху: первое о *раздѣленіи Церквей*, Восточной и Западной; второе о *постѣ*, особенно любопытное, ибо оно содержитъ въ себѣ не только богословскія, но и философическія умствованія, заключаемыя хвалою добродѣтелей Мономаховыхъ (243). «*Разумъ*» — пишетъ Никифоръ — *разумъ* «*есть свѣтлое око души, обитающей во*

Сочиненіе Митрополита Никифора.

главъ. Какъ ты, Государь мудрый, сидя на престолѣ, чрезъ Воеводъ своихъ управляешь народомъ, такъ душа посредствомъ пяти чувствъ правитъ тѣломъ. Не имѣю нужды во многорѣчіи: ибо умъ твой летаетъ быстро, постигая смыслъ каждаго слова. Могу ли предписывать тебѣ законы для умѣренности въ чувственныхъ наслажденіяхъ, когда ты, сынъ Княжеской и Царской (Греческой) крови, Властитель земли сильныя, не знаешь дому, всегда въ трудахъ и путешествіяхъ, спишь на голой землѣ, единственно для важныхъ дѣлъ государственныхъ вступаешь во дворецъ свѣтлый, «и снимая съ себя любимую одежду простую, «надѣваешь Властительскую; когда, угощая дру-«гихъ обѣдами Княжескими, самъ только смо-«тришь на яства роскошныя? . . . . . Восхвалю ли «тебѣ и другія добродѣтели? Восхвалю ли щед-«рость, когда десница твоя ко всѣмъ простерта; «когда ты ни сребра, ни злата не таишь, не счи-«таешь въ казнѣ своей, но обѣими руками раз-«даешь ихъ, хотя оскудѣть не можешь, ибо бла-«годать Божія съ тобою? . . . . . Скажу единое: «какъ душа обязана испытывать или повѣрять «дѣйствія чувствъ, зрѣнія, слуха, ея всегдашнихъ «орудій, дабы не обмануться въ своихъ заклю-«ченіяхъ: такъ и Государь долженъ повѣрять «донесенія Вельможъ. Вспомни, кто изгнанъ, «кто наказанъ тобою: не клевета ли погубила «сихъ несчастныхъ? . . . . Князь любезный! да «не оскорбитъ тебя искренняя рѣчь моя! Не

«думай, чтобы я слышалъ жалобу осужденныхъ «и за нихъ вступался; нѣтъ, пишу единственно «на воспоминаніе тебѣ: ибо власть великая тре-«буетъ и великаго отчета; а мы начинаемъ те-«перь постъ, время душеспасительныхъ размы-«шленій, когда Пастыри церковные должны и «Князьямъ смѣло говорить истину. Вѣдаю, что «мы сами, можетъ быть, въ зломъ недугѣ; но «Слово Божіе въ насъ здраво и цѣло: если «оно полезно, то надобно ли входить въ даль-«нѣйшее изслѣдованіе? Человѣкъ въ лицѣ, Богъ «въ сердцѣ,» и проч. — Такимъ образомъ древ-ніе учители нашей Церкви бесѣдовали съ Госу-дарями, соединяя усердную хвалу съ наставле-ніемъ Христіанскимъ. Слогъ сихъ писемъ озна-менованъ печатію вѣка: грубъ, однакожъ до-вольно ясенъ, и многія выраженія сильны.

ГЛАВА VIII.

Великій Князь Мстиславъ.

Г. 1125—1132.

ѣгъ Половцевъ. Изгнаніе Ярослава Черниговкаго. Начало особенныхъ Княженій, Муромкаго и Рязанскаго. Удаленіе Половцевъ за олгу. Междоусобіе въ юго-западной Россіи. сылка Князей Полоцкихъ въ Грецію. Война ь Чудью и Литвою. Кончина Мстислава. Гоодъ. Древнѣйшая грамота.

1стиславъ Владиміровичь наслѣдовалъ Г. 1125. тоинство Великаго Князя. Братья его юдствовали въ Удѣлахъ: Ярополкъ въ еяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей Владимірѣ, Георгій въ Суздалѣ; а сыья, Изяславъ и Ростиславъ, въ Курскѣ моленскѣ.—Новый Государь, уже давно ѣстный мужествомъ и великодушіемъ, ъ добродѣтели отца своего на прекѣ Россіи: имѣлъ ту же ревностную овь къ общему благу, ту же твердость, пиненную въ немъ, подобно какъ и въ омахѣ, съ нѣжною чувствительностію и (244).

няженіе его, къ несчастію кратковреюе, прославилось разными успѣхами

воинскими, которыми онъ желалъ единственно успокоить Государство и возстановить древнее величіе онаго.

Набѣгъ Половцевъ. Половцы, свѣдавъ о кончинѣ Мономаха, думали, что Россія осиротѣла и будетъ снова жертвою ихъ грабительства. Они хотѣли соединиться съ Торками, кочевавшими близъ Переяславля; но Ярополкъ Владиміровичь, тамошній Князь, узналъ о семъ намѣреніи: велѣлъ Торкамъ въѣхать въ городъ, и самъ, не имѣвъ терпѣнія дождаться помощи отъ своихъ братьевъ, съ одною Переяславскою дружиною ударилъ на варваровъ, разбилъ ихъ и множество потопилъ въ рѣкахъ.

г. 1127. Мстиславъ, объявивъ себя покровителемъ утѣсненныхъ Князей, долженъ былъ обнажить мечь на Всеволода Ольговича, Изгнаніе Ярослава Черниговскаго. который выгналъ изъ Чернигова дядю своего, Ярослава, умертвилъ его Бояръ вѣрныхъ и разграбилъ ихъ домы. Мстиславъ клялся изгнанному Князю наказать сего мятежнаго сына Олегова. Слѣдуя несчастному примѣру отца, Всеволодъ заключилъ союзъ съ Половцами: варвары, въ числѣ семи тысячь, спѣшили къ границамъ Россіи, давъ вѣсть о томъ Черниговскому хищнику; но Послы ихъ не могли уже возвратиться и были схвачены, въ окрестностяхъ рѣки Сейма, Посадниками Ярополка ([245]). Ожидавъ долгое время от-

вѣта и боясь измѣны, Половцы ушли наконецъ во-свояси. Тогда Всеволодъ прибѣгнулъ къ смиренію; молилъ Великаго Князя забыть вину его, и между тѣмъ осыпалъ дарами Вельможъ Кіевскихъ. Мстиславъ еще не колебался, однакожь медлилъ, и несчастный дядя самъ пріѣхалъ изъ Мурома, чтобы напомнить ему священный обѣтъ мести. Бояре, не ослѣпленные дарами Всеволода, были за Ярослава; но какой-то Григорій, Игуменъ Андреевской Обители, любимецъ покойнаго Мономаха, весьма уважаемый Великимъ Княземъ, говорилъ, что миролюбіе есть должность Христіанина. Митрополитъ Никита уже скончался (246), и Церковь Россійская не имѣла Главы: сей Игуменъ склонилъ на свою сторону всѣхъ духовныхъ сановниковъ, которые торжественно сказали Мстиславу: «Государь! лучше преступить клятву, не-«жели убивать Христіанъ. Не бойся грѣха: «мы беремъ его на свою душу.» Убѣжденный ими, Великій Князь примирился со Всеволодомъ, и бѣдный Ярославъ съ горестію возвратился въ Муромъ (гдѣ и скончался черезъ два года, оставивъ сію область и Рязанскую въ наслѣдіе сыновьямъ). Мстиславъ забылъ наставленіе отца: «давъ «клятву, исполняйте оную!» Щадить кровь людей есть безъ сомнѣнія добродѣтель; но Монархъ, преступая обѣтъ, нарушаетъ за-

Начало особенныхъ Княженій, Муромскаго и Рязанскаго.

конъ Естественный и Народный; а миролюбіе, которое спасаетъ виновнаго отъ казни, бываетъ вреднѣе самой жестокости. Къ чести Мстислава скажемъ, что онъ во всю жизнь свою оплакивалъ сей проступокъ ([247]).

Великій Князь, излишно снисходительный въ отношеніи ко Всеволоду, отмстилъ по крайней мѣрѣ варварамъ, его союзникамъ. Лѣтописцы говорятъ, что войско Мстислава «загнало Половцевъ не только «за Донъ, но и за Волгу,» и что они уже не смѣли безпокоить нашихъ предѣловъ ([248]).

Удаленіе Половцевъ за Волгу.

Еще при жизни Мономаха сыновья Володаревы, Владимірко и Ростиславъ, начали ссориться между собою; однакожь, боясь его, не смѣли воевать другъ съ другомъ. Исполняя завѣщаніе отца, первый господствовалъ въ Звенигородѣ, а вторый въ Перемышлѣ. Когда же Мономахъ скончался, Владимірко хотѣлъ изгнать брата. За Ростислава стояли Васильковичи, Іоаннъ и Григорій; также и Великій Князь Мстиславъ, желая единственно отвратить зло насилія. Мирныя убѣжденія, съѣзды и переговоры въ Серетѣ остались безполезными: Владимірко уѣхалъ въ Венгрію, чтобы просить войска у Короля Стефана. Тогда Ростиславъ осадилъ Звенигородъ, гдѣ 3000 Венгровъ и Россіянъ оборонялись

Междоусобіе въ юго-западной Россіи.

мужественно, что онъ долженъ былъ
ить. Но сія война не имѣла дальнѣй-
слѣдствій. Владимірко, возвратясь
чизну, смирился: ибо Великій Князь
тельно требовалъ, чтобы каждый изъ
въ довольствовался своимъ Удѣ-
(249).

жнѣйшее происшествіе сего времени
аденіе знаменитаго Дому Князей По-
хъ, которые издавна отдѣлились,
казать, отъ Россіи, желая быть Вла-
ями независимыми. Мстиславъ рѣ-
покорить сію древнюю область Кри-
, и сдѣлалъ то, чего напрасно хотѣли
ѣды (250). Онъ привелъ въ движеніе
многихъ Князей; велѣлъ итти брать-
воимъ, Вячеславу изъ Турова, Андрею
ладиміра, сыну Изяславу изъ Курска,
ему собственный полкъ Княжескій;
славу, другому сыну, изъ Смоленска;
одку Давидовичу, внуку Игореву и
Мономахову, изъ Городна; Вячеславу
авичу, внуку Святополка-Михаила,
леңка. Всѣ они долженствовали на-
оенныя дѣйствія въ одинъ день. Все-
ь Ольговичь, послушный Великому
, и братья его вмѣстѣ съ отрядомъ
хъ Торковъ, отданныхъ въ началь-
Боярину Ивану Воитешичу, въ то же
шли къ Минскому городу Борисову.
авъ взялъ Логожскъ еще ранѣе на-

Ссылка Князей Полоцкихъ въ Грецію.

4 Августа.

значеннаго Мстиславомъ дня, и спѣшилъ соединиться съ дядями, обступившими городъ Изяславль, Удѣлъ знаменитой Рогнѣды, первой супруги Св. Владиміра. Тамъ находился Брячиславъ, сынъ Бориса Всеславича, зять Мстиславовъ: хотѣвъ бѣжать къ отцу, онъ попался въ руки къ своему шурину, который велъ съ собою многихъ плѣнныхъ Логожанъ. Узнавъ, что сіи плѣнники и Брячиславъ довольны умѣренностію побѣдителя, осажденные граждане рѣшились сдаться, но требовали клятвы отъ Вячеслава, сына Мономахова, что онъ защититъ ихъ отъ всякаго насилія. Клятва была дана и нарушена. Ночью, въ слѣдъ за дружиною Тысячскихъ, посланною въ городъ, бросились всѣ воины Андреевы и Вячеславовы: Князья не могли или не хотѣли остановить ихъ; едва спасли имѣніе дочери Мстиславовой, мечемъ удержавъ неистовыхъ грабителей, а бѣдныхъ гражданъ отдали имъ въ жертву. Скоро и Всеволодъ, старшій сынъ Великаго Князя, вступилъ съ Новогородцами въ область Полоцкую: устрашенные жители не оборонялись, и выгнали своего Князя, Давида, на мѣсто коего, согласно съ ихъ желаніемъ, Мстиславъ далъ имъ Рогволода, брата Давидова (251); а чрезъ два года отправилъ всѣхъ Князей Полоцкихъ въ ссылку, за то, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что они не хотѣли дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противъ враговъ нашего отечества, Половцевъ (252). Всеславичи Давидъ, Ростиславъ, Святославъ, и

племянники ихъ Василько, Іоаннъ, сыновья Рогволодовы, съ женами и дѣтьми были на трехъ ладіяхъ отвезены въ Константинополь. Мстиславъ отдалъ Княженіе Полоцкое и Минское сыну своему Изяславу. г. 1129.

Князь Новогородскій Всеволодъ, соединясь съ братьями, два раза ходилъ на Чудь, или Эстонцевъ, зимою: обратилъ въ пепелъ селенія, умертвилъ жителей, взялъ въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей; но въ другомъ походѣ самъ лишился многихъ воиновъ. Сей народъ ненавидѣлъ Россіянъ какъ утѣснителей, отрекался платить дань, и сопротивленіемъ отягчалъ свою долю. — Самъ Великій Князь воевалъ Литву и привелъ въ Кіевъ великое число плѣнниковъ (253). Тогдашнія безпрестанныя войны доставляли нашимъ Князьямъ и Боярамъ множество невольниковъ, которые отчасти шли въ продажу, отчасти (какъ надобно думать) были разселяемы по деревнямъ.

г. 1130-1131. Война съ Чудью и Литвою.

г. 1131.

Мстиславъ, по возвращеніи изъ Литвы, скончался на 56 году отъ рожденія, заслуживъ имя Великаго. Онъ умѣлъ властвовать, хранилъ порядокъ внутри Государства, и если бы дожилъ до лѣтъ отца своего, то могъ бы утвердить спокойствіе Россіи на долгое время. — Сей Великій Князь, вторично женатый на дочери знатнаго Но-

Кончина Мстислава. Г. 1132, Апр. 15.

вогородца, Димитрія Завидича, имѣлъ отъ нее двухъ сыновей: Святополка и Владиміра (кромѣ дочерей, изъ коихъ одна была за Всеволодомъ Ольговичемъ Черниговскимъ). Старшіе ихъ братья родились отъ Христины, первой супруги (254).

Сверхъ тогдашнихъ мнимыхъ ужасовъ, солнечныхъ затмѣній, и легкаго землетрясенія въ южной Россіи (Августа 1, 1126 года) дѣйствительнымъ несчастіемъ княженія Мстиславова былъ страшный голодъ въ сѣверныхъ областяхъ, особенно же въ Новогородской. Отъ жестокаго, совсѣмъ необыкновеннаго холода вымерзли озими, глубокій снѣгъ лежалъ до 30 Апрѣля, вода затопила нивы, селенія, и земледѣльцы весною увидѣли на поляхъ, вмѣсто зелени, одну грязь. Правительство не имѣло запасовъ, и цѣна хлѣба такъ возвысилась, что осмина ржи въ 1128 году стоила нынѣшними серебряными деньгами около рубля сорока копеекъ (255). Народъ питался мякиною, лошадиныть мясомъ, липовымъ листомъ, березовою корою, мхомъ, древесною гнилью. Изнуренные голодомъ люди скитались какъ привидѣнія: падали мертвые на дорогахъ, улицахъ и площадяхъ. Новгородъ казался обширнымъ кладбищемъ; трупы заражали воздухъ смрадомъ тлѣнія, и наемщики не успѣвали вывозить ихъ. Отцы и матери отдавали дѣтей купцамъ

Голодъ

иноземнымъ въ рабство, и многіе граждане искали пропитанія въ странахъ отдаленныхъ. «Новгородъ опустѣлъ,» говорятъ Лѣтописцы: однакожь войско его чрезъ годъ уже разило непріятелей, торговля цвѣла по прежнему, купеческія суда ходили въ Готландію и Данію ([256]).

Замѣтимъ, что самая древнѣйшая изъ подлинныхъ Княжескихъ грамотъ Русскихъ, доньнѣ намъ извѣстныхъ, есть Мстиславова, данная имъ Новогородскому Юрьевскому монастырю, вмѣсто крѣпости, на земли и судныя пошлины, съ приписью сына его, Всеволода, что онъ даритъ тому же монастырю серебряное блюдо для употребленія за братскою трапезою. Древнѣйшая грамота.

ГЛАВА IX.

Великій Князь Ярополкъ.

г. 1132—1139.

Неустройства. Дань Печорская. Завоеваніе Дерпта. Битва на Ждановой горѣ. Кровопролитіе въ южной Россіи. Изгнаніе Князя изъ Новагорода. Великодушіе Василька Полоцкаго. Псковъ отдѣлился отъ Новагорода. Уставъ о церковной дани. Новогородцы опять изгоняютъ Князя. Междоусобіе въ южной Россіи. Миръ и кончина Великаго Князя. Столѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха. Галицкое Княженіе. Характеръ Владимірка. Борисъ воюетъ съ Королемъ Венгерскимъ; является въ станѣ Короля Французскаго; убитъ измѣнникомъ.

г. 1132. Превосходныя достоинства Мстислава удерживали частныхъ Князей въ границахъ благоразумной умѣренности: кончина его разрушила порядокъ.

Граждане Кіевскіе объявили Ярополка Владиміровича Государемъ своимъ и призвали его въ столицу. Согласно съ торжественнымъ договоромъ, заключеннымъ между имъ и старшимъ братомъ, въ исполненіе Мономахова завѣщанія, онъ усту-

пилъ Переяславль Всеволоду, сыну Мстислава. Сей Князь Новогородскій, пріѣхавъ туда, чрезъ нѣсколько часовъ былъ изгнанъ дядею, Георгіемъ Владиміровичемъ, Княземъ Суздальскимъ и Ростовскимъ, который заключилъ союзъ съ меньшимъ братомъ, Андреемъ, и боялся, чтобы Ярополкъ не сдѣлалъ Всеволода наслѣдникомъ Кіевскаго престола. Великій Князь убѣдилъ Георгія выѣхать изъ Переяславля (257); но, чтобы успокоить братьевъ отдалъ сію область другому племяннику, Изяславу Мстиславичу, Князю Полоцкому. Такимъ образомъ слабость новаго Государя обнаружилась въ излишней снисходительности, и несчастныя слѣдствія доказали, сколь малодушіе его было вредно для Государства. Новогородцы, Ладожане и Псковитяне (которые составляли одну область), уже не хотѣли принять Всеволода. «Забывъ клятву умереть съ нами «(говорили они), ты искалъ другаго Княже-«нія: иди же, куда тебѣ угодно!» Несчастный Князь долженъ былъ удалиться. Граждане скоро одумались и возвратили изгнанника; но власть его ограничилась, и Посадники, издревле знаменитые слуги Князей, сдѣлались ихъ совмѣстниками въ могуществѣ, будучи съ того времени избираемы народомъ (258). — Полочане также воспользовались отсутствіемъ Изяслава: выгнали брата его, Святополка, и признали Княземъ

Неустройства.

своимъ Василька Рогволодовича, который возвратился тогда изъ Царяграда (259).

Новыя перемѣны служили только поводомъ къ новымъ безпорядкамъ и неудовольствіямъ. Желая совершенно угодить братьямъ, Ярополкъ склонилъ Изяслава уступить Переяславль дядѣ своему, Вячеславу. Племянникъ въ замѣну получилъ Туровъ и Пинскъ, сверхъ его прежней Минской области; былъ доволенъ и ѣздилъ въ Удѣлы Мстиславичей, въ Смоленскъ, въ Новгородъ, собирать дары и налоги для

г. 1133. Ярополка. Достойно примѣчанія, что Новгородъ, владѣя отдаленными странами нынѣшней Архангельской Губерніи, платилъ за нихъ Великимъ Князьямъ особенную дань,

Дань Печорская. Г 1134-1135. которая называлась *Печорскою*. Но скоро вѣрность Изяслава и братьевъ его поколебалась: легкомысленный Вячеславъ, жалѣя о своемъ бывшемъ Удѣлѣ, отнялъ у племянника Туровъ, а Георгій Владиміровичъ взялъ Переяславль, отдавъ за то Ярополку часть своей Ростовской и Суздальской области (260). Огорченный Изяславъ прибѣгнулъ ко Всеволоду: сей Новогородскій Князь не задолго до того времени побѣдилъ мятежную Чудь, взялъ Юрьевъ или

Завоеваніе Дерпта. Дерптъ, основанный Великимъ Ярославомъ, и въ надеждѣ на свою храбрость обѣщалъ брату завоевать для него область Суздальскую. Онъ не сдержалъ слова: до-

шелъ только до рѣки Дубны и возвратился. Между тѣмъ въ Новѣгородѣ господствовало неустройство: народъ волновался, избиралъ, смѣнялъ Посадниковъ, и даже утопилъ одного изъ главныхъ чиновниковъ своихъ, бросивъ его съ мосту, который служилъ Новогородцамъ вмѣсто скалы Тарпейской. Недовольные худымъ успѣхомъ Всеволодова похода, они требовали войны, и хотѣли снова итти къ Суздалю. Напрасно Михаилъ, тогдашній Митрополитъ Кіевскій, пріѣхавъ къ нимъ, старался отвратить ихъ отъ сего междоусобія: Новогородцы считали оное нужнымъ для своей чести; не пустили отъ себя Митрополита, и не смотря на жестокость зимы, выступили въ поле 31 Декабря; съ удивительнымъ терпѣніемъ сносили холодъ, вьюги, мятели, и кровопролитною битвою, 26 Генваря, на долгое время прославили Жданову гору (въ нынѣшней Владимірской Губерніи); потеряли множество людей, убили еще болѣе Суздальцевъ, но не могли одержать побѣды; возвратились съ миромъ и немедленно освободили Митрополита, который предсказалъ имъ несчастныя слѣдствія ихъ похода (261).

Битва на Ждановой горѣ.

И южная Россія была въ сіе время ѳеатромъ раздора. Ольговичи, Князья Черниговскіе, дружные тогда со Мстиславичами, объявили войну Ярополку и братьямъ

Кровопролитіе въ южной Россіи.

его; призвали Половцевъ; жгли города, села; грабили, плѣняли Россіянъ, и заключили миръ подъ Кіевомъ. Изяславъ былъ тутъ же. Онъ не ходилъ вторично съ Новогородцами въ область Суздальскую: Великій Князь уступилъ ему Владиміръ, Андрею, брату своему, Переяславль, а Ростовъ и Суздаль возвратилъ Георгію, который сверхъ того удержалъ за собою Остеръ въ южной Россіи. Въ семъ случаѣ Новогородцы поступили какъ истинные, добрые сыны отечества: не хотѣвъ взять участія въ междоусобіи, они прислали своего Посадника Мирослава, и наконецъ Епископа Нифонта, обезоружить Князей словами благоразумія. Нифонтъ, мужъ строгой добродѣтели, сильными убѣжденіями тронулъ ихъ сердца и болѣе всѣхъ способствовалъ заключенію мира ([262]).

Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять возг. 1136, Августа 8. горѣлась война, и Князья Черниговскіе новыми злодѣйствами устрашили бѣдныхъ жителей Переяславской области. Въ жестокой битвѣ, на берегахъ Супоя, Великій Князь лишился всей дружины своей; она гналась за Половцами и была отрѣзана непріятелями: ибо Ярополкъ съ большею частію войска малодушно оставилъ мѣсто сраженія. Плѣнивъ знатнѣйшихъ Бояръ, Ольговичи взяли и знамя Великаго Князя. Василько, сынъ Мономаховой дочери, Ма-

ріи, и Греческаго Царевича Леона, находился въ числѣ убитыхъ. — Завоевавъ Триполь, Халепъ, окрестности Бѣлагорода, Василева, побѣдители уже стояли на берегахъ Лыбеди, когда Ярополкъ, готовый ко вторичной битвѣ, но ужасаясь кровопролитія, вопреки мнѣнію братьевъ предложилъ миръ, и согласился уступить Ольговичамъ Курскъ съ частію Переяславской области (263). Митрополитъ ходилъ къ нимъ въ станъ, и приводилъ ихъ къ цѣлованію Креста, по тогдашнему обычаю.

Изгнаніе Князя изъ Новагорода.

Между тѣмъ Новогородцы, миря другихъ, сами не умѣли наслаждаться внутреннею тишиною. Князь былъ жертвою ихъ безпокойнаго духа. Собравъ гражданъ Ладожскихъ, Псковскихъ, они торжественно осудили Всеволода на изгнаніе, ставя ему въ вину, 1) что «онъ не *блюдетъ* простаго народа, и любитъ только забавы, «ястребовъ и собакъ; 2) хотѣлъ княжить «въ Переяславлѣ; 3) ушелъ съ мѣста битвы «на Ждановой горѣ прежде всѣхъ, и 4) не«постояненъ въ мысляхъ: то держитъ сто«рону Князя Черниговскаго, то пристаетъ «ко врагамъ его.» Всеволодъ былъ заключенъ въ Епископскомъ домѣ съ женою, дѣтьми и тещею, супругою Князя Святоши; сидѣлъ какъ преступникъ 7 недѣль за всегдашнею стражею тридцати воиновъ, и получилъ свободу, когда Святославъ Оль-

говичь, братъ Князя Черниговскаго, избранный народомъ, пріѣхалъ княжить въ Новгородъ. Оставивъ тамъ аманатомъ юнаго сына своего, Владиміра, Всеволодъ искалъ защиты Ярополковой, и добросердечный Великій Князь, забывъ вину сего племянника (хотѣвшаго прежде, въ досаду ему, овладѣть Суздальскою землею), далъ изгнаннику Вышегородъ ([264]); но равнодушно смотрѣлъ на то, что древняя столица Рюрикова, всегдашнее достояніе Государей Кіевскихъ, уже не признавала надъ собою ихъ власти.

Мятежъ продолжался въ Новѣгородѣ. Всеволодъ имѣлъ тамъ многихъ ревностныхъ друзей, ненавистныхъ народу, который одного изъ нихъ, именемъ Георгія Жирославича, бросилъ въ Волховъ. Сіи люди, не теряя надежды успѣть въ своемъ намѣреніи, хотѣли даже застрѣлить Князя Святослава ([265]). Самъ Посадникъ держалъ ихъ сторону, и наконецъ съ нѣкоторыми
г. 1137. знатными Новогородцами и Псковитянами ушелъ ко Всеволоду, сказывая ему, что всѣ добрые ихъ сограждане желаютъ его возвращенія. Рожденный, воспитанный съ ними, сей Князь любилъ Новгородъ какъ отчизну и неблагодарныхъ его жителей какъ братьевъ; тосковалъ въ изгнаніи, и съ сердечною радостію спѣшилъ приблизиться къ своей наслѣдственной столицѣ.

На пути встрѣтилъ его съ дружиною Василько Рогволодовичь, Князь Полоцкій, въ 1129 году сосланный Мстиславомъ въ Константинополь: онъ имѣлъ случай отмстить сыну за жестокость отца; но Василько былъ великодушенъ: видѣлъ Всеволода въ несчастіи и клялся забыть древнюю вражду; желалъ ему добра, и самъ съ честію проводилъ его чрезъ свои области. Великодушіе Василька Полоцкаго.

Псковитяне съ искреннимъ усердіемъ приняли Всеволода: Новогородцы же не хотѣли объ немъ слышать, и свѣдавъ, что онъ уже во Псковѣ, разграбили домы его доброжелателей, а другихъ обложили пенями, и собранныя 1500 гривенъ отдали купцамъ на заготовленіе нужныхъ вещей для войны. Святославъ призвалъ брата своего, Глѣба, изъ Курска; призвалъ самыхъ Половцевъ. Уже варвары надѣялись опустошить сѣверную Россію, какъ они съ жестокимъ отцемъ сего Князя грабили южную; но Псковитяне рѣшились быть друзьями Всеволода: заваливъ всѣ дороги въ дремучихъ лѣсахъ своихъ, они взяли такія мѣры для обороны, что устрашенный Святославъ не хотѣлъ итти далѣе Дубровны, и возвратился (266). Такимъ образомъ городъ Псковъ сдѣлался на время особеннымъ Княженіемъ: Святополкъ Мстиславичь наслѣдовалъ сію область по кончинѣ брата своего, набожнаго, благодѣтельнаго Псковъ отдѣлился отъ Новагорода.

Всеволода-Гавріила, коего гробницу и древнее оружіе донынѣ показываютъ въ тамошней Соборной церкви.

Новогородцы, избравъ Святослава, объявили себя непріятелями Великаго Князя, также Суздальскаго и Смоленскаго. Псковитяне не хотѣли имѣть съ ними сношенія; ни Василько, Князь Полоцкій, вѣрный союзникъ Всеволодовъ. Лишенные подвозовъ, они терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ (котораго осьмина стоила тогда въ Новѣгородѣ 7 рѣзаней), и неудовольствіе народное обратилось на Князя невиннаго. Одно Духовенство имѣло нѣкоторую причину жаловаться на Святослава: ибо онъ сочетался какимъ-то незаконнымъ бракомъ въ Новѣгородѣ, не уваживъ запрещенія Епископскаго, и велѣвъ обвѣнчать себя собственному или придворному Іерею. За то сей Князь старался обезоружить Нифонта своею щедростію, возобновивъ древній

Уставъ о церковной дани.

уставъ Владиміровъ о церковной дани, опредѣливъ Епископу брать, вмѣсто *десятины* отъ *Виръ* и *продажъ*, 100 гривенъ

Г. 1138, Апрѣля 17.

изъ казны Княжеской, кромѣ уѣздныхъ оброковъ и пошлины съ купеческихъ судовъ ([267]). Но Святославъ не могъ успокоить народа, и былъ изгнанъ съ безчестіемъ.

Новогородцы опять изгоняютъ

Желая защитить себя отъ мести Ольговичей, граждане оставили въ залогъ у себя его Бояръ и Княгиню; сослали ее

въ монастырь Св. Варвары и призвали въ Новгородъ Ростислава, внука Мономахова, сына Георгіева; заключили миръ съ Великимъ Княземъ, Псковитянами, и хвалились своею мудрою Политикою. — Горестный Святославъ, разлученный съ женою, на пути своемъ въ Черниговъ былъ остановленъ Смоленскими жителями и запертъ въ монастырѣ Смядынскомъ: ибо Ольговичи снова объявили тогда войну роду Мономахову. Князя. Маія 10.

Сіи безпокойные Князья вмѣстѣ съ Половцами ограбили селенія и города на берегахъ Сулы. Андрей Владиміровичь не могъ отразить ихъ, ни имѣть скорой помощи отъ братьевъ, которые, въ надеждѣ на миръ, распустили войско. Онъ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ бѣдствія своихъ подданныхъ, и спѣшилъ уѣхать изъ Переяславля, оставивъ ихъ въ добычу врагамъ и не менѣе хищнымъ Намѣстникамъ (268). Заключеніе Святослава еще болѣе остервенило жестокихъ Ольговичей: пылая гнѣвомъ, они какъ тигры свирѣпствовали въ южной Россіи, взяли Прилукъ, думали осадить Кіевъ. Но Ярополкъ собралъ уже сильную рать, заставилъ ихъ удалиться и скоро приступилъ къ Чернигову. Не только всѣ Россійскіе Князья соединились съ нимъ, но и Венгры дали ему войско; въ станѣ его находилось еще около 1000 кон- Междоусобіе въ южной Россіи.

ныхъ Берендѣевъ или Торковъ. Жители Черниговскіе ужаснулись и требовали отъ своего Князя, Всеволода, чтобы онъ старался умилостивить Ярополка. «Ты хочешь «бѣжать къ Половцамъ», говорили они: «но «варвары не спасутъ твоей области: мы «будемъ жертвою враговъ. Пожалѣй о на-

Миръ и кончина Великаго Князя.

«родѣ и смирися. Знаемъ человѣколюбіе «Ярополково: онъ не радуется кровопро- «литію и гибели Россіянъ.» Черниговцы не обманулись: Великій Князь, тронутый моленіемъ Всеволода, явилъ рѣдкій примѣръ великодушія или слабости: заключивъ миръ, утвержденный съ обѣихъ сторонъ клятвою и дарами, возвратился въ

Г. 1139. Февраля 18.

Кіевъ и скончался (269). Сей Князь, подобно Мономаху, любилъ добродѣтель, какъ увѣряютъ Лѣтописцы; но онъ не зналъ, въ

Столѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха.

чемъ состоитъ добродѣтель Государя. Съ его времени началась та непримиримая вражда между потомками Олега Святославича и Мономаха, которая въ теченіе цѣлаго вѣка была главнымъ несчастіемъ Россіи: ибо первые не хотѣли довольствоваться своею наслѣдственною областію и не могли, завидуя вторымъ, спокойно видѣть ихъ на престолѣ Великокняжескомъ.

Вмѣстѣ съ другими Россіянами находи-

Галицкое Княженіе.

лась подъ Черниговымъ, въ Ярополковомъ станѣ, и вспомогательная дружина *Галицкая:* такъ съ сего времени называется въ

лѣтописяхъ юго-западная область Россіи, гдѣ сынъ Володаревъ, честолюбивый Владимірко, господствуя вмѣстѣ съ братьями, перенесъ свою особенную столицу на берегъ Днѣстра, въ Галичь, и прославился мужествомъ. Онъ не могъ забыть коварнаго злодѣянія Ляховъ, столь безчестно плѣнившихъ Володаря, и мстилъ имъ при всякомъ случаѣ (270). Какой-то знатный Венгерецъ, Болеславовъ Вельможа, начальникъ города Вислицы, измѣнивъ Государю, тайно звалъ Галицкаго Князя въ ея богатую область. Владимірко безъ сопротивленія завладѣлъ оною и сдержалъ данное Венгерцу слово: осыпалъ его золотомъ, ласкою, почестями; но гнушаясь злодѣяніемъ, велѣлъ тогда же ослѣпить сего измѣнника и сдѣлать евнухомъ. «Изверги не должны имѣть дѣтей, имъ подобныхъ,» сказалъ Владимірко, хотѣвъ такимъ образомъ согласить природную ненависть къ Полякамъ съ любовію къ добродѣтели. Онъ удовольствовался взятою добычею, и не могъ удержать за собою Вислицы. Польскіе Лѣтописцы говорятъ, что Болеславъ старался отмстить ему такимъ же грабежемъ въ Галицкой области: свирѣпствовалъ огнемъ и мечемъ, плавалъ въ крови невинныхъ земледѣльцевъ, пастырей, женъ, и возвратился съ *честію!* Тогдашніе ужасы войны безъ сомнѣнія превосходили ны-

Характеръ Владимірка.

нѣшніе, и казались не злодѣйствомъ, но ея принадлежностію, обыкновенною и необходимою.

Владимірко — то врагъ, то союзникъ Венгровъ — участвовалъ также въ войнѣ Бориса, сына Евфиміи, Мономаховой дочери, съ Королемъ Белою *Слѣпымъ* (271). Еще въ утробѣ матери осужденный на изгнаніе и воспитанный въ нашемъ отечествѣ, Борисъ, возмужавъ, хотѣлъ мечемъ доказать силу наслѣдственныхъ правъ своихъ, и вступилъ въ Венгрію съ *Россіянами*, его союзниками, и съ Болеславомъ Польскимъ; но въ рѣшительной битвѣ не выдержалъ перваго удара Нѣмцевъ и бѣжалъ какъ малодушный, не умѣвъ воспользоваться благорасположеніемъ многихъ Венгерскихъ Бояръ, которые думали, что онъ былъ законный сынъ ихъ Государя, и что Коломанъ единственно по ненависти своей къ Россійской крови изгналъ супругу, вѣрную и невинную. Напрасно искавъ защиты Нѣмецкаго Императора, Борисъ чрезъ нѣсколько лѣтъ явился въ станѣ Людовика VII, когда сей Французскій Монархъ шелъ чрезъ Паннонію въ Обѣтованную землю. Узнавъ о томъ, Гейза, Король Венгерскій, требовалъ головы своего опаснаго непріятеля; но Людовикъ сжалился надъ несчастнымъ, и призвавъ на совѣтъ Епископовъ, объявилъ Посламъ Гейзы, что

Борисъ воюетъ съ Королемъ Венгерскимъ.

Борисъ въ станѣ Короля Французскаго.

требованіе ихъ Короля не согласно ни съ честію, ни съ Вѣрою Христіанскою. Борисъ, женатый на родственницѣ Мануила, Греческаго Императора, удалился въ Царьградъ, выѣхавъ тайно изъ Французскаго стана на конѣ Людовиковомъ; воевалъ еще съ Гейзою подъ знаменами Мануила и былъ застрѣленъ измѣнникомъ, Половецкимъ воиномъ, въ 1156 году ([272]). Сынъ его, *младшій* Коломанъ, извѣстный храбростію, служилъ послѣ Грекамъ и правительствовалъ въ Киликіи.

Убитъ измѣнникомъ.

ГЛАВА X.

Великій Князь Всеволодъ Ольговичь.

Г. 1139—1146.

Всеволодъ изгоняетъ Вячеслава. Междоусобія. Мужество Андрея. Честность Всеволода. Его благоразуміе. Равнодушіе Новогородцевъ къ Княжеской чести. Безпокойства въ Новѣгородѣ. Смерть Андрея Добраго. Грабежи. Хитрость Всеволода. Россіяне въ Польшѣ. Первая вражда Георгія съ Изяславомъ. Мореходство Новогородцевъ. Браки. Походъ на Галичь. Іоаннъ Берладникъ. Всеволодъ избираетъ наслѣдника. Дѣла Польскія. Война съ Галицкимъ Княземъ. Мужество Воеводы Звенигородскаго. Кончина Всеволода.

Вячеславъ, Князь Переяславскій, спѣ-
Г. 1139. Февраля 22. шилъ въ Кіевъ, быть наслѣдникомъ Ярополковымъ, и Митрополитъ, провождаемый народомъ, встрѣтилъ его какъ Государя. Но Всеволодъ Ольговичь не далъ ему времени утвердить власть свою: узнавъ въ Вышегородѣ о кончинѣ Ярополковой, немедленно собралъ войско; обступилъ Кіевъ и зажегъ предмѣстіе Копыревское (273). Устрашенный Вячеславъ послалъ Митрополита сказать Всеволоду: «я не хищникъ; но ежели усло-

вія нашихъ отцевъ не кажутся тебѣ закономъ священнымъ, то будь Государемъ Кіевскимъ: иду въ Туровъ». Онъ дѣйствительно уѣхалъ изъ столицы, а Всеволодъ съ торжествомъ сѣлъ на престолѣ Великокняжескомъ, давъ *свѣтлый* пиръ Митрополиту и Боярамъ; вино, медъ, яства, овощи были развозимы для народа; церкви и монастыри получили богатую милостыню. — Къ неудовольствію брата своего, Игоря, Всеволодъ отдалъ Черниговъ сыну Давидову, Владиміру. Марта 5. Всеволодъ изгоняетъ Вячеслава.

Новый Великій Князь изъявилъ желаніе остаться въ мирѣ съ сыновьями и внуками Мономаха; но они не хотѣли ѣхать къ нему, замышляя свергнуть его съ престола. Тогда Всеволодъ рѣшился отнять у нихъ владѣнія и послалъ Воеводъ на Изяслава Мстиславича. Сія рать, объятая ужасомъ прежде битвы, возвратилась съ уничиженіемъ и стыдомъ (274). Въ намѣреніи загладить первую неудачу, Всеволодъ приказалъ брату Князя Черниговскаго, Изяславу Давидовичу, вмѣстѣ съ Галицкими Князьями воевать область Туровскую и Владимірскую; а самъ выступилъ противъ Андрея, гордо объявивъ ему, чтобы онъ ѣхалъ въ Курскъ, и что Переяславль долженъ быть Удѣломъ Святослава Ольговича. Великодушный Андрей издавна не боялся враговъ многочисленныхъ. «Нѣтъ!» отвѣт- Междоусобія.

Мужество Андрея. ствовалъ сей Князь: «дѣдъ, отецъ мой князья «жили въ Переяславлѣ, а не въ Курскѣ; «здѣсь моя отчина и дружина вѣрная: живой не выду отсюда. Пусть Всеволодъ обагритъ свои руки моею кровію! Не онъ будетъ первый: Святополкъ, подобно ему «властолюбивый, умертвилъ также Бориса «и Глѣба; но долго ли пользовался властію?» Великій Князь стоялъ на берегахъ Днѣпра и велѣлъ Святославу изгнать Андрея: но мужественный сынъ Мономаховъ, обративъ его въ бѣгство, купилъ побѣдою миръ. Честность Всеволода. Къ чести Всеволода сказано въ лѣтописи, что онъ во время договоровъ, видя ночью сильный пожаръ въ Переяславлѣ, не хотѣлъ воспользоваться онымъ. Сіи два Князя, обѣщавъ забыть вражду, чрезъ нѣсколько дней съѣхались въ Малотинѣ для заключенія союза съ Ханами Половецкими.

Между тѣмъ Владимірко Галицкій с Іоанномъ Васильковичемъ, братъ Черниговскаго Князя съ Половцами, и Ляхи союзники Всеволодовы, вошли въ область Изяславову и Туровскую. Но гордый Владимірко, стыдясь быть слугою или орудіемъ Государя Кіевскаго, искалъ въ юномъ, мужественномъ Изяславѣ Мстиславичѣ не врага, а достойнаго сподвижника въ опасностяхъ славы: они встрѣтились въ полѣ для того, чтобы разстаться друзьями. Ляхи же и Половцы удоволь-

ствовались однимъ грабежемъ. Симъ война кончилась. Благоразумный Всеволодъ не отвергнулъ мирныхъ предложеній Изяслава и дяди его, Вячеслава Туровскаго; далъ слово не тревожить ихъ въ наслѣдственныхъ Удѣлахъ, и желалъ согласить свое честолюбіе съ государственною тишиною (275). Его благоразуміе.

Еще Георгій Владиміровичь, Князь Суздальскій, оставался его врагомъ, прибылъ въ Смоленскъ, и требовалъ войска отъ Новогородцевъ, чтобы отмстить Всеволоду. Юный Князь ихъ, Ростиславъ, представлялъ имъ обязанность вступиться за честь Мономахова Дому; но думая о выгодахъ мирной торговли болѣе, нежели о чести Княжеской, они не хотѣли вооружиться. Ростиславъ ушелъ къ отцу: Георгій въ наказаніе отнялъ у Новогородцевъ Торжекъ. Сіи люди выгоняли Князей, но не могли жить безъ нихъ: звали къ себѣ вторично Святослава; и въ залогъ вѣрности дали аманатовъ Всеволоду. Святославъ пріѣхалъ; однакожь спокойствія и тишины не было. Распри господствовали въ сей области. Князь и любимцы его также питали духъ несогласія и мстили личнымъ врагамъ: нѣкоторыхъ знатныхъ Бояръ сослали въ Кіевъ или заключили въ оковы; другіе бѣжали въ Суздаль. Всеволодъ хотѣлъ послать сына своего на мѣсто брата,

Равнодушіе Новогородцевъ къ Княжеской чести.

Безпокойства въ Новѣгородѣ.

г. 1140.

и граждане, въ надеждѣ имѣть лучшаго Князя, отправили за нимъ Епископа Нифонта въ Кіевъ. Тогда, не увѣренный въ своей безопасности, Святославъ уѣхалъ тайно изъ Новагорода вмѣстѣ съ Посадникомъ Якуномъ. Народъ озлобился; догналъ несчастнаго любимца Княжескаго, оковалъ цѣпями и заточилъ въ область Чудскую, равно какъ и брата Якунова, взявъ съ нихъ 1100 гривенъ пени. Сіи изгнанники скоро нашли вѣрное убѣжище тамъ же, гдѣ и враги ихъ [276]: при Дворѣ Георгія Владиміровича, и благословляя милостиваго Князя, навсегда отказались отъ своего мятежнаго отечества.

г. 1141.

Уже сынъ Всеволодовъ былъ на пути съ Нифонтомъ и доѣхалъ до Чернигова, когда вѣтреные Новогородцы, перемѣнивъ мысли, дали знать Великому Князю, что не хотятъ ни сына, ни ближнихъ его, и что одинъ родъ Мономаховъ достоинъ управлять ими. Оскорбленный Всеволодъ задержалъ ихъ Пословъ и самого Нифонта. Узнавъ о томъ, Новогородцы объявили Всеволоду, что они покорны ему какъ общему Государю Россіи, желая *отъ его руки* имѣть властителемъ своимъ брата Великой Княгини, Святополка или Владиміра Мстиславичей. Однакожь сія уклонность не смягчила Всеволода, который призвалъ къ себѣ обоихъ меньшихъ шурьевъ и далъ имъ

Брестовскую область, для того, чтобы они не соглашались княжить въ Новѣгородѣ, и чтобы его безпокойные жители испытали всѣ бѣдствія безначалія ([277]).

Въ самомъ дѣлѣ Новогородцы, лишенные защиты Государя, были всячески притѣсняемы: никто не хотѣлъ везти къ нимъ хлѣба, и купцы ихъ, остановленные въ другихъ городахъ Россійскихъ, сидѣли по темницамъ. Они терпѣли девять мѣсяцевъ, избравъ въ Посадники врага Святославова, именемъ Судилу, который вмѣстѣ съ другими единомышленниками возвратился изъ Суздаля: наконецъ прибѣгнули къ Георгію Владиміровичу и звали его къ себѣ правительствовать. Онъ не хотѣлъ выѣхать изъ своей вѣрной области, но вторично далъ имъ сына, и скоро имѣлъ причину раскаяться: ибо Всеволодъ, въ досаду ему, занялъ Остеръ (городокъ Георгіевъ), а Новогородцы — свѣдавъ, что Великій Князь, въ удовольствіе супругѣ или брату ея, Изяславу Мстиславичу, согласился наконецъ исполнить ихъ желаніе, и что шуринъ его, Святополкъ, уже къ нимъ ѣдетъ — заключили, по обыкновенію, Георгіева сына въ Епископскомъ домѣ ([278]). Капитолій граничилъ въ Римѣ съ Тарпейскою скалою: въ Новѣгородѣ престолъ съ темницею! Боялся ли народъ остаться безъ Властителя и на всякой случай берегъ смѣненнаго? или, упоенный дерзостію, хотѣлъ явить его преемнику разительный примѣръ своего могущества, поручая ему вывести бывшаго

Г. 1142. Апрѣля 19. Князя изъ темницы? Какъ скоро Святополкъ пріѣхалъ, граждане отпустили Ростислава къ отцу.

Смерть Андрея Добраго. Въ сіе время, къ общей горести, преставился Андрей Владиміровичь, въ лѣтахъ мужества, заслуживъ имя *Добраго*, и не уронивъ чести Мономахова Дому (279). Вячеславъ былъ его наслѣдникомъ, но медлилъ выѣхать изъ Турова. «Иди въ свою отчину, Переяславль,» говорили ему Послы Всеволодовы: «Туровъ есть древній «городъ *Кіевскій*; отдаю его моему сыну.» Тихій Вячеславъ жилъ спокойнѣе и безопаснѣе въ западной Россіи: сосѣдство съ Половцами требовало дѣятельной осторожности, несогласной съ его миролюбіемъ. Принужденный исполнить требованіе Всеволодово, онъ увидѣлъ, что Россія имѣла *своихъ* Половцевъ: Игорь и Святославъ Ольговичи объявили ему войну. Недовольные тѣмъ, что Великій Князь наградилъ сына Удѣломъ и не хотѣлъ отдать имъ ни Сѣверскаго Новагорода, ни земли Вятичей, они вступили въ тѣсный союзъ съ Князьями Черниговскими, сыновьями Давида, надѣялись оружіемъ пріобрѣсти себѣ выгодные Удѣлы; опустошили нѣсколько городовъ Георгія Владиміровича Суздальскаго, захвативъ вездѣ скотъ и товаръ; напали на область Переяславскую, и два мѣсяца жгли села, травили хлѣбъ, раз-

Грабежи.

ряли бѣдныхъ земледѣльцевъ. Вячеславъ слышалъ стонъ людей, смотрѣлъ на дымъ пылающихъ весей, и сидѣлъ праздно въ городѣ, ожидая защиты отъ Всеволода и своихъ храбрыхъ племянниковъ, Мстиславичей. Великій Князь дѣйствительно отрядилъ къ нему Воеводу съ конницею Печенѣжскою; съ другой стороны пришелъ Изяславъ Владимірскій; а братъ его, Князь Смоленскій, завладѣлъ городами Черниговскими на берегахъ Сожа. Инокъ Святоша былъ еще живъ: Всеволодъ послалъ его усовѣстить хищниковъ. Наконецъ они смирились. Великій Князь отдалъ Игорю Юрьевъ и Рогачевъ, Святославу Черторискъ и Клецкъ, а Давидовичамъ Брестъ и Дрогичинъ, хитрымъ образомъ уничтоживъ опасный союзъ сихъ Князей съ его братьями. Но послѣдніе вторично изъявили досаду, когда Вячеславъ, съ согласія Всеволодова, уступилъ Переяславль Изяславу Мстиславичу, снова взявъ себѣ Туровъ, и когда сынъ Великаго Князя, юный Святославъ, на обмѣнъ получилъ Владимірскую область. «Братъ нашъ — говорили Ольговичи — думаетъ только о сынѣ, дружится «съ своими ненавистными шурьями, окру«жилъ себя ими, и не даетъ намъ ни одного «богатаго города.» Тщетно желали они поссорить его съ добрыми Мстиславичами:

Хитрость Всеволода.

Великій Князь не внималъ злословію и хотѣлъ внутренняго спокойствія ([280]).

Утвердивъ себя на престолѣ Кіевскомъ, онъ велѣлъ сыну Святославу, вмѣстѣ съ Изяславомъ Давидовичемъ и Владимірkомъ Галицкимъ, итти въ Польшу, гдѣ Герцогъ Владиславъ, зять Великаго Князя, ссорился съ меньшими братьями: съ Болеславомъ (также зятемъ Всеволодовымъ) и съ другими. Къ несчастію, Россіяне, призванные возстановить тишину Государства, дѣйствовали какъ враги онаго, и вывели множество плѣнныхъ Ляховъ, болѣе мирныхъ, нежели ратныхъ ([281]).

г. 1143. Генваря 1. Россіяне въ Польшѣ.

Увѣренный въ искреннемъ дружелюбіи Всеволода, Изяславъ Мстиславичь хотѣлъ, кажется, примирить его и съ дядею, Георгіемъ Владиміровичемъ, и для того ѣздилъ къ нему въ Суздаль; но сіи два Князя не согласились въ мысляхъ, и разстались врагами: что, ко вреду Государства, имѣло послѣ столь кровопролитныя слѣдствія. Въ семъ путешествіи Изяславъ видѣлся съ вѣрнымъ братомъ своимъ, Ростиславомъ Смоленскимъ, и пировалъ на свадьбѣ Князя Новогородскаго, Святополка, котораго невѣста была привезена изъ Моравіи: вѣроятно, родственница Богемскаго Короля Владислава ([282]). Новгородъ успокоился: купеческія суда его ходили за море, привозили иноземные товары въ Россію, и въ

Первая Вражда Георгія съ Изяславомъ.

г. 1144.

Мореходство Новогородцевъ.

1142 году мужественно отразили флотъ Шведскаго Короля, выѣхавшаго на разбой съ шестидесятью ладіями и съ *Епископомъ*. Финляндцы, дерзнувъ грабить Ладожскую область, были побиты ея жителями и Корелами, Новогородскими данниками.

Желая прекратить наслѣдственную вражду между потомствомъ Рогнѣдинымъ и Ярослава Великаго, благоразумный Всеволодъ женилъ сына своего, юнаго Святослава, на дочери Василька Полоцкаго; а Изяславъ Мстиславичь выдалъ свою за Рогволода Борисовича, позвавъ къ себѣ, на свадебный пиръ, Всеволода, супругу его и Бояръ Кіевскихъ ([283]). Но веселясь и пируя, Князья разсуждали о дѣлахъ государственныхъ: Всеволодъ убѣдилъ ихъ возстать общими силами на гордаго Владимірка, который, по смерти братьевъ, Ростислава и Васильковичей, сдѣлался единовластителемъ въ Галичѣ, хотѣлъ даже изгнать Всеволодова сына изъ Владимірской области, и возвратилъ Великому Князю такъ называемую крестную или присяжную грамоту въ знакъ объявленія войны. Ольговичи, Князь Черниговскій съ братомъ, Вячеславъ Туровскій съ племянниками Изяславомъ, Ростиславомъ Смоленскимъ, Борисомъ и Глѣбомъ, сыновьями умершаго Всеволодка Городненскаго, сѣли на коней и пошли къ Теребовлю, соединясь

Браки.

Походъ на Галичъ.

съ Новогородскимъ Воеводою Неревинымъ и Герцогомъ Польскимъ, Владиславомъ.

Владимірко услышалъ грозную вѣсть: призвалъ въ союзъ Венгровъ и выступилъ въ поле съ Баномъ, дядею Короля Гейзы ([284]). Рѣка Серетъ раздѣляла войска, готовыя къ битвѣ. Всеволодъ искалъ переправы: Князь Галицкій, не выпуская его изъ вида, шелъ другимъ берегомъ, и въ седьмый день сталъ на горахъ, ожидая нападенія; но Всеволодъ не хотѣлъ сразиться: ибо мѣсто благопріятствовало его противнику. Когда же Изяславъ Давидовичь, братъ Черниговскаго Князя, съ отрядомъ наемныхъ Половцевъ взялъ Ушицу и Микулинъ въ землѣ Галицкой: тогда Великій Князь приступилъ къ Звенигороду. Въ слѣдъ за непріятелемъ Владимірко сошелъ въ долины. Видя станъ его на другой сторонѣ города, за мелкою рѣкою, Всеволодъ тронулся съ мѣста въ боевомъ порядкѣ, и хитро обманулъ непріятеля: вмѣсто того, чтобы вступить съ нимъ въ битву, зашелъ ему въ тылъ, расположился на высотахъ, отрѣзалъ его отъ Перемышля и Галича, оставивъ между собою и городомъ вязкія болота. Дружина Владимірковa оробѣла. «Мы стоимъ здѣсь» — говорили его Бояре и воины — «а враги могутъ «итти къ столицѣ, плѣнить наши семейства.» Князь Галицкій, не имѣя надежды сбить многочисленное войско съ неприступнаго мѣста, началъ переговоры съ братомъ Всеволодовымъ; склонилъ его на свою сторону; требовалъ мира

и далъ слово Игорю способствовать ему, по смерти Всеволода, въ восшествіи на престолъ Кіевскій. Великій Князь не соглашался. «Но ты хочешь сдѣлать меня «своимъ наслѣдникомъ ,» сказалъ Игорь брату : «оставь же мнѣ благодарнаго и мо-«гущественнаго союзника, столь нужнаго «въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ Рос-«сіи!» Всеволодъ исполнилъ наконецъ его волю, и въ тотъ же день обнялъ Князя Галицкаго какъ друга; взялъ съ него за трудъ 1200 гривенъ *серебра*, роздалъ оныя союзнымъ Князьямъ и возвратился въ столицу, доказавъ, что умѣетъ счастливо воевать , а не умѣетъ пользоваться воинскимъ счастіемъ.

Миръ не продолжился. Братъ Владимірковъ, Ростиславъ, оставилъ сына, именемъ Іоанна, прозваннаго *Берладникомъ* (285), у коего дядя отнялъ законное наслѣдство : сей юноша жилъ въ Звенигородѣ и снискалъ любовь народа. Пользуясь отсутствіемъ Владимірка, уѣхавшаго въ Тисмѣницу для звѣриной ловли, Галичане призвали къ себѣ Іоанна и единодушно объявили своимъ Княземъ. Гнѣвный Владимірко приступилъ къ городу. Жители сопротивлялись мужественно; но Іоаннъ въ ночной вылазкѣ былъ отрѣзанъ отъ городскихъ воротъ : пробился сквозь непріятелей , ушелъ къ Дунаю , и наконецъ въ

Іоаннъ Берладникъ.

Г. 1145.

Кіевъ. Галичане сдалися. Склонный болѣе къ строгости, нежели къ милосердію, Владимірко плавалъ въ ихъ крови, и съ досадою слышалъ, что Великій Князь взялъ его племянника подъ защиту, какъ невинно гонимаго.

Однакожь Всеволодъ еще не думалъ нарушить мира, слабый здоровьемъ и сверхъ того озабоченный неустройствами Польши, гдѣ любезный ему зять, Герцогъ Владиславъ, не могъ ужиться въ согласіи съ братьями. Созвавъ Князей во дворцѣ Кіевскомъ, Всеволодъ сказалъ имъ, что онъ, предвидя свою кончину, подобно Мономаху и Мстиславу избираетъ наслѣдника, и что Игорь будетъ Государемъ Россіи. Князья долженствовали присягнуть ему: Черниговскіе и Святославъ Ольговичь исполнили его волю. Изяславъ Мстиславичь долго колебался; однакожь не дерзнулъ быть ослушникомъ. Успокоенный симъ торжественнымъ обрядомъ, Всеволодъ началъ говорить о дѣлахъ Польскихъ. «Пекись единственно о своемъ здравіи,» отвѣтствовалъ Игорь: «мы, вѣрные твои братья, «утвердимъ Владислава на тронѣ.» Игорь, предводительствуя войскомъ, вступилъ въ Польшу. Кровопролитія не было: меньшіе братья Владиславовы, стоявшіе въ укрѣпленномъ станѣ за болотомъ, не хотѣли обороняться, и прибѣгнувъ къ суду на-

Всеволодъ избираетъ наслѣдника.

Дѣла Польскія.

шихъ Князей, уступили Владиславу четыре города, а Россіи Визну. Не смотря на то, Игорь возвратился съ добычею и съ плѣнниками. Владиславъ же скоро утратилъ престолъ, заслуживъ ненависть народную гоненіемъ единокровныхъ и несправедливою казнію знаменитаго Вельможи Петра, коему онъ отрѣзалъ языкъ, выкололъ глаза, и такимъ образомъ, по словамъ нашего Лѣтописца, отмстилъ за Россійскаго Князя Володаря, въ 1122 году коварно плѣненнаго симъ Вельможею (286).

Владиславъ бѣжалъ къ тестю, въ надеждѣ на его помощь; но Всеволодъ, удостовѣренный тогда въ непріятельскихъ замыслахъ Галицкаго Князя, выступалъ въ походъ съ дружинами Кіевскою, Черниговскою, Переяславскою, Смоленскою, Туровскою, Владимірскою, и съ союзными *дикими* Половцами, оставивъ Святослава Ольговича въ столицѣ (287). Успѣхъ не отвѣтствовалъ ни силѣ войска, ни славѣ предводителя. Оно шло съ трудомъ неописаннымъ: ибо дожди согнали снѣгъ прежде времени; конница тонула въ грязи. Всеволодъ осадилъ наконецъ Звенигородъ и сжегъ внѣшнія укрѣпленія, однакожь не могъ овладѣть крѣпостію: ибо тамъ начальствовалъ мужественный Воевода, Иванъ Халдѣевичь, который, узнавъ, что жители въ общемъ совѣтѣ положили сдать-

г. 1146.

Война съ Галицкимъ Княземъ.

Мужество Воеводы Звенигородскаго.

ся, умертвилъ трехъ главныхъ виновниковъ сего Вѣча, и сбросилъ искаженные трупы ихъ съ городской стѣны. Народъ ужаснулся, и страхъ имѣлъ дѣйствіе храбрости: Звенигородцы съ утра до вечера бились какъ отчаянные. Всеволодъ отступилъ и возвратился въ Кіевъ, гдѣ скоро началъ готовиться къ новой войнѣ, свѣдавъ, что Владимірко взялъ Прилуку. Но жестокая болѣзнь исхитила обнаженный мечь изъ руки его. Отвезенный въ Вышегородъ — мѣсто славное тогда чудесами Святыхъ Мучениковъ, Бориса и Глѣба — Великій Князь напрасно ждалъ облегченія; объявилъ Игоря своимъ преемникомъ, велѣлъ народу присягнуть ему въ вѣрности, и послалъ зятя своего, Владислава Польскаго, напомнить Изяславу Мстиславичу данную имъ клятву. Съ такимъ же увѣщаніемъ ѣздилъ Бояринъ, Мирославъ Андреевичь, къ Князьямъ Черниговскимъ, которые, согласно съ Изяславомъ, отвѣтствовали, что они, уступивъ старѣйшинство Игорю, не измѣнятъ совѣсти. Тогда Всеволодъ спокойно закрылъ глаза навѣки (288): Князь умный и хитрый, памятный отчасти разбоями междоусобія, отчасти государственными благодѣяніями! Достигнувъ престола Кіевскаго, онъ хотѣлъ устройства и тишины; исполнялъ данное слово, любилъ справедливость и повелѣвалъ съ твердо-

Августа 1. Кончина Всеволода.

стію; однимъ словомъ, былъ лучшимъ изъ Князей Олегова мятежнаго рода.

ГЛАВА XI.

Великій Князь Игорь Ольговичь.

Вѣче въ Кіевѣ. Измѣна Кіевлянъ. Рѣчь Изяслава. Корыстолюбіе Черниговскихъ Князей. Предательство. Игорь взятъ въ плѣнъ. Грабежъ въ Кіевѣ.

Игорь, предавъ землѣ тѣло Всеволода, собралъ Кіевлянъ среди Двора Ярославова, требовалъ вторичнаго обѣта вѣрности, и распустилъ ихъ. Но граждане еще не были довольны, открыли Вѣче и звали Князя (289). Пріѣхалъ одинъ братъ его, Святославъ, и спрашивалъ, чего они желаютъ? «Правосудія,» отвѣтствовалъ народъ: «Тіуны «Всеволодовы угнетали слабыхъ: Ратша «*опустошилъ* Кіевъ, Тудоръ Вышегородъ. «Святославъ! дай клятву за себя и за брата, «что вы сами будете намъ судіями, или «вмѣсто себя изберете Вельможъ достой-«нѣйшихъ.» Онъ сошелъ съ коня и цѣлованіемъ креста увѣрилъ гражданъ, что новый Князь исполнитъ всѣ обязанности от- Г. 1146. Вѣче въ Кіевѣ.

ца Россіянъ; что хищники не останутся Тіунами; что лучшіе Вельможи заступятъ ихъ мѣсто, и будутъ довольствоваться одною уставленною пошлиною, не обременяя судимыхъ никакими иными налогами. «Мы благодарны,» сказали граждане: «те-«перь не сомнѣвайтесь въ нашей вѣрно-«сти.» То же обѣщалъ ихъ Посламъ самъ Великій Князь Игорь, и думая. что дѣло кончилось, сѣлъ спокойно за обѣдъ; но мятежная чернь устремилась грабить домъ ненавистнаго, богатаго Ратши. Святославъ съ дружиною едва могъ возстановить порядокъ (290).

Такое начало не обѣщало хорошихъ слѣдствій. Игорь же, слушая злыхъ Вельможъ, которые въ народномъ угнетеніи видѣли собственную пользу, не исполнилъ даннаго гражданамъ слова, и хищники остались Тіунами. Тогда Кіевляне, думая, что Государь-клятвопреступникъ уже не есть Государь законный, тайно предложили Изяславу Мстиславичу быть Великимъ Княземъ. Любовь къ Мономахову роду не угасла въ ихъ сердцѣ, и сей внукъ его отличался доблестію воинскою. Взявъ въ церкви Св. Михаила благословеніе у Епископа Евфимія, онъ съ вѣрною дружиною выступилъ изъ Переяславля. На пути встрѣтились ему Послы Черныхъ Клобуковъ и городовъ Кіевской области. «Иди, Князь

Измѣна Кіевлянъ.

«добрый!» говорили они: «мы всѣ за тебя; «не хотимъ Ольговичей. Гдѣ увидимъ твои «знамена, тамъ и будемъ.» Собравъ на бе- Рѣчь Изяслава. берегахъ Днѣпра войско многочисленное, бодрый Изяславъ сталъ посреди онаго и сказалъ: «Друзья и братья! я не спорилъ о «старѣйшинствѣ съ достойнымъ Всеволо- «домъ, моимъ зятемъ, чтивъ его какъ вто- «раго отца. Но Игорь и Святославъ дол- «жны ли повелѣвать нами? Богъ разсудитъ «меня съ ними. Или паду славно предъ ва- «шими глазами, или сяду на престолѣ мое- «го дѣда и родителя!» Онъ повелъ войско къ Кіеву.

Уже новый Великій Князь зналъ опасность: ибо Изяславъ, увѣдомленный имъ о восшествіи его на престолъ, не только не отвѣтствовалъ ему ни слова, но удержалъ и Посла неволею въ Переяславлѣ. Игорь требовалъ вспоможенія отъ Князей Черниговскихъ: они торговались; хотѣли Корыстолюбіе Черниговскихъ Князей. многихъ городовъ; наконецъ, удовлетворенные во всемъ, готовились итти къ брату. Ихъ медленность и коварная измѣна знаменитѣйшихъ чиновниковъ погубили его.

Тысячскій Улѣбъ пользовался довѣренностію Всеволода и былъ утвержденъ Игоремъ въ своемъ важномъ санѣ: также и первый Бояринъ, Іоаннъ Войтишичь, вѣрный слуга Мономаховъ, завоеватель горо-

Предательство. довъ Дунайскихъ ([291]). Желая добра Изяславу, они не устыдились предательства: изъявляли усердіе Игорю, и въ то же время тайно ссылались съ его врагомъ, совѣтуя ему спѣшить къ Кіеву. Изяславъ приближился. Ольговичи, готовые къ битвѣ, и сынъ Всеволодовъ, Святославъ, стояли внѣ города съ своими дружинами; а Кіев-Августа 13. ляне особенно, на *могилѣ Олеговой*. Вдругъ открылась измѣна: Игорь увидѣлъ, что хоругвь Изяслава развѣвается въ полкахъ Кіевскихъ; что Тысячскій сего Князя предводительствуетъ ими; что Улѣбъ, Іоаннъ Войтишичь и многіе единомышленники ихъ, повергнувъ свои знамена, бѣгутъ подъ Изяславовы; что Берендѣи предъ самыми Златыми вратами грабятъ обозъ Великокняжескій ([292]). Еще Игорь не терялъ бодрости. «Врагъ нашъ есть клятвопре-«ступникъ: Богъ намъ поможетъ,» говорилъ онъ, и хотѣлъ ударить на Изяслава, стоявшаго за озеромъ. Надлежало обойти оное, и когда многочисленная дружина Игорева стѣснилась между глубокими дебрями, Черные Клобуки заѣхали ей въ тылъ. Изяславъ напалъ спереди, смялъ непріятеля, разилъ бѣгущихъ — и торжествуя вошелъ въ Кіевъ, гдѣ народъ вмѣстѣ съ Іереями, облаченными въ ризы, проводилъ его въ храмъ Софійскій благодарить Небо за побѣду и престолъ Велико-

княжескій. — Несчастнаго Игоря, слабаго ногами, схватили въ болотѣ, гдѣ увязъ его конь; держали нѣсколько дней въ монастырѣ на Выдобичахъ и заключили въ темницѣ Іоанновской Обители, въ Переяславлѣ. Сей Князь, за кратковременное удовольствіе честолюбія наказанный неволею и стыдомъ, не имѣлъ и послѣдняго утѣшенія злосчастныхъ: никто не жалѣлъ объ немъ — кромѣ вѣрнаго брата, Святослава, который съ малою дружиною ушелъ въ Новгородъ Сѣверскій. Племянникъ ихъ, Святославъ Всеволодовичь, хотѣлъ скрыться въ Кіевской Обители Св. Ирины: представленный Изяславу, онъ былъ имъ обласканъ какъ любимый сынъ; но вѣрные слуги отца его, въ особенности же Игоревы, не имѣли причины хвалиться великодушіемъ побѣдителя, дозволившаго народу грабить ихъ домы и села. Съ плѣнныхъ Бояръ взяли окупъ.

Августа 17. Игорь взятъ.

ГЛАВА XII.

Великій Князь Изяславъ Мстиславичь.

Г. 1146—1154.

Строгость Великаго Князя. Коварство Черниговскихъ Князей. Добродушіе Святослава. Георгій возстаетъ на Изяслава. Богатство Княжеское. Игорь Схимникъ. Нѣжность Святославова въ дружбѣ. Начало Москвы. Бродники. Поставленіе Россійскаго Митрополита. Любовь къ Мономаху. Измѣна Черниговскихъ Князей. Убіеніе Игоря. Война междоусобная. Медленность Георгія. Народный обѣдъ въ Новгородѣ. Рѣчь Изяслава. Опустошеніе земли Суздальской. Несправедливость Великаго Князя. Битва у Переяславля. Бѣгство Изяслава. Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками. Мужество Андрея. Памятникъ коню. Миръ. Коварство Георгія. Новая вражда. Добросердечіе Изяслава и Вячеслава. Побѣда Владимiркова. Бодрость Андреева. Хитрость Владимірка. Твердость Изяславова. Половецкая хитрость. Безпечность Георгія и торжество Изяслава. Ристаніе въ Кіевѣ. Справедливость Великаго Князя. Признательность Вячеслава. Благодарность къ Королю Венгерскому. Осада Кіева. Миролюбіе Вячеслава. Пылкость Андрея. Отступленіе Георгія. Усердіе Кіевлянъ. Битва. Изяславъ раненъ. Бѣгство и вѣроломство Георгія. Помощь Венгровъ. Рѣчь Изяславова и побѣда. Притворство Владимірка. Про-

годушіе Гейзы. Любовь Георгія къ южной Росіи. Вѣроломство Владимірка. Подвиги Андрея. Iасмѣшка Владиміркова. Печальная одежда. мерть Владимірка. Рѣчь Ярослава. Сомнительая побѣда. Бракъ Изяславовъ. Дѣла Новгоодскія. Кончина Изяслава. Характеръ его. Своеольство Полочанъ.

Iзяславъ — по словамъ Лѣтописцевъ — Г. 1146.
гословенная отрасль добраго корня — ъ бы обѣщать себѣ и подданнымъ дни тливые, ибо народъ любилъ его; но орія сего времени не представляетъ ъ ничего, кромѣ злодѣйствъ междоуія. Храбрые умирали за Князей, а не за ество, которое оплакивало ихъ побѣ вредныя для его могущества и гражскаго образованія.

Iтвердивъ миръ съ Половцами — коые всякому новому Государю предлаи тогда союзъ, ибо хотѣли даровъ — Веій Князь оказалъ, можетъ быть, изнюю строгость въ разсужденіи своего и. Обманутый совѣтами Бояръ, и въ еждѣ на прежнія ласки Изяславовы, на ыя его обѣщанія, миролюбивый Князь овскій, Вячеславъ, узнавъ о торжествѣ мянника, вообразилъ себя по старшину Государемъ Россіи: занялъ города вскіе, и своевольно отдалъ Владиміръ у Андрееву, Мономахову внуку (293). По- Стронный братомъ, Смоленскій Князь из- гость

Велик. Князя. гналъ Вячеслава; велѣлъ ему княжить только въ Пересопницѣ или Дорогобужѣ Волынскомъ; а Намѣстниковъ его, окованныхъ цѣпями, вмѣстѣ съ Туровскимъ Епископомъ, Іоакимомъ, привелъ въ Кіевъ.

Назначивъ Туровъ въ Удѣлъ меньшему сыну, именемъ Ярославу, Великій Князь обратилъ вниманіе на Игорева брата. Спасаясь бѣгствомъ отъ побѣдителя, Святославъ хотѣлъ удостовѣриться въ искренней дружбѣ Князей Черниговскихъ, чтобы единодушно дѣйствовать съ ними для освобожденія Игорева. Они дали ему въ томъ клятву; но Святославъ, оставивъ у нихъ своего Боярина и поѣхавъ готовиться къ войнѣ, свѣдалъ отъ него, что сіи коварные братья тайно дружатся съ Великимъ Княземъ, и наконецъ заключили съ нимъ союзъ, предавъ Игоря въ его волю, какъ недостойнаго ни власти, ни свободы. Скоро общіе Послы Изяславовы и Давидовичей торжественно объявили Святославу, что онъ можетъ спокойно княжить въ своей области, если уступитъ имъ Новгородъ Сѣверскій и клятвенно откажется отъ брата. Сей добрый, нѣжный родственникъ залился слезами, и сказавъ въ отвѣтъ: «возьмите все, что имѣю; освободите только «Игоря», рѣшился искать покровителя въ сынѣ Мономаховомъ ([294]).

Коварство Черниговск. Князей.

Добродушіе Святослава.

Георгій Владиміровичь Суздальскій видѣлъ

съ досадою, что гордый Изяславъ, вопреки древнему уставу, отнявъ старѣйшинство у дядей, сѣлъ на тронѣ Кіевскомъ. Пользуясь симъ расположеніемъ, Святославъ обратился къ Георгію и молилъ его освободить Игоря. «Иди въ Кіевъ,» говорилъ онъ: «спаси несчастнаго, и властвуй въ землѣ «Русской. Богъ помогаетъ тому, кто вступается за утѣсненныхъ». Георгій далъ ему слово, и началъ готовить войско. — Святославъ нашелъ и другихъ защитниковъ въ Ханахъ Половецкихъ, братьяхъ его матери: они съ тремя стами всадниковъ немедленно явились въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, куда прибыли также юный Князь Рязанскій, Владиміръ, внукъ Ярославовъ, и Галицкій изгнанникъ, Іоаннъ Ростиславичь *Берладникъ* (295).

Георгій возстаетъ на Изяслава.

Уже Давидовичи, соединясь съ сыномъ Великаго Князя, Мстиславомъ, Вождемъ Переяславской дружины и Берендѣевъ, вступили въ область Сѣверскую и грабили оную, тщетно хотѣвъ взять Новгородъ. Въ надеждѣ усовѣстить ихъ, Духовникъ Святославовъ пріѣхалъ къ нимъ въ станъ и сказалъ именемъ Князя: «Родственники жестокіе! довольны ли вы злодѣйствами, «разоривъ мою область, взявъ имѣніе, «стада; истребивъ огнемъ хлѣбъ и запасы? «желаете ли еще умертвить меня?» Союзники вторично требовали, чтобы онъ на-

всегда отступился отъ несчастнаго Игоря. «Нѣтъ!» отвѣтствовалъ Святославъ: «пока «душа моя въ тѣлѣ, не измѣню единокров«ному!» Давидовичи заняли село Игорево, гдѣ сей Князь имѣлъ дворецъ и хранилъ

Богатство Княжеское.

свое богатство; нашли вино и медъ въ погребахъ, желѣзо и мѣдь въ кладовыхъ; отправили множество возовъ съ добычею, и веселясь разрушеніемъ, сожгли дворецъ, церковь, гумно Княжеское, гдѣ было *девять сотъ* скирдовъ хлѣба.

Великій Князь, свѣдавъ о воинскихъ приготовленіяхъ Георгія Владиміровича, велѣлъ другу своему, Ростиславу Ярославичу Рязанскому, набѣгами тревожить Суздальскую область; самъ же выступилъ изъ

Декабря 25.

Кіева и соединился съ Князьями Черниговскими, осаждавшими Путивль. Зная ихъ вѣроломство, жители не хотѣли договариваться съ ними, но охотно сдались Великому Князю (296). Тамъ находился собственный домъ Святослава: Князья раздѣлили его имѣніе. Лѣтописецъ сказываетъ, что они нашли въ выходахъ 500 *берковцевъ* меду и 80 *корчагъ* вина; ограбили славную церковь Вознесенія, богатую серебряными сосудами, кадильницами, утварію шитою золотомъ, коваными Евангеліями и книгами. Семь сотъ рабовъ Княжескихъ были также ихъ добычею.

Святославъ ожидалъ Георгія: онъ дѣй-

ствительно шелъ къ нему въ помощь; свѣдавъ же о нападеніи Князя Рязанскаго на Суздальскую область, возвратился изъ Козельска. Одинъ сынъ его, Іоаннъ Георгіевичь, пріѣхалъ съ дружескими увѣреніями къ Святославу, который, въ знакъ благодарности, отдалъ ему Курскъ и Посемье, но принужденъ былъ искать убѣжища въ своихъ сѣверныхъ владѣніяхъ. Многочисленная рать Великокняжеская шла къ Новугороду. Старый Вельможа Черниговскаго Князя, бывшій нѣкогда вѣрнымъ слугою Олеговымъ, изъ сожалѣнія тайно увѣдомилъ Святослава о предстоящей ему опасности. «Спасай жену, дѣтей своихъ и су-«пругу Игореву!» говорили его друзья и Бояре (297): «всѣ запасы твои уже въ ру-«кахъ непріятельскихъ. Удалимся въ *лѣс-«ную* землю Карачевскую: ея дремучіе боры «и помощь Георгіева будутъ твоею защи-«тою.» Нѣкоторые Вельможи говорили искренно; другіе хотѣли только избавиться отъ кровопролитія, и сами остались въ Новѣгородѣ, когда Святославъ уѣхалъ въ Карачевъ. За нимъ гнался Изяславъ Давидовичь съ 3000 всадниковъ и Воеводою Кіевскимъ, Шварномъ. Уже бѣгство не могло спасти несчастнаго: надлежало отдаться въ плѣнъ или сразиться. Отчаянный Святославъ съ вѣрною дружиною и *дикими* Половцами ударилъ на врага; разбилъ его, г. 1147.

Генваря 16. опустошилъ Карачевъ и немедленно удалился въ сопредѣльную землю Вятичей, которая зависѣла отъ Черниговскихъ Владѣтелей. Великій Князь — напрасно желавъ побѣдою загладить неудачу Изяслава — отдалъ Давидовичамъ всю завоеванную область, кромѣ Курска; исключительно присвоилъ себѣ одно Игорево достояніе и возвратился въ Кіевъ.

Въ сіе время Игорь былъ уже Монахомъ. Изнуренный печалію и болѣзнію, онъ изъявилъ желаніе отказаться отъ свѣта, когда Великій Князь готовился итти на его брата ([298]). «Давно, и въ самомъ счастіи, я «хотѣлъ посвятить Богу душу мою,» говорилъ Игорь: «нынѣ, въ темницѣ и при «дверяхъ гроба, могу ли желать инаго?» Изяславъ отвѣтствовалъ ему: «ты свобо«денъ; но выпускаю тебя единственно ради «болѣзни твоей.» Его отнесли въ келью: онъ 8 дней лежалъ какъ мертвый; но постриженный Святителемъ Евфиміемъ, совершенно выздоровѣлъ, и въ Кіевской Обители Св. Ѳеодора принялъ Схиму, которая не спасла его отъ гнѣва Судьбы: скоро увидимъ жалкій конецъ сего несчастнаго Олегова сына.

Игорь Схимникъ.

Князья Черниговскіе выгнали Святослава изъ Брянска, Козельска, Дѣдославля; но слыша, что Георгій прислалъ къ нему 1000 Бѣлозерскихъ латниковъ, отступили къ

Чернигову. Они не устыдились всенародно объявить въ странѣ Вятичей, чтобы жители старались умертвить Святослава, и что убійцы будутъ награждены его имѣніемъ! Родственники гнали сего Князя, друзья оставляли. Въ числѣ ихъ находился Воевода, Князь Іоаннъ *Берладникъ:* онъ не захотѣлъ болѣе съ нимъ скитаться, взялъ у него за службу 200 гривенъ серебра, 6 фунтовъ золота, и перешелъ къ Смоленскому Князю. Только Владиміръ Рязанскій, и сынъ Георгіевъ, Іоаннъ, усердно дѣлили труды и безпокойства съ Святославомъ, который, имѣвъ несчастіе лишиться послѣдняго, изъявилъ достохвальную чувствительность: видя Іоанна больнаго, забылъ войну и непріятелей; молился, думалъ единственно объ немъ; столь горестно оплакивалъ кончину сего юноши, что самъ Георгій старался его утѣшить, и приславъ богатые дары, обѣщалъ другимъ сыномъ замѣнить ему умершаго вѣрнаго сподвижника. Общая ненависть къ Великому Князю утвердила союзъ между ими: Князь Суздальскій изгналъ Рязанскаго, союзника Изяславова, заставилъ его бѣжать къ Половцамъ, взялъ Торжекъ и плѣнилъ жителей; а Святославъ разорилъ часть Смоленской Области, вокругъ Протвы, или землю Голядскую (299).

Февраля 24. Чувствительность Святослава.

Довольный зломъ, причиненнымъ Удѣлу

Изяславовыхъ братьевъ, Георгій желалъ лично угостить Святослава, коего сынъ Олегъ, подарилъ ему тогда рѣдкаго красотою парда. Лѣтописецъ хвалитъ искреннее дружество, веселую бесѣду Князей, великолѣпіе обѣденнаго пиршества и щедрость Георгія въ награжденіи Бояръ Святославовыхъ. Между сими Вельможами отличался девяностолѣтній старецъ, именемъ Петръ; онъ служилъ дѣду, отцу Государя своего; уже не могъ сѣсть на коня, но слѣдовалъ за Княземъ, ибо сей Князь былъ несчастливъ. Георгій, непріятель Ростислава Рязанскаго, осыпалъ ласками и дарами его племянника, Владиміра, какъ друга и товарища Святославова ([300]).

Начало Москвы. Сіе угощеніе достопамятно: оно происходило въ *Москвѣ*. Къ сожалѣнію, Лѣтописцы современные не упоминаютъ о любопытномъ для насъ ея началѣ, ибо не могли предвидѣть, что городокъ бѣдный и едва извѣстный въ отдаленной землѣ Суздальской будетъ со временемъ главою обширнѣйшей Монархіи въ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ знаемъ, что Москва существовала въ 1147 году, Марта 28, и можемъ вѣрить новѣйшимъ Лѣтописцамъ въ томъ, что Георгій былъ ея строителемъ ([301]). Они разсказываютъ, что сей Князь, пріѣхавъ на берегъ Москвы-рѣки, въ села зажиточнаго Боярина *Кучка*, *Степана Ивановича*,

велѣлъ умертвить его за какую-то дерзость, и плѣненный красотою мѣста, основалъ тамъ городъ; а сына своего, Андрея, княжившаго въ Суздальскомъ Владимірѣ, женилъ на прелестной дочери казненнаго Болрина. «Москва есть *третій* Римъ» — говорятъ сіи повѣствователи — «и четвертаго «не будетъ. Капитолій заложенъ на мѣстѣ, «гдѣ найдена окровавленная голова чело-«вѣческая: Москва также на крови основа-«на, и къ изумленію враговъ нашихъ сдѣ-«лалась Царствомъ знаменитымъ.» Она долгое время именовалась *Кучковымъ*.

Ободренный Святославъ возвратился къ берегамъ Оки. Тамъ соединились съ нимъ Ханы Половецкіе, его *дяди*, и такъ называемые *Бродники*, о коихъ здѣсь въ первый разъ упоминается. Сіи люди были Христіане, обитали въ степяхъ Донскихъ среди варваровъ, уподоблялись имъ дикою жизнію и, какъ вѣроятно, состояли большею частію изъ бѣглецовъ Русскихъ: они за деньги служили нашимъ Князьямъ въ ихъ междоусобіяхъ (302). Разоривъ многія селенія въ верховьѣ Угры, въ Смоленской области, Святославъ завоевалъ всю страну Вятичей, отъ Мценска до Сѣверскаго Удѣла, и вмѣстѣ съ Глѣбомъ, сыномъ Георгія, шелъ далѣе, когда Послы Давидовичей встрѣтили его и сказали именемъ Князей: «Забудемъ прошедшее. Дай намъ клятву

Бродники.

«союзника, и возьми свою отчину. Не хо«тимъ твоего имѣнія.» Успѣхи ли Ольговича склонили ихъ къ миру? или сынъ Всеволодовъ, Святославъ, который, въ замѣну Владиміра получивъ въ Удѣлъ отъ Великаго Князя Бужскъ, Меджибожъ, Котельницу и другіе города, держалъ его сторону, но жалѣлъ о дядѣ и тайно съ нимъ пересылался? Какъ бы то ни было, Черниговскіе Князья, Святославъ Ольговичъ и сынъ Всеволодовъ заключили союзъ, чтобы соединенными силами противоборствовать Изяславу Мстиславичу [303].

Поставленіе Россійск. Митрополита.

Еще Великій Князь не зналъ сего вѣроломства Давидовичей и спокойно занимался въ Кіевѣ важнымъ дѣломъ церковнымъ. Слѣдуя примѣру Великаго Ярослава, онъ созвалъ шесть Россійскихъ Епископовъ и велѣлъ имъ безъ всякаго сношенія съ Царемградомъ (гдѣ Духовенство не имѣло тогда Главы) на мѣсто скончавшагося Митрополита, Грека Михаила, поставить Климента, Черноризца, Схимника, знаменитаго не только Ангельскимъ Образомъ, но и рѣдкою мудростію [304]. Нѣкоторые Епископы представляли, что благословеніе Патріарха для того необходимо; что нарушить сей древній обрядъ есть уклониться отъ православія Восточной Церкви, и что умершій Святитель Михаилъ обязалъ ихъ всѣхъ грамотою не служить безъ Митро-

полита въ Софійскомъ храмѣ. Другіе, не столь упорные, объявили себя готовыми исполнить волю Изяславову, согласную съ пользою и честію Государства. Епископъ Смоленскій, Онуфрій, выдумалъ посвятить Митрополита главою Св. Климента, привезенною Владиміромъ изъ Херсона (такъ же, какъ Греческіе Архіереи издревле ставили Патріарховъ рукою Іоанна Крестителя) и симъ торжественнымъ обрядомъ успокоилъ Духовенство. Одинъ Нифонтъ, Святитель Новогородскій, не признавалъ Климента Пастыремъ Церкви; осуждалъ Епископовъ какъ человѣкоугодниковъ, и заслужилъ благоволеніе Николая IV, который, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заступивъ мѣсто изгнаннаго Цареградскаго Патріарха, Козьмы II, написалъ къ Нифонту одобрительную грамоту и сравнивалъ его въ ней съ первыми Святыми Отцами.

Въ то время, какъ Изяславъ, распустивъ Соборъ и возобновивъ миръ съ Половцами (305), думалъ наслаждаться спокойствіемъ, коварные Давидовичи прислали объявить ему, что Святославъ завоевалъ ихъ область; что они желаютъ выгнать его съ помощію Великаго Князя и смирить Георгія, ихъ врага общаго. Изяславъ отпустилъ къ нимъ племянника, Всеволодова сына (306), и скоро, убѣжденный вторичною прозьбою Князей Черниговскихъ, велѣлъ собираться войску, чтобы итти на Святослава и Георгія. «Пойдемъ «съ радостію и съ дѣтьми на Ольговича,» говорили ему Кіевляне: «но Георгій твой дядя. Го-

Любовь къ Мономаху.

«сударь! дерзнемъ ли поднять руку на сына
«Мономахова?» Столь народъ любилъ па-
мять добродѣтельнаго Владиміра! Изяславъ
не хотѣлъ слушать Бояръ, которые сомнѣ-
вались въ вѣрности Князей Черниговскихъ.
«Мы дали взаимную клятву быть союзни-
«ками,» сказалъ онъ съ твердостію: «иду —
«и пусть малодушные остаются!» Уже Ве-
ликій Князь стоялъ на рѣкѣ Супоѣ, пору-
чивъ столицу брату своему, Владиміру. Къ

Измѣна Черниговск. Князей.

счастію, Бояринъ Кіевскій, Улѣбъ, свѣ-
далъ въ Черниговѣ тайный заговоръ и спѣ-
шилъ увѣдомить Изяслава, что Давидовичи
мыслятъ злодѣйски умертвить его или вы-
дать Святославу, находясь въ согласіи съ
Георгіемъ. Великій Князь не вѣрилъ тому;
но чрезъ Посла требовалъ отъ нихъ новой
клятвы въ дружествѣ (307). «Развѣ мы на-
«рушили прежнюю?» говорили они: «Хри-
«стіанинъ не долженъ призывать всуе име-
«ни Божія.» Тогда Посолъ обличилъ ихъ
въ гнусномъ злоумышленіи. Безмолвствуя,
Давидовичи смотрѣли другъ на друга, вы-
слали Боярина, совѣтовались, и наконецъ,
призвавъ его, отвѣтствовали: «Не запи-
«раемся; но можемъ ли спокойно видѣть
«злосчастіе брата своего Игоря? Онъ Чер-
«нецъ, Схимникъ, и все еще въ неволѣ.
«Изяславъ, самъ имѣя братьевъ, снесъ ли
«бы ихъ заключеніе? Да возвратитъ сво-
«боду Игорю, и мы будемъ искренними

«друзьями!» Бояринъ Кіевскій напомнилъ имъ безкорыстіе своего Князя, не хотѣвшаго удержать за собою ни Сѣверскаго Новагорода, ни Путивля, и сказавъ: «Богъ да судитъ и сила жи-«вотворящаго креста да накажетъ клятвопре-«ступниковъ!» бросилъ на столъ *крестныя* или союзныя *грамоты*. Война была объявлена, и гонцы Изяславовы въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Новѣгородѣ, обнародовали вѣроломство Князей Черниговскихъ, звали мстителей, воспаляли сердца праведнымъ гнѣвомъ.

Сія вѣсть имѣла въ Кіевѣ слѣдствіе ужасное. Владиміръ Мстиславичь собралъ гражданъ на Вѣче къ Св. Софіи. Митрополитъ, Лазарь Тысячскій и всѣ Бояре тамъ присутствовали. Послы Изяславовы выступили и сказали громогласно (308): «Великій Князь *цѣлуетъ* своего «брата, Лазаря и всѣхъ гражданъ Кіевскихъ, а «Митрополиту кланяется.» . . . Народъ съ нетерпѣніемъ хотѣлъ знать вину Посольства. Вѣстникъ говорилъ: «*Такъ вѣщаетъ Изяславъ:* Князья «Черниговскіе и сынъ Всеволодовъ, сынъ се-«стры моей, облаготворенный мною, забывъ «святость крестнаго цѣлованія, тайно согласи-«лись съ Ольговичемъ и Георгіемъ Суздаль-«скимъ. Они думали лишить меня жизни или «свободы; но Богъ сохранилъ вашего Князя. «Теперь, братья Кіевляне, исполните обѣтъ свой; «идите со мною на враговъ Мономахова роду. «Вооружитесь отъ мала до велика. Конные на «коняхъ, пѣшіе въ ладіяхъ да спѣшатъ къ Чер-

«нигову! Вѣроломные надѣялись, убивъ меня, «истребить и васъ.» Всѣ единогласно отвѣтствовали: «идемъ за тебя, и съ дѣтьми!» Но, къ несчастію, сыскался одинъ человѣкъ, который сіе прекрасное народное усердіе омрачилъ мыслію злодѣйства. «Мы рады итти,» говорилъ онъ: «но вспомните, что было нѣкогда при Изяславѣ «Ярославичѣ. Пользуясь народнымъ волненіемъ, «злые люди освободили Всеслава и возвели на «престолъ: дѣды наши за то пострадали. Врагъ «Князя и народа, Игорь, не въ темницѣ сидитъ, «а живетъ спокойно въ монастырѣ Св. Ѳеодора: «умертвимъ его, и тогда пойдемъ наказать Чер«ниговскихъ!» Сія мысль имѣла дѣйствіе вдохновенія. Тысячи голосовъ повторили: «да умретъ «Игорь!» Напрасно Князь Владиміръ, устрашенный такимъ намѣреніемъ, говорилъ народу: «Братъ мой не хочетъ убійства. Игорь останется «за стражею; а мы пойдемъ къ своему Госу«дарю». Кіевляне твердили: «Знаемъ, что до«бромъ не возможно раздѣлаться съ племенемъ «Олеговымъ.» Митрополитъ, Лазарь и Владиміровъ Тысячскій, Рагуйло, запрещали, удерживали, молили: народъ не слушалъ, и толпами устремился къ монастырю. Владиміръ сѣлъ на коня, хотѣлъ предупредить неистовыхъ, но встрѣтилъ ихъ уже въ монастырскихъ вратахъ: схвативъ Игоря въ церкви, въ самый часъ Божественной Литургіи, они вели его съ шумомъ и свирѣпымъ воплемъ. «Братъ любезный! куда «ведутъ меня?» спросилъ Игорь. Владиміръ ста-

раяся освободить несчастнаго, закрылъ собственною одеждою, привелъ въ домъ къ своей матери, и заперъ ворота, презирая ярость мятежниковъ, которые толкали его, били, — сорвали съ Болрина Владимірова, Михаила, крестъ и златыя цѣпи. Но жертва была обречена: злодѣи вломились въ домъ, безжалостно убили Игоря, и влекли нагаго по улицамъ до самой торговой площади; стали вокругъ, и смотрѣли какъ невинные. Присланные отъ Владиміра Тысячскіе въ глубокой горести сказали гражданамъ: «Воля народная исполнилась: Игорь убитъ! «Погребемъ же тѣло его.» Народъ отвѣтствовалъ: «Убійцы не мы, а Давидовичи и «сынъ Всеволодовъ. Богъ и Святая Софія «защитили нашего Князя!» Трупъ Игоревъ отнесли въ церковь; на другой день облачили въ ризу Схимника и предали землѣ въ монастырѣ Св. Симеона. Игуменъ Өеодоровской Обители, Ананія, совершая печальный обрядъ, воскликнулъ къ зрителямъ: «Горе живущимъ нынѣ! горе вѣку «суетному и сердцамъ жестокимъ!» Въ то самое время загремѣлъ громъ: народъ изумился, и слезами раскаянія хотѣлъ обезоружить гнѣвное Небо (309). — Великій Князь, свѣдавъ о семъ злодѣйствѣ, огорчился въ душѣ своей, и говорилъ Боярамъ, проливая слезы: «Теперь назовутъ меня убійцею Игоря! Богъ мнѣ свидѣтель, что я не

Убіеніе Игоря.

«имѣлъ въ томъ ни малѣйшаго участія, ни «дѣломъ, ни словомъ: Онъ разсудитъ насъ «въ другой жизни. Кіевляне поступили не«истово.» Но боясь строгостію утратить любовь народную, Изяславъ оставилъ виновныхъ безъ наказанія; возвратился въ столицу, и ждалъ рати Смоленской.

Война междоусобная. Война началася. Святославъ Ольговичъ, увѣдомленный о жалостной кончинѣ брата, созвалъ дружину, и рыдая въ горести, заклиналъ всѣхъ быть усердными орудіями мести справедливой. Онъ пошелъ къ Курску, гдѣ находился сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, который, чтобы узнать вѣрность жителей, спрашивалъ, готовы ли они сразиться? «Готовы,» отвѣтствовали граждане: «но только не обнажимъ меча на «внука Мономахова:» ибо Глѣбъ, сынъ Георгія Владиміровича, былъ съ Святославомъ. Юный Мстиславъ уѣхалъ къ отцу, а Курскъ и города на берегахъ Сейма добровольно поддалися Глѣбу (310); другіе оборонялись и не хотѣли измѣнить Государю Кіевскому: напрасно Святославъ и Глѣбъ грозили жителямъ вѣчною неволею и Половцами. Соединясь съ дружиною Черниговскою, сіи Князья взяли приступомъ только одинъ городъ; свѣдавъ же, что Изяславъ идетъ къ Сулѣ, и что рать Смоленская выжгла Любечь, ушли въ Черниговъ, оставленные своими друзьями, Половцами.

Великій Князь завоевалъ крѣпкій городъ Всеволожь, обратилъ въ пепелъ Бѣлую Вежу и другія мѣста въ Черниговской области, но безъ успѣха приступалъ къ *Глѣблю* (ибо жители, въ надеждѣ на Святаго защитника своего, оборонялись мужественно) и возвратился въ Кіевъ торжествовать побѣду веселымъ пиромъ, отложивъ дальнѣйшія предпріятія до удобнаго времени. Онъ велѣлъ брату своему, Ростиславу, итти въ Смоленскъ и вмѣстѣ съ Новогородцами тревожить область Суздальскую.

Скоро непріятельскія дѣйствія возобновились. Глѣбъ занялъ Остеръ, и давъ слово Великому Князю ѣхать къ нему въ Кіевъ для свиданія, хотѣлъ нечаянно взять Переяславль; но былъ отраженъ (311). Въ то же время Черниговцы, дружина Святославова и Половцы, ихъ союзники, опустошили Брагинъ. Изяславъ осадивъ Глѣба въ Городцѣ или Остерѣ, принудилъ его смириться, и сталъ близъ Чернигова на *Олеговомъ полѣ*, предлагая врагамъ своимъ битву. Они не смѣли, ибо видѣли рать г. 1148.
многочисленную. Великій Князь пошелъ къ Любечу, гдѣ находились ихъ запасы. Давидовичи, Святославъ и сынъ Всеволодовъ, соединясь съ Князьями Рязанскими, рѣшились наконецъ ему противоборствовать. Уже стрѣлки начали дѣло; но сильный, необыкновенный зимою дождь раз-

велъ непріятелей. Рѣка, бывшая между ими наполнилась водою, и самый Днѣпръ тронулся: Изяславъ едва успѣлъ перейти на другую сторону; а Венгры, служившіе ему какъ союзники, обломились на льду.

Тогда Святославъ и Князья Черниговскіе отправили Посольство къ Георгію. «Мы «воюемъ» — говорили они — «а ты въ без-«дѣйствіи. Непріятель обратилъ въ пепелъ «наши города за Десною и села въ окрест-«ностяхъ Днѣпра, а помощи отъ тебя не «видимъ. Исполни обѣтъ, утвержденный «цѣлованіемъ креста: иди съ нами на Изя-«слава, или мы прибѣгнемъ къ велико-«душію врага сильнаго.» Георгій все еще медлилъ (312). Другое обстоятельство также способствовало миру. Ростиславъ, старшій сынъ Георгіевъ, посланный отцемъ дѣйствовать за-одно съ Князьями Черниговскими, гнушался ихъ вѣроломствомъ, и сказавъ дружинѣ: «пусть гнѣвается роди-«тель, но злодѣи Мономаховой крови не «будутъ мнѣ союзниками,» пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ встрѣтилъ его дружелюбно, угостилъ, осыпалъ дарами. Сей юноша, не имѣя въ Суздальской землѣ никакого Удѣла, предложилъ свои ревностныя услуги Великому Князю, какъ старшему изъ внуковъ Мономаховыхъ. Изяславъ отвѣтствовалъ: «Всѣхъ насъ старѣе «отецъ твой; но онъ не умѣетъ жить съ

Медленность Георгія.

«нами въ дружбѣ, а я хочу быть для всѣхъ моихъ братьевъ нѣжнымъ родственникомъ. Георгій не дастъ тебѣ городовъ: возьми ихъ у «меня.» Онъ далъ ему бывшій Удѣлъ своего неблагодарнаго племянника, Святослава Всеволодовича (313), вмѣстѣ съ Городцемъ Остерскимъ, выславъ оттуда коварнаго Глѣба. «Спѣши къ друзьямъ» — сказалъ ему Великій Князь — «и требуй отъ нихъ Удѣла:» ибо Глѣбъ, смирясь невольно, оставался единомышленникомъ непріятелей Изяславовыхъ и вторично хотѣлъ-было завладѣть Переяславлемъ. Думая, что искренній, чувствительный Ростиславъ можетъ примирить отца съ Великимъ Княземъ, и страшася быть жертвою ихъ союза, Давидовичи изъявили ему желаніе прекратить войну, говоря благоразумно: «*Миръ стоитъ до рати, а рать до «мира:* такъ слыхали мы отъ своихъ отцевъ и «дѣдовъ. Не вини насъ, хотѣвшихъ войною «освободить брата. Но Игорь уже въ могилѣ, «гдѣ и всѣ будемъ. Богъ да судитъ прочее; а «намъ не должно губить отечества.» Изяславъ хотѣлъ знать мысли брата. Смоленскій Князь отвѣтствовалъ: «Я Христіанинъ и люблю Русскую землю: не хочу кровопролитія; но если «Давидовичи и Святославъ не престанутъ злобиться на тебя за Игоря, то лучше явно воевать — и будетъ, что угодно Богу.» Тогда Великій Князь отправилъ Послами въ Черниговъ Бѣлогородскаго Епископа Θеодора, Печерскаго Игумена Θеодосія и Бояръ, которые заключили

торжественный миръ. Давидовичи, Святославъ Ольговичь и племянникъ его, сынъ Всеволодовъ, въ Соборномъ храмѣ цѣловали крестъ, давъ клятву оставить злобу и «блюсти Русскую землю за-одно съ Изяславомъ.» Скоро Великій Князь позвалъ ихъ на совѣтъ въ Городецъ: Святославъ и племянникъ его отказались отъ свиданія: но Давидовичи, отвѣтствуя за вѣрность того и другаго, условились тамъ съ Изяславомъ дѣйствовать противъ Георгія Суздальскаго, который отнималъ дани у Новогородцевъ и безпокоилъ ихъ границы. Союзники вмѣстѣ пировали и разъѣхались, отложивъ войну до зимы: ибо рѣки, топи, болота затрудняли путь лѣтомъ, и медленность страшила Полководцевъ болѣе, нежели морозы, снѣга и мятели. — Черниговцы долженствовали итти къ Ростову и встрѣтить Великаго Князя на берегахъ Волги.

Георгій, желая казаться великодушнымъ защитникомъ утѣсненныхъ Ольговичей, въ самомъ дѣлѣ мыслилъ только о себѣ, и ненавидѣлъ Изяслава единственно какъ похитителя достоинства Великокняжескаго; не могъ также простить и Новогородцамъ безчестное изгнаніе своего сына, Ростислава. Князь ихъ, Святополкъ, хотѣвъ въ 1147 году отмстить Суздальскому за взятіе Торжка, возвратился съ дороги отъ распутья, и жители сего опустошеннаго города еще томились въ неволѣ. Епископъ Нифонтъ, другъ народнаго благоденствія, ѣздилъ въ Суздаль; былъ принятъ съ отмѣннымъ ува-

женіемъ, святилъ тамъ храмы, освободилъ всѣхъ плѣнниковъ, но не могъ склонить Георгія къ миру ([314]).

Оставивъ Владиміра въ столицѣ, сына своего въ Переяславлѣ, а Ростислава Георгіевича пославъ въ Бужскъ, чтобы охранять тамошнія границы и спокойно ждать конца войны, Великій Князь отправился въ Смоленскъ къ брату, веселился съ нимъ, праздновалъ, мѣнялся дарами и расположилъ военныя дѣйствія ([315]). Онъ поручилъ всю рать Смоленскому Князю, велѣлъ ему итти къ берегамъ Волги, къ устью Медвѣдицы, и пріѣхалъ въ Новгородъ. Тамъ начальствовалъ уже не братъ его, а сынъ, Ярославъ: ибо Святополкъ, утративъ любовь народную, былъ переведенъ Изяславомъ въ область Владимірскую. Граждане давно не видали у себя Великихъ Князей и встрѣтили внука Мономахова съ живѣйшею радостію. Многочисленныя толпы провождали его до городскихъ воротъ, гдѣ стояли всѣ Бояре съ юнымъ Княземъ. Отслушавъ Литургію въ Софійскомъ храмѣ, Изяславъ далъ пиръ народу. Бирючи или Герольды ходили по улицамъ и звали гражданъ обѣдать съ Княземъ. Такъ называемое *Городище*, донынѣ извѣстное, было мѣстомъ сего истинно великолѣпнаго пиршества: Государь веселился съ народомъ, какъ добрый отецъ среди любезнаго ему

Народный обѣдъ въ Новѣгородѣ.

семейства. На другой день ударили въ Вѣчевый колоколъ, и граждане спѣшили на Дворъ Ярославовъ: тамъ Великій Князь, въ собраніи Новогородцевъ и Псковитянъ, произнесъ краткую, но сильную рѣчь. «Братья!» сказалъ онъ: «Князь Суздаль-«скій оскорбляетъ Новгородъ. Оставивъ «столицу Русскую, я прибылъ защитить

Рѣчь Изяслава.

«васъ (316). Хотите ли войны? мечь въ рукѣ «моей. Хотите ли мира? вступимъ въ пере-«говоры.» *Войны! войны!* отвѣтствовалъ народъ: «ты нашъ Владиміръ, ты Мсти-«славъ! пойдемъ съ тобою всѣ, отъ ста-«раго до младенца.» Ратники надѣли шлемы. Псковитяне, Корелы собрали также войско, и Великій Князь на устьѣ Медвѣдицы соединился съ братомъ своимъ, Ростиславомъ. Напрасно ждали они возвращенія Посла, отправленнаго ими къ дядѣ еще изъ Смоленска: Георгій задержалъ его и не хотѣлъ отвѣтствовать на ихъ жалобы. Напрасно ждали и Князей Черниговскихъ, которые остановились въ землѣ Вятичей и хотѣли прежде видѣть, кому счастіе войны будетъ благопріятствовать.

Г. 1149. Опустошеніе земли Суздальской.

Мстиславичи вступили въ область Суздальскую: села и города запылали на берегахъ Волги до *Углича* и Мологи; жители спасались бѣгствомъ. Новогородцы разорили окрестности Ярославля, и война кончилась безъ сраженія: ибо весна уже наступала,

рѣки покрывались водою и кони худо служили всадникамъ. Изяславъ, проводивъ Новогородцевъ, весновалъ въ Смоленскѣ и благополучно возвратился въ столицу, къ искренней радости народа. Семь тысячь плѣнниковъ свидѣтельствовали его побѣду.

Скоро Великій Князь испыталъ превратность счастія, и могъ приписать оную собственной несправедливости. Ростиславъ Георгіевичь былъ ему истиннымъ другомъ; но клеветники говорили Изяславу, что сей Князь, въ его отсутствіе, старался обольстить Днѣпровскихъ Берендѣевъ и самыхъ Кіевлянъ, хотѣлъ завладѣть столицею и подобно отцу ненавидитъ родъ Мстислава ([317]). Люди, склонные къ чистосердечной довѣренности, легко вѣрятъ и злословію: Великій Князь, упрекая Ростислава неблагодарностію, отнялъ у него все имѣніе, оружіе, коней; заключилъ въ цѣпи дружину, и самого отправилъ съ тремя человѣками въ лодкѣ къ отцу, не давъ ему суда и не хотѣвъ слушать оправданій. Георгій оскорбился безчестіемъ сына гораздо болѣе, нежели опустошеніемъ Суздальской области. «Такъ платитъ Изяславъ «неосторожному юношѣ за безразсудную «любовь и дружбу!» говорилъ онъ: «жестокій племянникъ совершенно отчуждаетъ меня и дѣтей моихъ отъ *земли Русской*» (симъ именемъ преимущественно

Несправедливость Велик. Князя.

означалась тогда *Россія южная*). Георгій наконецъ выступилъ, соединясь съ Половцами. Святославъ Ольговичь, видя безпрестанно въ мысляхъ своихъ окровавленную тѣнь брата и считая Великаго Князя убійцею, обрадовался случаю мести: миръ, клятвенно утвержденный въ Черниговскомъ храмѣ, и брачный союзъ юной его дочери съ сыномъ Князя Смоленскаго не могли укротить сей злобы, ибо она казалась ему священнымъ долгомъ. Но Давидовичи рѣшительно отказались отъ дружбы Георгія, отвѣтствуя: «ты не спасъ городовъ нашихъ; ны-«нѣ, заключивъ союзъ съ Изяславомъ, не хо-«тимъ нарушить онаго, и *не можемъ играть ду-«шею* (318).» Усердно помогая Великому Князю, они вмѣстѣ съ нимъ убѣждали Святослава быть его другомъ, согласно съ данною ими клятвою. «Буду (сказалъ Ольговичь) когда Изяславъ воз-«вратитъ мнѣ все имѣніе моего брата.» Увѣренный, что Георгій дѣйствительно намѣренъ итти къ Кіеву, Святославъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу близъ Обояна; также и сынъ Всеволодовъ, единственно въ угодность дядѣ. Георгій долго стоялъ у Бѣлой Вежи, надѣясь однимъ страхомъ побѣдить Великаго Князя. Но Изяславъ, собравъ вѣрныхъ братьевъ, готовился къ битвѣ. «Я отдалъ бы ему (говорилъ онъ) любую «область, если бы Георгій пришелъ одинъ съ «дѣтьми своими; но съ нимъ варвары Половцы «и враги мои, Ольговичи.» Кіевляне хотѣли мира: «заключимъ его (сказалъ Изяславъ), но

«имѣя въ рукахъ оружіе.» Георгій осадилъ Переяславль: тамъ находились Владиміръ и Святополкъ Мстиславичи. Великій Князь спѣшилъ защитить городъ и вошелъ въ него; а Георгій, желая оказать умѣренность, послалъ къ нему Боярина съ такими словами: «Чтобы отвратить «несчастное кровопролитіе, забываю обиды, ра«зореніе моихъ областей и старѣйшинство, кое«го ты лишилъ меня несправедливо. *Царствуй* «въ Кіевѣ: отдай мнѣ только Переяславль, да «господствуетъ въ немъ сынъ мой!» Гордый Изяславъ велѣлъ задержать Посла; отслушалъ Литургію у Св. Михаила, и готовясь обнажить мечь, требовалъ благословенія отъ Епископа Евфимія ([319]). Напрасно сей добрый Пастырь слезно умолялъ его примириться. «Нѣтъ!» сказалъ Князь: *«я добылъ Кіева и Переяславля го«ловою:* могу ли отдать ихъ?» Умные Бояре совѣтовали ему хотя помедлить, думая, что Георгій безъ сраженія удалится, съ однимъ стыдомъ неудачи. Но Изяславъ, слѣдуя мнѣнію другихъ и порыву собственнаго, нетерпѣливаго мужества, расположилъ войско противъ непріятеля. Уже солнце спускалось къ Западу, и въ Переяславлѣ благовѣстили къ Вечернѣ: Полководцы еще не давали знака, и рать не двигалась; одни стрѣлки были въ дѣйствіи. Георгій началъ отступать: тогда Изяславъ, какъ бы пробужденный отъ глубокаго сна, быстро устремился впередъ, вообразивъ, что непріятель бѣжитъ. За-

Августа 23. Битва у Переяславля.

трубили въ воинскія трубы; солнце закатилось, и шумъ битвы раздался. Она была кровопролитна и несчастлива для Великаго Князя. Берендѣи обратили тылъ; за ними Изяславъ Давидовичь съ дружиною Черниговскою; за ними Кіевляне; а Переяславцы измѣнили, взявъ сторону Георгія. Изяславъ пробился сквозь полкъ Ольговича и Суздальскій, прискакалъ самъ-третей въ Кіевъ, и собравъ жителей, спрашивалъ, могутъ ли они выдержать осаду? Граждане въ уныніи отвѣтствовали ему и Ростиславу Смоленскому: «Отцы, сыновья и братья «наши лежатъ на полѣ битвы; другіе въ «плѣну или безъ оружія. Государи добрые! «не подвергайте столицы расхищенію; удалитесь на время въ свои частныя области. «Вы знаете, что мы не уживемся съ Георгіемъ: когда увидимъ ваши знамена, то «всѣ единодушно на него возстанемъ.» Великій Князь, взявъ супругу, дѣтей, Митрополита Климента, поѣхалъ въ Владиміръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ (320).

Бѣгство Изяслава.

Георгій вошелъ въ Переяславль, черезъ 3 дни въ Кіевъ, и дружелюбно пригласивъ туда Владиміра Черниговскаго, въ общемъ Княжескомъ совѣтѣ распорядилъ Удѣлы: отдалъ Святославу Ольговичу Курскъ, Посемье, Сновскую область, Слуцкъ и всю землю Дреговичей, бывшую въ зависимости отъ Великаго Княженія; сыновьямъ

же: Ростиславу Переславль, Андрею Вышегородъ, Борису Бѣлгородъ, Глѣбу Каневъ, Васильку Суздаль. Знаменитый Епископъ Нифонтъ находился тогда въ Кіевѣ: призванный Изяславомъ, онъ все еще не хотѣлъ покориться Митрополиту Клименту; называлъ его не Пастыремъ Церкви, а *волкомъ*, и заключенный въ монастырѣ Печерскомъ, великодушно сносилъ гоненіе. Георгій возвратилъ ему свободу, и съ честію отпустивъ къ Новогородцамъ сего любезнаго имъ Епископа, надѣялся тѣмъ преклонить къ себѣ сердца ихъ, хотя въ то же самое время Воевода Іоаннъ Берладникъ, оставивъ Смоленскаго Князя и вступивъ въ Георгіеву службу, нападалъ на чиновниковъ Новогородскихъ, собиравшихъ дань въ уѣздахъ (321).

Изгнанный Великій Князь обратился къ старшему дядѣ, Вячеславу, имъ оскорбленному; льстилъ ему именемъ втораго отца, предлагалъ господствовать въ Кіевѣ. Но Вячеславъ держалъ сторону Георгія, не вѣря ласкамъ, не боясь угрозъ племянника, который нашелъ союзниковъ въ Венгерскомъ Королѣ Гейзѣ, Владиславѣ Богемскомъ и въ Ляхахъ. Первый не за долго до того времени женился на его меньшей сестрѣ, Евфросиніи — такъ она называется въ Буллѣ Папы, Иннокентія IV — и далъ шурину 10,000 всадниковъ (322). Лѣтопи-

Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками.

сецъ сказываетъ, что Государи Богемскій и Польскій, *сваты* Изяславовы, сами привели къ нему войско, и что Болеславъ Кудрявый, вмѣстѣ съ братомъ Генрикомъ угощенный роскошнымъ обѣдомъ въ Владимірѣ, *опоясалъ мечемъ* многихъ Сыновей Боярскихъ. Но сіи иноземные союзники, узнавъ, что Георгій соединился съ Вячеславомъ въ Пересопницѣ, и что мужественный Владимірко Галицкій идетъ къ нему въ помощь, не захотѣли битвы, остановились у Чемерина и совѣтовали Изяславу примириться съ дядею (323). Они, какъ посредники между ими, вступили въ переговоры, увѣряя, что равно доброхотствуютъ той и другой сторонѣ. «Вѣрю и «благодарю васъ,» отвѣтствовалъ Георгій: «идите же домой и не тяготите земли на«шей; тогда я готовъ удовлетворить требо«ваніямъ моего племянника.» Союзники вышли весьма охотно изъ Россіи; но хитрый Георгій, удаливъ ихъ, отвергнулъ мирныя предложенія, которыя состояли въ томъ, чтобы онъ, господствуя въ столицѣ Кіевской или уступивъ оную старшему брату, клятвенно утвердилъ за Изяславомъ область Владимірскую, Луцкую и Великій Новгородъ со всѣми данями. Князь Суздальскій надѣялся отнять у племянника всѣ владѣнія, а гордый Изяславъ предпочиталъ гибель миру постыдному.

Непріятельскія дѣйствія начались въ Волыніи осадою Луцка, славною для сына Георгіева Андрея, ибо онъ имѣлъ случай оказать рѣдкое мужество. Въ одну ночь, оставленный союзными Половцами — которые съ Воеводою своимъ, Жирославомъ, бѣжали отъ пустой тревоги (324) — сей Князь презрѣлъ общій страхъ, устыдилъ дружину и хотѣлъ лучше умереть, нежели сойти съ мѣста. Видя же подъ стѣнами Луцка знамена отца своего (пришедшаго къ городу съ другой стороны) и сильную вылазку осажденныхъ, Андрей устремился въ битву, гналъ непріятелей, и былъ на мосту окруженъ ими. Его братья, Ростиславъ, Борисъ, остались далеко, ничего не зная: ибо пылкій Андрей не велѣлъ распустить своей хоругви, не вспомнилъ сего обряда воинскаго и не приготовилъ ихъ къ сраженію. Только два воина могли слѣдовать за Княземъ: одинъ пожертвовалъ ему жизнію. Камни сыпались съ городскихъ стѣнъ; уязвленный конь Андреевъ исходилъ кровію; острая рогатина прошла сквозь луку сѣдельную. Герой готовился умереть великодушно, подобно Изяславу I, его прадѣду; изломивъ копье, вынулъ мечь; призвалъ имя Св. Ѳеодора (ибо въ сей день торжествовали его память), сразилъ Нѣмца, готоваго пронзить ему грудь, и благополучно возвратился къ отцу. Геор-

Г. 1150. Мужество Андрея.

Февраля 8.

гій, дядя Вячеславъ, Бояре, витязи, съ радостными слезами славили храбрость юноши. Добрый конь его вынесъ господина изъ опасности и палъ мертвый: благодарный Андрей соорудилъ ему памятникъ надъ рѣкою Стыремъ.

Памятникъ коню.

Братъ Изяславовъ, Владиміръ, начальствовалъ въ Лукцѣ. Три недѣли продолжалась осада: жители не могли почерпнуть воды въ Стырѣ, и Великій Князь хотѣлъ отважиться на битву для спасенія города. Тутъ Владимірко Галицкій оказалъ человѣколюбіе: сталъ между непріятелями, чтобы не допустить ихъ до кровопролитія, и взялъ на себя быть ходатаемъ мира. Юрій Ярославичь, внукъ бывшаго Великаго Князя, Святополка-Михаила (325), и Ростиславъ, сынъ Георгіевъ, мѣшали оному; но Владимірко, кроткій Вячеславъ и всѣхъ болѣе добродушный Андрей склонили Георгія прекратить несчастную вражду. Весною заключили миръ: Изяславъ призналъ себя *виновнымъ*, то есть, *слабѣйшимъ*; съѣхался съ дядями въ Пересопницѣ, и сидѣлъ съ ними на одномъ коврѣ. Согласились, чтобы племянникъ княжилъ спокойно въ области Владимірской и пользовался данями Новогородскими; обязались также возвратить другъ другу всякое движимое имѣніе, отнятое въ теченіе войны. Изяславъ сложилъ съ себя достоин-

Миръ.

ство Великаго Князя; а Георгій, желая казаться справедливымъ, уступилъ Кіевъ брату, старшему Мономахову сыну. Свадьбы и пиры были слѣдствіемъ мира: одна дочь Георгіева, именемъ Ольга, вышла за Ярослава Владимірковича Галицкаго, а другая за Олега, сына Святославова (326).

Всѣ казались довольными; но скоро обнаружилось коварство Георгія. Въ угодность ему, какъ вѣроятно, Бояре его представили, что тихій, слабый Вячеславъ не удержитъ за собою Россійской столицы: Георгій, согласный съ ними, послалъ брата княжить въ Вышегородъ, на мѣсто своего сына Андрея. Сверхъ того, будучи корыстолюбивъ, онъ не исполнилъ условій, и не возвратилъ Изяславу воинской добычи. Племянникъ жаловался: не получивъ удовлетворенія, занялъ Луцкъ, Пересопницу, гдѣ находился Глѣбъ Георгіевичь. Давъ ему свободу, Изяславъ сказалъ: «У меня нѣтъ «вражды съ вами, братьями; но могу ли «сносить обиды? Иду на вашего отца, ко-«торый не любитъ ни правды, ни ближ-«нихъ.» Увѣренный въ доброхотствѣ Кіевлянъ, онъ съ малочисленною дружиною пришелъ къ берегамъ Днѣпра и соединился съ Берендѣями; а Князь Суздальскій, изумленный нечаянною опасностію, бѣжалъ въ Городецъ (327).

Коварство Георгія.

Новая вражда.

Надѣясь воспользоваться симъ случаемъ,

слабодушный Вячеславъ пріѣхалъ въ Кіевъ и расположился во дворцѣ. Но граждане стремились толпами на встрѣчу къ Изяславу. «Ты нашъ Государь!» восклицали они: «не желаемъ ни Георгія, ни брата его!» Великій Князь послалъ объявить дядѣ, чтобы онъ, не хотѣвъ добровольно принять отъ него чести старѣйшинства, немедленно удалился, ибо обстоятельства перемѣнились. «Убей меня здѣсь,» отвѣтствовалъ Вячеславъ: «а живаго не изгонишь.» Сія минутная твердость была безполезна. Провождаемый множествомъ народа изъ Софійской церкви, Изяславъ въѣхалъ на Дворъ Ярославовъ, гдѣ дядя его сидѣлъ въ сѣняхъ. Бояре совѣтовали Великому Князю употребить насиліе; нѣкоторые вызывались даже подрубить сѣни. «Нѣтъ!» сказалъ онъ: «я не убійца моихъ ближнихъ; люблю «дядю, и пойду къ нему самъ.» Князья обнялися дружелюбно. «Видишь ли мятежъ народа?» говорилъ племянникъ: «дай миновать общему вол«ненію, и для собственной безопасности иди въ «Вышегородъ. Будь увѣренъ, что я не забуду «тебя.» Вячеславъ удалился.

Торжество Великаго Князя было не долговременно. Сынъ его, Мстиславъ, хотѣлъ взять Переяславль: тамъ княжилъ Ростиславъ Георгіевичь, который вмѣстѣ съ Андреемъ рѣшился мужественною обороною загладить постыдное бѣгство отца, привелъ въ городъ Днѣпровскихъ кочующихъ Торковъ, готовыхъ соединиться съ Кіевлянами, и ждалъ врага неустрашимо. Ве-

ликій Князь не имѣлъ времени заняться сею осадою: свѣдавъ о приближеніи Владимірка Галицкаго, друга Георгіева, также о соединеніи Давидовичей съ Княземъ Суздальскимъ, онъ поѣхалъ къ Вячеславу и вторично предложилъ ему сѣсть на тронъ Мономаховъ. «Для чего же ты выгналъ «меня съ безчестіемъ изъ Кіева?» возразилъ дядя: «теперь отдаешь его мнѣ, когда «сильные враги готовы изгнать тебя са«мого.» Смягченный ласковыми словами племянника, сей добродушный Князь обнялъ его съ нѣжностію, и заключивъ съ нимъ искренній союзъ надъ гробомъ Святыхъ Бориса и Глѣба, отдалъ ему всю дружину свою, знаменитую мужествомъ, чтобы отразить Владимірка. Изяславъ при звукѣ трубъ воинскихъ бодро выступилъ изъ столицы (328); но счастіе опять измѣнило его храбрости. Еще дружина Вячеславова не успѣла къ нему присоединиться; Берендѣи же и Кіевляне, встрѣтивъ Галичанъ на берегахъ Стугны, ужаснулись ихъ силы, и пустивъ нѣсколько стрѣлъ, разсѣялись. Онъ удерживалъ бѣгущихъ; хотѣлъ умереть на мѣстѣ; молилъ, заклиналъ робкихъ; наконецъ, видя вокругъ себя малочисленныхъ Венгровъ и Поляковъ, сказалъ дружинѣ съ горестію: «одни ли чу«жеземцы будутъ моими защитниками?» и самъ поворотилъ коня. Непріятель слѣдо-

Добродушіе Вячеслава.

Побѣда Владимірковa.

валъ за нимъ осторожно, боясь хитрости. Великій Князь нашелъ въ Кіевѣ Вячеслава, и еще не успѣлъ отобѣдать съ нимъ во дворцѣ, когда имъ сказали, что Георгій на берегу Днѣпра, и что Кіевляне перевозятъ его войско въ своихъ лодкахъ. Исполняя совѣтъ племянника, Вячеславъ уѣхалъ въ Вышегородъ, а Великій Князь со всею дружиною въ область Владимірскую, занявъ крѣпости на берегахъ Горыни (329).

Георгій и Князь Галицкій сошлися подъ стѣнами Кіева: съ первымъ находились Святославъ, племянникъ его (сынъ Всеволодовъ) и Давидовичи. Напрасно хотѣвъ догнать Изяслава, они вступили въ городъ, коего жители не дерзнули противиться мужественному Владимірку. Сей Князь и Георгій торжествовали побѣду въ монастырѣ Печерскомъ: новые дружественные обѣты утвердили союзъ между ими. Владимірко выгналъ еще Изяславова сына изъ Дорогобужа, взялъ нѣсколько городовъ Волынскихъ, отдалъ ихъ Мстиславу Георгіевичу, съ нимъ бывшему, но не могъ взять Луцка, и возвратился въ землю Галицкую, довольный своимъ походомъ, который доставилъ ему случай видѣть славные храмы Кіевскіе и гробъ Святыхъ мучениковъ, Бориса и Глѣба (330).

Бодрость

Георгій, боясь новыхъ предпріятій Изяславовыхъ, поручилъ Волынскую область

свою надежнѣйшему изъ сыновей, храброму Андрею. Сей Князь болѣе и болѣе заслуживалъ тогда общее уваженіе: онъ смирилъ Половцевъ, которые, называясь союзниками отца его, грабили въ окрестностяхъ Переяславля и не хотѣли слушать Пословъ Георгія; но удалились, какъ скоро Андрей велѣлъ имъ оставить Россіянъ въ покоѣ ([331]). Укрѣпивъ Пересопницу, онъ взялъ такія мѣры для безопасности всѣхъ городовъ, что Изяславъ раздумалъ воевать съ нимъ, и въ надеждѣ на его добродушіе предложилъ ему миръ. «Отказываюсь отъ «Кіева (говорилъ Великій Князь), если «отецъ твой уступитъ мнѣ всю Волынію. «Венгры и Ляхи не братья мои: земля ихъ «мнѣ не отечество. Желаю остаться Русскимъ и владѣть достояніемъ нашихъ «предковъ.» Андрей вторично старался обезоружить родителя; но Георгій отвергнулъ мирныя предложенія, и заставилъ Изяслава снова обратиться къ иноземнымъ союзникамъ. Андреева.

Меньшій его братъ, Владиміръ Мстиславичь, поѣхалъ въ Венгрію, и склонилъ Короля объявить войну опаснѣйшему изъ непріятелей Изяславовыхъ, Владимірку Галицкому, представляя, что сей Князь отважный, честолюбивый, есть общій врагъ Державъ сосѣдственныхъ. Въ глубокую осень, чрезъ горы Карпатскія, Гейза во-

шелъ въ Галицію, завоевалъ Санокъ, думалъ осадить Перемышль. Желая безъ кровопролитія избавиться отъ врага сильнаго, хитрый Владимірко купилъ золотомъ дружбу Венгерскаго Архіепископа, именемъ Кукниша, и знатнѣйшихъ чиновниковъ Гейзиныхъ, которые убѣдили своего легковѣрнаго Монарха отложить войну до зимы. Но связь Гейзы съ Великимъ Княземъ еще болѣе утвердилась: Владиміръ Мстиславичь женился на дочери Бана, родственника Королевскаго, и вторично посланный братомъ въ Венгрію, привелъ къ нему 10,000 отборныхъ воиновъ (332). Тогда Изяславъ, нетерпѣливо ожидаемый Кіевлянами, Берендѣями и преданною ему дружиною Вячеслава, смѣло выступилъ въ поле, миновалъ Пересопницу, и зная, что за нимъ идутъ полки Владимірковы, спѣшилъ къ столицѣ Великаго Княженія. Бояре говорили ему: «у насъ впереди непріятель, за «нами другой.» Князь отвѣтствовалъ: «Не «время страшиться. Вы оставили для меня «домы и села Кіевскія; я лишенъ родительскаго престола: умру или возьму свое и «ваше. Достигнетъ ли насъ Владимірко, «сразимся; встрѣтимъ ли Георгія, также «сразимся. Иду на судъ Божій.»

Хитрость Владимірка. — Г. 1151. — Твердость Изяслава.

Граждане Дорогобужа встрѣтили Изяслава со крестами, но боялись Венгровъ. «Будьте покойны,» сказалъ Великій Князь:

«я предводительствую ими. Не вы, люди «моего отца и дѣда, а только одни враги «мои должны ихъ ужасаться.» Другіе города изъявляли ему такую же покорность. Онъ нигдѣ не медлилъ; но войско его едва оставило за собою рѣку Ушъ, когда легкій отрядъ Галицкаго показался на другой сторонѣ. Самъ Владимірко, вмѣстѣ съ Андреемъ Георгіевичемъ, стоялъ за лѣсомъ, въ ожиданіи своей главной рати. Началась перестрѣлка. Великій Князь хотѣлъ ударить на малочисленныхъ непріятелей: Бояре ему отсовѣтовали. «Рѣка и лѣсъ передъ нами,» говорили они: «пользуясь ими, Владимірко «можетъ долго сопротивляться; задніе пол«ки его приспѣютъ къ битвѣ. Лучше не «тратить времени, итти впередъ и соеди«ниться съ усердными Кіевлянами, ждущи«ми тебя на берегахъ Тетерева.» Изяславъ велѣлъ ночью разложить большіе огни, и тѣмъ обманувъ непріятеля, удалился, шелъ день и ночь, отрядилъ Владиміра Мстиславича къ Бѣлугороду, и надѣялся взять его незапно. Такъ и случилось. Борисъ Георгіевичь, пируя въ Бѣлогородскомъ дворцѣ своемъ съ дружиною и съ Попами, вдругъ услышалъ громкій кликъ и воинскія трубы: свѣдалъ, что полки Изяславовы уже входятъ въ городъ, и бѣжалъ къ отцу, не менѣе сына безпечному. Георгій жилъ спокойно въ Кіевѣ, ничего не зная: приведен-

Воинская хитрость.

Безпечность Георгія

и торжество Изяслава.

ный въ ужасъ столь нечаянною вѣстію, онъ бросился въ лодку и уѣхалъ въ Остеръ; а Великій Князь, оставивъ въ Бѣлѣгородѣ Владиміра Мстиславича для удержанія Галичанъ, вошелъ въ столицу, славимый, ласкаемый народомъ, какъ отецъ дѣтьми. Многіе Бояре Суздальскіе были взяты въ плѣнъ. Великій Князь, изъявивъ въ Софійскомъ храмѣ благодарность Небу, угостилъ обѣдомъ усердныхъ Венгровъ и своихъ друзей Кіевскихъ: а друзьями его были всѣ добрые граждане. За роскошнымъ пиромъ слѣдовали игры: ликуя среди обширнаго двора Ярославова, народъ съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на ристаніе искусныхъ Венгерскихъ всадниковъ (333).

Ристаніе въ Кіевѣ.

Еще Кіевляне опасались Владимірка; но изумленный бѣгствомъ Георгія, онъ сказалъ Андрею, который шелъ вмѣстѣ съ нимъ: «Сватъ мой есть примѣръ безпечности; господствуетъ въ Россіи, и не «знаетъ, что въ ней дѣлается; одинъ сынъ «въ Пересопницѣ, другой въ Бѣлѣгородѣ, «и не даютъ отцу вѣсти о движеніяхъ «врага! Когда вы такъ правите землею, «вамъ не товарищъ. Мнѣ ли одному ратоборствовать съ Изяславомъ, теперь уж «сильнымъ? Иду въ область свою.» И немедленно возвратился, собирая на пути дань со всѣхъ городовъ Волынскихъ. Обитатели, угрожаемые плѣномъ, сносили ем

серебро; жены, выкупая мужей, отдавали свои ожерелья и серьги. Андрей съ печальнымъ сердцемъ пріѣхалъ къ отцу въ Городецъ Остерскій (334).

Утвердясь въ столицѣ, Великій Князь призвалъ дядю своего, Вячеслава, изъ Вышегорода. «Богъ взялъ моего родителя,» говорилъ онъ: «будь мнѣ вторымъ отцемъ. «Два раза я могъ посадить тебя на престолѣ, и не сдѣлалъ того, ослѣпленный властолюбіемъ. Прости вину мою, да буду «спокоенъ въ совѣсти. Кіевъ твой: господствуй въ немъ подобно отцу и дѣду.» Добрый Вячеславъ, тронутый симъ великодушіемъ, съ чувствительностію отвѣтствовалъ: «Ты исполнилъ наконецъ долгъ собственной чести своей. Не имѣя дѣтей, «признаю тебя сыномъ и братомъ. Я старъ; «не могу одинъ править землею: будь моимъ товарищемъ въ дѣлахъ войны и мира; «соединимъ наши полки и дружину. Иди «съ ними на враговъ, когда не въ силахъ «буду дѣлить съ тобою опасностей (335)!» Они цѣловали крестъ въ Софійскомъ храмѣ; клялися быть неразлучными во благоденствіи и злосчастіи. Старецъ, по древнему обыкновенію, далъ пиръ Кіевлянамъ и добрымъ союзникамъ, Венграмъ. Одаривъ послѣднихъ конями, сосудами драгоцѣнными, одеждами, тканями, Изяславъ отпустилъ ихъ въ отечество; а въ слѣдъ за ними от-

Справедливость Велик. Князя.

Признательность Вячеслава.

правилъ сына своего благодарить Короля Гейзу. Сей Посолъ именемъ отца долженъ былъ сказать ему слѣдующія выразительныя слова: «Да поможетъ тебѣ Богъ, какъ «ты помогъ намъ! Ни сынъ отцу, ни братъ «единокровному брату не оказывалъ услугъ «важнѣйшихъ. Будемъ всегда заодно. Твои «враги суть наши: не златомъ, одною кро«вію своею можемъ заплатить тебѣ долгъ. «Но соверши доброе дѣло: еще имѣемъ «врага сильнаго. Ольговичи и Князь Чер«ниговскій, Владиміръ, въ союзѣ съ Геор«гіемъ, который сыплетъ злато и манитъ «къ себѣ дикихъ Половцевъ. Не зовемъ «тебя самого: ибо Царь Греческій имѣетъ «рать съ тобою. Но когда наступитъ весна, «мирная для Венгріи, то пришли въ Россію «новое войско. И мы въ спокойную чреду «свою придемъ къ тебѣ съ дружиною вспо«могательною. Богъ намъ поборникъ, на«родъ и Черные Клобуки друзья.» — Великій Князь звалъ также въ помощь къ себѣ брата, Ростислава Смоленскаго, который всегда думалъ, что старшій ихъ дядя имѣетъ законное право на область Кіевскую. Вячеславъ, увѣряя сего племянника въ дружбѣ, назвалъ его *вторымъ* сыномъ, и съ любовію принялъ Изяслава Черниговскаго, который, вопреки брату, Владиміру Давидовичу, отказался отъ союза съ Княземъ Суздальскимъ,

Благодарность Королю Венгерскому.

Георгій имѣлъ время собрать войско, и сталъ противъ Кіева, вмѣстѣ съ Ольговичами — то есть, двумя Святославами, дядею и племянникомъ — Владиміромъ Черниговскимъ и Половцами, разбивъ шатры свои на лугахъ восточнаго берега Днѣпровскаго. Рѣка покрылась военными ладіями; битвы начался. Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о хитромъ вымыслѣ Изяслава: ладіи сего Князя, сдѣланныя о двухъ руляхъ, могли *не обращаясь* итти вверхъ и внизъ; одни весла были видимы: гребцы сидѣли подъ защитою высокой палубы, на которой стояли латники и стрѣлки. Отраженный Георгій вздумалъ переправиться ниже Кіева; ввелъ ладіи свои въ *Долобское* озеро (336), и велѣлъ ихъ тащить оттуда берегомъ до рѣки Золотчи, впадающей въ Днѣпръ. Изяславъ шелъ другою стороною, и суда его вступили въ бой съ непріятелемъ у *Витичевскаго брода*. Князь Суздальскій и тутъ не имѣлъ успѣха; но Половцы тайнымъ обходомъ разстроили Изяславовы мѣры: у городка Заруба, близъ Трубежскаго устья, они бросились въ Днѣпръ на коняхъ своихъ, вооруженные съ головы до ногъ, и закрываясь щитами. Святославъ Ольговичь и племянникъ его предводительствовали ими. Береговая стража Кіевская оробѣла. Напрасно Воевода Шваринъ хотѣлъ остановить бѣгущихъ: «съ ними не

Осада Кіева.

«было Князя (говоритъ Лѣтописецъ), а «Боярина не всѣ слушаютъ.» Половцы достигли берега, и Георгій спѣшилъ въ томъ же мѣстѣ переправиться черезъ Днѣпръ.

Великій Князь отступилъ къ Кіеву и вмѣстѣ съ дядею сталъ у *Златыхъ* вратъ; Изяславъ Давидовичь между *Златыми* и *Жидовскими* вратами; подлѣ него Князь Смоленскій; Борисъ Всеволодковичь Городненскій, внукъ Мономаховъ, у вратъ *Лятскихъ* или Польскихъ. Ряды Кіевлянъ окружили городъ. Черные Клобуки явились также подъ его стѣнами съ своими вежами и многочисленными стадами, которыя разсыпались въ окрестностяхъ Кіевскихъ. Дѣятельность, движеніе, необозримый строй людей вооруженныхъ и самый безпорядокъ представляли зрѣлище любопытное. Пользуясь общимъ смятеніемъ, хищные друзья, Берендѣи и Торки, обирали монастыри, жгли села, сады. Изяславъ, чтобы унять грабителей, велѣлъ брату своему, Владиміру, соединить ихъ и поставить у *Могилы Олеговой*, между оврагами. Воины, граждане, народъ, съ твердостію и мужествомъ ожидали непріятеля (337).

Но старецъ Вячеславъ еще надѣялся убѣдить брата словами мирными, и въ присутствіи своихъ племянниковъ далъ Послу наставленіе. «Иди къ Георгію,» сказалъ онъ: «цѣлуй его моимъ именемъ и говори такъ:

Миролюбіе

«Сколько разъ молилъ я васъ, тебя и племянника, не проливать крови Христіанъ и «не губить земли Русской! Изяславъ, возставъ на Игоря, велѣлъ мнѣ объявить, «что ищетъ престола Кіевскаго единственно для меня, втораго отца своего; а послѣ «завладѣлъ собственными моими городами, «Туровымъ и Пинскимъ! Равно обманутый «и тобою — лишенный Пересопницы, Дорогобужа — не имѣя ничего, кромѣ Вышегорода, я молчалъ; имѣя Богомъ данную мнѣ силу, полки и дружину, терпѣливо сносилъ обиды, самое уничиженіе, «и думая только о пользѣ отечества, унималъ васъ. Напрасно: вы не хотѣли внимать совѣтамъ человѣколюбія; отвергая «ихъ, нарушали уставъ Божій. Нынѣ Изяславъ загладилъ вину свою: почтилъ дядю вмѣсто отца; я назвалъ его сыномъ. «Боишься ли унизиться предо мною? Но «кто изъ васъ старшій? Я былъ уже брадатъ, когда ты родился. Опомнись, или, «поднявъ руку на старшаго, бойся гнѣва «Небеснаго!» — Посолъ Вячеславовъ нашелъ Георгія въ Василевѣ: Князь Суздальскій, выслушавъ его, отправилъ собственнаго Боярина къ брату; признавалъ его своимъ отцемъ; обѣщалъ во всемъ удовлетворить ему, но требовалъ, чтобы Мстиславичи выѣхали изъ области Кіевской. Старецъ отвѣтствовалъ: «У тебя *семь* сы- Вячеслава.

«новей : отгоняю ли ихъ отъ родителя? У «меня ихъ только два : не разстанусь съ «ними. Иди въ Переяславль и Курскъ; или «въ *Великій* Ростовъ, или въ другіе города «свои; удали Ольговичей, и мы примиримся. Когда же хочешь кровопролитія, то «матерь Божія да судитъ насъ въ семъ «вѣкѣ и будущемъ!» Вячеславъ, говоря сіи послѣднія слова, указалъ на Златыя врата и на образъ Маріи, тамъ изображенный.

Георгій ополчился и подступилъ къ Кіеву отъ Бѣлагорода. Стрѣлы летали чрезъ Лыбедь. Пылкій Андрей устремился на другую сторону рѣки, и гналъ стрѣлковъ непріятельскихъ къ городу; но былъ оставленъ своими: одинъ Половчинъ схватилъ коня его за узду и принудилъ Героя возвратиться ([338]). Юный Владиміръ Андреевичь, внукъ Мономаховъ, спѣшилъ раздѣлить съ братомъ опасность: пѣстунъ силою удержалъ сего отрока. Дружина ихъ шла на полкъ Вячеславовъ и Великаго Князя за Лыбедью; прочее войско Георгіево сразилось съ Борисомъ у вратъ Лятскихъ. Изяславъ наблюдалъ всѣ движенія битвы: онъ велѣлъ братьямъ, не разстроивая полковъ, съ избранными отрядами и Черными Клобуками ударить вдругъ на непріятеля. Смятые ими, Половцы, Суздальцы бѣжали, и трупы наполнили рѣку Лыбедь. Тутъ

Пылкость Андрея.

вмѣстѣ со многими палъ мужественный сынъ Хана славнаго, Боняка, именемъ Севенчь, который хвалился, подобно отцу своему, *зарубить* мечемъ врата Златыя (339). Съ того времени Суздальцы не дерзали переходить чрезъ Лыбедь, и Георгій скоро отступилъ, чтобы соединиться съ Владимiркомъ: ибо Галицкій Князь, забывъ прежнюю досаду, шелъ къ нему въ помощь. Отступленіе Георгія.

Храбрые Мстиславичи пылали нетерпѣніемъ гнаться за врагомъ. Согласно съ характеромъ своимъ, Вячеславъ говорилъ, что они могутъ не спѣшить, и что Всевышній даетъ побѣду не скорому, а справедливому; но убѣжденный ихъ представленіями, и самъ немедленно сѣлъ на коня, вмѣстѣ съ племянниками совершивъ молитву въ храмѣ Богоматери. Никогда народъ Кіевскій не вооружался охотнѣе; никогда не изъявлялъ болѣе усердія къ своимъ Государямъ. «Всякой, кто можетъ двигаться «и владѣть рукою, да идетъ въ поле!» сказали граждане: «или да лишится жизни «ослушникъ!» Борисъ Городненскій былъ отправленъ лѣсомъ въ слѣдъ за Георгіемъ, который думалъ взять Бѣлгородъ; но видя жителей готовыхъ обороняться, пошелъ на встрѣчу къ Галичанамъ (340). Изяславъ, стараясь предупредить сіе опасное соединеніе, настигъ его за Стугною. Сдѣлалась Усердіе Кіевлянъ.

ужасная буря и тьма; дождь лился рѣкою, и ратники не могли видѣть другъ друга. Какъ бы устрашенныя несчастнымъ предзнаменованіемъ, оба войска желали мира: Послы ѣздили изъ стана въ станъ, и Князья могли бы согласиться, если бы мстительные Ольговичи и Половцы тому не воспротивились. Георгій, принявъ ихъ совѣтъ, рѣшился на кровопролитіе; однакожь убѣгалъ битвы, ожидая Владимірка, и ночью перешелъ за рѣку Рутъ (нынѣ Ротокъ). Изяславъ не далъ ему итти далѣе:
Битва. надлежало сразиться. Андрей устроилъ Суздальцевъ (341); объѣхалъ всѣ ряды; старался воспламенить мужество въ Половцахъ и въ своей дружинѣ. Съ другой стороны Великій Князь, Полководецъ искусный, также наилучшимъ образомъ распорядилъ войско, и требовалъ благословенія отъ Вячеслава. Сей старецъ, утомленный походомъ, долженъ былъ остаться за строемъ. «Неблагодарный Георгій отвергнулъ «миръ, столь любезный душѣ твоей,» говорили ему племянники: «теперь мы готовы «умереть за честь нашего отца и дяди.» Вячеславъ отвѣтствовалъ: «Суди Богъ мо«его брата; я отъ юности гнушался крово«пролитіемъ.» — Битва началася. Изяславъ приказалъ всѣмъ полкамъ смотрѣть на его собственный, чтобы слѣдовать ему въ движеніяхъ. Андрей встрѣтилъ ихъ, и силь-

нымъ ударомъ изломилъ свое копіе. Уязвленный въ ноздри конь его ярился подъ всадникомъ; шлемъ слетѣлъ съ головы, щитъ Андреевъ упалъ на землю: но Богъ сохранилъ мужественнаго Князя. Изяславъ также былъ впереди; также изломилъ копіе: раненный въ бедру и руку, не могъ усидѣть на конѣ и плавалъ въ крови своей. Битва продолжалась. Дикіе варвары, союзники Георгіевы, рѣшили ея судьбу: пустивъ тучу стрѣлъ, обратились въ бѣгство; за Половцами Ольговичи, и наконецъ Князь Суздальскій. Многіе изъ его воиновъ утонули въ грязномъ Рутѣ; многіе легли на мѣстѣ или отдались въ плѣнъ. Георгій съ малымъ числомъ ушелъ за Днѣпръ въ Переяславль.

Изяславъ раненъ.

Бѣгство Георгія.

Между тѣмъ Великій Князь, нѣсколько времени лежавъ на землѣ, собралъ силы, всталъ, и едва не былъ изрубленъ собственными воинами, которые, въ жару битвы, не узнали его. «Я Князь,» говорилъ онъ. «Тѣмъ лучше,» сказалъ одинъ воинъ, и мечемъ разсѣкъ ему шлемъ, на коемъ блистало златое изображеніе Святаго Пантелеймона ([342]). Изяславъ, открывъ лице, увидѣлъ общую радость Кіевлянъ, считавшихъ его мертвымъ, исходилъ кровію, но слыша, что Владиміръ Черниговскій убитъ, велѣлъ посадить себя на коня и везти къ его трупу; искренно сожалѣлъ объ немъ, и

Чувствительность Изяслава.

съ чувствительностію утѣшалъ горестнаго Изяслава Давидовича, который, взявъ тѣло брата, союзника Георгіева, спѣшилъ защитить свою столицу: ибо Святославъ Ольговичь хотѣлъ незапно овладѣть ею; но тучный, дебелый и до крайности утомленный бѣгствомъ, сей Князь принужденъ былъ отдыхать въ Остерѣ, гдѣ свѣдавъ, что въ Черниговѣ уже много войска, онъ рѣшился ѣхать прямо въ Новгородъ Сѣверскій; а послѣ дружелюбно раздѣлился съ Изяславомъ Давидовичемъ: каждый изъ нихъ взялъ часть отцевскую (343).

Мстиславичи осадили Переяславль. Утративъ лучшую дружину въ битвѣ, и слыша, что Владимірко Галицкій, достигнувъ Бужска, возвратился, Георгій принялъ миръ отъ снисходительныхъ побѣдителей. «Отдаемъ Переяславль любимому изъ сыновей твоихъ,» говорили они: «но самъ «иди въ Суздаль. Не можемъ быть съ тобою въ сосѣдствѣ, ибо знаемъ тебя. Не «хотимъ, чтобы ты снова призвалъ друзей «своихъ, Половцевъ, грабить область Кіев«скую.» Георгій далъ клятву выѣхать, и нарушилъ оную подъ видомъ отмѣннаго усердія къ Св. Борису: праздновалъ его память, жилъ на берегу Альты, молился въ храмѣ сего Мученика и не хотѣлъ удалиться отъ Переяславля (344). Одинъ сынъ его, Андрей, гнушаясь вѣроломствомъ, от-

Вѣроломство Георгія

правился въ Суздаль. Узнавъ, что коварный дядя зоветъ къ себѣ Половцевъ и Галичанъ, Великій Князь грозно требовалъ исполненія условій: Георгій оставилъ сына въ Переяславлѣ, но выѣхалъ только въ Городецъ, и ждалъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ.

Надеждою его былъ мужественный Владимірко. Мстиславъ, сынъ Великаго Князя, велъ къ родителю многочисленное союзное войско Короля Гейзы, и своею неосторожностію лишился онаго. Вступивъ въ Волынію, онъ пировалъ съ Венграми, угощаемый дядею, Владиміромъ Мстиславичемъ; слышалъ о приближеніи Галицкаго Князя, но безпечно легъ спать, въ надеждѣ на стражу и самохвальство Венгровъ ([345]). «Мы всегда готовы къ бою,» говорили они, и пили безъ всякой умѣренности. Въ полночь тревога разбудила Мстислава: дружина его сѣла на коней; но упоенные виномъ союзники лежали какъ мертвые. Владимірко ударилъ на нихъ предъ разсвѣтомъ: билъ, истреблялъ — и Великій Князь получилъ извѣстіе, что сынъ его едва могъ спастися одинъ съ своими Боярами. Тогда Изяславъ призвалъ союзниковъ: Князя Черниговскаго и сына Всеволодова, его племянника: даже и Святославъ Ольговичь, повинуясь необходимости, далъ ему вспомогательную дружину. Сіе войско осадило Городецъ. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, оставленный прежними друзьями и товарищами, Князь Суздальскій долженъ былъ чрезъ нѣсколько

дней смириться: уступивъ Переяславль Мстиславу Изяславичу, возвратился въ наслѣдственный Удѣлъ свой и поручилъ Городецъ сыну Глѣбу ([346]). Но скоро Изяславъ отнялъ у Георгія и сіе прибѣжище въ южной Россіи: сжегъ тамъ всѣ деревянныя зданія, самыя церкви, и сравнялъ крѣпость съ землею.

Г. 1152.

Наказавъ главнаго непріятеля, Великій Князь желалъ отмстить хитрому, счастливому сподвижнику Георгіеву, Владимірку: Король Венгерскій хотѣлъ того же. Имъ надлежало соединиться у подошвы горъ Карпатскихъ ([347]). Лѣтописцы славятъ взаимную искреннюю дружбу сихъ Государей: сановники Гейзы отъ его имени привѣтствовали Великаго Князя на дорогѣ; самъ Король, провождаемый братьями, Ладиславомъ и Стефаномъ, всѣмъ Дворомъ, всѣми Баронами, выѣхалъ встрѣтить Изяслава, который велъ за собою многочисленное стройное войско. Съ любовію обнявъ другъ друга, они, въ шатрѣ Королевскомъ, условились не жалѣть крови для усмиренія врага — и на разсвѣтѣ, ударивъ въ бубны, семдесятъ полковъ Венгерскихъ двинулись впередъ; за ними шли Россіяне и конные Берендѣи; вступивъ въ землю Галицкую, расположились близъ рѣки Сана, ниже Перемышля. Владимірко стоялъ на другой сторонѣ, готовый къ бою, и схватилъ нѣ-

Помощь Венгров.

сколько *зажитниковъ* Королевскихъ ([348]). Тогда было Воскресенье; Гейза, обыкновенно празднуя сей день, отложилъ битву до слѣдующаго. По данному знаку союзное войско приступило къ рѣкѣ. Изяславъ находился въ срединѣ, и такъ говорилъ ратникамъ: «Братья и дружина! доселѣ Богъ «спасалъ отъ безчестія землю Русскую и «сыновъ ея: отцы наши всегда славились «мужествомъ. Нынѣ ли уронимъ честь свою «предъ глазами союзниковъ иноплеменныхъ? Нѣтъ, мы явимъ себя достойными «ихъ уваженія.» Въ одно мгновеніе ока Россіяне бросились въ Санъ: Венгры также, и смяли Галичанъ, стоявшихъ за валомъ. Побѣжденный Владимірко, проскакавъ на борзомъ конѣ между толпами Венгровъ и Черныхъ Клобуковъ (одинъ съ какимъ-то Избыгнѣвомъ), заключился въ Перемышлѣ. Союзники могли бы тогда взять крѣпость; но воины ихъ, грабя Княжескій богатый дворецъ на берегу Сана, дали время многимъ разсѣяннымъ битвою Галичанамъ собраться въ городѣ. Владимірко хотѣлъ мира: ночью отправилъ къ Архіепископу и Боярамъ Венгерскимъ множество серебра, золота, драгоцѣнныхъ одеждъ, и вторично склонилъ ихъ быть за него ходатаями. Они представили Гейзѣ, что Галицкій Князь, тяжело раненный, признается въ винѣ своей; что Небо милуетъ каю-

Рѣчь Изяслава и побѣда.

щихся грѣшниковъ; что онъ служилъ копіемъ своимъ отцу Гейзину, Белѣ *Слѣпому*, противъ Ляховъ; что Владимірко, зная великодушіе Короля и готовясь скоро умереть, поручаетъ ему юнаго сына, и боится единственно злобы Изяславовой. Великій Князь не хотѣлъ слышать о мирѣ. «Если «умретъ Владимірко» — говорилъ онъ — «то безвременная кончина его будетъ справедливою Небесною казнію. Сей вѣроломный, клятвенно обѣщавъ намъ пріязнь «свою, разбилъ твое и мое войско. Забудемъ ли безчестіе? Нынѣ Богъ предаетъ «Владимірка въ руки наши: возьмемъ его и «землю Галицкую.» Мстиславъ, сынъ Великаго Князя, еще ревностнѣе отца противился миру: напрасно Владимірко старался моленіемъ и ласками обезоружить ихъ. Но Гейза отвѣтствовалъ: «не могу убить того, «кто винится,» и простилъ врага, съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ чужіе, занятые имъ города Россійскіе (Бужскъ, Тихомль, Шумскъ, Выгошевъ, Гнойни) и навсегда остался другомъ Изяславу, или, по тогдашнему выраженію, *не разлучался съ нимъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ*. Изъ шатра Королевскаго послали ко мнимо-больному Владимірку чудотворный крестъ Св. Стефана: сей Князь далъ присягу. «Если онъ «измѣнитъ намъ (сказалъ Гейза), то или «мнѣ не царствовать или ему не княжить.»

Притворство Владимірка.

Простодушіе Гейзы.

Услуживъ шурину и смиривъ надменнаго Владимірка, бывшаго въ тѣсномъ союзѣ съ Греками, Король спѣшилъ къ берегамъ Сава, отразить Императора Мануила, хотѣвшаго отмстить ему за обиду своего Галицкаго друга ([349]). Изяславъ, возвратяся въ Кіевъ съ торжествомъ, изъявилъ благодарность Всевышнему, праздновалъ съ дядею Вячеславомъ, увѣдомилъ брата своего, Князя Смоленскаго, о счастливомъ успѣхѣ похода, и совѣтовалъ ему остерегаться Георгія, слыша, что онъ вооружается въ Ростовѣ.

Князь Суздальскій еще болѣе возненавидѣлъ Мстиславичей за разрушеніе Городца, который былъ единственнымъ его достояніемъ въ полуденныхъ, любезныхъ ему странахъ Государства. Тамъ онъ жилъ духомъ и мыслями; тамъ лежалъ священный прахъ древнихъ Князей Россійскихъ, славились храмы чудесами и жители благочестіемъ. Георгій въ наслѣдственномъ восточномъ Удѣлѣ своемъ видѣлъ небо суровое, дикія степи, дремучіе лѣса, народъ грубый; считалъ себя какъ бы изгнанникомъ, и презирая святость клятвъ, думалъ только о способахъ удовлетворить своему властолюбію. Онъ призвалъ Князей Рязанскихъ и Половцевъ, кочевавшихъ между Волгою и Дономъ ([350]); занялъ область Вятичей и велѣлъ Князю Новагорода Сѣвер- Любовь Георгія къ южной Россіи.

Вѣроломство Владимірка. скаго, Святославу Ольговичу, также быть къ нему въ станъ подъ Глуховъ. Владимірко, свѣдавъ о походѣ Георгія, думалъ вмѣстѣ съ нимъ начать военныя дѣйствія противъ Мстиславичей; но Изяславъ успѣлъ отразить его и заставилъ возвратиться. Князь Галицкій, мужествомъ достойный отца, не хотѣлъ уподобляться ему въ вѣрности слова: не боялся клятвопреступленія, и доказалъ ошибку снисходительнаго Гейзы, не исполнивъ обѣщанія, то есть, силою удержавъ за собою города Великокняжескіе, Шумскъ, Тихомль и другіе. Видя, что Георгій намѣренъ осадить Черниговъ, Князь Смоленскій, по сдѣланному условію съ братомъ, вошелъ въ сей городъ защитить Изяслава Давидовича, ихъ союзника. Тутъ находился и Святославъ Всеволодовичь, который уже зналъ характеръ Георгіевъ, и не любилъ его. Съ душевнымъ прискорбіемъ они говорили другъ другу: «будетъ ли конецъ нашему междоусобію?» Набожный Князь Суздальскій, подступивъ къ Чернигову въ день Воскресный, не хотѣлъ обнажить меча для праздника (351); но велѣлъ Половцамъ жечь и грабить въ окрестностяхъ! Двѣнадцать дней продолжались битвы, знаменитыя мужествомъ

Подвиги Андрея. Андрея Георгіевича: онъ требовалъ, чтобы Князья, союзники Георгіевы, сами по очереди ходили на приступъ, для ободренія

войска; служилъ имъ образцемъ, и собственною храбростію воспламенялъ всѣхъ. Осажденные не могли защитить внѣшнихъ укрѣпленій, сожженныхъ Половцами, и городъ былъ въ опасности; но Великій Князь спасъ его. Услышавъ только, что Изяславъ перешелъ Днѣпръ, робкіе Половцы бѣжали: Георгій также отступилъ за Сновъ, и Князь Черниговскій встрѣтилъ своего избавителя на берегу рѣки Бѣлоуса.

Святославъ Ольговичь, удерживая Георгія, говорилъ: «Ты принудилъ меня вое-«вать; разорилъ мою область, вездѣ потра-«вилъ хлѣбъ, и теперь удаляешься! По-«ловцы также ушли въ степные города «свои ([352]). Мнѣ ли одному бороться съ «сильными?» Но Князь Суздальскій, оставивъ у Святослава только 50 человѣкъ дружины съ сыномъ Василькомъ, вышелъ изъ области Сѣверской, чтобъ овладѣть всею страною Вятичей, гдѣ ему никто не противился.

Тогда была уже глубокая осень: Изяславъ дождался зимы, поручилъ Смоленскому Князю наблюдать за Георгіемъ, осадилъ Новгородъ Сѣверскій и далъ миръ Святославу Ольговичу; а сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, съ Кіевскою дружиною и съ Черными Клобуками воевалъ землю Половецкую: разбилъ варваровъ на берегахъ Орели и Самары, захватилъ ихъ г. 1153. въ Февралѣ.

вежи, освободилъ множество Россійскихъ плѣнниковъ. Но сей успѣхъ не могъ утвердить безопасности восточныхъ предѣловъ Кіевскихъ: скоро Мстиславъ долженъ былъ вторично итти къ берегамъ Псла для отраженія Половцевъ.

Тогда, желая покоя, Великій Князь отправилъ Боярина, Петра Бориславича, съ крестными грамотами къ Владиміру Галицкому. «Ты нарушилъ клятву» — говорилъ ему Посолъ — «данную тобою нашему «Государю и Королю Венгерскому въ моемъ «присутствіи ([353]). Еще можешь загладить «преступленіе: возврати города Изяславо«вы и будь его другомъ.» Владимірко отвѣтствовалъ: «Братъ мой Изяславъ не«чаянно подвелъ на меня Венгровъ: нико«гда не забуду того; умру или отмщу.» Посолъ напоминалъ ему цѣлованіе креста.

Насмѣшка Владиміркова.

«Онъ былъ не великъ!» сказалъ Владимірко въ насмѣшку. «Но сила онаго ве«лика,» возразилъ Петръ: «Вельможа Ко«ролевскій объявлялъ тебѣ, что если, цѣ«ловавъ сей чудесный крестъ Св. Стефана, «преступишь клятву, то живъ не будешь.» Владимірко не хотѣлъ слушать, и велѣлъ Послу удалиться. Изяславовъ Бояринъ положилъ на столъ грамоты клятвенныя, въ знакъ разрыва. Ему не дали даже и подводъ. Петръ отправился на собственныхъ коняхъ; а Владимірко, пошедши въ цер-

ь къ Вечернѣ и видя его ѣдущаго изъ
ода, смѣялся надъ нимъ съ своими Боя-
и. — Въ ту же ночь Отрокъ Княжескій,
навъ сего Посла, велѣлъ ему остано-
ься. Петръ ожидалъ новой для себя
ріятности, безпокоился, и на другой
ь, въ слѣдствіе вторичнаго повелѣнія,
вратился въ Галичь. Слуги Владимір- Печальная одежда.
ы встрѣтили его предъ дворцемъ въ
чныхъ одеждахъ. Онъ вошелъ въ сѣни:
ъ юный Князь Ярославъ сидѣлъ на мѣ-
отца, въ черной мантіи и въ клобукѣ,
ди Вельможъ и Бояръ, также одѣтыхъ
печальныя мантіи. Послу дали стулъ.
славъ заливался слезами; царствовало
бокое молчаніе. Изумленный Бояринъ
славовъ хотѣлъ знать причину сей об-
і горести, и свѣдалъ, что Владимірко,
ершенно здоровый наканунѣ, отслу-
ъ Вечерню въ церкви, не могъ сойти Смерть Владимірка.
мѣста, упалъ, и принесенный во дво-
ъ, скончался. «Да будетъ воля Божія!»
залъ Петръ: «всѣ люди смертны.» Яро-
въ отеръ слезы. «Мы желали извѣстить
бя о семъ несчастіи,» говорилъ онъ
лу: «скажи отъ меня Изяславу: *Богъ* Рѣчь Ярослава.
илъ моего родителя, бывъ судіею между
ъ и тобою. Могила прекратила вражду.
дь же мнѣ вмѣсто отца. Я наслѣдо-
лъ Княженіе; воины и дружина роди-
льская со мною: одно его копіе поставъ-

«лено у гроба: и то будетъ въ рукѣ моей. «Люби меня какъ сына своего, Мстислава: «пусть онъ ѣздитъ съ одной стороны подлѣ «твоего стремени, а я съ другой, окружен«ный всѣми полками Галицкими!»

Великій Князь изъявилъ сожалѣніе о внезапной кончинѣ знаменитаго, умнаго Владимірка, основателя могущественной Галицкой области, но требовалъ доказательствъ искренняго дружелюбія отъ Ярослава — то есть, возвращенія городовъ Кіевскихъ, и видя, что ему хотятъ удовлетворить только ласковыми словами, а не дѣломъ, прибѣгнулъ къ оружію. Войско Галицкое стояло на берегахъ Серета: Изяславъ, пользуясь густымъ утреннимъ туманомъ, перешелъ за сію рѣку. Мгла исчезла, и непріятели увидѣли другъ друга. Юный Князь Галицкій сѣлъ на коня. Усердные Вельможи сказали ему: «Ты у «насъ одинъ: что будетъ, если погибнешь? «Заключись въ Теребовлѣ: мы сразимся; «и кто останется живъ, тотъ придетъ уме«реть съ тобою.» Въ сраженіи упорномъ и кровопролитномъ побѣда казалась сомнительною. Сынъ и братья Изяславовы не могли устоять; но Великій Князь одолѣлъ на другомъ крылѣ. Съ обѣихъ сторонъ гнались и бѣжали; обѣ стороны взяли плѣнниковъ, но Изяславъ болѣе. Онъ поставилъ на мѣстѣ битвы знамена непрія-

Сомнительная побѣда.

тельскія и схватилъ многихъ разсѣянныхъ Галичанъ, которые толпами къ нимъ собирались, обманутые сею хитростію. Видя малое число своей дружины, и боясь вылазки изъ Теребовля, Изяславъ велѣлъ ночью умертвить всѣхъ несчастныхъ плѣнниковъ, кромѣ Бояръ, и съ покойною совѣстію возвратился въ Кіевъ, торжествовать вторый бракъ свой. Невѣстою его была Княжна Абазинская, безъ сомнѣнія Христіанка: ибо въ отечествѣ ея и въ сосѣдственныхъ земляхъ Кавказскихъ находились издавна храмы истиннаго Бога, коихъ слѣды и развалины донынѣ тамъ видимы (354). Мстиславъ, отправленный отцемъ, встрѣтилъ сію Княжну у пороговъ Днѣпровскихъ и съ великою честію привезъ въ Кіевъ.

Бракъ Изяславовъ.

Г. 1154.

Готовясь къ новому междоусобному кровопролитію (ибо непримиримый Князь Суздальскій стоялъ уже съ войскомъ въ землѣ Вятичей, близъ Козельска), Изяславъ съ прискорбіемъ видѣлъ безчестіе своего меньшаго сына, Ярослава, изгнаннаго Новогородцами, которые — въ 1149 году положивъ на мѣстѣ 1000 Финляндцевъ, хотѣвшихъ ограбить Водскую область (355) — въ теченіе пяти лѣтъ не имѣли иныхъ враговъ, кромѣ самихъ себя, и занимались одними внутренними раздорами. Избранный симъ легкомысленнымъ народомъ, Ро-

Дѣла Новогородскія.

стиславъ Смоленскій, въ угодность ему, отправился княжить въ Новгородъ, а Ярославъ въ Владиміръ Волынскій, на мѣсто умершаго Святополка Мстиславича.

Малочисленность союзныхъ Половцевъ и конскій падежъ заставили Георгія отложить войну (356). Между тѣмъ Изяславъ, не доживъ еще до глубокой старости, скончался, къ неутѣшной горести Кіевлянъ, всѣхъ Россіянъ и самыхъ иноплеменниковъ, Берендѣевъ, Торковъ. Они единогласно называли его своимъ *Царемъ* славнымъ, *господиномъ* добрымъ, *отцемъ* подданныхъ. Старецъ Вячеславъ, проливая слезы, говорилъ: «сынъ любезный! сему «гробу надлежало быть моимъ; но Богъ «творитъ, что Ему угодно!» — Княженіе Изяслава описано въ лѣтописяхъ съ удивительною подробностію. Мужественный и дѣятельный, онъ всего болѣе искалъ любви народной, и для того часто пировалъ съ гражданами; говорилъ на Вѣчахъ, подобно Великому Ярославу; предлагалъ тамъ дѣла Государственныя, и хотѣлъ, чтобы народъ, исполняя волю Государя, служилъ ему охотно и враговъ его считалъ собственными. Раздѣливъ престолъ съ дядею, добродушнымъ и слабымъ, Изяславъ въ самомъ дѣлѣ не уменьшилъ власти своей, но заслужилъ похвалу современниковъ; обходился съ нимъ какъ нѣжный сынъ съ

Ноября 13 Кончина Изяслава.

Характеръ его.

отцемъ; одинъ бралъ на себя труды, опасности, но приписывалъ ему честь побѣдъ своихъ, и жилъ самъ въ нижней части города, уступивъ Вячеславу дворецъ Княжескій (357).

Готовый умереть за Кіевъ, Изяславъ удалялся отъ иныхъ случаевъ проливать кровь Россіянъ: не вступился за сына, оскорбленнаго Новогородцами, ни за Рогволода Борисовича, зятя своего, котораго Полочане въ 1151 году свергнули съ престола, избравъ на его мѣсто Ростислава Глѣбовича, Князя Минскаго, и признавъ Святослава Ольговича покровителемъ ихъ области (358). Такъ граждане своевольствовали въ нашемъ древнемъ отечествѣ, употребляя во зло правило, что *благо народное священнѣе всѣхъ иныхъ законовъ*.

Своевольство Полочанъ.

Тѣло Изяслава было погребено въ монастырѣ Св. Ѳеодора, основанномъ Великимъ Мстиславомъ.

ГЛАВА XIII.

Великій Князь Ростиславъ-Михаилъ Мстиславичь.

Г. 1154—1155.

Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу. Смерть его. Сановники придворные. Неблагоразуміе и малодушіе Ростислава. Гордость Мстиславова. Своевольство Новогородцевъ. Кіевляне поддаются Изяславу. Георгій вступаетъ въ Кіевъ.

Узнавъ о кончинѣ Великаго Князя, Изя-
г. 1154. славъ Черниговскій приплылъ къ Кіеву, чтобы оросить слезами гробъ умершаго; но старецъ Вячеславъ и Бояре, справедливо опасаясь его коварныхъ намѣреній, не позволили ему въѣхать въ столицу. Они ждали Князя Новогородскаго и Смоленскаго. Граждане, Торки, Берендѣи, съ изъявленіемъ усердія встрѣтили Ростислава (который оставилъ въ Новѣгородѣ сына своего, Давида), и добродушный дядя сказалъ ему: «Я стою у дверей гроба; суды, расправа и «безпокойства ратныя уже не мое дѣло. «Подобно Изяславу будь мнѣ сыномъ и «Государемъ Россіянъ. Отдаю тебѣ полкъ «и дружину свою.» Бояре, вмѣстѣ съ народомъ, требовали отъ новаго Князя, чтобы

онъ, слѣдуя примѣру старшаго брата, всегда уважалъ дядю какъ отца, и въ такомъ случаѣ обѣщались служить ему вѣрно. — Въ Кіевѣ находился тогда Святославъ Всеволодовичь: призванный Вячеславомъ, онъ уѣхалъ тайно отъ своихъ дядей и взялъ сторону Великаго Князя, отдавшаго ему за то Пинскъ и Туровъ. Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу.

Съ другой стороны Изяславъ Черниговскій и Святославъ Ольговичь заключили союзъ съ Георгіемъ, котораго сынъ Глѣбъ, нанявъ Половцевъ, осадилъ Переяславль: Мстиславъ Изяславичь отразилъ ихъ съ помощію Кіевской дружины ([359]). Великій Князь, чтобы предупредить Суздальскаго, хотѣлъ воспользоваться сею первою удачею и шелъ къ Чернигову; но печальная вѣсть настигла его въ Вышегородѣ. Добрый Вячеславъ скоропостижно умеръ: ввечеру пировалъ съ Боярами и ночью заснулъ навѣки. Искренно сожалѣя о кончинѣ его, Ростиславъ спѣшилъ въ Кіевъ предать землѣ тѣло старца въ Софійскомъ храмѣ и быть свидѣтелемъ общей горести: ибо народъ любилъ кроткія, Христіанскія добродѣтели сего Мономахова сына. Въ похвалу Великому Князю Лѣтописцы сказываютъ, что онъ, созвавъ во дворцѣ Вельможъ, Тіуновъ, Казначеевъ, Ключниковъ умершаго дяди, велѣлъ принести его имѣніе: одежды, золото, серебро; все роздалъ

Г. 1155. Смерть Вячеслава.

Сановники придворные.

по монастырямъ, церквамъ, темницамъ, богадѣльнямъ, и поручивъ исполнить сіе распоряженіе вдовствующей супругѣ отца своего, взялъ себѣ на память одинъ крестъ.

Неблагоразуміе и малодушіе Ростислава.

Когда Ростиславъ возвратился къ войску, Бояре не совѣтовали ему итти далѣе. «Ты еще слабъ на престолѣ,» говорили они: «утверди власть свою, заслужи лю-«бовь народную, и тогда не бойся Георгія.» Великій Князь отвергнулъ благоразумный совѣтъ; онъ приближился къ Чернигову, требуя, чтобы Изяславъ далъ ему клятву вѣрнаго союзника (560). «Кто вступилъ въ «мою область непріятелемъ, съ тѣмъ не «хочу дружиться,» отвѣтствовалъ Изяславъ, и соединясь съ Глѣбомъ Георгіевичемъ, расположился станомъ на берегахъ рѣки Бѣлоуса. Тутъ открылось малодушіе Ростислава, который, будучи устрашенъ множествомъ Половцевъ, въ самомъ началѣ перестрѣлки далъ знать Черниговскому Князю, что уступаетъ ему Кіевскую область съ Переяславлемъ, желая одного мира. Съ негодованіемъ видя малодушіе дяди, Мстиславъ Изяславичь поворотилъ коня, и сказавъ: «не будь же ни мнѣ Пе-«реяславля, ни тебѣ Кіева!» удалился съ своею дружиною. Войско разстроилось; свирѣпые Половцы гнали, рубили бѣгущихъ, и схватили, въ числѣ плѣнныхъ, Святослава Всеволодовича. Мстиславъ,

Гордость Мстислава.

взявъ въ Переяславлѣ жену, дѣтей, ушелъ въ Луцкъ, а бывшій Великій Князь въ Смоленскъ, лишась въ то же время и Новагорода: ибо тамошніе жители изгнали сына его, Давида, отправили Епископа Нифонта Посломъ въ Суздаль и призвали Мстислава Георгіевича княжить въ ихъ области (361). Своевольство Новогородцевъ.

Кіевляне, услышавъ съ горестію о несчастіи Ростислава, должны были обратиться къ побѣдителю. Епископъ Каневскій, Даміанъ, ихъ именемъ сказалъ Изяславу (362): «Государь! иди управлять нами, да не будемъ жертвою варваровъ!» ибо въ сіе время Половцы свирѣпствовали въ окрестностяхъ Днѣпра, и долго не могли быть усмирены Глѣбомъ Георгіевичемъ, которому Изяславъ Давидовичь отдалъ Переяславль. Кіевляне поддаются Изяславу. Между тѣмъ Георгій уже шелъ съ войскомъ, и близъ Смоленска получилъ вѣсть о новой, благопріятной для него перемѣнѣ обстоятельствъ; согласился забыть вражду Ростислава Мстиславича, примирился съ нимъ, и спѣшилъ къ Кіеву; простилъ и Святослава Всеволодовича, уваживъ ходатайство его дяди, Сѣверскаго Князя, и послалъ объявить Черниговскому, чтобы онъ выѣхалъ изъ столицы Мономаховой (363). Георгій вступаетъ въ Кіевъ. Изяславъ колебался, медлилъ; говорилъ, что Кіевляне добровольно возвели его на престолъ; но убѣжденный Святославомъ Ольговичемъ, и не имѣя надеж-

ды отразить силу силою, отправился въ
Марта 20. Черниговъ. Георгій, вступивъ въ Кіевъ,
съ общаго согласія принялъ санъ Великаго
Князя.

ГЛАВА XIV.

Великій Князь Георгій или Юрій Владиміровичь, прозваніемъ Долгорукій.

Г. 1155—1157.

Удѣлы. Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу. Тишина въ Россіи. Новое кровопролитіе. Берендѣи бьютъ Половцевъ. Союзъ съ Половцами. Смятеніе въ Новѣгородѣ. Союзъ противъ Георгія. Смерть его и свойства. Ненависть къ нему. Дѣла церковныя.

Слѣдуя обыкновенію, онъ назначилъ сы-
Удѣлы. новьямъ Удѣлы: Андрею Вышегородъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславль, Васильку окрестности Роси, гдѣ жили Берендѣи и Торки (364); а Святославъ Ольговичь помѣнялся городами съ своимъ племянникомъ, сыномъ Всеволода, взявъ у него Сновъ, Воротынскъ, Карачевъ, и давъ ему за нихъ другіе.

Опасаясь смѣлаго, пылкаго Мстислава, Великій Князь послалъ Юрія Ярославича, внука Святополкова, съ Воеводами на Горынь (365): они взяли Пересопницу. Въ то же время зять Георгіевъ, Князь Галицкій, и Владиміръ, братъ Смоленскаго, осадили Луцкъ. Мстиславъ отправился искать союзниковъ въ Польшѣ; но меньшій братъ его, Ярославъ, заставилъ непріятелей снять осаду. Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу.

Достигнувъ главной цѣли своей, обремененный лѣтами и желая спокойствія, Георгій призвалъ Ростислава Смоленскаго, клялся забыть вражду Изяславичей, его племянниковъ, и хотѣлъ видѣть ихъ въ Кіевѣ. Ярославъ повиновался (366); но Мстиславъ, боясь обмана, не ѣхалъ: Георгій послалъ къ нему *крестную грамоту*, въ доказательство искренней дружбы. Узнавъ о семъ союзѣ и прибытіи въ Кіевъ Галицкой вспомогательной дружины, Князь Черниговскій, недовольный Георгіемъ, также смирился и выдалъ дочь свою за его сына, Глѣба (367). Великій Князь уступилъ Изяславу Корческъ, а Святославу Ольговичу Мозырь. Князья же Рязанскіе новыми крестными обѣтами утвердили связь съ Ростиславомъ Смоленскимъ, коего они признавали ихъ отцемъ и покровителемъ.

Россія наслаждалась тишиною, говорятъ Лѣтописцы (368): сія тишина была весьма Тишина въ Россіи.

непродолжительна. Мстиславъ принялъ *крестную грамоту* отъ дѣда, но не далъ ему собственной, и выгналъ Георгіева союзника, Владиміра, роднаго дядю своего, изъ Владимірской области; плѣнилъ его семейство, жену; ограбилъ Бояръ и мать, которая съ богатыми дарами возвратилась
г. 1156. тогда отъ Королевы Венгерской, ея дочери (369). Оскорбленный Георгій, въ надеждѣ смирить внука съ помощію одного Галицкаго Князя, не хотѣлъ взять съ собою ни Черниговской, ни Сѣверской дружины, и выступилъ съ Берендѣями. Напрасно искавъ защиты въ Венгріи, изгнанникъ Владиміръ Мстиславичь прибѣгнулъ къ Великому Князю; но Георгій въ самомъ дѣлѣ не думалъ объ немъ, а хотѣлъ, пользуясь случаемъ, завоевать область Волынскую для *другаго* племянника, Владиміра Андреевича, чтобы исполнить обѣщаніе, нѣкогда данное отцу его (370). Жестокое сопротивленіе Мстислава уничтожило сіе намѣреніе: десять дней кровь лилась подъ стѣнами Владимірскими, и Георгій, какъ бы подвигнутый человѣколюбіемъ, снялъ осаду. «Изяславичь веселится убійствами и «враждою,» сказалъ онъ дѣтямъ и Боярамъ: «желаю не погибели его, а мира, и «будучи старшимъ, уступаю.» — Владиміръ Андреевичь ходилъ къ Червену съ мирными предложеніями: напоминалъ та-

Новое кровопролитіе.

мошнимъ гражданамъ о своемъ родителѣ, великодушномъ ихъ Князѣ Андреѣ [371]; обѣщалъ быть ему подобнымъ, справедливымъ, милостивымъ; но уязвленный въ горло стрѣлою, удалился, отмстивъ жителямъ опустошеніемъ земли Червенской. Георгій наградилъ его Пересопницею и Дорогобужемъ; а Мстиславъ, слѣдуя за дѣдомъ, жегъ селенія на берегахъ Горыни.

Великій Князь щадилъ старинныхъ друзей своихъ, Половцевъ. Они тревожили окрестности Днѣпра, и были наказаны мужественными Берендѣями, которые многихъ хищниковъ умертвили, другихъ взяли въ плѣнъ, и въ противность Георгіеву желанію не хотѣли ихъ освободить, говоря: «мы умираемъ за Русскую землю, но плѣн«ники наша собственность.» Георгій, два раза ѣздивъ въ Каневъ для свиданія съ Ханами Половецкими, не могъ обезоружить ихъ ни ласкою, ни дарами; наконецъ заключилъ съ ними новый союзъ, чтобы въ нужномъ случаѣ воспользоваться помощію сихъ варваровъ [372]: ибо онъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности.

Берендѣи бьютъ Половцевъ.

Союзъ съ Половцами.

Ростиславъ Мстиславичь имѣлъ преданныхъ ему людей въ Новѣгородѣ, которые съ единомышленниками своими объявили всенародно, что не хотятъ повиноваться Мстиславу Георгіевичу. Сдѣлалось смяте- Смяте-

ніе въ Новѣгородѣ. ніе; граждане раздѣлились на двѣ стороны: *Торговая* вооружилась за Князя, *Софійская* противъ него, и мостъ Волховскій, съ обѣихъ сторонъ оберегаемый воинскою стражею, былъ границею между несогласными. Но сынъ Георгіевъ бѣжалъ ночью, узнавъ
г. 1157. о прибытіи дѣтей Смоленскаго Князя (373), и такимъ образомъ уступилъ Княженіе Ростиславу, который, чрезъ два дни въѣхавъ въ Новгородъ, возстановилъ совершенную тишину.

Сіе происшествіе долженствовало оскорбить Георгія: у него были и другіе враги. Изяславъ Давидовичь съ завистію смотрѣлъ на престолъ Кіевскій; искалъ друзей; примирился съ Ростиславомъ, и для того оставилъ безъ мести невѣрность своего племянника, Святослава Владиміровича, который, вдругъ занявъ на Деснѣ города Черниговскіе, передался къ Смоленскому Князю (374).
Союзъ противъ Георгія. Мстиславъ Изяславичь Волынскій также охотно вступилъ въ союзъ съ Давидовичемъ, чтобы дѣйствовать противъ Георгія, и сіи Князья, напрасно убѣждавъ Сѣверскаго взять ихъ сторону, готовились итти къ Кіеву, въ надеждѣ на свое мужество, неосторожность и слабость Георгіеву. Судьба отвратила кровопролитіе: Георгій,
Маія 15. Смерть Георгія. пировавъ у Боярина своего, Петрила, ночью занемогъ и чрезъ пять дней умеръ (375). Свѣдавъ о томъ, Изяславъ Давидовичь

пролилъ слезы, и воздѣвъ руки на небо, сказалъ: «благодарю Тебя, Господи, что «Ты разсудилъ меня съ нимъ внезапною «смертію, а не кровопролитіемъ!»

Георгій властолюбивый, но безпечный, прозванный Долгорукимъ, знаменитъ въ нашей Исторіи гражданскимъ образованіемъ восточнаго края древней Россіи, въ коемъ онъ провелъ всѣ цвѣтущія лѣта своей жизни. Распространивъ тамъ Вѣру Христіанскую, сей Князь строилъ церкви въ Суздалѣ, Владимірѣ, на берегахъ Нерли ([376]); умножилъ число духовныхъ Пастырей, тогда единственныхъ наставниковъ во благоправіи, единственныхъ просвѣтителей разума; открылъ пути въ лѣсахъ дремучихъ; оживилъ дикія, мертвыя пустыни знаменіями человѣческой дѣятельности; основалъ новыя селенія и города: кромѣ Москвы, *Юрьевъ* Польскій, *Переяславль* Залѣсскій (въ 1152 году), украшая ихъ для своего воображенія сими, ему пріятными именами, и самымъ рѣкамъ давая названія южныхъ ([377]). Дмитровъ, на берегу Яхромы, также имъ основанъ и названъ по имени его сына, Всеволода-Димитрія, который (въ 1154 году) родился на семъ мѣстѣ. — Но Георгій не имѣлъ добродѣтелей великаго отца; не прославилъ себя въ лѣтописяхъ ни однимъ подвигомъ великодушія, ни однимъ дѣйствіемъ до-

Свойства его.

бросердечія, свойственнаго Мономахову племени. Скромные Лѣтописцы наши рѣдко говорятъ о злыхъ качествахъ Государей, усердно хваля добрыя; но Георгій безъ сомнѣнія отличался первыми, когда, будучи сыномъ Князя столь любимаго, не умѣлъ заслужить любви народной. Мы видѣли, что онъ игралъ святостію клятвъ и волновалъ изнуренную внутренними несогласіями Россію для выгодъ своего честолюбія: къ безславію его намъ извѣстно также слѣдующее происшествіе. Князь Іоаннъ Берладникъ, изгнанный Владимірькомъ изъ Галича, служилъ Георгію, и вдругъ, безъ всякой вины (въ 1156 году), былъ окованъ цѣпями и привезенъ изъ Суздаля въ Кіевъ: Георгій согласился выдать его, живаго или мертваго, зятю своему, Владиміркову сыну [378]. Заступленіе Духовенства спасло жертву: убѣжденный человѣколюбивыми представленіями Митрополита, Георгій отправилъ Берладника назадъ въ Суздаль; а люди Князя Черниговскаго, высланные на дорогу, силою освободили сего несчастнаго узника. — Однимъ словомъ, народъ Кіевскій столь ненавидѣлъ Долгорукаго, что узнавъ о кончинѣ его, разграбилъ дворецъ и сельскій домъ Княжескій за Днѣпромъ, называемый *Раемъ*, также имѣніе Суздальскихъ Бояръ, и многихъ изъ нихъ умертвилъ въ

Ненависть къ нему.

изступленіи злобы. Граждане, не хотѣвъ, кажется, чтобы и тѣло Георгіево лежало вмѣстѣ съ Мономаховымъ, погребли оное внѣ города, въ Берестовской Обители Спаса.

Церковныя дѣла сего времени достойны замѣчанія. Георгій не желалъ оставить Митрополитомъ Климента, избраннаго по волѣ ненавистнаго ему племянника, и согласно съ мыслями Нифонта, Епископа Новогородскаго, имъ уважаемаго, требовалъ инаго Пастыря отъ Духовенства Цареградскаго. Святитель Полоцкій и Мануилъ Смоленскій ([379]), врагъ Климентовъ, (въ 1156 году) съ великою честію приняли въ Кіевѣ сего новаго Митрополита, именемъ Константина, родомъ Грека; вмѣстѣ съ нимъ *благословили* Великаго Князя, *кляли память* Изяслава Мстиславича, и въ первомъ совѣтѣ уничтожили всѣ церковныя дѣйствія бывшаго Митрополита; наконецъ, разсудивъ основательнѣе, дозволили отправлять службу Іереямъ и Діаконамъ, коихъ посвятилъ Климентъ. Ревностный Нифонтъ не имѣлъ удовольствія видѣть свое полное торжество: онъ спѣшилъ встрѣтить Константина, но еще до его прибытія скончался въ Кіевѣ, названный славнымъ именемъ *поборника всей земли Русской* ([380]). Сей знаменитый мужъ, другъ Святослава Ольговича, имѣлъ и

Дѣла церковныя.

непріятелей, которые говорили, что онъ похитилъ богатство Софійскаго храма и думалъ съ онымъ уѣхать въ Константинополь: современный Лѣтописецъ Новогородскій опровергаетъ такую нелѣпую клевету, и хваля Нифонтовы добродѣтели, говоритъ: «мы только «за грѣхи свои лишились сладостнаго утѣшенія видѣть здѣсь гробъ его!» — Новогородцы, на мѣсто Нифонта, въ общемъ совѣтѣ избрали добродѣтельнаго Игумена Аркадія и еще непоставленнаго ввели въ домъ Епископскій: ибо избраніе главнаго духовнаго сановника зависѣло тамъ единственно отъ народа (381).

ГЛАВА XV.

Великій Князь Изяславъ Давидовичь Кіевскій.

Князь Андрей Суздальскій, прозванный Боголюбскимъ.

Г. 1157—1159.

Паденіе Великаго Княженія Кіевскаго. Новое сильное Княженіе Владимірское. Происшествія въ западной Россіи. Мятежный духъ Полочанъ. Раздоръ за Берладника. Безкорыстіе Святослава. Неблагодарность Изяславова. Бѣгство Великаго Князя. Странное завѣщаніе Митрополита. Моръ въ Новѣгородѣ.

Кіевляне, изъявивъ ненависть къ умершему Великому Князю, послали объявить г. 1157 врагу Георгіеву, Изяславу Давидовичу, чтобы онъ шелъ мирно властвовать въ столицѣ Россійской. Изяславъ при восклицаніяхъ довольнаго народа, въѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ въ Черниговѣ племянника 19 Маія. своего, Святослава Владиміровича, съ дружиною воинскою: ибо Князь Сѣверскій, хотя и миролюбивый, замышлялъ незапно овладѣть сею удѣльною столицею Ольговичей: его не впустили; но Изяславъ, же-

лая имѣть въ немъ благодарнаго союзника, добровольно отдалъ ему Черниговъ; а племянникъ ихъ, Святославъ Всеволодовичь, получилъ въ Удѣлъ Княженіе Сѣверское. Они заключили миръ на берегахъ Свини (гдѣ нынѣ Березна) въ присутствіи Мстислава, Владимірскаго Князя, который, одобривъ условія, спокойно возвратился въ Волынію (382).

Паденіе Велик. Княженія Кіевскаго.

Такимъ образомъ Изяславъ Давидовичь остался повелителемъ одной Кіевской области и нѣкоторыхъ городовъ Черниговской. Переяславль, Новгородъ, Смоленскъ, Туровъ, область Горынская и вся западная Россія имѣли тогда Государей особенныхъ, независимыхъ, и достоинство Великаго Князя, прежде соединенное съ могуществомъ, сдѣлалось однимъ пустымъ наименованіемъ. Кіевъ еще сохранялъ знаменитость, обязанный ею, кромѣ своего счастливаго положенія, торговлѣ, множеству избыточныхъ обитателей, богатству храмовъ, монастырей: скоро утратитъ онъ и сію выгоду, лишенный сильныхъ защитниковъ. Но въ то время, какъ *древняя* столица наша клонится къ совершенному паденію, возникаетъ *новая* подъ сѣнію Властителя, давно извѣстнаго мужествомъ и великодушіемъ.

Новое сильное Княже-

Еще при жизни Георгія Долгорукаго сынъ его, Андрей, въ 1155 году уѣхалъ

изъ Вышегорода (не предувѣдомивъ отца о семъ намѣреніи). Ѳеатръ алчнаго властолюбія, злодѣйствъ, грабительствъ, междоусобнаго кровопролитія, Россія южная, въ теченіе двухъ вѣковъ опустошаемая огнемъ и мечемъ, иноплеменниками и своими, казалась ему обителію скорби и предметомъ гнѣва Небеснаго. Недовольный, можетъ быть, правленіемъ Георгія, и съ горестію видя народную къ нему ненависть, Андрей, по совѣту шурьевъ своихъ, Кучковичей, удалился въ землю Суздальскую, менѣе образованную, но гораздо спокойнѣйшую другихъ ([383]). Тамъ онъ родился и былъ воспитанъ; тамъ народъ еще не изъявлялъ мятежнаго духа, не судилъ и не мѣнялъ Государей, но повиновался имъ усердно и сражался за нихъ мужественно. Сей Князь набожный, вмѣсто иныхъ сокровищъ взялъ съ собою Греческій образъ Маріи, украшенный, какъ говорятъ Лѣтописцы, пятнадцатью фунтами золота, кромѣ серебра, жемчугу и камней драгоцѣнныхъ; избралъ мѣсто на берегу Клязмы, въ прежнемъ своемъ Удѣлѣ: заложилъ каменный городъ Боголюбовъ, распространилъ основанный Мономахомъ Владиміръ, украсилъ зданіями каменными, *Златыми* и *Серебряными вратами*. Какъ нѣжный сынъ оплакавъ кончину родителя, онъ воздалъ ему послѣдній долгъ торжественными молитвами, строе-

ніе Владимірское.

ніемъ новыхъ церквей, Обителей въ честь умершему, или для спасенія его души; и между тѣмъ, какъ народъ Кіевскій злословилъ память Георгія, священный Клиросъ благословлялъ оную въ Владимірѣ. Суздаль, Ростовъ, дотолѣ управляемые Намѣстниками Долгорукаго ([384]), единодушно признали Андрея Государемъ. Любимый, уважаемый подданными, сей Князь, славнѣйшій добродѣтелями, могъ бы тогда же завоевать древнюю столицу; но хотѣлъ единственно тишины долговременной, благоустройства въ своемъ наслѣдственномъ Удѣлѣ; основалъ новое *Великое Княженіе Суздальское* или *Владимірское*, и приготовилъ Россію сѣверо-восточную быть, такъ сказать, истиннымъ сердцемъ Государства нашего, оставивъ полуденную въ жертву бѣдствіямъ и раздорамъ кровопролитнымъ.

Происшествія въ западной Россіи.

Борисъ Георгіевичь, княживъ при отцѣ въ Туровѣ, или добровольно выѣхалъ оттуда въ Суздальскую область или былъ изгнанъ Юріемъ Ярославичемъ, Святополковымъ внукомъ, который, происходя отъ старшей вѣтви Княжескаго Дому, имѣлъ право на самую область Кіевскую. Изяславъ, желая доставить Удѣлъ Владиміру Мстиславичу, соединился съ Князьями Волынскими, Галицкимъ, Смоленскимъ, и приступилъ къ Турову. Юрій искалъ мира, но мужественно оборонялся, и чрезъ 10

недѣль многочисленное войско осаждающихъ удалилось, потерявъ, большую часть коней своихъ отъ заразы (385).

Въ числѣ Изяславовыхъ союзниковъ находились и Полочане, которые едва ли уступали тогда Новогородцамъ въ своевольствѣ. Мы упоминали о несчастіи Князя Рогволода Борисовича, изгнаннаго ими безъ всякой основательной причины: Святославъ Черниговскій далъ ему вспомогательную дружину, и жители Друцка съ великою радостію приняли его, выславъ Глѣба Ростиславича, ограбивъ домъ, Бояръ, друзей сего послѣдняго (386). Отецъ Глѣбовъ, видя опасное волненіе и въ самомъ Полоцкѣ, старался задобрить гражданъ ласками, дарами, и взявъ съ нихъ новую присягу, осадилъ Друцкъ. Сильный отпоръ жителей заставилъ сего Князя искать мира: Рогволодъ далъ клятву жить съ нимъ въ братствѣ, и нарушилъ оную вмѣстѣ съ вѣроломными Полочанами, которые, думая загладить измѣну измѣною, послали сказать ему: «Князь добрый! мы виновны, «свергнувъ тебя съ престола, и разграбивъ «твое имѣніе: не помни зла, и возвратися «къ намъ: выдадимъ тебѣ Ростислава Глѣ«бовича.» Онъ согласился съ ними; но Ростиславъ, увѣдомленный объ ихъ замыслѣ, ходилъ вооруженный, носилъ латы подъ одеждою, и смѣлостію вселялъ боязнь въ

Мятежный духъ Полочанъ.

г. 1158.

злодѣевъ. Наконецъ они устыдились своей робости и звали Князя, жившаго за городомъ, въ собраніе народное, будто бы для дѣлъ государственныхъ. «Вчера я былъ у «васъ,» отвѣтствовалъ Ростиславъ: «для «чего же вы не говорили о дѣлахъ?» однакожь поѣхалъ въ городъ. Вѣрный Отрокъ Княжескій остановилъ его: ибо народъ уже снялъ съ себя личину, грозно вопилъ на Вѣчѣ и лилъ кровь Бояръ, преданныхъ Глѣбовичамъ. Ростиславъ, соединивъ дружину, удалился въ Минскъ къ брату Володарю; а Рогволодъ, подкрѣпленный силою Князя Смоленскаго, отнялъ Изяславль у Всеволода Глѣбовича и предписалъ миръ его брату: остался Княземъ Полоцкимъ, далъ Всеволоду Стрѣжевъ, Изяславль Брячиславу Васильковичу, и возстановилъ тишину кратковременную. Володарь, третій сынъ Глѣбовъ, воевалъ тогда съ Литвою: братья присягнули за него въ вѣрномъ исполненіи мирныхъ условій.

Раздоръ за Берладника.

Изяславъ Давидовичь не долго жилъ въ союзѣ съ Галицкимъ и Волынскими Князьями. Поводомъ къ сему разрыву служилъ знаменитый Воевода перваго, Іоаннъ Берладникъ. Князь Галицкій, ненавидя и боясь сего брата двоюроднаго, изгнаннаго Владимiркомъ, умѣлъ склонить на свою сторону не только Венгерскаго Короля съ Поляками, но и многихъ Князей Россiйскихъ,

желая, чтобы они вмѣстѣ съ нимъ убѣдили Изяслава выдать ему Іоанна [387]. Гнушаясь дѣломъ столь жестокимъ, Великій Князь отвѣчалъ ихъ Посламъ въ Кіевѣ, что онъ никогда на то не согласится. Іоаннъ же, безчеловѣчно гонимый, хотѣлъ мстить Ярославу Владимірковичу: ограбилъ нѣсколько богатыхъ судовъ на Дунаѣ, нанялъ 6000 Половцевъ и вступилъ въ Галицію; но скоро былъ оставленъ сими хищниками, ибо не дозволялъ имъ опустошать земли и щадилъ доброхотствующихъ ему жителей. Свѣдавъ, что Ярославъ вооружается, Великій Князь предложилъ Святославу Ольговичу тѣсный союзъ и два города, Мозырь и Чечерскъ. Тутъ Святославъ оказалъ безкорыстіе великодушное. «Признаюсь» — говорилъ онъ — «что я «досадовалъ, когда ты не отдалъ мнѣ всей «области Черниговской; но сердце мое не«навидитъ злобу между родными. Если «враги несправедливые угрожаютъ тебѣ «войною, то они будутъ и моими врагами. «Сохрани меня Богъ отъ мздоимства въ «такомъ случаѣ: не хочу никакихъ горо«довъ, и вооружаюсь [388].» Пировавъ три дни, они дали знать Князю Галицкому, что готовы соединенными силами отразить его нападеніе. Ярославъ успокоился; но Великій Князь вздумалъ самъ объявить ему войну за Іоанна Берладника: ибо многіе Галичане

Безкорыстіе Святослава.

звали сего Воеводу въ землю свою, увѣряя, что народъ толпами устремится подъ его знамена, и что сынъ Владимірковъ нелюбимъ гражданами. Святославъ Ольговичь не хотѣлъ итти; удерживалъ Великаго Князя; представлялъ ему, что Іоаннъ не сынъ, не братъ ихъ; но пылкій Изяславъ съ угрозами отвѣтствовалъ въ Васильковѣ Послу Черниговскому: «скажи брату, что онъ, «по возвращеніи моемъ изъ Галича, волею «и неволею можетъ отправиться назадъ въ «Новгородъ Сѣверскій!» Добродушный Святославъ съ горестію видѣлъ несправедливость своего родственника, желая ему добра и мира Государству. «Богу открыто смиреніе души моей,» сказалъ онъ Вельможамъ: «я не искалъ управы мечемъ, когда «Изяславъ, вмѣсто цѣлой области Черниговской, далъ мнѣ только семь городовъ, «опустошенныхъ Половцами и населенныхъ *псарями*. Онъ еще не доволенъ, и «за миролюбивый, благоразумный совѣтъ «грозится, вопреки святой клятвѣ, выгнать «меня изъ Чернигова! Но Провидѣніе караетъ вѣроломныхъ.» Оно въ самомъ дѣлѣ наказало брата его. Галицкій, соединясь съ Волынскими Князьями, Изяславичами и дядею ихъ, Владиміромъ Андреевичемъ, предупредилъ Великаго Князя и занялъ Бѣлгородъ. Изяславъ обступилъ ихъ съ войскомъ многочисленнымъ: однихъ

Неблагодарность Изяслава.

Половцевъ было у него слишкомъ 20,000. Указывая на сильные полки свои, онъ съ гордостію требовалъ, чтобы союзники вышли изъ города. Но Берендѣи и Торки измѣнили ему; начальники ихъ тайно велѣли сказать Мстиславу: «Князь! отъ насъ «все зависитъ. Если будешь намъ другомъ, «какъ отецъ твой, и дашь каждому по доб«рому городу, мы оставимъ Изяслава.» Они сдержали слово: въ глубокую полночь зажгли шатры свои, и съ грознымъ воплемъ ускакали въ городъ. Пробужденный ночною тревогою, Великій Князь сѣлъ на коня; увидѣлъ измѣну и бѣжалъ за Днѣпръ вмѣстѣ съ Владиміромъ Мстиславичемъ, его другомъ; Половцы также: многіе изъ нихъ утонули въ Роси; другихъ плѣнили Юрьевцы и Берендѣи. Бѣгство Велик. Князя.

Союзники вошли въ столицу, пославъ объявить Смоленскому Князю, Ростиславу, что они единственно для него завоевали престолъ Кіевскій, и будутъ ему послушны какъ старшему. Мстиславъ требовалъ только, чтобы низверженный Митрополитъ Климентъ снова управлялъ Церковію Россійскою: «ибо Константинъ (говорилъ «онъ) клялъ память отца моего.» Но Ростиславъ не хотѣлъ слышать о Климентѣ, избранномъ, по его мнѣнію, беззаконно. Наконецъ согласились, чтобы не быть Митрополитомъ ни тому, ни другому и при- Декабря 22.

звать новаго изъ Царяграда (389). Изгнанный Мстиславомъ, Константинъ уѣхалъ въ Черниговъ и скоро преставился, удививъ современниковъ и потомство странностію своего завѣщанія. Онъ вручилъ запечатанную духовную Святителю Черниговскому, Антонію, и требовалъ, чтобы сей Епископъ клятвенно обязался исполнить его послѣднюю волю. Антоній въ присутствіи Князя Святослава срѣзалъ печать, и съ изумленіемъ читалъ слѣдующее: «Не погре-«байте моего тѣла: да будетъ оно извле-«чено изъ града и повержено псамъ на «снѣденіе!» Епископъ не дерзнулъ нарушить клятвы; но Князь, страшась гнѣва Небеснаго, велѣлъ на третій день привезти тѣло Митрополита въ Черниговъ и съ честію предать землѣ въ Соборной церкви, подлѣ гроба Игоря Ярославича (390). Лѣтописцы разсказываютъ, что въ сіи три дни, ясные для Чернигова, была ужасная буря и молнія въ Кіевѣ; что однимъ громовымъ ударомъ убило тамъ семь человѣкъ, и вѣтеръ сорвалъ шатеръ Ростислава, стоявшаго тогда въ полѣ близъ Вышегорода; что сей Князь старался молитвами въ церквахъ умилостивить Небо, и что вдругъ настала тишина, когда совершилось погребеніе Митрополитова тѣла.

Странное завѣщаніе Митрополита

Въ Княженіе Изяслава Новгородъ вторично испыталъ бѣдствіе мора: не успѣ-

Моръ

вали хоронить ни людей, ни скота; отъ смрада безчисленныхъ труповъ не льзя было ходить по городу, ни въ окрестностяхъ ([391]). Лѣтописцы не говорятъ о происхожденіи, свойствѣ и наружныхъ знакахъ сей язвы, которая свирѣпствовала единственно въ Новѣгородѣ. въ Новѣгородѣ.

ГЛАВА XVI.

Великій Князь Ростиславъ-Михаилъ вторично въ Кіевѣ.

Андрей въ Владимірѣ Суздальскомъ.

Г. 1159—1167.

Злоба Изяславова. Союзъ Ростислава съ Святославомъ. Городъ Берладъ. Впаденіе Половцевъ. Андрей за Изяслава: властвуетъ въ Новѣгородѣ. Клевета на Ростислава. Ростиславъ изгнанъ. Смерть Изяслава. Берладникъ отравленъ ядомъ въ Греціи. Ссора и миръ Великаго Князя со Мстиславомъ. Удѣлы. Набѣгъ Ляховъ. Единовластіе Андрея. Изгнаніе братьевъ его въ Грецію. Кончина Святослава: ея слѣдствія. Вѣроломство Епископа. Безпокойства въ землѣ Полоцкой. Война съ Болгарами. Побѣда надъ Шведами. Россіяне бьютъ Половцевъ въ степяхъ. Кончина Великаго Князя. Его свойства. Союзы и браки. Дѣла церковныя.

г. 1159. Ростиславъ — оставивъ сыновей княжить, Святослава въ Новѣгородѣ, Давида въ Торжкѣ, Романа въ Смоленскѣ — былъ съ честію и радостію принятъ отъ всѣхъ
Апрѣля 12. жителей Кіевскихъ (392). Племянникъ его, Мстиславъ, возвратился въ юго-западную Россію съ богатою добычею, взявъ имѣніе

Изяславовыхъ Вельможъ, множество серебра, золота, рабовъ и всякаго скота.

Бывшій Великій Князь ушелъ въ Сожскую область, ему принадлежавшую, и съѣхался въ Гомьѣ, или нынѣшнемъ Гомелѣ, съ женою, которая въ слѣдъ за нимъ бѣжала изъ Кіева. Приписывая свое несчастіе брату Ольговичу, не хотѣвшему дать ему помощи, Изяславъ завоевалъ его область, землю Вятичей, плѣнилъ жителей одного мѣстечка, бывшаго собственностію или вѣномъ Княгини Черниговской, и тревожилъ города Курскіе. Тогда Святославъ, захвативъ имѣніе и семейства многихъ Бояръ сего злобнаго родственника, вступилъ въ союзъ съ Государемъ Кіевскимъ. Они съѣхались въ Моровскѣ, обѣдали другъ у друга, и богатыми дарами утвердили взаимную любовь между собою: Ростиславъ подарилъ Черниговскому Князю нѣсколько соболей, горностаевъ, черныхъ куницъ, песцовъ, волковъ бѣлыхъ и рыбьихъ зубовъ; а Святославъ Великому Князю парда и двухъ коней съ окованными сѣдлами (393).

Злоба Изяслава.

Союзъ Ростислава съ Святославомъ.

Сіи два Князя, бывъ отъ юности непріятелями, искренно клялися умереть друзьями, и согласились общими силами дѣйствовать противъ Изяслава. Надлежало прежде защитить южные предѣлы Государства отъ внѣшнихъ хищниковъ. Въ Молдавіи, между рѣками Прутомъ и Серетомъ, находился

Городъ Берладъ. тогда городъ многолюдный и крѣпкій, именемъ Берладъ (нынѣ мѣстечко), основанный близъ развалинъ древней Дакійской Зузидавы [394]: онъ былъ гнѣздомъ своевольныхъ бродягъ, людей разнаго племени и Закона, коихъ главное ремесло состояло въ грабежѣ по Черному морю и Дунаю. Шайки ихъ взяли Олешье (знаменитое торговое мѣсто при устьѣ Днѣпра, гдѣ складывались Греческіе товары, отправляемые въ Кіевъ): Воевода Великокняжескій, Георгій Несторовичь, настигъ сихъ разбойниковъ и выручилъ многихъ взятыхъ ими плѣнниковъ вмѣстѣ съ богатою добычею [395]. —

Впаденіе Половцевъ. Надлежало еще отразить набѣгъ Половцевъ: сынъ Святославовъ въ Черниговской области, а дружина Галицкая, Князья Волынскіе и Берендѣи на западномъ берегу Днѣпра побили и гнали ихъ до границы.

Сіи хищники явились съ другой стороны, нанятые Изяславомъ Давидовичемъ, который, не теряя времени, осадилъ съ ними Черниговъ, гдѣ Святославъ и племянникъ его, Князь Сѣверскій, едва успѣли изготовиться къ оборонѣ, требуя войска отъ Ростислава. Но Кіевляне и Берендѣи, вѣря искреннему союзу дяди, не вѣрили племяннику, зная его коварство: чтобы успокоить ихъ, Святославъ Всеволодовичь прислалъ сына въ залогъ къ Ростиславу, и полки Великокняжескіе спасли Черниговъ. Изя-

славъ, устрашенный силою оныхъ, бѣжалъ въ степи ([396]). Тамъ услышалъ онъ, что неосторожный Святославъ отпустилъ союзниковъ и самъ боленъ: чѣмъ желая воспользоваться, Изяславъ снова перешелъ за Десну съ Половцами. Князь Черниговскій дѣйствительно былъ нездоровъ; однакожь съ супругою и дѣтьми стоялъ въ полѣ, успѣлъ возвратить Кіевлянъ и мужественно отразилъ варваровъ. Союзники, гонясь за Изяславомъ, приступили къ Вырю, гдѣ оставалась его Княгиня съ казною. Тутъ Воевода Іоаннъ Берладникъ имѣлъ случай доказать ему свое усердіе: защитилъ городъ, и принудилъ осаждающихъ удалиться. Изяславъ отмстилъ имъ ужаснымъ разореніемъ Смоленской области: ибо наемники его, Половцы, плѣнили въ ней болѣе десяти тысячь людей безоружныхъ, кромѣ множества убитыхъ; но видя превосходство силъ на сторонѣ враговъ, онъ искалъ союзника въ могущественномъ Князѣ Суздальскомъ.

Андрей Георгіевичь, не заботясь о Россіи южной, желалъ господствовать въ сѣверной единовластно и присвоить себѣ древнюю столицу Рюрикову, то есть, выгнать оттуда сыновей Великаго Князя: Святослава Ростиславича изъ Новагорода, а Давида изъ Торжка. Недоброхотствуя отцу ихъ, Андрей вступился за Изяслава, и помолвилъ дочь

Андрей за Изяслава.

свою за его племянника, Святослава Владиміровича, осаждаемаго тогда Княземъ Черниговскимъ въ городѣ Вщижѣ [397]. Романъ и Рюрикъ, сыновья Великаго Князя, Владѣтель Сѣверскій съ братомъ, Полочане и дружина Галицкая были съ Святославомъ Ольговичемъ; но слыша, что сильное войско Андреево и Муромское идетъ отразить ихъ отъ Вщижа, союзники склонились къ миру, и Святославъ Черниговскій снялъ осаду, клятвенно обязавъ племянника чтить его какъ старшаго въ родѣ. — Андрей съѣхался съ Изяславомъ въ Волокѣ Ламскомъ, праздновалъ тамъ свадьбу дочери и послалъ сказать Новогородцамъ, что онъ намѣренъ искать ихъ Княженія, не любитъ кровопролитія, но готовъ воевать въ слу-
г. 1160. чаѣ сопротивленія. Чиновники объявили о томъ народу. Слава Андреева давно гремѣла въ Россіи: Новогородцы плѣнились мыслію повиноваться столь знаменитому Князю; однакожь, не имѣя причинъ жаловаться на своего, не вдругъ прибѣгнули къ средствамъ насилія: сперва сказали, что область Новогородская никогда не имѣла двухъ Князей, и что Давидъ долженъ оставить Торжекъ; когда же Святославъ Ростиславичь, угождая имъ, велѣлъ брату выѣхать оттуда въ Смоленскъ, они рѣшились, безъ дальнѣйшихъ околичностей, взять его подъ стражу. Увѣдомленный о

семъ намѣреніи, Святославъ не хотѣлъ вѣрить. «Вчера» (говорилъ онъ Боярамъ) «граждане любили меня; вчера я слышалъ «ихъ клятвы, видѣлъ общее усердіе.» Въ самое то время народъ вломился во дворецъ, неволею послалъ Князя въ Ладогу, заперъ его жену въ монастырь, разграбилъ казну, оковалъ дружину (398). Андрей отправилъ племянника, Мстислава, Намѣстникомъ въ Новгородъ; а Святославъ Ростиславичь ушелъ изъ Ладоги къ отцу, который, въ первую минуту гнѣва, велѣлъ заключить въ душную темницу всѣхъ купцевъ Новогородскихъ, бывшихъ въ Кіевѣ; но выпустилъ и разослалъ ихъ по городамъ, свѣдавъ съ прискорбіемъ, что нѣкоторые изъ нихъ скоропостижно умерли въ оной. Хотя Великій Князь досадовалъ на Андрея Суздальскаго, однакожь не думалъ мстить ему кровопролитіемъ и желалъ спокойствія.

Андрей властвуетъ въ Новѣгородѣ.

Къ несчастію, онъ не могъ удовлетворить своему искреннему миролюбію. Видя, что Андрей, довольный пріобрѣтеніемъ Новагорода, не расположенъ воевать съ Великимъ Княземъ, безпокойный Изяславъ снова обратился къ Половцамъ, и нашелъ единомышленника въ непостоянномъ Святославѣ Всеволодовичѣ; ихъ сторону взяли также нѣкоторые Бояре Кіевскіе и Черниговскіе, хотѣвшіе неустройства: ибо зло

общее бываетъ иногда частною выгодою. Святославъ Ольговичь послалъ сына своего, Олега, въ Кіевъ, гдѣ Великій Князь желалъ дружелюбно угостить его (399). Клеветники увѣрили сего юношу, что Ростиславъ тайно готовитъ ему темницу, и легкомысленный Олегъ, не сказавъ ни слова отцу, присталъ къ Изяславу Давидовичу и Князю Сѣверскому. Святославъ душевно оскорбился вѣроломствомъ сына и племянника въ разсужденіи Великаго Князя; но коварные его Вельможи старались очернить Ростислава. «Знай» (говорили они своему Князю) «что Духовникъ Ростиславича ѣздилъ изъ Смоленска къ Изяславу и предлагалъ ему Черниговъ: Государь Кіевскій «притворяется другомъ твоимъ, но помогаетъ тебѣ *лѣниво;* и до сего времени ты «не видалъ никакой пользы отъ его союза.» Обманутый клеветою, Черниговскій Князь взялъ сторону брата; однакожь самъ не хотѣлъ участвовать въ войнѣ. Изяславъ съ Союзниками ополчился; стоялъ двѣ недѣли подъ стѣнами Переяславля, убѣждая зятя своего, Глѣба Георгіевича, вооружиться противъ Великаго Князя; не успѣлъ въ томъ, и видя Ростислава готоваго къ битвѣ, удалился. Но вторичное его предпріятіе было счастливѣе: въ теченіе зимы усиленный множествомъ Половцевъ, онъ переправился за Днѣпръ выше Кіева и при-

Клевета на Ростислава.

г. 1161. Февраль 8.

ступилъ къ Подолу, огражденному высокимъ тыномъ (400). Тутъ началось сраженіе. Половцы во многихъ мѣстахъ разсѣкли ограду, ворвались въ улицы и зажгли домы. Окруженные пламенемъ, дымомъ и мечами варваровъ, Кіевляне съ Берендѣями въ ужасѣ бѣжали на гору къ Златымъ вратамъ каменной стѣны. Тогда Великій Князь, принявъ совѣтъ дружины, оставилъ Кіевъ, и заключился въ Бѣлѣгородѣ, ожидая скорой помощи. Ростиславъ изгнанъ.

Изяславъ вступилъ въ Кіевъ, освободилъ тамъ многихъ друзей своихъ, бывшихъ подъ стражею, и спѣшилъ осадить Бѣлгородъ. Великій Князь сжегъ деревянныя укрѣпленія или *острогъ*, и четыре недѣли оборонялся въ крѣпости. Напрасно Святославъ Черниговскій склонялъ брата къ общему миру, совѣтуя ему снять осаду, возвратиться за Днѣпръ и ждать всего отъ справедливости. Изяславъ отвѣтствовалъ его Посламъ: «Ежели уйду за Днѣпръ, то «союзники оставятъ меня. Чтожь будетъ «со мною? Въ степяхъ ли Половецкихъ «найду для себя область? Лучше умру здѣсь «отъ меча, нежели отъ голода на берегахъ «Сейма (401).» Онъ говорилъ смѣло, но дѣйствовалъ малодушно: ибо услышавъ, что Торки, Берендѣи, Печенѣги Росьскіе, Мстиславъ Волынскій и Галичане идутъ въ помощь къ Великому Князю, Изяславъ бѣ-

жалъ, и погибъ безъ мужественной обороны: непріятельскій всадникъ, именемъ Вышборъ, разсѣкъ ему саблею голову. Великій Князь и Мстиславъ нашли его плавающаго въ крови, и не могли удержаться отъ слезъ искренней горести. «Вотъ слѣд«ствіе твоей несправедливости!» сказалъ первый: «недовольный областію Черниговскою, недовольный самымъ Кіевомъ, ты «хотѣлъ отнять у меня и Бѣлгородъ!» Изяславъ не отвѣтствовалъ, но просилъ воды; ему дали вина — и сей несчастный Князь, взглянувъ дружелюбно на враговъ сострадательныхъ, скончался. Пишутъ, что онъ въ битвахъ обыкновенно носилъ власяницу брата своего, Николая Святоши, а въ сей день почему-то не хотѣлъ надѣть ее. Разбивъ Половцевъ, Олегову дружину, Черниговскую и Князя Сѣверскаго, взявъ ихъ обозы, побѣдители отослали въ Черниговъ тѣло Изяслава, искренно оплаканнаго братомъ Святославомъ и еще искреннѣе Іоанномъ Берладникомъ. Сей злополучный Галицкій Князь, утративъ въ Изяславѣ единственнаго своего покровителя, уѣхалъ въ Грецію и кончилъ горестную жизнь въ Ѳессалоникѣ, отравленный ядомъ, какъ думали современники. Великій Князь, не желая мстить ни Святославу Ольговичу, ни гораздо виновнѣйшему Сѣверскому Владѣтелю, нѣкогда имъ облаготворенному,

Марта 6. Смерть Изяслава.

Берладникъ отравленъ въ Греціи.

удовольствовался ихъ новою присягою, и нашелъ способъ дружелюбно раздѣлаться съ Андреемъ, который добровольно уступилъ ему Новгородъ, извѣдавъ безпокойную строптивость его жителей. Обузданные согласіемъ двухъ сильныхъ Государей, они молчали, и Святославъ Ростиславичь возвратился управлять ими (402).

Мирясь съ непріятелями, Ростиславъ оскорбилъ знаменитѣйшаго друга своего и племянника, Мстислава Волынскаго, который возвелъ его на престолъ и удержалъ на ономъ. Великій Князь отдалъ ему въ помѣстье Бѣлгородъ, Триполь, Торческъ, какъ будущему наслѣднику всей Кіевской области. Но пылкій Мстиславъ началъ, кажется, прежде времени господствовать въ оной самовластно, не хотѣлъ слушать выговоровъ дяди, и съ гнѣвомъ уѣхавъ въ Волынію (403), старался угрозами преклонить къ себѣ Владиміра Андреевича, княжившаго въ Пересопницѣ. Сей послѣдній отвѣчалъ ему: «Ты властенъ завоевать «мою область, и я готовъ скитаться въ «бѣдности съ дѣтьми своими по землямъ «чуждымъ; но буду всегда душею и сердцемъ за Ростислава.» Огорченный злобою племянника, Великій Князь отнялъ у него города Днѣпровскіе, но съ радостію возвратилъ ему оные, когда Мстиславъ одумался, и прибѣгнулъ къ дядѣ съ извине-

Ссора и миръ Велик. Князя со Мстиславомъ.

Вѣрность Княжеская.

Г. 1162-1163.

ніями. — Столь же великодушно поступалъ Великій Князь и съ другими, ближними и дальними родственниками. Меньшій его

Удѣлы. братъ, Владиміръ Мстиславичь, упорный союзникъ Изяслава Давидовича, самовольно властвовалъ въ Слуцкѣ: Ростиславъ принудилъ Владиміра выѣхать оттуда, но далъ ему пять городовъ Кіевскихъ; а внуку Вячеславову, именемъ Роману, два города въ Смоленской области, Васильевъ и Красный. Мы говорили о Туровскомъ Владѣтелѣ, Юріи Ярославичѣ, внукѣ Святополка-Михаила: отверженный отъ союза двухъ тогда господствующихъ Домовъ Княжескихъ, Мономахова и Черниговскаго, онъ держался единственно своимъ мужествомъ, и счастливо отразилъ приступъ соединенныхъ Князей Волынскихъ, хотѣвшихъ подобно Изяславу Давидовичу, изгнать его изъ Турова. Великій Князь, любя справедливость, заключилъ съ нимъ миръ. — Тишина внутренняя была тѣмъ нужнѣе, что внѣшніе непріятели, Ляхи, въ сіе время

Набѣгъ Ляховъ. безпокоили западную Россію и грабили въ окрестностяхъ Червена (404).

Андрей Георгіевичь, ревностно занимаясь благомъ Суздальскаго Княженія, оставался спокойнымъ зрителемъ отдаленныхъ происшествій. Имѣя не только доброе сердце, но и разумъ превосходный, онъ видѣлъ ясно причину государствен-

ныхъ бѣдствій, и хотѣлъ спасти отъ нихъ по крайней мѣрѣ свою область: то есть, отмѣнилъ несчастную Систему Удѣловъ, княжилъ единовластно, и не давалъ городовъ ни братьямъ, ни сыновьямъ. Можетъ быть, Бояре первыхъ осуждали его, ибо лишались выгоды участвовать въ правленіи Князей юныхъ, грабить землю и наживаться. Нѣкоторые думали также, что онъ незаконно властвуетъ въ Суздалѣ, ибо Георгій назначалъ сіе Княженіе для меньшихъ дѣтей; и что народъ, обязанный уважать волю покойнаго Государя, не могъ безъ вѣроломства избрать Андрея ([405]). Можетъ быть, и братья сего Князя, слѣдуя внушенію коварныхъ Бояръ, изъявляли негодованіе, и мыслили рано или поздно воспользоваться своимъ правомъ. Какъ бы то ни было, Андрей дотолѣ кроткій во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ, рѣшился для государственнаго спокойствія на дѣло несправедливое по мнѣнію нашихъ предковъ: онъ выгналъ братьевъ: Мстислава, Василька, Михаила; также двухъ племянниковъ (дѣтей умершаго Ростислава Георгіевича) и многихъ знатнѣйшихъ Вельможъ Долгорукаго, тайныхъ своихъ непріятелей. Мстиславъ и Василько Георгіевичи, вмѣстѣ съ ихъ вдовствующею родительницею, мачихою Андрея, удалились въ Константинополь, взявъ съ собою меньшаго брата,

Единовластіе Андрея.

Изгнаніе братьевъ его въ Грецію.

осьмилѣтняго Всеволода (столь знаменитаго въ послѣдствіи). Тамъ Императоръ Мануилъ принялъ изгнанниковъ съ честію и съ любовію; желалъ ихъ утѣшить благодѣяніями, и далъ Васильку, по извѣстію Россійскихъ и Греческихъ Лѣтописцевъ, область Дунайскую.

г. 1164-1166.

Кончина Святослава: ея слѣдствія.

Въ Россіи южной кончина Святослава Черниговскаго произвела несогласіе между сыномъ его и племянникомъ. Святославъ, достопамятный своею привязанностію къ несчастному брату Игорю и миролюбіемъ, оставилъ наслѣдникамъ великое богатство. Старшій его сынъ, Олегъ, находился въ отсутствіи. Черниговскій Епископъ Антоній и Вельможи собралися къ горестной овдовѣвшей Княгинѣ, и боясь хищнаго Владѣтеля Сѣверскаго, рѣшились таить смерть Святослава до Олегова возвращенія. Всѣ дали въ томъ клятву, и во первыхъ Епископъ, хотя Бояре говорили ему: «ну-«жно ли цѣловать крестъ Святителю? лю-«бовь твоя къ Дому Княжескому извѣстна.» Но Святитель, былъ Грекъ, по словамъ Лѣтописца: хитръ и коваренъ. Онъ въ тотъ же часъ написалъ къ Святославу Всеволодовичу, что дядя его скончался; что Олега и воинской дружины нѣтъ въ городѣ; что Княгиня съ меньшими дѣтьми въ изумленіи отъ горести, и что Святославъ найдетъ у нее сокровища несмѣтныя. Сей

Вѣроломство Епископа.

Князь немедленно отправилъ сына занять Гомель, а Бояръ своихъ въ другія Черниговскія области; и самъ хотѣлъ въѣхать въ столицу. Олегъ предупредилъ его; однакожь добровольно уступилъ ему Черниговъ, взявъ Новгородъ Сѣверскій. Святославъ клялся наградить братьевъ Олеговыхъ иными Удѣлами, и забывъ обѣтъ, присвоилъ себѣ одному города умершаго внучатнаго брата, сына Владимірова, Князя Вщижскаго. Съ обѣихъ сторонъ готовились къ войнѣ. Святославъ уже звалъ Половцевъ; но Великій Князь, будучи тестемъ Олеговымъ, примирилъ ссору и заставилъ Святослава уступить Олегу четыре города (406).

Ростиславъ не могъ успокоить однихъ Владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ. Глѣбовичи, нарушивъ миръ, нечаянно взяли Изяславль и заключили тамошнихъ Князей, Брячислава и Володшу Васильковичей, въ оковы. Рогволодъ Полоцкій, требуя защиты Государя Кіевскаго, осадилъ Минскъ, и стоявъ тамъ шесть недѣль, освободилъ Васильковичей мирнымъ договоромъ; а послѣ, желая отнять Городокъ у Володаря Глѣбовича, самъ утратилъ Полоцкъ, гдѣ народъ призналъ своимъ Владѣтелемъ его племянника двоюроднаго, Всеслава Васильковича. Сынъ Великаго Князя, Давидъ, господствуя въ Витебскѣ, долженъ былъ

Г. 1159-1166.

Безпокойства въ землѣ Полоцкой.

вступиться за Всеслава, изгнаннаго мятежнымъ Володаремъ, и снова ввелъ его въ Полоцкъ, къ удовольствію народа ([407]). Въ сихъ ничтожныхъ, однакожь кровопролитныхъ распряхъ Литовцы служили Кривскимъ Владѣтелямъ какъ ихъ подданные.

Давно Россіяне, притупляя мечи въ гибельномъ междоусобіи, не имѣли никакой знаменитой рати внѣшней: Андрей, нѣсколько лѣтъ наслаждавшись мирнымъ спокойствіемъ, вспомнилъ наконецъ воинскую славу юныхъ лѣтъ своихъ, и выступилъ въ поле, соединясь съ дружиною Князя Муромскаго, Юрія Ярославича. Оскорбленный сосѣдственными Болгарами, онъ разбилъ ихъ войско многочисленное, взялъ знамена, и прогналъ Князя. Возвратясь съ конницею на мѣсто битвы, гдѣ пѣхота Владимірская стояла вокругъ Греческаго образа Богоматери, привезеннаго изъ Вышегорода, Андрей палъ предъ святою иконою, слезами изъявилъ благодарность Небу, и желая сохранить память сей важной побѣды, уставилъ особенный праздникъ, донынѣ торжествуемый нашею Церковію. Россіяне завладѣли на Камѣ *славнымъ* Болгарскимъ городомъ Бряхимовымъ, и нѣсколько другихъ городовъ обратили въ пепелъ ([408]).

Война съ Болгарами.

Въ сіе же лѣто Новогородцы одержали побѣду надъ Шведами, которые, овладѣвъ

тогда Финляндіею, хотѣли завоевать Ладогу и пришли на судахъ къ устью Волхова. Жители сами выжгли загородные домы свои, ждали Князя, и подъ начальствомъ храбраго Посадника, Нѣжаты, оборонялись мужественно, такъ, что непріятель отступилъ къ рѣкѣ Вороной или Салмѣ (409). Въ пятый день приспѣлъ Святославъ съ Новогородскимъ Посадникомъ Захаріею, напалъ на Шведовъ и взялъ множество плѣнниковъ; изъ пятидесятипяти судовъ ихъ спаслись только двѣнадцать. Побѣда надъ Шведами.

Въ окрестностяхъ Днѣпра Половцы не преставали злодѣйствовать и грабить: чтобы унять ихъ, Ростиславъ призвалъ многихъ Князей съ дружинами. Казалось, что онъ хотѣлъ, подобно дѣду Мономаху, прославить себя важнымъ предпріятіемъ и надолго смирить варваровъ; но войско союзное пеклося единственно о безопасности судоходства по Днѣпру, и нѣсколько времени стоявъ у Канева, разошлося, когда флотъ купеческій благополучно прибылъ изъ Греціи. — За то Сѣверскій Князь и братъ Черниговскаго, при наступленіи зимы, отмѣнно жестокой, съ малочисленною дружиною дерзнули углубиться въ степи Половецкія; взяли станы двухъ Хановъ и возвратились съ добычею, серебромъ и золотомъ (410). Россіяне бьютъ Половцевъ въ степяхъ.

Ростиславъ, уже престарѣлый, всего болѣе заботился тогда о судьбѣ дѣтей своихъ: не смотря на слабое здоровье, онъ поѣхалъ въ область Новогородскую, чтобы утвердить Святослава на ея престолѣ. Угощенный зятемъ Олегомъ въ Чечерскѣ, Великій Князь имѣлъ удовольствіе видѣть искреннюю любовь Смолянъ, которыхъ Послы встрѣтили его верстъ за 300 отъ города. Сынъ Романъ, внуки, Епископъ Мануилъ, вмѣстѣ съ народомъ, привѣтствовали добраго старца: Вельможи, купцы, по древнему обыкновенію, сносили дары Государю. Утомленный путемъ, онъ не могъ ѣхать далѣе Великихъ Лукъ, и призвавъ туда знатнѣйшихъ Новогородцевъ, взялъ съ нихъ клятву забыть прежнія неудовольствія на сына его, никогда не искать инаго Князя, *разлучиться съ нимъ одною смертію* (411). Щедро одаренный ими и Святославомъ, успокоенный ихъ согласіемъ, Великій Князь возвратился въ Смоленскъ, гдѣ Рогнѣда, дочь Мстислава Великаго, видя изнеможеніе брата, совѣтовала ему остаться, чтобъ быть погребеннымъ въ церкви, имъ сооруженной. «Нѣтъ,» сказалъ Ростиславъ: «я хочу лежать въ Кіевской Обители Св. Ѳеодора, вмѣстѣ съ нашимъ отцемъ; а ежели Богъ исцѣлитъ «меня, то постригуся въ монастырѣ Ѳеодосіевомъ.» Онъ скончался на пути, тихимъ

Г. 1167, Марта 14. *Кончи-*

голосомъ читая молитву, смотря на икону Спасителя и проливая слезы Христіанскаго умиленія. на Великаго Князя.

Сей внукъ Момомаховъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ Государей, которые въ своемъ блестящемъ верховномъ санѣ находятъ болѣе тягости, нежели удовольствія. Его свойства. Онъ не искалъ Великаго Княженія, и дважды возведенный на престолъ онаго, искренно желалъ отказаться отъ власти. Любя Печерскаго Игумена, Поликарпа, Ростиславъ имѣлъ обыкновеніе всякую Субботу и Воскресенье Великаго поста обѣдать во дворцѣ съ симъ благочестивымъ мужемъ и съ двѣнадцатью братьями Ѳеодосіевой Обители; бесѣдовалъ о добродѣтеляхъ Христіанскихъ, и часто говорилъ имъ о намѣреніи удалиться отъ суетнаго міра, чтобы краткую, *мимотекущую* жизнь посвятить Небу въ безмолвіи монастырскомъ, особенно послѣ кончины Святослава Ольговича; но разумный Игуменъ всегда ему отвѣтствовалъ: «Князь! Небо требуетъ отъ тебя иныхъ подвиговъ; дѣлай «правду и блюди землю Русскую (412).» Нѣтъ сомнѣнія, что Государь истинно набожный скорѣе инаго можетъ быть отцемъ народа, если одаренъ свыше умомъ и твердостію. Ростиславъ не отличался великими свойствами отца и дѣда; но любилъ миръ,

тишину отечества, справедливость, и боялся запятнать себя кровію Россіянъ.

Сей Великій Князь былъ другомъ Императора Мануила, и помогалъ ему, какъ Государю единовѣрному, противъ Короля Венгерскаго, Стефана III. Мануилъ тогда же заключилъ союзъ и съ Галицкимъ Княземъ, Ярославомъ. Узнавъ о намѣреніи послѣдняго выдать дочь свою за Стефана, Императоръ писалъ къ нему, что сей Король есть извергъ вѣроломства, и что супруга такого человѣка безъ сомнѣнія будетъ несчастлива. Письмо имѣло дѣйствіе, и хотя Ярославъ, уже отправивъ невѣсту въ Венгрію, не могъ отмѣнить брака, однакожь взялъ сторону Грековъ. Стефанъ — кажется, досадуя на тестя — развелся съ молодою супругою и женился на дочери Австрійскаго Герцога. — Не смотря на союзъ съ Императоромъ, Галицкій Князь дружески принялъ врага Мануилова, Андроника Комнина, сына Исаакіева, бѣжавшаго изъ темницы Константинопольской, и далъ ему въ Удѣлъ нѣсколько городовъ ([413]). Андроникъ, какъ пишутъ Византійскіе Историки, всегда ѣздилъ на охоту съ Ярославомъ, присутствовалъ въ его Совѣтѣ Государственномъ, жилъ во дворцѣ, обѣдалъ за столомъ Княжескимъ, и собиралъ для себя войско. Изъявивъ неудовольствіе Ярославу, Мануилъ прислалъ

Союзы и бракъ.

Андроникъ живетъ въ Россіи.

наконецъ въ Галичь двухъ Митрополитовъ, которые уговорили Андроника возвратиться въ Царьградъ: Епископъ Галицкій, Козьма, и Бояре Ярославовы съ честію проводили его за границу. Сей изгнанникъ чрезъ нѣсколько лѣтъ достигъ сана Императорскаго: будучи признательнымъ другомъ Россіянъ, онъ подражалъ имъ во нравахъ: любилъ звѣриную ловлю, бѣганіе въ запуски, и низверженный съ престола, хотѣлъ вторично ѣхать въ наше отечество; но былъ пойманъ и замученъ въ Константинополѣ.

Ростиславъ въ 1160 году призвалъ изъ Греціи новаго Митрополита, Ѳеодора, умершаго чрезъ три года. Великій Князь, отдавая наконецъ справедливость достоинствамъ изгнаннаго Святителя, Климента, желалъ возвратить ему санъ Архипастыря нашей Церкви, и для того послалъ Вельможу, Юрія Тусемковича, въ Грецію; но сей Бояринъ встрѣтилъ въ Олешьѣ новаго Митрополита, Іоанна, поставленнаго въ Константинополѣ безъ согласія Великокняжескаго. Ростиславъ былъ весьма недоволенъ; однакожь, смягченный дружескимъ письмомъ Мануила и дарами, состоявшими въ бархатахъ и тканяхъ драгоцѣнныхъ, принялъ Греческаго Святителя, съ условіемъ, чтобы впредь Императоръ и Патріархъ не избирали Митрополитовъ Россіи безъ воли Дѣла Церковныя

ея Государей. — Исполняя требованіе честолюбивыхъ Новогородцевъ, Іоаннъ позволилъ ихъ Епископу, именемъ также Іоанну, мужу добродѣтельному, называться *Архіепископомъ* (414). Сей Митрополитъ, умершій не за-долго до кончины Великаго Князя, славился ученостію, и слыша о желаніи Папы, Александра III, знать особенные Догматы нашей Церкви, писалъ къ нему ласково, оправдывая уставы Восточной. Письмо его, истинное или подложное, напечатано на языкѣ Латинскомъ и достойно Пастыря Христіанскаго. «Не знаю» (говоритъ сочинитель), «какимъ образомъ произошли ереси въ «Вѣрѣ Божественной; не понимаю, какъ могутъ «Римляне именовать насъ лже-Христіанами. Мы «не слѣдуемъ такому примѣру, и считаемъ ихъ «своими братьями, хотя и видимъ, что они во «многомъ заблуждаются.» Предложивъ ученіе обѣихъ Церквей, и доказавъ согласіе нашего съ Апостольскимъ, добрый Митрополитъ убѣждаетъ Папу возстановить древнее единство Вѣры; кланяется ему отъ имени всего Духовенства, и желаетъ, чтобы любовь братская обитала въ сердцахъ Христіанъ (415).

ГЛАВА XVII.

Великій Князь Мстиславъ Изяславичь Кіевскій.

Андрей Суздальскій или Владимірскій.

Г. 1167—1169.

Вѣроломство Владиміра. Изгнаніе Святослава изъ Новагорода. Война съ Половцами. Рѣчь Мстислава. Клевета Бояръ. Ненависть Андрея ко Мстиславу. Взятіе и совершенное паденіе Кіева.

Сыновья Ростислава, братъ его Владиміръ, народъ Кіевскій и Черные Клобуки — исполняя извѣстную имъ послѣднюю волю умершаго Великаго Князя — звали на престолъ Мстислава Волынскаго. Сей Князь, задержанный какими-то особенными распоряженіями въ своемъ частномъ Удѣлѣ, поручилъ Кіевъ племяннику, Васильку Ярополковичу, прислалъ новаго Тіуна въ Кіевъ, и скоро узналъ отъ нихъ, что дядя его, братъ Ярославъ, Ростиславичи и Князь Дорогобужскій Владиміръ Андреевичь, заключивъ тѣсный союзъ, думаютъ самовольно располагать областями: хотятъ присвоить себѣ Брестъ, Торческъ и другіе го- Г. 1167.

рода (416). Мстиславъ оскорбился; призвалъ Галичанъ, Ляховъ, и выступилъ къ Днѣпру съ сильною ратію. Усердно любивъ отца, Кіевляне любили и сына, знаменитаго дѣлами воинскими; народъ ожидалъ Мстислава съ нетерпѣніемъ, встрѣтилъ съ радостію, и Князья смирились. Только Владиміръ Мстиславичь, малодушный и вѣроломный, дерзнулъ обороняться въ Вышегородѣ (417): Великій Князь могъ бы наказать мятежника; но желая тишины, уступилъ ему Котелницу, и чрезъ нѣсколько дней свѣдалъ о новыхъ злыхъ умыслахъ сего дяди. Владиміръ хотѣлъ оправдаться. Свиданіе ихъ было въ Обители Печерской. «Еще *не обсохли* уста твои, которыми ты «цѣловалъ крестъ въ знакъ искренняго «дружества!» говорилъ Мстиславъ, и требовалъ вторичной присяги отъ Владиміра. Давъ оную, безсовѣстный дядя за тайну объявилъ Боярамъ своимъ, что Берендѣи готовы служить ему и свергнуть Мстислава съ престола. Вельможи устыдились повиноваться клятвопреступнику. «И такъ От«роки будутъ моими Боярами!» сказалъ онъ и пріѣхалъ къ Берендѣямъ, подобно ему вѣроломнымъ: ибо сіи варвары, бывъ дѣйствительно съ нимъ въ согласіи, но видя его оставленнаго и Князьями и Боярами, пустили въ грудь ему двѣ стрѣлы. Владиміръ едва могъ спастися бѣгствомъ.

Вѣроломство Владиміра.

Гнушаясь самъ собою, отверженный двоюродны̆мъ братомъ, Княземъ Дорогобужскимъ, и боясь справедливой мести племянника, сей несчастный обратился къ Андрею Суздальскому, который принялъ его, но не хотѣлъ видѣть; обѣщалъ ему Удѣлъ, и велѣлъ жить въ области Глѣба Рязанскаго. Мать Владимірова оставалась въ Кіевѣ: Мстиславъ сказалъ ей: «ты свободна: иди «куда хочешь; но могу ли быть съ тобою «въ одномъ мѣстѣ, когда сынъ твой ищетъ «головы моей и смѣется надъ святостію «крестныхъ обѣтовъ?»

Андрей тогда же принялъ къ себѣ и другаго изгнанника, Святослава Ростиславича. Новогородцы — думая, что смерть отца Святославова разрѣшила ихъ клятву — въ тайныхъ ночныхъ собраніяхъ умыслили изгнать своего Князя. Свѣдавъ заговоръ, Святославъ уѣхалъ въ Великія Луки, и велѣлъ объявить Новогородцамъ, что не хочетъ княжить у нихъ. «А мы не хотимъ «имѣть тебя Княземъ,» отвѣтствовали граждане, клялися въ томъ иконою Богоматери, и выгнали его изъ Лукъ. Святославъ бѣжалъ въ Суздальскую область, и съ помощію Андрея обративъ въ пепелъ Торжекъ, грабилъ окрестности. Съ другой стороны Князь Смоленскій, отмщая за брата, выжегъ Луки (418). Бѣдные жители стремились толпами въ Новгородъ, требуя Изгнаніе Святослава изъ Новагорода.

рода ([416]). Мстиславъ оскорбился; призвалъ Галичанъ, Ляховъ, и выступилъ къ Днѣпру съ сильною ратію. Усердно любивъ отца, Кіевляне любили и сына, знаменитаго дѣлами воинскими; народъ ожидалъ Мстислава съ нетерпѣніемъ, встрѣтилъ съ радостію, и Князья смирились. Только Владиміръ Мстиславичь, малодушный и вѣроломный, дерзнулъ обороняться въ Вышегородѣ ([417]): Великій Князь могъ бы наказать мятежника; но желая тишины, уступилъ ему Котелницу, и чрезъ нѣсколько дней свѣдалъ о новыхъ злыхъ умыслахъ сего дяди. Владиміръ хотѣлъ оправдаться. Свиданіе ихъ было въ Обители Печерской. «Еще *не обсохли* уста твои, которыми ты «цѣловалъ крестъ въ знакъ искренняго «дружества!» говорилъ Мстиславъ, и требовалъ вторичной присяги отъ Владиміра. Давъ оную, безсовѣстный дядя за тайну объявилъ Боярамъ своимъ, что Берендѣи готовы служить ему и свергнуть Мстислава съ престола. Вельможи устыдились повиноваться клятвопреступнику. «И такъ От«роки будутъ моими Боярами!» сказалъ онъ и пріѣхалъ къ Берендѣямъ, подобно ему вѣроломнымъ: ибо сіи варвары, бывъ дѣйствительно съ нимъ въ согласіи, но видя его оставленнаго и Князьями и Боярами, пустили въ грудь ему двѣ стрѣлы. Владиміръ едва могъ спастися бѣгствомъ.

Вѣроломство Владиміра.

Гнушаясь самъ собою, отверженный двоюроднымъ братомъ, Княземъ Дорогобужскимъ, и боясь справедливой мести племянника, сей несчастный обратился къ Андрею Суздальскому, который принялъ его, но не хотѣлъ видѣть; обѣщалъ ему Удѣлъ, и велѣлъ жить въ области Глѣба Рязанскаго. Мать Владимірова оставалась въ Кіевѣ: Мстиславъ сказалъ ей: «ты свободна: иди «куда хочешь; но могу ли быть съ тобою «въ одномъ мѣстѣ, когда сынъ твой ищетъ «головы моей и смѣется надъ святостію «крестныхъ обѣтовъ?»

Андрей тогда же принялъ къ себѣ и другаго изгнанника, Святослава Ростиславича. Новогородцы — думая, что смерть отца Святославова разрѣшила ихъ клятву — въ тайныхъ ночныхъ собраніяхъ умыслили изгнать своего Князя. Свѣдавъ заговоръ, Святославъ уѣхалъ въ Великія Луки, и велѣлъ объявить Новогородцамъ, что не хочетъ княжить у нихъ. «А мы не хотимъ «имѣть тебя Княземъ,» отвѣтствовали граждане, клялися въ томъ иконою Богоматери, и выгнали его изъ Лукъ. Святославъ бѣжалъ въ Суздальскую область, и съ помощію Андрея обративъ въ пепелъ Торжекъ, грабилъ окрестности. Съ другой стороны Князь Смоленскій, отмщая за брата, выжегъ Луки (418). Бѣдные жители стремились толпами въ Новгородъ, требуя

Изгнаніе Святослава изъ Новагорода.

защиты. Могущественный Андрей, дѣйствуя согласно съ Романомъ Смоленскимъ и Всеславомъ Полоцкимъ, хотѣлъ, чтобы Новогородцы смирились предъ Святославомъ. «Вамъ не будетъ новаго Князя,» говорилъ онъ съ угрозами. Но упрямый народъ презиралъ оныя; убилъ Посадника и двухъ иныхъ друзей Святославовыхъ; готовился къ оборонѣ, и просилъ сына у Великаго Князя Мстислава, обѣщаясь умереть за него и за вольность. Едва Послы Новогородскіе могли проѣхать въ Кіевъ: ибо на всѣхъ дорогахъ стерегли ихъ и ловили какъ злодѣевъ. Между тѣмъ въ Новѣгородѣ начальствовалъ умный Посадникъ Якунъ и заставилъ Святослава удалиться отъ Русы: сей Князь, имѣвъ сильное войско союзное, не дерзнулъ вступить въ битву, довольный разореніемъ многихъ селеній, и чрезъ два года умеръ, хвалимый въ лѣтописяхъ за его добродѣтель, безкорыстіе и любовь къ дружинѣ.

Г. 1168. Война съ Половцами. Нѣсколько мѣсяцевъ Новгородъ сиротствовалъ безъ Князя, съ нетерпѣніемъ ожидая его изъ Кіева. Въ сіе время Мстиславъ былъ занятъ воинскимъ предпріятіемъ. Въ торжественномъ собраніи всѣхъ Князей союзныхъ онъ сказалъ имъ: «Зем-

Рѣчь Мстислава. «ля Русская, наше отечество, стенаетъ отъ «Половцевъ, которые не премѣнили доны-«нѣ ихъ древняго обычая: всегда клянутся

«быть намъ друзьями, берутъ дары, но плѣ-«няютъ Христіанъ, и множество невольни-«ковъ отводятъ въ свои вежи. Нѣтъ безо-«пасности для купеческихъ судовъ нашихъ, «ходящихъ по Днѣпру съ богатымъ гру-«зомъ. Варвары думаютъ совершенно овла-«дѣть торговымъ *путемъ Греческимъ* [419]. «Время прибѣгнуть къ средствамъ дѣйстви-«тельнымъ и сильнымъ. Друзья и братья! «оставимъ междоусобіе; воззримъ на Небо, «обнажимъ мечь, и призвавъ имя Божіе, «ударимъ на враговъ. Славно, братья, «искать чести въ полѣ и слѣдовъ проло-«женныхъ тамъ нашими отцами и дѣдами!» Всѣ единодушно изъявили согласіе уме-реть за Русскую землю, и каждый привелъ свою дружину: Святославъ Черниговскій, Олегъ Сѣверскій, Ростиславичи, Глѣбъ Пе-реяславскій, Михаилъ братъ его, Князья Туровскій и Волынскіе. Бояре радовались согласію Государей, и народъ благослов-лялъ ихъ ревность быть защитниками оте-чества. Девять дней шло войско степя-ми [420]: Половцы услышали, и бѣжали 2 М та, отъ Днѣпра, бросая женъ и дѣтей. Князья, оставивъ назади обозъ, гнались за ними, разбили ихъ, взяли многія вежи на бере-гахъ Орели, освободили Россійскихъ не-вольниковъ и возвратились съ добычею, съ табунами и плѣнниками, потерявъ не бо-лѣе трехъ человѣкъ. Сію добычу, слѣдуя

древнему обыкновенію, раздѣлили между собою Князья, Бояре и воины. Народъ веселился и торжествовалъ побѣду въ день Пасхи. Скоро, къ общему удовольствію, прибылъ благополучно и богатый купеческій флотъ изъ Греціи: Князья ходили съ войскомъ на встрѣчу къ оному, чтобы защитить купцевъ отъ нападенія Половцевъ, еще не совсѣмъ усмиренныхъ.

Ни Мстиславъ, пируя тогда съ союзниками подъ Каневымъ (421), ни Кіевляне, радуясь побѣдѣ и товарамъ Греческимъ, не предвидѣли близкаго несчастія. Одна изъ причинъ онаго была весьма маловажна: Князья жаловались на Мстислава, что онъ, будучи съ ними на берегахъ Орели, тайно посылалъ ночью дружину свою въ слѣдъ за бѣгущими врагами, чтобы не дѣлиться ни съ кѣмъ добычею. Два Боярина, удаленные Великимъ Княземъ отъ Двора за гнусное воровство, старались также поссорить братьевъ, увѣряя Давида и Рюрика, что Мстиславъ намѣренъ заключить ихъ въ темницу (422). Легковѣріе свойственно нравамъ грубымъ. Бояре Кіевскіе, знавшіе чистосердечіе Государя своего, и собственная его присяга, по тогдашнему обычаю, доказали неосновательность злословія; но Ростиславичи остались въ подозрѣніи, и не согласились выдать клеветниковъ брату, говоря: «кто жь захочетъ впредь осте-

Клевета Бояръ.

«регать насъ?» Въ то же время дядя Мстислава, Владимиръ Андреевичь, несправедливо требуя отъ него новыхъ городовъ, сдѣлался ему врагомъ и съ негодованіемъ уѣхалъ въ Дорогобужъ. Такимъ образомъ Великій Князь лишился друзей и сподвижниковъ, столь нужныхъ въ опасности.

Но главною виною паденія его было то, что онъ исполнилъ желаніе Новогородцевъ, и долго медливъ, послалъ наконецъ сына, именемъ Романа, управлять ими. Сей юный Князь взялся быть ихъ мстителемъ; разорилъ часть Полоцкой области, сжегъ Смоленскій городокъ Торопецъ, плѣнилъ многихъ людей. Андрей Суздальскій вступился за союзниковъ, и не могъ простить Мстиславу, что онъ, какъ бы въ досаду ему, объявилъ себя покровителемъ Новогородцевъ. Можетъ быть, Андрей съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ случай уничтожить первенство Кіева и сдѣлаться Главою Князей Россійскихъ: по крайней мѣрѣ оставивъ на время въ покоѣ Новгородъ, онъ думалъ только о средствахъ низвергнуть Мстислава, издавна имъ нелюбимаго; тайно согласился съ Ростиславичами, съ Владиміромъ Дорогобужскимъ, Олегомъ Сѣверскимъ, Глѣбомъ Переяславскимъ и съ Полоцкимъ Княземъ; взялъ дружину у Владѣтелей Рязанскаго и Муромскаго, ему покорныхъ; собралъ многочисленную рать;

Ненависть Андрея ко Мстиславу.

поручилъ ее сыну Мстиславу и Воеводѣ Борису Жидиславичу; велѣлъ имъ итти къ Вышегороду, гдѣ княжилъ тогда Давидъ Ростиславичь и гдѣ надлежало соединиться
г. 1169. всѣмъ союзникамъ. Сіе грозное ополченіе *одиннадцати* Князей (въ числѣ коихъ былъ и юный Всеволодъ Георгіевичь, пріѣхавшій изъ Царяграда) шло съ разныхъ сторонъ къ Днѣпру (423); а неосторожный Мстиславъ ничего не видалъ, и въ то же время послалъ вѣрнаго ему Михаила Георгіевича, Андреева брата, съ отрядомъ Черныхъ Клобуковъ къ Новугороду (424): Ростиславичи схватили сего Князя на пути вмѣстѣ съ купцами Новогородскими. Мстиславъ едва успѣлъ призвать Берендѣевъ и Торковъ, когда непріятели стояли уже подъ стѣнами города; два дни оборонялся мужественно: въ третій союзники взяли Кіевъ *приступомъ:* чего не бывало дотолѣ.
Марта 8. Взятіе и совершенное паденіе Кіева. Сія, по слову древняго Олега, *мать* городовъ Россійскихъ, нѣсколько разъ осаждаемая и тѣснимая, отворяла иногда Златыя врата свои непріятелямъ; но никто не входилъ въ нихъ *силою*. Побѣдители, къ стыду своему, забыли, что они Россіяне: въ теченіе трехъ дней грабили, не только жителей и домы, но и монастыри, церкви, богатый храмъ Софійскій и Десятинный; похитили иконы драгоцѣнныя, ризы, книги, самые колокола — и добродушный Лѣ-

тописецъ, желая извинить грабителей, сказываетъ намъ, что Кіевляне были тѣмъ наказаны за грѣхи ихъ, и за нѣкоторыя ложныя церковныя ученія тогдашняго Митрополита Константина! . . . Мстиславъ ушелъ съ братомъ Ярославомъ въ Волынію, оставивъ жену, сына, Бояръ плѣнниками въ рукахъ непріятельскихъ (425), и едва не былъ на пути застрѣленъ измѣнниками, Черными Клобуками.

Андрей отдалъ Кіевъ брату своему Глѣбу; но сей городъ навсегда утратилъ право называться столицею отечества. Глѣбъ и преемники его уже зависѣли отъ Андрея, который съ того времени сдѣлался истиннымъ *Великимъ Княземъ Россіи*; и такимъ образомъ городъ Владиміръ, новый и еще бѣдный въ сравненіи съ древнею столицею, заступилъ ея мѣсто, обязанный своею знаменитостію нелюбви Андреевой къ южной Россіи.

КОНЕЦЪ II ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ II.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛКЪ.

Г. 1015—1019.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ ИЛИ ГЕОРГІЙ.

Г. 1019—1054.

ГЛАВА V.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ.

Г. 1078—1093.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛКЪ-МИХАИЛЪ.

Г. 1093—1112.

ГЛАВА XI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИГОРЬ ОЛЬГОВИЧЬ.

ГЛАВА XII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЬ.

Г. 1146—1154.

ГЛАВА XIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВЪ-МИХАИЛЪ МСТИСЛАВИЧЬ.

Г. 1154—1155.

ГЛАВА XIV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ ИЛИ ЮРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ ДОЛГОРУКІЙ.

Г. 1155—1157.

ГЛАВА XV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВЪ ДАВИДОВИЧЬ КІЕВСКІЙ. КНЯЗЬ АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКІЙ, ПРОЗВАННЫЙ БОГОЛЮБСКИМЪ.

Г. 1157—1159.

ГЛАВА XVI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВЪ-МИХАИЛЪ ВТОРИЧНО ВЪ КІЕВѢ. АНДРЕЙ ВЪ ВЛАДИМІРѢ СУЗДАЛЬСКОМЪ.

Г. 1159—1167.

